Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Международная научно-практическая конференция
(17 ноября 2022 г.)

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2023

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2023
ISBN 978-5-9694-1421-1

УДК 343.1
ББК 67.411
У26

Рецензенты:
заместитель начальника 2-го отдела (правового сопровождения деятельности подразделений собственной безопасности) Информационно-аналитического управления ГУСБ МВД России кандидат юридических наук **И. Б. Григорьев**; заместитель начальника отделения дознания отдела полиции «Марьинский» ОМВД России по району Марьино г. Москвы кандидат юридических наук **А. В. Соболев**

Составитель *П. О. Панфилов*

У26 **Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития** : Международная научно-практическая конференция, 17 ноября 2022 г. : сборник научных трудов / [сост. П. О. Панфилов]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. – 332 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-1421-1

Сборник научных трудов «Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития» подготовлен по итогам проведения Международной научно-практической конференции, посвященной теоретическим основам, нормативному правовому регулированию и практике производства следственных действий.

В сборнике отражены вопросы уголовно-процессуального познания, его форм, средств, направленности, правовые основы судебного контроля и прокурорского надзора за производством следственных действий, отдельные аспекты применения информационных технологий при производстве следственных действий, сложности при изъятии и использовании электронных носителей информации и другие актуальные вопросы досудебного и судебного производства в Российской Федерации и зарубежных государствах.

Сборник предназначен для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, ученых, преподавателей и студентов юридических образовательных учреждений, а также для сотрудников правоохранительных органов и судей, непосредственно применяющих нормы уголовно-процессуального законодательства. Высказанные участниками предложения по совершенствованию УПК РФ могут быть учтены и в законотворческой деятельности.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб; Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор *Жукова О. И.*
Компьютерная верстка *Жукова О. И.*

Подписано к изданию 21.02.2023
Объем издания: 3,54 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1421-1

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
https://мосу.мвд.рф, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 10

Раздел I. Следственные действия: теоретические основы, нормативное правовое регулирование и практика производства

Алонцева Е. Ю., Астафьев В. М.
Особенности производства следственных действий в отношении несовершеннолетних 12

Виноградова О. П.
Особенности тактики производства вербальных следственных действий при расследовании хищений, совершенных с использованием интернет-технологий 16

Григорьев Д. А., Басина А. С.
О некоторых вопросах производства следственных действий при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности 21

Жамкова О. Е., Михеева О. С.
Капитан судна как субъект производства процессуальных и следственных действий 24

Ильяшевич Т. А., Тимков И. И.
Применение информационных технологий при производстве следственных действий: проблемы изъятия и использования электронных носителей информации 28

Кардашевская М. В., Кардашевский В. В.
Особенности допроса несовершеннолетних потерпевших 32

Лаврова О. Н., Алехин О. Е.
Особенности проведения следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи *36*

Маламагамедова А. Р.
Проведение допроса с использованием систем видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования 39

Мичурина О. В., Духвалова И. Г.
Дистанционное производство следственных действий с подозреваемым или обвиняемым, когда место его нахождения известно, однако реальная возможность участия в уголовном деле отсутствует 43

Неупокоева И. А., Шеховцова Л. С.
Привлечение иных участников уголовного судопроизводства к допросу несовершеннолетних свидетелей 48

Плетникова М. С., Плетников В. С.
Использование видео-конференц-связи при производстве отдельных следственных действий на этапе предварительного расследования: особенности формирования юридической конструкции и ее проблемы 52

Подустова О. Л., Лисова А. В.
Перспективы использования искусственного интеллекта
при производстве следственных действий 56

Посельская Л. Н.
Особенности производства допроса должностных лиц,
совершающих преступления в сфере
экономической деятельности с использованием цифровых технологий 60

Семенкова Е. В., Чернобай И. А.
Проблемы применения видео-конференц-связи при производстве
отдельных следственных действий 65

Сиротинин Д. А.
К вопросу производства опознания с использованием
систем видео-конференц-связи 70

Смирнов М. В., Клементьева Е. С.
Нравственно-правовые аспекты освидетельствования при производстве
предварительного расследования 74

Соколова М. В., Денисович В. А.
Особенности проведения опознания путем использования
систем видео-конференц-связи 79

Теткин Д. В., Пудовкин А. А.
Проблемные вопросы применения видео-конференц-связи
при производстве дознания 82

Федюкина А. Ю.
Вопросы эффективности и правомерности
использования систем видео-конференц-связи
при производстве следственных действий 86

Химичев М. В.
Наделение процессуальными правами лиц, участвующих
в следственных действиях 91

Храмцова В. В.
Актуальные проблемы производства
следственных действий с использованием видео-конференц-связи 95

Чинь Суан Чыонг
Специальные следственные действия в уголовно-процессуальном
законодательстве Вьетнама 100

Шараева Я. А.
Применение видеосъемки при допросе несовершеннолетнего
подозреваемого (обвиняемого) 103

**Раздел II. Актуальные проблемы
досудебного и судебного производства по уголовному делу**

Архипова И. А.
Особенности механизма следообразования
при торговле людьми 105

До Лыонг Тхьен
Принцип состязательности сторон
в уголовно-процессуальномправе Вьетнама 108

Емельянова Н. Ю.
Функции в уголовном судопроизводстве 111

Ендольцева Ю. В.
Проблемные вопросы обеспечения частных
и публичных интересов при реализации института
прекращения уголовного дела 114

Ермаков С. В.
Возбуждение уголовного дела по признакам преступления,
предусмотренного ст. 173.1 УК РФ «Незаконное образование
(создание, реорганизация) юридического лица» 119

Есина А. С., Чиковани М. А.
О расширении прав следователя в части установления
разумного срока для выполнения процессуальной
процедуры в порядке ст. 217 УПК РФ 125

Ле Дык Минь
Международное сотрудничество следственных органов
Вьетнама в области предупреждения и борьбы с торговлей людьми 129

Мамонтова Д. О., Мамонтов В. А.
Правовая помощь по уголовным делам:
международно-правовые аспекты реализации
процессуальных интересов..... 132

Миронова А. В.
Профилактическая деятельность следователя (дознавателя)
в ходе производства предварительного расследования 137

Нгуен Вьет Хонг
Задержание в уголовно-процессуальном праве Вьетнама 142

Нгуен Дык Фук
Требования судебной реформы по повышению качества
рассмотрения судьями уголовных дел во Вьетнаме..... 146

Нгуен Тхи Нгок Иен
Участие следователя в судебном производстве
по уголовному делу в соответствии с УПК Вьетнама..... 150

Нгуен Тхи Тхуи
Право на защиту в системе
уголовно-процессуального права Вьетнама 154

Рудин А. В., Пашинина Я. С.
Особенности участия адвоката как защитника в уголовном процессе..... 157

Соломатина А. Г.
К вопросу о правовом регулировании применения
технологий в уголовном судопроизводстве 163

Сопнева Е. В.
Направленность познания подозрения.....166

Сычев П. Г.
Законодательные новации производства по делам о преступлениях
в сфере экономической и предпринимательской деятельности:
политика Doing Business продолжается.....172

Фадеев П. В.
Комплексный подход к формированию общих условий
предварительного расследования.....179

Чан Нгок Минь, Нгуен Тхи Льен Хыонг
Функция обвинения в уголовном процессе Вьетнама.....183

Чан Тхи Ким Хуен, Хоанг Ань Туан
Возбуждение уголовного дела по заявлению
потерпевшего по УПК Вьетнама.....*186*

Шагунова В. М.
Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам
о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности.....189

Яснов М. А.
Предотвращение уклонения подозреваемого (обвиняемого) от участия
в уголовном процессе (процессуальные и организационные аспекты).....195

**Раздел III. Трибуна молодого ученого:
научные доклады адъюнктов и аспирантов**

Абрамочкина Е. М.
Проблемные вопросы обеспечения в уголовном
судопроизводстве права на тайну, гарантированного
п. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации.....201

Барабанова А. А.
Правовые основы и некоторые особенности проведения
опроса с использованием систем видео-конференц-связи
на стадии предварительного расследования.....206

Буй Тхиен Тхыонг
Взаимодействие следователя с прокурором при применении
мер пресечения (сравнительно-правовой анализ
законодательства России и Вьетнама).....210

Воронина Н. А.
Право потерпевшего на доступ к правосудию:
вопросы реализации в ходе доказывания по уголовным делам.....214

Горбатых И. М.
К вопросу о процессуальном порядке избрания меры
пресечения в виде домашнего ареста.....217

Давыдовская М. В.
О конституционном ограничении обязанности
свидетельствовать при производстве следственных действий.....221

Демичева Т. С.
Перспективы использования беспилотных летательных аппаратов в ходе осмотра места происшествия 225

Денисова М. Д.
Наложение ареста на имущество: следственное действие или мера процессуального принуждения? 229

Ендольцева А. А.
Вопросы регламентации судебной деятельности, предшествующей рассмотрению обращений, поступивших в суд на этапе досудебного производства по уголовному делу 233

Жусипбекова А. М.
Субъекты исследования доказательств в досудебном производстве по уголовному делу 237

Каримов Б. А.
Проблемы уголовно-процессуального регулирования изъятия и осмотра носителей цифровой информации 241

Коновалова Е. А.
Особенности проведения отдельных следственных действий по уголовным делам о преступлениях, совершенных организованными группами 246

Сиворакша В. В.
Об актуальных проблемах продления процессуальных сроков в досудебном уголовном производстве 251

Степаков Д. А.
Оценка свидетельских показаний сотрудников органов внутренних дел 255

Фарафонова О. А.
Обеспечение прав участников при проведении предъявления для опознания посредством видео-конференц-связи 261

Яковлева К. Ю.
Некоторые вопросы соотношения проверки и оценки доказательств, содержащих электронную информацию 265

Ярмизин М. В.
Доказывание при окончании предварительного расследования путем прекращения уголовного дела 268

Раздел IV. Первые шаги в науке: научные доклады курсантов, студентов и слушателей

Багомедова А. З.
Уголовно-процессуальное познание на этапе прекращения уголовного дела или уголовного преследования 273

Борисова Е. С.
Жилище как место производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий 279

Васеха М. С.
Использование видео-конференц-связи при допросе
на стадии предварительного расследования 282

Галахов Д. В.
Современное состояние информационных технологий
в уголовном судопроизводстве 285

Карпова М. В.
Сравнительный анализ модели досудебного
производства в России и Англии 289

Кияева Е. Ю.
Использование специальных знаний при осмотре места
происшествия в чрезвычайных условиях 292

Кривенцов Н. М.
Участие специалиста в следственных действиях
при расследовании преступлений, совершенных
с использованием виртуальных активов 297

Куксов В. А.
Некоторые проблемы изъятия электронных (цифровых)
данных в уголовном судопроизводстве 301

Кулакова Е. В.
Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи
при проведении допроса 304

Маклакова А. А.
Психологические приемы, используемые
при допросе задержанного 308

Максимов Н. Р.
Участие защитника в процессе доказывания: проблемы
и пути их разрешения 313

Порядина Е. А.
Проблемные вопросы правового понимания электронных
носителей информации при производстве следственных действий 319

Рахмистрюк П. В.
Разумный срок уголовного судопроизводства:
философско-юридический миф или гарантия прав участников 323

Савельева А. А., Рязанова Е. О.
Участие педагога и психолога в следственных действиях 328

ПРЕДИСЛОВИЕ

17 ноября 2022 г. на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя кафедрой уголовного процесса была организована XII Международная научно-практическая конференция «Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития».

Следуя традиции рассмотрения на конференции в качестве непосредственного предмета наиболее актуальной научно-практической проблемы, в 2022 г. в качестве таковой обозначены следственные действия.

Вопросы теории, правового регулирования и практики производства следственных действий видятся чрезвычайно многогранными и абсолютно неисчерпаемыми. С одной стороны, будучи основным средством доказывания, следственные действия составляют сердцевину уголовно-процессуальной деятельности следователя и дознавателя. От качественного проведения следственных действий напрямую зависят успех расследования и достижение целей, стоящих перед уголовным судопроизводством. С другой стороны, именно следственные действия содержат в себе значительный принудительный потенциал, способный в наибольшей степени затронуть права широкого круга причастных и непричастных к уголовно-процессуальной деятельности лиц.

Нельзя не учитывать и тот факт, что именно институт следственных действий представляет собой «канал» для внедрения в уголовное судопроизводство различных новых методов и технологий, которые не всегда однозначно воспринимаются как учеными-процессуалистами, так и криминалистами. В связи с этим участники конференции, помимо традиционных, но до сих пор нерешенных проблем теории и практики производства следственных действий, не обошли вниманием развитие цифровых технологий и их проникновение в досудебное производство по уголовному делу.

Вполне естественно, что тематика большинства материалов, представленных в настоящем сборнике, стала реакцией на введение в уголовно-процессуальный закон в конце декабря 2021 г. дистанционной формы производства следственных действий. Речь идет о производстве допроса, очной ставки и предъявления для опознания с использованием систем видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ). Участники конференции подчеркивают важность и своевременность таких изменений, отражающих процесс общей цифровой трансформации уголовно-процессуальной деятельности, направленной на устранение рутинных и дублирующих действий, сокращение сроков производства процессуальных действий, удобство коммуникации между участниками уголовного процесса, находящихся в разных регионах страны, и др. Корректировку формата производства следственных действий диктуют потребности цифровизации уголовного судопроизводства с учетом его осуществления в особых условиях.

Вместе с тем многие авторы отмечают существенные пробелы и несостыковки правовой регламентации дистанционного порядка производства следственных действий, которые стали очевидны даже несмотря на непродолжительный период его реализации в практике следователей и дознавателей. Это вполне ожидаемо: новые процессуальные формы всегда опасны непроработан-

ностью деталей правового регулирования. К сожалению, они могут привести к ущемлению прав участников уголовного процесса и дискредитировать новую процедуру. И в этом отношении задача процессуальной науки состоит в том, чтобы минимизировать эти риски.

Институт следственных действий как элемент общей системы уголовного судопроизводства зависим от современных вызовов и изменений концептуальных подходов к регулированию этого вида государственной деятельности.

На этом основании участниками конференции затронуты и другие проблемы досудебного и судебного производства, в частности вопросы уголовно-процессуального познания: формы, средства, направленность; реализация принципов уголовного процесса; обеспечение прав и законных интересов его участников; применение мер процессуального принуждения; злободневные проблемы возбуждения, предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Отдельное внимание российские и зарубежные участники конференции уделили правовому регулированию и правоприменительной практике производства следственных действий в зарубежных странах.

С учетом тематики статей сборник материалов конференции содержит четыре части:

Раздел I. Следственные действия: теоретические основы, нормативное правовое регулирование и практика производства.

Раздел II. Актуальные проблемы досудебного и судебного производства по уголовному делу.

Раздел III. Трибуна молодого ученого: научные доклады адъюнктов и аспирантов.

Раздел IV. Первые шаги в науке: научные доклады курсантов, студентов и слушателей.

Материалы конференции составили труды признанных российских и зарубежных ученых – специалистов в области уголовно-правовых наук, а также молодых исследователей.

Организаторы конференции, кафедра уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя признательны участникам за поддержку заявленной тематики – проблемы следственных действий – и приглашают продолжить обсуждение научных и практических проблем уголовного процесса в ноябре 2023 г.

Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

РАЗДЕЛ I. СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА ПРОИЗВОДСТВА

Алонцева Е. Ю.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Астафьев В. М.[2],
курсант факультета подготовки
сотрудников для оперативных
подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Серьезная проблема в нашем государстве заключается в том, что на учет в инспекцию по делам несовершеннолетних ставится большое количество лиц, не достигших 18 лет. Так, в 2021 г. на учет в данную инспекцию было поставлено 145 тыс. несовершеннолетних, из них 40 тыс. совершило преступления, однако их возраст на момент совершения данных незаконных действий не достиг 16 лет.

Противодействие преступности несовершеннолетних регулируется нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства, и его особенность заключается в том, что направления уголовной политики по предотвращению рассматриваемых преступлений выступают в качестве самостоятельного объекта исследования. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации определен специальный подраздел, посвященный производству по уголовном делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ). Отсюда следует, что государство заинтересовано в том, чтобы уровень преступности среди несовершеннолетних снижался. Государство, в свою очередь, гарантирует определенные права несовершеннолетним, вовлекаемым в уголовное судопроизводство, в силу их возраста, особенностей психологического состояния и во избежание негативных последствий, связанных с судопроизводством по уголовным делам, привлечением к уголовной ответственности, применением мер процессуального принуждения и назначения наказания.

Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних осуществляется в общем порядке, за исключением изъятий, установленных гл. 50 УПК РФ и некоторыми другими статьями [4, с. 162]. Осуществляя уголовное преследова-

---

[1] © Алонцева Е. Ю., 2023.
[2] © Астафьев В. М., 2023.

ние несовершеннолетних, следователь не может отойти от положений уголовно-процессуального законодательства, иначе это повлечет за собой признание доказательств недопустимыми.

Изучение практики производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних говорит о том, что следователи стараются максимально точно соблюдать процессуальное законодательство. Рассмотрим особенности производства следственных действий на конкретном примере следственной практики.

Так, летом 2019 г. несовершеннолетний Я., находясь на железнодорожных путях, нашел мобильный телефон *Honor A6*, принадлежащий Б., и забрал его к себе домой. Далее несовершеннолетний обнаружил, что в мобильном телефоне Б. установлены мобильные приложения, к которым были привязаны банковские карты: дебетовая ПАО «Сбербанк» № 427660002XXXXXXX, расчетный счет № 4081781016010XXXXXXX, открытый на имя Б.; кредитная ПАО «Сбербанк» № 485463033XXXXXXX, расчетный счет № 4081781-0552XXXXX, открытый на имя Б.; кредитная карта АО «Тинькофф Банк» по счету договора № 037XXXXX, открытого на имя Б., – позволяющие осуществлять оплату покупок и перевод денежных средств, в связи с чем в указанный период времени у несовершеннолетнего Я. возник преступный умысел, направленный на тайное хищение чужих денежных средств с банковских счетов. После этого несовершеннолетний Я. осуществил списание денежных средств на сумму 6,5 тыс. руб. с банковской дебетовой карты ПАО «Сбербанк» № 427660002XXXXXXX, расчетный счет № 4081781016010XXXXXXX, открытый на имя Б., на находящуюся в свободном доступе несовершеннолетнего Я. банковскую дебетовую карту № 2202201XXXXXXXX, расчетный счет № 4081781006XXXXXX, на имя своей матери, не осведомленной о его преступном умысле. После этого денежными средствами он распорядился по своему усмотрению [2].

На первый взгляд, может показаться, что уголовное дело не представляет особой сложности для следователя. Однако важно понимать, что любое следственное или процессуальное действие, связанное с участием несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), регулируется специальными нормами УПК РФ и требует тщательной подготовки и усиленного внимания [5, с. 313]. Так, при осуществлении производства по описанному выше уголовному делу следователю требовалось провести ряд следственных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). В результате, осенью 2019 г. следователь произвел допрос несовершеннолетнего подозреваемого, участниками которого были защитник, что соответствовало ч. 2 ст. 425 УПК РФ; педагог (ч. 4 ст. 425 УПК РФ); законный представитель (ст. 426 УПК РФ). Стоит уточнить, что процессуальное законодательство особенно подчеркивает время, в течение которого должно быть произведено указанное следственное действие.

Возвращаясь к положениям ст. 421 УПК РФ, необходимо отметить, что в ходе производства по данному уголовному делу следователь устанавливал дополнительные обстоятельства, которые необходимы в ходе производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Так, в ходе производства допросов с различными участниками уголовного судопроизводства следователь старался выяснить уровень психического развития несовершеннолетнего и иные

особенности его личности, присутствие влияния на него старших по возрасту лиц.

Также вновь важно отметить, что при расследовании уголовного дела в отношении несовершеннолетнего следователь перед каждым своим действием должен осуществлять тщательную подготовку [1, с. 23]. Например, для соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетнего подозреваемого при осуществлении задержания следователю пришлось привлечь к участию защитника, педагога-психолога и законного представителя.

Среди проблем уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних стоит также выделить положение ч. 5 ст. 191 УПК РФ, которая гласит, что в ходе производства следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля обязательно применение видеозаписи или киносъемки, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель возражает против этого.

Во-первых, важно отметить, что следователи предпочитают не производить следственные действия, записывая их на видеоаппаратуру, так как это создает дополнительные сложности, требует четкой организации работы и тщательного соблюдения всех положений и тонкостей УПК РФ. Во-вторых, неясно, из-за чего законодатель отразил данное положение только для несовершеннолетних потерпевших или свидетелей, полностью проигнорировав несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых [3, с. 314].

Для решения названных проблем законодателю необходимо изменить положения ч. 5 ст. 191 УПК РФ и, если даже не убирать положение о возражении против производства видеосъемки, то точно отразить, что оно должно применяться в крайних случаях. Также необходимо дополнить гл. 50 УПК РФ положением о таком же производстве видеосъемки при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых.

Таким образом, анализ практики показывает, что в ходе осуществления расследования по делам о преступлениях несовершеннолетних следователи осознают важность и сложность стоящих перед ними задач в ходе проведения следственных действий. Они в полной мере понимают, что особый подход к несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым обусловлен не прихотью законодателя, а реальной задачей обеспечить соблюдение прав и законных интересов таких участников уголовного судопроизводства ввиду их возраста, неполного осознания уровня общественной опасности совершенного ими деяния и наступления вследствие этого общественно опасных последствий. Даже если такая тщательная работа обусловлена пристальным вниманием со стороны руководителей следственных органов, это не отменяет того факта, что выполняемые процессуальные обязанности проводятся качественно, со всей должной внимательностью, с учетом специфики несовершеннолетних участников уголовного процесса.

Список литературы

1. Андриянова О. Ю. Особенности судебного следствия в отношении несовершеннолетних : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2016.

2. Приговор № 1-77/2019 от 21 июня 2019 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Tlq7gOT.

3. Терегулова А. И. Правовой статус несовершеннолетних при производстве по уголовному делу // Евразийская адвокатура. 2020. № 9. С. 312–317.

4. Яшарова Л. И., Мальцагов И. Д. Особенности разбирательства уголовного дела в отношении несовершеннолетнего // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 9 (37). С. 161–165.

5. Криволап Ю. И., Ендольцева А. В. Порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: нормативные предписания и проблемы их реализации // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: X ежегодная Всероссийская конференция : сборник научных трудов. М. : Московский университет России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 313–316.

Виноградова О. П.[1],
доцент кафедры криминалистики
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА ВЕРБАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий с каждым годом приобретают все большее распространение. Согласно ежегодному отчету о состоянии цифровой отрасли, на начало 2022 г. интернет использует 62,5 % людей во всем мире (4,95 млрд чел.). В России на начало этого года насчитывалось 129,8 млн интернет-пользователей [1]. На рост пользователей, несомненно, повлияла пандемия коронавирусной инфекции *COVID-19*. Распространение коронавирусной инфекции повлияло на работу многих офлайн-площадок по продаже различных товаров и услуг, а следовательно, увеличилось количество интернет-магазинов. Все это наряду с «цифровым невежеством» основной массы пользователей обусловило значительное увеличение количества киберпреступлений [2].

Положительная динамика наметилась в 2021 г., когда замедлился темп роста зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Согласно статистике МВД России, по итогам 2021 г. количество таких преступлений выросло незначительно – на 1,4 %. Всего было зарегистрировано 517,7 тыс. преступлений, в том числе 156,8 тыс. краж [3]. Рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, отмечен и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [4].

Борьба с данными преступлениями осложнена тем, что способом совершения хищений выступает использование удаленного доступа к компьютерной информации, в связи с чем складывается минимальная следовая картина. Кроме того, лица, совершающие данные преступления, обладают специальными знаниями в области компьютерной информации и зачастую имеют более высокие технологические познания в сравнении со следователями-юристами. Поэтому особое значение приобретает взаимодействие во время предварительного следствия с сотрудниками отдела «К» и специалистами (экспертами) в области компьютерных технологий. Такое взаимодействие необходимо осуществлять на протяжении всего предварительного следствия – как на первоначальном, так и на последующем этапах расследования преступлений, совершенных в сети Интернет.

Вербальные следственные действия направлены на получение информации от лица путем речевого или неречевого (жесты, мимика и др.) общения с ним. Допрос и очная ставка при расследовании хищений, совершенных с использованием интернет-технологий, проводятся по общим правилам в соответствии

[1] © Виноградова О. П., 2023.

со ст. 164 УПК РФ, а также с применением тактических приемов, характерных для данной категории дел. Поскольку очная ставка по рассматриваемой категории проводится редко, разберем допрос более подробно.

Допрос проводится в целях получения значимой и достоверной доказательственной информации от допрашиваемого лица о событиях произошедшего, его участниках, следах и иных сведениях, имеющих значение для расследования уголовного дела. На его подготовительном этапе необходимо определить информационное обеспечение допроса, которое включает в себя консультацию со специалистом в области информационно-телекоммуникационных технологий, а также изучить личность допрашиваемого лица и подготовить план проведения допроса. С точки зрения Е. С. Шевченко, «чем лучше информационное обеспечение у следователя, безупречное знание и владение им всем собранным по делу материалом и вспомогательной информацией, тем более подконтрольна будет ситуация, которая сложится на допросе. Кроме того, информационное обеспечение необходимо для исключения ошибки при квалификации совершенного киберпреступления. Для того чтобы верно квалифицировать киберпреступление, следователь должен понимать, каким способом оно совершено, а также какие общественно опасные последствия принесло расследуемое преступление» [5, с. 91]. Информационное обеспечение предполагает предварительное изучение должностным лицом специальной литературы (в области информационно-телекоммуникационных технологий) и консультирование со специалистом, который поможет в разъяснении специальной терминологии, расскажет о возможных способах совершения краж, совершенных с помощью интернет-технологий, а также поможет наметить очередность выясняемых технических вопросов и степень их конкретизации.

Подготовительная часть допроса подозреваемого также предполагает изучение личности, построение плана допроса и выбор места и времени проведения следственного действия. Важную роль при подготовке к допросу играет наблюдение за подозреваемым и основанный на этом наблюдении криминалистический профайлинг, который заключается в оценке и прогнозировании поведения человека. Данный способ помогает выявить факт дачи ложных показаний подозреваемым, отслеживая его эмоции, мимику, жесты, речь, позы при производстве допроса. О том, что человек волнуется и вероятнее всего лжет, могут свидетельствовать физиологические признаки, которые лицо не может контролировать, например покраснение или побледнение кожи, повышенная потливость, покашливание, частое моргание и т. д. Сведения о личности подозреваемого также можно получить из криминалистических учетов, результатов оперативно-разыскной деятельности и показаний родственников и знакомых допрашиваемого лица. С помощью исследования социальных сетей допрашиваемого лица также можно получить сведения о личности подозреваемого.

При подготовке к допросу стоит обратить внимание на тот факт, что преступления данной категории совершаются в виртуальном пространстве, в котором человек часто теряет восприятие действительности. Поэтому в некоторых случаях следует назначить специально судебно-психиатрическую экспертизу на предмет установления вменяемости подозреваемого в момент соверше-

ния преступных действий [6, с. 45]. План допроса должен быть индивидуализированным и четко проработанным, содержать последовательные вопросы.

Рабочая стадия допроса по аналогии с любым допросом будет включать в себя: установление личности подозреваемого, заполнение анкетных данных, свободный рассказ допрашиваемым лицом, вопросно-ответную форму рассказа и фиксацию хода и результатов следственного действия. Эффективность проведения рабочей стадии допроса зависит от выбранного тактического приема проведения следственного действия. Также лица, которые совершают данные преступления, заранее продумывают, как скрыть все следы и остаться незамеченными, в связи с этим на допросе они также полагаются на то, что у должностного лица нет никакой информации, подтверждающей их причастность, и поэтому уверенно дают ложные показания. Общие вопросы относительно мотивов совершения преступления, опыта работы и навыков пользования персональным компьютером для каждой следственной ситуации будут типичными, а уточняющие вопросы должны быть индивидуализированы и по возможности составлены с помощью специалиста.

Следует отметить, что 10 января 2022 г. вступил в силу Федеральный закон № 501-ФЗ, который расширил полномочия органов предварительного расследования по производству допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи. Таким образом, был решен давно обсуждаемый вопрос о возможности дистанционного проведения отдельных следственных действий на досудебных стадиях. Подобные изменения отвечают современным требованиям к деятельности правоохранительных органов, а также соответствуют положениям Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», закрепляющим принцип использования в деятельности полиции достижений науки и техники, информационных систем, сетей связи. Новеллы УПК РФ еще не рассмотрены с позиции науки криминалистики, поэтому анализ вопросов, возникающих при организации и производстве допроса путем использования систем видео-конференц-связи, представляется актуальным.

Большое значение имеет изучение личности допрашиваемого лица. Если речь идет о изучении личности лица, ставшего жертвой рассматриваемого преступления, то необходимо помнить о том, что в таких случаях граждане не сразу обращаются в органы внутренних дел с заявлением о преступлении, а если и обращаются сразу, то не всегда сообщают полностью достоверную информацию. М. Н. Кузьмин и Н. В. Солонникова выделяют факторы, предопределяющие содержание тактического обеспечения производства допроса потерпевшего: способ совершения преступления, позицию потерпевшего относительно расследования, его отношение к подозреваемому, этап расследования, личностные качества потерпевшего [7, с. 112].

Вышеуказанные факторы способствуют установлению психологического контакта и получению как можно большей доказательственной информации по делу. Большое внимание на подготовительной стадии уделяется планированию допроса, которое включает в себя письменное составление плана, формулировку вопросов и определение их очередности.

Установление психологического контакта начинается с момента установления данных о личности допрашиваемого лица и разъяснения ему прав и обязанностей. Большое значение имеют правильно подобранный тон беседы, умение должностного лица расположить к себе и пробудить заинтересованность в даче правдивых и полных показаний. Для установления контакта также можно задать допрашиваемому лицу отвлеченные вопросы, а уже затем попросить рассказать его о произошедшем событии. Форма свободного рассказа лучше всего подойдет для начальной стадии допроса, далее стоит перейти на вопросно-ответную форму. На этапе вопросов и ответов должностное лицо задает уточняющие, дополняющие и конкретизирующие вопросы в четкой и понятной для допрашиваемого лица форме, не допуская вопросов-подсказок.

Перечень типичных (общих) вопросов потерпевшему:

1) каким устройством пользовался в момент совершения в отношении его противоправных действий, например с какого устройства заходил на сайт интернет-магазина (компьютер, ноутбук, сотовый телефон, планшет и др.);

2) к какому оператору сотовой связи подключено устройство;

3) если хищение денежных средств было совершено таким способом, как фишинг, – узнать адрес сайта, вид товара или услуги, которую намеревался купить потерпевший, его стоимость, время предполагаемой доставки;

4) как и когда потерпевший обнаружил списание денежных средств;

5) какими знаниями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий обладает потерпевший.

Таким образом, вербальные следственные действия обладают большим доказательственным значением, но для получения правдивых и полных показаний необходимо применение тактических приемов. Несмотря на понижение темпа роста рассматриваемых преступлений, нельзя не отметить, что хищения, совершенные с помощью интернет-технологий, и в целом все киберпреступления постоянно видоизменяются и совершенствуются, что снижает эффективность работы по их выявлению, раскрытию и расследованию. Развитие преступной среды предопределяет возможность обезличивания злоумышленников, а также совершение таких преступлений дистанционно, что позволяет скрыть следы. Учитывая новую направленность преступной сферы, все более востребованными среди сотрудников правоохранительных органов становятся специальные знания в области информационно-телекоммуникационных технологий, а также методические рекомендации по расследованию преступлений в сети Интернет. Навыки и умения получения и анализа криминалистически значимой компьютерной информации являются важной составляющей для закрепления профессиональных компетенций специалиста органа предварительного расследования. Такие компетенции должны формироваться в рамках образовательного процесса и развиваться в дальнейшей практической деятельности.

Список литературы

1. Global Digital 2022: вышел ежегодный отчет об интернете и социальных сетях – главные цифры // Sostav.ru. URL: https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html.

2. Пандемия и цифровое невежество: эксперты назвали причины роста киберпреступности в России // Online47.ru : канал на «Дзене». URL: https://dzen.ru/media/online47_ru/pandemiia-i-cifrovoe-nevejestvo-eksperty-nazvali-prichiny-rosta-kiberprestupnosti-v-rossii-60aba37980fe0f78e232f676.

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 г. // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/28021552.

4. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271.

5. Шевченко Е. С. Тактика производства следственных действий при расследовании киберпреступлений : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.12. М., 2016.

6. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Особенности проведения и назначения комплексных судебных экспертиз // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 45–53.

7. Кузьмин М. Н., Солонникова Н. В. Особенности тактики производства допроса потерпевшего в ходе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 12. С. 111–113.

Григорьев Д. А.[1],
заведующий лабораторией «Криминалистика и специальная техника» кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук

Басина А. С.[2],
следователь 4-го отдела следственной части по расследованию организованной преступной деятельности Главного следственного управления ГУ МВД по Московской области

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Преступления в сфере экономической деятельности являются одним из самых сложных видов преступлений среди всего массива деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена действующим уголовным законодательством Российской Федерации. Это обстоятельство неслучайно, так как именно эти преступления требуют значительного объема познаний в различных областях как уголовного, уголовно-процессуального, так и гражданского права.

Нередко происходит подмена уголовно-правовых норм гражданско-правовыми, в виду чего решение гражданских споров выходит за рамки гражданского законодательства Российской Федерации и влечет за собой возникновение уголовно-правовых отношений, а соответственно и наступление наиболее тяжких последствий для субъектов указанных отношений, а именно для представителей различного рода юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, а также государства, как субъекта данных взаимоотношений.

Особого внимания со стороны сотрудников правоохранительных органов требуют сообщения о преступлениях в сфере экономической деятельности. Практическая деятельность одного из авторов данной статьи позволяет сделать ряд выводов о трудностях досудебного производства по указанным преступлениям, в том числе и при производстве следственных действий. Так, при рассмотрении сообщений о преступлениях данного вида возникает следующие сложности: во-первых, перечень следственных действий, выполнение которых возможно до возбуждения уголовного дела, не способен обеспечить полной и объективной проверки. Законодатель не допускает проведение обыска, выемки, опознания, очной ставки, а также иных следственных действий, производство которых могло бы обеспечить принятие окончательного решения по ре-

[1] © Григорьев Д. А., 2023.
[2] © Басина А. С., 2023.

зультатам рассмотрения сообщения о преступлении, предусмотренных ст. 145 УПК РФ.

Так, например, при производстве осмотра помещения, либо иного объекта, в помещении которого хранится юридическая документация организации, либо индивидуального предпринимателя, в том числе электронные носители информации, и их дальнейшее изъятие в рамках осуществления сотрудниками правоохранительных органов проверки сообщения о преступлении, могут нарушать имущественные и иные права указанных субъектов, в виду чего при вынесении приговора судом изъятые объекты, признанные в качестве вещественных доказательств, имеющие доказательственное значение, содержание которых является основой обвинения, могут быть признаны недопустимыми, что влечет за собой их исключение, а значит и ставит под сомнение законность привлечения лица к уголовной ответственности, в том числе и обоснованность возбуждения уголовного дела [1]. Во-вторых, учитывая ограниченные сроки проверки сообщения о преступлении, правоприменитель зачастую не имея достаточных данных для принятия окончательного решения по сообщению о совершенном преступлении в сфере экономической деятельности, в виду различных причин, в том числе большого объема запрашиваемой информации, давности прошедших событий, сложности проводимых исследований и экспертиз, назначенных до возбуждения уголовного дела, проведении ревизионных и иных оперативно-разыскных мероприятий, вынужден в целях недопущения учетно-регистрационной дисциплины выносить необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, что в свою очередь позволяет злоумышленнику уничтожить доказательства, свидетельствующие о нарушении им действующего законодательства, а также позволяет ему скрыться от правоохранительных органов.

Также сложности возникают и после возбуждения уголовного дела. Одной из основных проблем при проведении следственных действий в ходе расследования преступлений в сфере экономической деятельности является изъятие электронных носителей информации у индивидуальных предпринимателей, а также в коммерческих организациях. Учитывая позицию законодателя, требования УПК РФ, «не допускается необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ». При этом, в ходе проведения обыска или выемки у вышеуказанных субъектов экономической деятельности не всегда возможно с точностью утверждать о наличии на электронных носителях информации, имеющей значение для уголовного дела, в виду чего целесообразно изъятие всех носителей информации, находящихся в их пользовании, владении и распоряжении. Кроме того, законодатель установил ограниченные сроки на проведении осмотра указанных носителей. В практической деятельности с учетом нагрузки следователя, а также ввиду объемов информации производство качественного осмотра в течение указанного срока затруднительно и требует его увеличения до 30 суток.

При этом не стоит забывать о прямом указании законодателя об обязательном участии специалиста, т. е. лица, обладающего специальными познаниями в области информационных технологий, при участии в следственных действиях по изъятию и осмотру информации, содержащейся на электронных носителях, однако, в тоже время, им не указаны критерии признания лица специалистом в данной области, что влечет за собой возникновение практических сложностей. В системе МВД России остро стоит вопрос о нехватке таких специалистов, в том числе не являющихся сотрудниками правоохранительных органов. Так, при планировании вышеуказанных следственных действий необходимо заблаговременно приискать специалиста, имеющего должный уровень квалификации, а также соответствующую профессиональную подготовку, способного участвовать при проведении следственных действий, связанных с изъятием, осмотром информации на электронных носителях.

Учитывая, что в современном мире большинство экономических преступлений совершается с применением информационных технологий и электронных носителей информации потребность в таких специалистах растет ежегодно.

Также при проведении следственных действий по преступлениям в сфере экономической деятельности не стоит забывать о необходимом уровне квалификации непосредственно правоприменителей, а именно следователей. В настоящее время в территориальных следственных органах созданы специальные отделы, подразделения, специализирующиеся на расследовании преступлений экономической направленности, однако следователи вышеуказанных подразделений не всегда имеют должный уровень знаний, в том числе в сфере экономики, финансов, аналитики и налогообложения, ввиду чего могут возникать сложности в осуществлении предварительного следствия. Так, для назначения судебной экспертизы (судебно-бухгалтерской, финансово-аналитической и др.) необходимо понимание не только требования УПК РФ о порядке назначения судебных экспертиз, но и содержание вопросов, которые будут поставлены на разрешение экспертов. Учитывая, что зачастую именно после получения заключения экспертов принимается решение о привлечении лица к уголовной ответственности, достоверность, обоснованность и точность при формулировании и постановки вопросов, а соответственно и выводов экспертов, является главной задачей следователя при проведении судебных экспертиз.

Итак, в настоящее время необходимо увеличение числа специалистов, как сотрудников МВД России и иных правоохранительных органов, так и сторонних организаций, которые могут привлекаться к проведению следственных действий, связанных с изъятием, использованием и осмотром электронных носителей информации по преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20.

Жамкова О. Е.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Михеева О. С.[2],
курсант факультета подготовки
сотрудников для оперативных
подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

КАПИТАН СУДНА КАК СУБЪЕКТ ПРОИЗВОДСТВА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Капитан судна является одним из участников уголовно-процессуальной деятельности, чьи полномочия определены ст. 40 УПК РФ, посвященной органам дознания. В ч. 1 ст. 40 УПК РФ перечислены те государственные органы и должностные лица, которые следует относить к органам дознания. Однако структура указанной нормы такова, что в правоприменительной практике возникают вопросы относительно должностных лиц, которые вправе пользоваться процессуальными правами органа дознания. Так, в ч. 3 ст. 40 УПК РФ законодатель возвращается к должностным лицам, которые вправе осуществлять некоторые процессуальные действия, пользуясь процессуальным статусом органа дознания, среди которых называет и капитанов судов, находящихся в дальнем плавании. О. В. Мичурина справедливо отмечает, что капитаны морских и речных судов выполняют отдельные процессуальные полномочия органа дознания, что дает основание называть их именно органами дознания [1].

Капитан судна – лицо, осуществляющее руководство судном, плавающим под Государственным флагом Российской Федерации и имеющее соответствующий диплом. Поскольку законодатель наделяет процессуальными полномочиями не любого капитана морского или речного судна, а именно того, который находится в дальнем плавании, то определенный интерес представляет уяснение этого понятия. Нормативные акты не содержат определения «дальнего плавания». Понять, что считать дальним плаванием, можно лишь ориентировочно из анализа приказа Минморфлота СССР от 20 февраля 1991 г. № 17, в котором сформулировано понятие «малого плавания», соответственно все, что выходит за рамки данной дефиниции можно отнести к «дальнему плаванию». Ученые-процессуалисты и практики делают вывод о том, что, если судно идет под Государственным флагом Российской Федерации – этого уже достаточно, чтобы капитан судна был вправе осуществлять процессуальные функции.

---

[1] © Жамкова О. Е., 2023.
[2] © Михеева О. С., 2023.

Следует отметить, что в соответствии со ст. 11 УК РФ, если преступление совершается на судне, приписанном к порту Российской Федерации и находится в открытом море, то на него распространяется юрисдикция российского государства и такое лицо подлежит уголовной ответственности в соответствии с законодательством России.

Согласно УПК РФ, при совершении на судне, которое находится в дальнем плавании преступления, его капитан уполномочен возбудить уголовное дело в порядке ст. 146 УПК РФ и провести неотложные следственные действия в порядке ст. 157 УПК РФ. Аналогичное положение содержится и в ст. 69 Кодекса торгового мореплавания, т. е. в случае совершения на борту судна в открытом море или на реке преступлений капитан судна принимает соответствующие меры к тому, чтобы лицо, совершившее деяние, не могло уйти от ответственности, и вправе начать расследование в соответствии с УПК РФ.

Следует обратить внимание, что Кодекс торгового мореплавания, как и УПК РФ, ограничивает компетенцию капитана судна преступлениями публичного обвинения. Остается неясным, как должен поступить капитан судна, если на борту совершено преступление, отнесенное к уголовным делам частно-публичного уголовного преследования, например, изнасилование. Вправе ли капитан судна начать процессуальную деятельность в данном случае? Статья 40 УПК РФ наделяет капитана судна полномочиями по возбуждению уголовного дела только в порядке ст. 146 УПК РФ, предусматривающем возбуждение уголовных дел, относящихся к публичному обвинению. Следовательно, буквальное толкование данной статьи исключает для капитана судна возможность возбуждать дела частного и частно-публичного уголовного преследования.

В соответствии с приказом Минтранспорта России от 23 ноября 2012 г. № 407 «Об утверждении Порядка и особенностей выполнения капитаном судна действий, не относящихся к процессуальным, в случае возбуждения уголовного дела публичного обвинения», при поступлении сообщения о преступлении капитан судна обязан руководствоваться положениями УПК РФ. Он обязан сделать запись о приеме сообщения о преступлении в судовой журнал вне зависимости от категории преступления, о котором сообщается. Стоит заметить, что информация, которую необходимо отразить в журнале аналогична с той, которая отражается в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (приказ МВД России от 9 августа 2014 г. № 736). В судовом журнале записывается дата приема сообщения, координаты судна, часовой пояс, в котором оно находится, отражается письменная или устная форма сообщения. Также в нем подробно записываются данные заявителя, дата рождения, адрес места жительства лица, сообщившего о преступлении, указывается принадлежность заявителя к экипажу корабля.

После фиксации повода для возбуждения уголовного дела капитан судна должен провести проверку в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, и при получении достаточных данных, указывающих на признаки преступления, принять решение о возбуждении уголовного дела. Статья 40 УПК РФ не регламентирует возможность принятия решения об отказе в возбуждении уголовного

дела по результатам рассмотрения сообщения. Это означает, что в случае отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, капитан судна просто прекратит процессуальную деятельность.

Если уголовное дело возбуждено, капитан судна, производя неотложные следственные действия, должен сформировать единое дело, куда в подшитом и пронумерованном виде вложить все материалы, относящиеся к предмету расследования. Указанные материалы он должен хранить до прибытия в ближайший морской порт Российской Федерации.

Порядок действий капитана судна после возбуждения уголовного дела выглядит следующим образом:

– необходимо установить: было ли совершено деяние, запрещенное уголовным законом, и к какому виду уголовного преследования оно относится;

– далее необходимо установить обстоятельства совершенного деяния, а именно: время, с учетом часового пояса, часть судна, в которой это произошло и место, где территориально судно находилось, способ совершения преступления, иные обстоятельства дела;

– далее устанавливается субъект преступления, выясняется относится ли он к членам экипажа судна, выявляется мотив и цель преступления.

Если необходимо применить к лицу, совершившему преступление, меры изоляции (например, задержание), то согласно Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», подозреваемые содержатся в помещениях, которые определены указанными должностными лицами и приспособлены для этих целей.

УПК РФ не содержит перечня неотложных следственных действий, что позволяет сделать вывод о том, что капитан судна может проводить любые следственные действия, которые могут оказаться безотлагательными на первом этапе расследования, в том числе требующие судебного санкционирования с последующим уведомлением суда, например, обыск в каютах, которые члены экипажа используют как жилище. Представляется, что капитан судна проводит такое действие и при первой возможности, передает материалы в орган расследования, который и будет в последующем уведомлять судью, либо сам уведомляет суд по месту принадлежности судна. Все собранные по делу материалы капитан судна должен хранить в сейфе до прибытия в ближайший морской порт РФ и передать их при первой возможности органам расследования.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что капитан судна не относится к органам дознания, но он вправе производить процессуальные и следственные действия, осуществлять иные уголовно-процессуальные полномочия, предоставленные ему УПК РФ, пользуясь на время полномочиями органа дознания. Нормы права, регламентирующие статус и полномочия лиц, указанных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, необходимо дополнить соответствующими нормами, уточняющими их процессуальный статус, что позволит решить ряд проблем, возникающих в правоприменительной деятельности.

Список литературы

1. Мичурина О. В. Проблемные вопросы правового регулирования органов дознания как участников уголовного судопроизводства // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 3 (86). С. 104.

Ильяшевич Т. А.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Тимков И. И.[2],
студент кафедры безопасности в цифровом
мире Московского государственного технического
университета имени Н.Э. Баумана

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Начавшееся еще с середины XX в. использование компьютеров, а точнее вычислительных мощностей, которые они дают, привнесло новый виток развития общества в наш мир. Однако, вместе с тем увеличилось число необходимых способов для взаимодействия с такого рода объектами. Особенно ярко это отразилось в уголовно-процессуальных действиях, связанных с использованием компьютерных технологий и связанных с этим проблем изъятия и использования электронных накопителей информации.

К составляющим следственных действий можно отнести изъятие электронных носителей информации (ЭНИ) и копирование с имеющейся на них информации в ходе производства: осмотра (ст. 176-178 УПК РФ), выемки (ст. 183 УПК РФ), личного обыска (ст. 184 УПК РФ), наложения ареста на почтовые и телеграфные сообщения (ст. 185 УПК РФ) [3, с. 158–159].

Однако на этом этапе могут возникнуть проблемные вопросы относительно правового регулирования изъятия ЭНИ, а именно в определении круга лиц, в отношении которых проводятся данные следственные действия. На наш взгляд, законодатель, руководствуясь ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ, невольно нарушает равенство граждан перед законом, так как в данном случае индивидуальный предприниматель или коммерческая организация наделяются «иммунитетом» от изъятия ЭНИ, за исключением случаев, указанных в ч.1 ст. 164.1 УПК РФ. Как справедливо отмечает В. Н. Григорьев, «задушенность корпоративными интересами влечет за собой отсутствие системности и полноты в регулировании цифровых элементов уголовного судопроизводства» [2, с. 28].

Невозможность своевременного изъятия соответствующей цифровой информации может повлечь ее умышленное уничтожение или сокрытие, что только увеличит сроки предварительного расследования или вовсе застопорит его.

На наш взгляд, наделение уполномоченных лиц правом проведения следственных действий в определенных ситуациях, требующих безотлагательных действий в отношении индивидуальных предпринимателей и коммерческих ор-

---

[1] © Ильяшевич Т. А., 2023.
[2] © Тимков И. И., 2023.

ганизаций, может существенно упростить предварительное следствие, однако, необходимо четко обозначить перечень случаев, когда следственные действия могут применяться без предварительного получения разрешения суда, в него могут войти:

1) основания полагать, что электронная информация или ЭНИ могут быть умышленно уничтожены или повреждены с целью сокрытия преступления;

2) наличие условий, прямо указывающих на то, что в данный момент преступление производится на конкретной ЭВМ, находящейся в собственности у ИП или коммерческой организации;

3) если есть основания полагать или факт того, что ИП или коммерческая организация собирается прекратить или прекращает свою деятельность, однако, в их собственности находятся ЭВМ, с которых совершались преступления.

Однако изъятие ЭНИ и снятие копии имеющейся на них информации невозможны без использования современных компьютерных средств, допускающих своевременное и эффективное использование информационных ресурсов. Все технологические средства, применяемые при следственных действиях следует разделить на непосредственные и опосредственные.

Первый вид связан прежде всего с самой работой над ЭНИ, изъятием и дальнейшим их исследованием [1]. К ним следует отнести: технологии программно-аппаратных средств, направленных на изъятие, передачу и анализ информации, к которым можно отнести персональные компьютеры, периферийные устройства, сетевые средства обмена информации, технологии микропроцессорных контроллеров.

Первый вид также можно раздеть на два подвида: изымающие и хранящие технологии. Первые включают в себя преимущественно программную часть, связанную с использованием специального ПО для изъятия ЭНИ (ОС, средства обработки информации, технология виртуальных машин и т. д.), прикладные программы и программы-утилиты (обработчики, редакторы и др.). Их основной целью является непосредственный процесс изъятия информации и компьютерных следов.

Второй подвид включает множество различных устройств, основным назначением которых является максимальное сохранение полученной информации в неизменном виде, исключающее любое ее искажение или потерю. К таким устройствам относятся: НЖМД, SSD-накопители, микросхемы памяти, лазерные диски, магнитные ленты и т. п. Вопросу использования устройств хранения информации посвящены множество работ современных ученых, а сам аспект использования средств хранения электронной информации заслуживает отдельного исследования.

Таким образом, первый вид технологий связан непосредственно с изъятием, обработкой и хранением полученной информации, с целью ее дальнейшего хранения.

Опосредственные технологии изъятия ЭНИ связаны с обеспечением правильности их изъятия, тактики и соблюдения процессуальных норм. К таким технологиям следует отнести средства аудио-, видео- и фотофиксации доказательств и следственных действий, использование систем позиционирования

(ГЛОНАСС, *GPS*) с использованием орбитальных искусственных спутников Земли, беспилотных летательных аппаратов (дронов), технологий, связанных с использованием лазера).

Обусловленность использования данных средств, использующих информационные технологии, связаны с правовым и материальным обеспечением производства следственных действий, визуальной и акустической фиксацией производства таких следственных действий уполномоченных лиц и действий лиц, в отношении которых они проводятся. Но это не принижает важности их применения, так как во многом именно их правильное, своевременное и эффективное использование создает правовую основу для исследования и дальнейшего использования полученной с помощью первого вида информационных технологий информации.

При этом следует затронуть правовой вопрос технологии изъятия ЭНИ по причине того, что согласно ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, данное следственное действие должно проводиться с участием специалиста и в присутствии двух понятых. Законодатель четко не определяет, кем должен являться данный специалист, что дает основание полагать, что таким лицом может являться специалист-криминалист, который будет действовать согласно распоряжениям следователя, возможно, не в пользу подозреваемого. Вопрос участия специалиста требует правового уточнения, так как лицо может предпринять действия по самостоятельному найму специалиста, и, с позиции законодательства, процессуальная форма не будет нарушена.

Также вызывает вопрос непосредственное участие следователя в производстве следственных действий, регламентированных ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ. Он наделяется правом лично проводить копирование имеющейся на ЭНИ информации, однако, как подразумевается законом, проведение данных действий подразумевает у лица наличие специальных навыков и умений в работе с информационными объектами и ЭНИ. С одной стороны, в редких случаях следователь может обладать данными навыками, что делает рассматриваемое нами право излишним, однако, с другой стороны, так как специалист привлекается следователем, а сами следственные действия способен провести сам следователь, может возникнуть ситуация, когда фактически специалист привлечен к работе не будет, а все процессуальные действия будут совершены следователем.

Таким образом, на сегодняшний день общество и, соответственно органы предварительного расследования, обладают внушительным перечнем различных электронных устройств, так или иначе направленных на производство следственных действий или сопровождающих его. Особого внимания заслуживают правовые аспекты такого действия, связанного с изъятием ЭНИ и их использованием, так как в законодательстве отсутствует конкретное определение «электронный носитель информации», что затрудняет правовое регулирование этого объекта и связанных с ним процессуальных действий. Решение обозначенных проблем способно способствовать правосудию, своевременному раскрытию, расследованию и пресечению преступления.

Список литературы

1. Компьютерно-техническая экспертиза // Сайт РФЦСЭ при Министерстве юстиции Российской Федерации. URL: http://www.sudexpert.ru/possib/comp.php.

2. Григорьев В. Н. Цифровое законодательство в сфере уголовного судопроизводства: некоторые тенденции// Уголовное производство: процессуальная и криминалистическая практика : материалы VII Международной научно-практической конференции / отв. ред М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко (Алушта, 25–26 апреля 2019 г.). Симферополь : Ариал, 2019. С. 27–30.

3. Ильяшевич Т. А., Лубяная Н. И. Целесообразность неотложности производства следственных действий при раскрытии и расследовании преступлений в сфере компьютерной информации и преступлений с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий // Закон и право. 2022. № 5. С. 157–160.

Кардашевская М. В.[1],
профессор кафедры предварительного расследования
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Кардашевский В. В.[2],
доцент кафедры административной
деятельности органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ

В соответствии со статистическими данными в России каждый год в отношении несовершеннолетних совершается более 90 тыс. преступных посягательств, из них 25 % является тяжкими и особо тяжкими, поэтому предварительное расследование проводится сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации. В частности, лишь за девять месяцев 2022 г. было возбуждено 16,5 тыс. уголовных дел о таких преступлениях (что на 2 % больше, чем за аналогичный период 2021 г.), завершено производство по 10,8 тыс. уголовным делам, по которым в качестве потерпевших признано 11,6 тыс. детей [1]. Сведения, получаемые от них в ходе допроса, часто признаются одним из доказательств по уголовному делу. Однако указанные сведения обретут статус потенциального доказательства исключительно в том случае, если при производстве данного следственного действия не будут нарушены нормы уголовно-процессуального законодательства, и оно будет соответствующе оформлено. Это указывает на необходимость рассмотреть особенности допроса потерпевшего, не достигшего 18-летнего возраста.

Получение сведений от несовершеннолетних жертв преступлений обладает своей спецификой. Рассказывая о произошедшем событии, подростки вновь испытывают те же чувства, что и при совершении преступления: страх, ужас, стресс, отчаяние, унижение и т. п. Эти чувства «мутят» его разум, и происходит деформация их логического мышления, что существенно влияет на его первоначальные показания. Для уточнения обстоятельств совершенного преступления следует обязательно проводить повторный допрос таких потерпевших. К этому времени подросток успокаивается, и может полнее описать как само событие, так и его отдельные детали. Поэтому даваемые им показания на повторном допросе являются более полными, конкретными и объективными.

Криминалистами в тактике проведения следственного действия, в том числе и допроса, выделяется три этапа: подготовительный, рабочий и заключитель-

[1] © Кардашевская М. В., 2023.
[2] © Кардашевский В. В., 2023.

ный. На первом этапе следователь обязан собрать информацию, характеризующую несовершеннолетнего: возраст, с кем проживает, состоит ли на учете в ИДН и др. Эту информацию следователь может получить от лица, с которым подросток пришел, от инспектора ИДН (по телефону). Все это необходимо для лучшего понимания психологических особенностей личности несовершеннолетней жертвы, его физического и психоэмоционального состояния, что будет способствовать правильному выбору тактических приемов проведения с ними допроса. Причем следователь должен делать это в условиях ограниченного времени, поскольку от показаний подростка напрямую зависит направление дальнейшего расследования. Именно поэтому следователь, допрашивающий несовершеннолетнего потерпевшего, должен иметь специальную профессиональную подготовку в области расследования преступлений в отношении подростков. Данное положение закреплено в указании Следственного комитета Российской Федерации от 23 июля 2021 г. № 2/218 «О мерах по повышению эффективности проведения процессуальных проверок и расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних или несовершеннолетними, а также по профилактике преступлений, указанной категории». В соответствии с данным Указанием руководители следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации обязаны при определении следователя, который будет вести уголовное дело о преступлении, которое совершено против подростка, отдавать предпочтение наиболее подготовленным сотрудникам.

В криминалистической литературе справедливо отмечается, что для получения полных и верных свидетельств от ребенка, потерпевшего в результате совершенного в отношении него преступления, необходимо установить с ним психологический контакт [2]. Большое значение для установления психологического контакта с ребенком имеет место производства допроса. Для организации лучшей психологической обстановки для допрашиваемого подростка следственные органы Следственного комитета Российской Федерации (приказ следственного комитета Российской Федерации от 3 марта 2015 г. № 19) оснащены специальными помещениями для проведения процессуальных действий с подростками (помещения для работы с несовершеннолетними). Они предназначены:

– для создания наилучшей психологической обстановки, подходящего психологического климата и доверительных взаимоотношений с малолетним или подростком при его опросе или допросе;

– трансформации отрицательного взгляда подростка к расследованию, создания у него мотивации к нахождению психологического контакта со следователем и иными присутствующими при допросе лицами;

– диагностического анализа психологического состояния несовершеннолетнего потерпевшего, установления действенных тактических приемов его допроса;

– оказания первой психологической помощи ребенку: пресечения острых аффективных либо стрессовых реакций, нормализации его возбужденного или, наоборот, заторможенного состояния;

– психологической помощи и поддержки пострадавшего подростка в ходе допроса [3].

Особенно важно использовать эти помещения для допроса малолетних и несовершеннолетних жертв преступлений против половой неприкосновенности. При их допросе, преимущественно тех, кто не достиг 16-летнего возраста либо имеется информация, что подросток старше 16 лет страдает психическим расстройством либо отстает в психическом развитии, непременно обязан участвовать психолог (ст. 191 УПК РФ). Это может быть штатный психолог Следственного комитета России или психолог, прошедший специальную подготовку по психологическому сопровождению уголовного судопроизводства, о чем он представляет подтверждающий документ, либо лицо, имеющее квалификацию «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)».

В других случаях следователь сам определяет необходимость или ее отсутствие в участии педагога либо психолога при допросе несовершеннолетнего потерпевшего [4, с. 35].

Следует отметить, что следователи часто допускают тактические и процессуальные ошибки на разных этапах допроса несовершеннолетней жертвы преступления:

1. Не приобщают к материалам уголовного дела документы, которые подтверждают несовершеннолетний возраст жертвы преступления.

2. Не допускают законного представителя пострадавшего подростка к участию в уголовном деле, в особенности в тех ситуациях, когда жертве преступления 16 лет исполнилось в ходе предварительного расследования, т. е. во время совершения преступного посягательства ей было только 15 лет. В то же время в соответствии с нормами действующего законодательства допрос потерпевшего подростка в возрасте до 16 лет обязан проводиться с участием его законного представителя.

3. Не применяют в ходе допроса средства видеозаписи и не делают в протоколе отметки, что участники допроса от нее отказались.

4. Допросы проводятся формально и за короткий промежуток времени. Так, несовершеннолетний В. обвинялся в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении своих братьев А., А. и С. Согласно материалам дела, допросы малолетних потерпевших длились: А. – 25 мин, С., являющегося ребенком-инвалидом с легкой умственной отсталостью, – 25 мин, А., с легкой умственной отсталостью – 30 мин. Учитывая число лиц, принимавших участие в допросах (законный представитель, педагог-психолог, потерпевший), необходимость разъяснения каждому прав, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, специфику допроса малолетних, оформление протокола и ознакомление каждого, участвующего в допросе с его содержанием, прокурор усомнился в достоверности отраженных в протоколах сведениях, пришел к выводу о нарушении требований ст. 191 УПК РФ и возвратил уголовное дело для производства дополнительного следствия, в ходе которого малолетних потерпевших снова допрашивали [5].

Для правильной оценки достоверности показаний несовершеннолетнего потерпевшего в ряде случаев необходимо проводить комплексную психолого-

психиатрическую экспертизу, так как выводы экспертов будут способствовать правильной оценке свидетельств потерпевшего. Для этого же целесообразно также допросить законного представителя, а также специалистов (педагога, психолога), которые участвовали при производстве его допроса [6, с. 7–10].

Следовательно, надлежит признать, что верно устроенный и компетентно проведенный допрос несовершеннолетнего потерпевшего содействует получению наиболее честных и полных свидетельств о произошедшем событии. В свою очередь, это ляжет в основу выводов следователя о квалификации содеянного, позволит ему разграничить смежные составы, а суду – назначить справедливое наказание виновному лицу.

Список литературы

1. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/news/item/1521078/.

2. Боровик О. В. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

3. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 3 марта 2015 г. № 19 «Об оборудовании специальных помещений для производства в Следственном комитете Российской Федерации следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/72044494/.

4. Бойкова Н. Г. Процедурные особенности допроса несовершеннолетней жертвы и свидетеля // Вестник Международного юридического института. 2017. № 3 (62). С. 35–38.

5. Архив Пензенского районного суда Пензенской обл., дело № 1-159/2020 // Официальный сайт Пензинского районного суда Пензенской области. URL: http://penzensky.pnz.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=25.

6. Батанов А. Н., Рахматуллин Р. И. Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего по делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности // Российский следователь. 2021. № 8. С. 7–10.

Лаврова О. Н.[1],
заместитель начальника кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

Алехин О. Е.[2],
заместитель командира взвода Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Информатизация и цифровизация затронули все сферы общественной жизни. Не явилась исключением и область уголовного судопроизводства. В конце 2021 г. в УПК РФ были внесены изменения, касающиеся возможности производства допроса, очной ставки, опознания с помощью систем видео-конференц-связи (ст. 189.1). В соответствии с данной правовой нормой, при наличии соответствующих технических средств (видеокамеры, компьютера и др.), орган предварительного расследования может принять решение провести следственное действие между его отдельными участниками в дистанционном формате.

Процессуальный порядок производства следственного действия с помощью системы видео-конференц-связи следующий:

– следователь (дознаватель), который расследует уголовное дело, поручает (в письменной форме) следователю (дознавателю) по месту нахождения лица, чье участие является необходимым, организацию данного следственного действия;

– следователь (дознаватель), которому поручена организация следственного действия, должен вести соответствующий протокол, с учетом требований ст.ст. 166–167, 170, 189–190, 192–193 УПК РФ;

– от участников следственного действия, находящихся дистанционно, берется подписка о том, что им разъяснены их права, обязанности, ответственность, порядок производства следственного действия, а также факт оглашения протокола;

– после завершения следственного действия с использованием системы видеоконференцсвязи следователь (дознаватель) по месту нахождения лица, в течение 24 ч направляет следователю (дознавателю), которому поручено производство расследования, подписку и приобщенные к ней материалы, которые приобщаются к протоколу.

---

[1] © Лаврова О. Н., 2023.
[2] © Алехин О. Е., 2023.

Использование систем видео-конференц-связи имеет множество практических преимуществ по сравнению с закреплением показаний лица, участвующего в уголовном деле, в письменной форме, к числу которых К. С. Плахота относит следующие:

– воспроизведение видеозаписи по окончанию следственного действия, в целях ознакомления с ней участвующего в нем лица, дает возможность обнаружения следователем (дознавателем) сведений, которые он изначально не заметил, и, соответственно, их фиксации в протоколе;

– позволяет предупредить необоснованные утверждения участвующего в следственном действии лица о несоответствии полученных от него показаний содержанию протокола;

– имеет ценность на всех стадиях досудебного производства по уголовному делу, а также в судебных стадиях;

– просмотр видеозаписи позволяет следователю (дознавателю) дать оценку психологического и эмоционального состояния лица, участвующего в следственном действии, его реакции на задаваемые вопросы, что способствует оцениванию показаний по уровню их достоверности;

– в отдельных случаях позволяет получить фоноскопические данные, характеризующие особенности голоса и устной речи участвующего в следственном действии лица в форме оттенков интонации, определенного сленга, акцента, диалекта и др.;

– если участвующее в следственном действии лицо отказывается от продолжения дачи показаний и подписания протокола, видеозаписью будет способствовать признанию части зафиксированных на ней сведений в качестве доказательства, а при необходимости, с целью установления личности, – назначению фоноскопической судебной экспертизы (исследование голоса и речи) и видеотехнической судебной экспертизы (исследование видеоизображения) [2].

Тем не менее ст. 189.1 УПК РФ вызывает некоторые спорные суждения.

Так, одно из оспариваемых положений заключается в том, что указанная правовая норма не устанавливает перечень ситуаций, при которых возможно и необходимо производство допроса, очной ставки и (или) опознания в дистанционной форме. В дальнейшем это может привести к злоупотреблению такой технологией. На наш взгляд, данный пробел можно устранить путем указания в тексте ст. 189.1 УПК РФ требования об обязательном вынесении мотивированного постановления о производстве следственного действия с использованием систем видео-конференц-связи.

Еще одна проблема заключается в том, что законодателем в рассматриваемой норме не установлен срок исполнения письменного поручения следователя (дознавателя), адресованное другому территориальному правоохранительному органу. Здесь мы говорим о сроке, в течение которого сотрудники другого органа предварительного следствия или дознания осуществляют проверку наличия или отсутствия технической возможности; выясняют местонахождение лица, участвующего в уголовном деле, а также сообщают о необходимости его участия в следственном действии; осуществляют организацию его производства. На наш взгляд, целесообразно установить четкие временные рамки при

проведении следственного действия в дистанционной форме, что позволит повысить его эффективность и добавит преимуществ по сравнению с обычным поручением о производстве, например, допроса свидетеля другими сотрудниками правоохранительных органов.

Третий аспект связан с нечеткостью роли следователя (дознавателя), исполняющего поручение об организации участия лица в производстве следственного действия. В частности, возникают вопросы о необходимости его присутствия в течение всего следственного действия, а также его права на внесение замечаний в случае возникновения противоречий с нормами УПК РФ. Кроме того, вопрос о наличии права у участника следственного действия заявлять в этом случае отвод следователю (дознавателю).

Еще один проблемный аспект связан с обеспечением безопасности участников уголовного процесса при производстве следственных действий с применением систем видео-конференц-связи. Так, в ч. 9 ст. 166 УПК РФ целесообразно указать на необходимость применения технологий изменения внешности и голоса, обеспечивающие анонимность защищаемого лица.

Наконец, следует отметить, что ст. 189.1 УПК РФ содержит ограниченный список следственных действий, производство которых допускается с использованием систем видео-конференц-связи. В то же время, постоянное развитие IT-технологий прогнозирует возможность производства и других следственных действий в дистанционном формате. В данном контексте следует отметить результаты исследования К. С. Плахота, в ходе которого 50 опрошенных следователей отвечали на вопрос – в ходе каких следственных действий целесообразно применение видео-конференц-связи или видеосвязи мессенджеров? 79 % респондентов указали допрос потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и иных участников уголовного судопроизводства, 36 % – очную ставку, 36 % – предъявление для опознания, 18 % – освидетельствование, 27 % – следственный эксперимент, 18 % – осмотр места происшествия, 9 % – обыск, 6 % – выемку, 21 % – проверку показаний на месте, 9 % – эксгумацию, 6 % – иное [1].

В заключение отметим, что с введением ст. 189.1 УПК РФ уголовный процесс становится более эффективным за счет сокращения сроков предварительного расследования и экономии бюджетных средств, направляемых на командировки сотрудников, тем не менее, рассматриваемая статья требует дальнейших концептуальных исследований.

Список литературы

1. Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видеоконференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 95–102.

2. Плахота К. С. Особенности производства допроса посредством использования видео-конференц-связи // Сборник материалов криминалистических чтений. 2021. № 18. С. 53–55.

3. Савельев А. В. Проведение следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 591–598.

Маламагамедова А. Р.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОВЕДЕНИЕ ДОПРОСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

На сегодняшний день жизнь человека и общества в целом трудно представить без современных технологий. Технические устройства стали неотъемлемой частью многих процессов, значительно их упрощая и ускоряя. Повлияло это и на уровень и характер преступности, а также не могло не отразиться на уголовном судопроизводстве.

Последние несколько лет интерес многих ученых-юристов привлекала и привлекает тема использования технических средств в уголовном судопроизводстве. В научной литературе часто встречались мнения о необходимости урегулирования на законодательном уровне возможности осуществления следственных действий в дистанционном порядке. Мнения ученых и правоприменителей были поддержаны законодателем и Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ в УПК РФ была введена ст. 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи». Хотелось бы остановиться именно на допросе.

Рассматриваемая уголовно-процессуальная новелла стала существенным подспорьем в работе следователей и дознавателей. При расследовании уголовного дела совсем не редкой является ситуация, при которой возникает необходимость в проведении следственных действий с участием лиц, которые находятся в местности, расположенной далеко от места расследования. В таком случае у должностного лица есть несколько вариантов действий. Во-первых, он может вызвать участника уголовного процесса к месту производства последнего, а правильнее было бы сказать – убедить его приехать, так как нет никаких законодательных обязательств у участников уголовного судопроизводства приезжать, к примеру, в другой город, чтобы быть допрошенным. Во-вторых, следователь мог сам отправиться в командировку к месту нахождения лица, подлежащего допросу. Данная ситуация требует дополнительных временных и материальных затрат, чего должностные лица стараются избегать в своей профессиональной деятельности. И третий, и наиболее частный способ получить показания у лица, находящегося вне места расследования уголовного дела, – это дать отдельное поручение о проведении следственного действия органу дознания, расположенному по месту нахождения такого лица. Данное процессуальное действие обеспечивает возможность получения доказательств по уголовному делу, но и оно не лишено недостатков. Давая отдельное поручение о производстве допроса, следователь (дознаватель) излагает обстоятельства

[1] © Маламагамедова А. Р., 2023.

преступления, дает информацию, имеющую значение для следственного действия, а также указывает перечень вопросов, которые необходимо задать допрашиваемому. При этом следователь никак не застрахован от формального подхода лица, исполняющего его отдельное поручение. В конце концов ничто не заменит личного общения, когда следователь может обратить внимание на интонационные особенности ответов допрашиваемого лица, а также на невербальные сигналы, которые также могут говорить о правдивости или ложности показаний и приведут к дополнительным вопросам. В связи с этим, потребность практики в возможности дистанционного проведения допроса уже давно назрела.

Судебное разбирательство на десять лет «опередило» предварительное расследование и Федеральным законом от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ УПК РФ был дополнен ст. 278.1 «Особенности допроса свидетеля путем использования видео-конференц-связи». Данная норма успешно применяется судьями и служит эффективному рассмотрению уголовных дел в суде. Однако, она имеет достаточно узкий круг применения. Во-первых, в судебном порядке по видеоконференц-связи возможно произвести только одно следственное действие – допрос. Во-вторых, рассматриваемая статья регламентирует допрос только одного участника уголовного процесса – свидетеля.

Ситуация с новой коронавирусной инфекцией (*COVID-19*) и вовсе внесла свои коррективы в деятельность судов. В своем Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории России пандемии коронавируса от 30 апреля 2020 г., Верховный Суд Российской Федерации вовсе допустил при определенных условиях возможность проведения всего судебного разбирательства с использованием систем видео-конференц-связи, что позволит обеспечить личное участие и соблюдение процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и других лиц в судебном заседании [3].

Введением в УПК РФ ст. 189.1 законодатель сделал большой шаг на пути к дистанционному уголовному судопроизводству. Перечень участников уголовного процесса, которые могут быть допрошены в таком порядке, конкретно не определен, а значит им может быть потерпевший, свидетель, подозреваемый и обвиняемый. Также и перечень следственных действий не ограничен допросом. В ходе предварительного расследования дистанционно можно провести также очную ставку и опознание.

Рассматриваемая уголовно-процессуальная норма, помимо прочих нововведений, определила и новый уголовно-процессуальный документ, а именно подписку, которая составляется следователем по месту нахождения допрашиваемого лица. Данный документ должен зафиксировать факт разъяснения допрашиваемому лицу его прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, а также иметь запись об оглашении ему протокола следственного действия удостоверяемую подписью данного участника следственного действия.

В научной литературе появились вопросы о том, является ли данная подписка самостоятельным доказательством по уголовному делу?

В первую очередь важно отметить, что в отношении подписки должен быть выполнен ряд процессуальных действий. Она должна быть в установленный срок (24 ч) направлена в орган предварительного расследования, в производстве которого находится уголовное дело, а также приобщена к уголовному делу, следователем.

Вопрос о том, является ли подписка сама по себе доказательством, требует отдельного рассмотрения. УПК РФ определяет, что доказательством являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Таким образом, можно сказать, что при производстве по уголовному делу подписка, как обязательный документ, прилагающийся к протоколу допроса, проведенного с использованием видео-конференц-связи, при обычных условиях, сама по себе не будет являться доказательством. В частности, в обвинительном заключении (обвинительном акте) подписка не должна быть указана в перечне доказательств. При этом в определенных условиях подписка может иметь доказательственное значение, например, при расследовании такого преступления, как фальсификация доказательств, если ставится под сомнение достоверность самого допроса или изложенных в нем данных.

УПК РФ не устанавливает конкретных обстоятельств, при которых допрос может быть проведен по видео-конференц-связи, оставляя это полностью на усмотрение следователя. Принимая данное решение, должностные лица должны исходить из назначения уголовного судопроизводства, интересов расследования и нерушимости прав участников уголовного процесса.

Проведение допроса по видео-конференц-связи, безусловно, служит ускорению уголовного судопроизводства, однако сроки предварительного расследования не должны стоять выше прав и законных интересов допрашиваемых лиц. Так, А. В. Победкин в качестве негативного фактора дистанционного допроса отмечает факт отсутствия у допрашиваемого лица возможности личного прочтения протокола допроса: «Пришлось, правда, ограничить возможность личного прочтения протокола лицами, давшими показания или участвовавшими в опознании» [4, с. 201]. О. А. Малышева также полагает, что «такое императивное установление сужает возможность (гарантию) невластного участника следственного действия осознать полноту, правильность, достоверность фиксации данных им показаний» [1, с. 78]. С данным обстоятельством сложно спорить, однако, целью ознакомления лица с протоколом его допроса является удостоверение в том, что следователь верно зафиксировал данные лицом показания. Если же у допрашиваемого появляются замечания либо уточнения, его право будет реализовано путем отражения последних в подписке, которую составляет следователь по месту нахождения допрашиваемого лица. В том случае, ежели в последствии допрашиваемое лицо посчитает, что его показания в протоколе изложены неверно, либо заявит о том, что следователь исказил какие-либо данные в процессе оглашения протокола, установить истину поможет

видеозапись, которая в обязательном порядке должна быть использована при дистанционном допросе.

Важным моментом при проведении допроса с использованием видеоконференц-связи является обеспечение тайны следствия. Должностным лицам следует не допустить подключения посторонних лиц к каналу связи, либо прекратить следственное действие при возникновении такой ситуации. Также негативным фактором допроса, производимого по видео-конференц-связи, могут явиться технические сбои и неполадки в используемых устройствах. Как указывает М. Нагорная, «полученный опыт использования систем видеосвязи позволяет заключить, что технические средства связи, которые при этом используются, оставляют желать лучшего. Постоянные обрывы, плохая слышимость и иные сопутствующие технические сбои не способствуют качеству проведения того или иного следственного действия» [2]. Однако тщательная подготовка к следственному действию поможет снизить подобные риски.

Подводя итог, хочется отметить, что использование возможностей современной техники в процессе уголовного судопроизводства – это очень важная возможность должностных лиц, которая служит соблюдению процессуальных сроков и позволяет получить доказательства по уголовному делу. При этом следователю (дознавателю) необходимо неукоснительно соблюдать все требования уголовно-процессуального законодательства и не допустить нарушения прав участников уголовного процесса.

Список литературы

1. Малышева О. А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex russica. 2022. Т. 75. № 6.

2. Нагорная М. Следственные действия в режиме ВКС // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. URL: https://fparf.ru/-ews/fpa/sledstvennye-deystviya-v-rezhime-vks/.

3. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.supcourt.ru/files/28881/.

4. Победкин А. В. Дистанционное собирание доказательств: распределение процессуальной ответственности // Криминалистическая и уголовно-процессуальная наука: современное состояние и тенденции развития : материалы Международной научно-практической конференции, 7 февраля 2022 г. Караганда : Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, 2022.

Мичурина О. В.[1],
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

Духвалова И. Г.[2],
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ДИСТАНЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ПОДОЗРЕВАЕМЫМ ИЛИ ОБВИНЯЕМЫМ, КОГДА МЕСТО ЕГО НАХОЖДЕНИЯ ИЗВЕСТНО, ОДНАКО РЕАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ УЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ ОТСУТСТВУЕТ

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ в УПК РФ введена принципиально новая норма – ст. 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи». Данная новелла оказалась долгожданной и весьма востребованной на практике по многим причинам, в том числе в связи с нестабильной санитарно-эпидемиологической ситуацией, вызванной пандемией коронавируса. Совсем недавно в нашей стране и во всем мире действовали ограничения, связанные с распространение этой инфекции. Они обнаружили в государственных сферах деятельности насущный спрос на услуги и действия, которые можно было бы осуществить дистанционно с использованием информационно-коммуникационных технологий. Не обошла стороной такая потребность и уголовное судопроизводство. К слову, информационно-коммуникационные технологии уже успешно используются в судебной практике при рассмотрении уголовных дел, вопросов, связанных с избранием, продлением, отменой или изменением меры пресечения и т. д. [2]. К примеру, системы видео-конференц-связи в судебном разбирательстве более 10 лет регламентированы ч. 4 ст. 240 и ст. 278.1 УПК РФ. Данное обстоятельство явилось своего рода катализатором для принятия новых норм, касающихся цифровизации дополнительных процессуальных процедур предварительного расследования.

Стоит отметить, что зарубежный опыт в этой области показывает себя весьма успешным. Например, согласно законодательству Эстонской Республики, в качестве доказательств может быть использована цифровая фотография, которая находится непосредственно в протоколе следственного действия или в приложении к нему в системе электронного дела *E-toimek* [5, с. 127]. Многие европейские страны давно используют системы видео-конференц-связи в процессуальной деятельности не только во время судебного заседания, при подготовке к нему, но и на досудебных этапах. Так, в Республике Молдова [3] ди-

---

[1] © Мичурина О. В., 2023.
[2] © Духвалова И. Г., 2023.

станционная форма осуществления допроса применяется для обеспечения безопасности свидетеля. Также согласно законодательству этой страны, предусмотрена возможность осуществления режима закрытой видео-конференц-связи с изменением параметров внешности и голоса. Достоверная информация о личности свидетеля сохраняется в соответствии с режимом секретности. Стоит также отметить, что даже в случае режима закрытой видео-конференц-связи потерпевший, обвиняемый (подозреваемый), а также их защитники имеют право задавать интересующие их вопросы. Интересно, что в Республике Казахстан основаниями для производства допроса в дистанционном формате являются, помимо невозможности фактического участия и обеспечения безопасности лица, дающего показания, еще и возможные большие финансовые траты для уголовного судопроизводства [4]. Последнее обусловлено процессуальными издержками, которые могут возникнуть в связи с прибытием к месту производства следственного действия одного из его участников, затратами на его проживание.

Рассматриваемые меры являются актуальными, в том числе и для российского уголовного судопроизводства, особенно при решении вопроса о приостановлении предварительного расследования. Стоит отметить, что временный перерыв в расследовании является своего рода негативным явлением, затрудняющим быстрый доступ участников к правосудию. Следователь и дознаватель, принимая такое решение, не могут спрогнозировать, как долго он затянется. Использование систем видео-конференц-связи позволяет отказаться от приостановления предварительного расследования при наличии объективной невозможности участия обвиняемого (подозреваемого) в уголовном деле в случае, когда его место нахождения известно, однако реальная возможность участия в уголовном деле отсутствует (п. «3» ч. 1 ст. 208 УПК РФ). Речь идет о ситуациях, когда подозреваемый или обвиняемый, к примеру, находится на территории Российской Федерации, но в месте значительно удаленном от проведения предварительного расследования и у него нет реальной возможности явиться по причине стихийного бедствия или иного природного явления, связанного с транспортной труднодоступностью, нахождении на зимовке или в отдаленной экспедиции, на морском (речном) судне в дальнем плавании, в связи со сложной эпидемиологической ситуацией и др. Его выезд за границу по причине длительной командировки или иные другие причины невозможности участия в производстве по уголовному делу, связанные с местом нахождения, не всегда означают стремление скрыться, избежать уголовной ответственности. Это могут быть совершенно объективные причины, вызванные сложившимися у подозреваемого (обвиняемого) различными жизненными ситуациями. Причем, длительность невозможности его участия превышает процессуальные сроки расследования. Наглядным примером могут служить нижеприведенные обстоятельства.

Старшим следователем СО ОМВД России по Тверскому району г. Москвы было вынесено постановление о приостановлении предварительного следствия по п. «3» ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В его производстве находилось уголовное дело в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. На момент предварительного расследова-

ния выяснилось, что ранее К. совершил еще одно преступление по ч. 1 ст. 161 УК РФ в г. Смоленске и в отношении него уже имелся вступивший в законную силу приговор суда. В виду того, что К. был отправлен для отбывания наказания в одно из учреждений уголовно-исполнительной системы Республики Мордовия, реальная возможность его участия в уголовном деле, расследуемом в г. Москве, отсутствовала.

Изучение нами уголовных дел, расследуемых в период действующих эпидемиологических ограничений, когда многие страны закрыли свои границы и было затруднено даже перемещение между субъектами Российской Федерации, со всей очевидностью показало, что приостановление предварительного расследования по было тогда единственной легитимной возможностью не нарушать сроки предварительного расследования в случаях невозможности участия по уголовному делу подозреваемого (обвиняемого).

Нынешние реалии жизни создают новые ситуации невозможности участия подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу, когда его местонахождение известно, которые ранее не могли возникнуть в силу объективных причин. Так, следователем ГСУ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и ЛО расследовалось уголовное дело в отношении П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. В настоящее время П. был призван на военную службу в связи с объявленной частичной мобилизацией. В его отсутствие проводить предварительное следствие было уже весьма затруднительно, поэтому следователь вынес постановление о приостановлении предварительного следствия по п. «3» ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Мы согласны с мнением П.И. Михайлова, что отсутствие реальной возможности участия подозреваемого (обвиняемого) в уголовном деле не означает буквально отсутствие возможности у него участвовать в ходе предварительного расследования, если нет иного запрета [6, с. 91]. Подобное ограничение может быть продиктовано определенной сложившейся чрезвычайной ситуацией, при которой обвиняемый (подозреваемый) имеет сложности для непосредственного прибытия к следователю или дознавателю, у которых находится в производстве уголовное дело. А без этого ограничения подобное положение значительным образом ущемляет закрепленные конституционные права и свободы человека и гражданина. Ведь защищаемые государством права и свободы являются своего рода основой для процессуального статуса абсолютно любого участника вне зависимости от его роли в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, введенная процедура удаленного участия подозреваемого (обвиняемого) с помощью систем видео-конференц-связи не только создает благоприятные условия для нормального функционирования уголовного судопроизводства, но и обеспечивает права его участников. Что же касается процедурных моментов дистанционного производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания то, если это касается случаев нахождения подозреваемого или обвиняемого на территории Российской Федерации, никаких особенных затруднений использования видео-конференц-связи нам тут нами не видится. Кроме, пожалуй, отсутствия на сегодняшний день сформированного опыта практики правоприменения. Относительно же его нахождения за территорией России

проблемы возникают уже в связи с процедурной необходимостью оказания правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества.

Неурегулированным остается вопрос обеспечения права обвиняемого (подозреваемого) пользоваться документами, записями, заметками (ч. 3 ст. 189 УПК РФ) в случае применения цифровых технологий. Предполагаем, что, как и с бумажными носителями при проведении допроса в обычном режиме, они должны приобщаться к материалам уголовного дела. А следователь или дознаватель должен проверить их соответствие перед началом сеанса видео-конференц-связи. Более точное регламентирование рассматриваемого вопроса должно быть закреплено законодательно в требованиях к ст. 189.1 УПК РФ.

Особое внимание стоит уделить обеспечению прав и законных интересов наиболее уязвимых лиц, которыми являются пожилые люди, инвалиды, люди с ограниченным возможностями и т. д. – тех людей, которые не могут прийти даже в следственный орган по месту жительства для осуществления посредством использования систем видео-конференц-связи допроса, очной ставки, опознания. Безусловно, что для обеспечения их прав и законных интересов было бы целесообразно предусмотреть возможность применения заявленных информационных технологий по фактическому их местонахождению. Но при этом мы осознаем всю бесперспективность такой процедуры в нашем уголовно-процессуальном правопорядке по причине ее уязвимости с точки зрения допустимости полученных доказательств.

Если же вести речь о более реальных нововведениях, то нам видится разумным закрепление на законодательном уровне, как это было в первоначальном проекте Федерального закона № 434998-7, возможности использования систем видео-конференц-связи при допросе, очной ставке и предъявлении для опознания с участием несовершеннолетних [1]. Мы полагаем это полезным в виду того, что подросток не отрывается от учебы, не едет далеко от места своего фактического проживания, отсутствует негативная психологическая нагрузка на психику несовершеннолетнего и т. д.

О. В. Химичева и А. В. Андреев справедливо прогнозируют, что цифровизация неизбежна в уголовном судопроизводстве, и задача состоит в том, чтобы наиболее оптимальным образом урегулировать использование ее технологий, «внедрить» их в традиционные процедуры, свойственные производству по уголовным делам [8, с. 23]. При всей положительной оценке внедрения информационно-телекоммуникационных технологий в российское уголовное судопроизводство, мы прогнозируем и определенные риски, сопряженные, прежде всего с вопросами соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, допустимостью доказательств, сохранением тайны предварительного расследования, информационной безопасностью и пр. Во время использования систем видео-конференц-связи для осуществления допроса, выемки и предъявления для опознания необходимо использование отдельной выделенной сети с высоким уровнем защиты, особые технические условия и требования для удостоверения личности. Отметим также, что в виду того, что цифровые технологии постоянно развиваются, обеспечение цифровой грамотности сотрудников органов внутренних дел вместе с техническим оснащением

подразделений становится обязательным. В любом случае, все подобные нововведения должны происходить, как верно отмечено П. О. Панфиловым, с безусловным сохранением всех имеющихся процессуальных гарантий законности (или даже их повышением) [7, с. 109].

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что переход современного уголовного судопроизводства к электронной форме *paper-free* и дистанционному участию обвиняемого (подозреваемого) с использованием систем видео-конференц-связи способствуют соблюдению процессуальных сроков, ускорению уголовного судопроизводства, исключает необходимость временных перерывов в процессуальной деятельности (как в случае с приостановлением предварительного расследования), предоставлению равных возможностей как стороне обвинения, так и защите.

Список литературы

1. Проект № 434998-7 Федерального закона о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

2. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821 (ред. от 29.04.2020) «О приостановлении личного приема граждан в судах» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (по состоянию на 31.03.2022) // ИС «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729#pos=6;-155.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (по состоянию на 02.03.2022) // ИС «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852&pos=44;-52#pos=44;-52.

5. Антонович Е. К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 125–136.

6. Михайлов П. И. Приостановление предварительного следствия по уголовному делу в чрезвычайных условиях на примере пандемии коронавируса (COVID-19) // Евразийская адвокатура. 2020. № 4 (47). С. 89–93.

7. Панфилов П. О. Изменение уголовно-процессуального закона, вызванное цифровизацией экономических отношений: реальность и потребность // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 106–109.

8. Химичева О. В., Андреев А. В. Цифровизация как тренд развития современного уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 21–23.

Неупокоева И. А.[1],
доцент кафедры криминалистики
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Шеховцова Л. С.[2],
старший преподаватель кафедры
криминалистики Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА К ДОПРОСУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СВИДЕТЕЛЕЙ

Допрос несовершеннолетних традиционно признается в криминалистике одним из наиболее сложных следственных действий. Объясняется это, с одной стороны, психолого-коммуникативными особенностям детей, с другой – организационными трудностями, связанными с вызовом и организацией участия в ходе допроса иных лиц.

Традиционно в отечественной криминалистической тактике принято допрашивать несовершеннолетних только один раз. Еще в методическом пособии по допросу несовершеннолетних 1939 г. под ред. А. Я. Вышинского сказано, что повторный допрос несовершеннолетнего, как правило, недопустим, поскольку вновь данные ими показания будут или механически повторять ранее полученные или в корне будут отличаться от первоначальных, учитывая их особенности памяти и тягу детей к фантазированию [1, с. 12].

В таких сложных с организационно-тактической точки зрения условиях помочь следователю призваны педагог и психолог. В соответствии с законом обязательным участником допроса свидетеля, не достигшего возраста 16 лет, является педагог или психолог. Буквальное толкование нормы ст. 191 УПК РФ свидетельствует о том, что законодатель не проводит различий между такими участниками.

Участие педагога при допросе несовершеннолетних свидетелей было предусмотрено и в ранее действующем отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Педагог, как лицо, обладающее специальными знаниями в области обучения, воспитания и возрастной психологии, призван оказывать помощь следователю в подготовке плана допроса, определения последовательности и формулировки вопросов, а допрашиваемому помочь в оценке и характеристике фактов, по поводу которых он свидетельствует.

Законодательного определения «психолога» как участника уголовного судопроизводства не дано. В юридической литературе традиционно признается, что психолог оказывает содействие следователю в определении уровня зрелости дет-

[1] © Неупокоева И. А., 2023.
[2] © Шеховцова Л. С., 2023.

ской психики, развитости способностей допрашиваемого к запоминанию и осознанию информации, склонности к фантазированию. Психолог может помочь в определении особенностей развития эмоционального интеллекта допрашиваемого, способности четко и грамотно формулировать свои переживания, а также в распознавании причин и мотивов его поступков [3]. Для установления и поддержания в ходе допроса доверительных отношений с несовершеннолетним свидетелем также может быть использована помощь психолога.

Педагогическое и психологическое содействие, полагаем, являются различными видами помощи, поддержки несовершеннолетним допрашиваемым, которое осуществляются сведущими лицами, имеющими специальное образование и опыт работы [2]. И педагог, и психолог призваны оказать квалифицированную помощь свидетелю и следователю при получении полных и объективных показаний несовершеннолетнего.

Законный представитель также является участником уголовного судопроизводства, имеющим право присутствовать на допросе несовершеннолетнего свидетеля. Такие лица как родитель, усыновитель, опекун, попечитель, содействуют следователю в решении вопросов, касающихся личности несовершеннолетнего, условий его жизни и воспитания, обстоятельств, причин и роли допрашиваемого при совершении преступления [4, с. 82].

Следователю важно своевременно оценить возможные тактические риски такого участия. Психологическое влияние родителей на допрашиваемого может значительно осложнить ход следственного действия, когда несовершеннолетний оглашает компрометирующие его сведения. Их неодобрительная реакция на поступающую информацию способна привести к уклонению от дачи показаний или даже к сообщению ложных данных.

Однако такое участие содействует получению полных сведений, если в ходе допроса не планируется устанавливать сведений, порочащих его. Особенно значимо привлекать законного представителя при допросе чрезвычайно робких и впечатлительных или нервных детей, которые теряются в присутствии незнакомых им лиц. При этом важно установить, что несовершеннолетний хорошо относится к таким людям, доверяет им. Присутствие близкого человека способно несколько успокоить ребенка, вызванного на допрос, помочь ему справиться с ситуацией стресса и начать общение со следователем.

В нашей многонациональной стране говорят на языках 14 языковых семей. Хотя русский признан Конституцией Российской Федерации государственным языком на всей ее территории, он не всегда выступает в качестве родного для проживающих здесь народов, поэтому при допросе несовершеннолетнего свидетеля может возникнуть речевая ситуация, требующая привлечения переводчика. В частности, в ходе расследования кражи личного имущества гр. А возникла необходимость в привлечении переводчика с башкирского языка для удостаивания факта незаконного проникновения в жилище подозреваемого гр. С. Допрошенный несовершеннолетний свидетель гр. Б. в присутствии переводчика пояснил, как играя на детской площадке, он увидел дядю Ильшата вместе с незнакомым ему мужчиной, которые входили с пакетом с руках к нему домой в то время как мамы не было дома и выходили обратно [5, Т. 1, л. д. 81–83].

Привлечении переводчика к проведению допроса несовершеннолетнего свидетеля предполагает не только определение уровня владения им иностранным языком, но и наличия у него опыта перевода детской речи. Специалисты-лингвисты утверждают, что детская речь, в особенности несовершеннолетних дошкольного и младше школьного возраста, имеет существенные фонетические и грамматические отличия от языка взрослых. Это связано с обилием в ней языковых инноваций, динамизмом, нарушением причинно-следственных отношений и т. д. [6] Все это требует от переводчика применения особых методик, позволяющих получить точный перевод с учетом специфики коммуникативной ситуации.

В юридической литературе также предлагается привлекать к проведению допроса несовершеннолетнего иных специалистов. Так, анализируя тактику допроса несовершенного подозреваемого при расследовании киберпреступлений, М. А. Киселева рекомендует привлекать специалистов в области компьютерной техники [7]. Полагаем, если получение полных и достоверных показаний требует использования специальных знаний в той или иной области, рекомендация по привлечению специалиста может быть полезной и в ходе допроса несовершеннолетних свидетелей.

Привлечение иных участников уголовного судопроизводства к проведению допроса несовершеннолетнего тесно связано с темой отвода специалистов как средства обеспечения независимости и объективности расследования по уголовному делу. Исходя из лексического значения данного слова под термином «отвод» понимается отклонение отвержение участника, признание его неподходящим, соответствующим. Чаще всего основанием к тому служит выявление некомпетентности специалиста в силу отсутствия у него требуемых знаний, умений, навыков, стажа работы. Однако в ст. 71 УПК РФ предусмотрен также отвод по причинам участия в уголовном деле в качестве иного участника судопроизводства, нахождения в родстве с участниками уголовного процесса или наличие иной заинтересованности в исходе уголовного дела.

Привлечение иных участников к допросу несовершеннолетнего свидетеля: специалиста, законного представителя, психолога, педагога, переводчика призвано обеспечить права и законные интересы несовершеннолетних, а также повысить эффективность получения от них показаний.

Список литературы

1. Методика допроса несовершеннолетних: пособие для прокуроров и следователей : методические советы / под ред. А. Я. Вышинского. М. : Юридическое издательство, 1939.

2. Шеховцова Л. С. Участники допроса несовершеннолетних свидетелей // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2022. С. 324–327.

3. Куликов А. В., Новиков А. А. Соотношение процессуального положения специалиста, психолога, педагога и переводчика в уголовном судопроизводстве России // Российский судья. 2007. № 1. С. 32–34.

4. Бекбулатова А. Т. Первоначальный этап расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых несовершеннолетними : дис. ... канд. юрид. наук. Омск : Южно-Уральский государственный университет, 2010.

5. Уголовное дело 1-175/2018 от 13 ноября 2018 г. Ишимбайского городского суда Республики Башкортостан // Сайт «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru/regular/doc/R3sTBFFYdCm5/.

6. Лебеденко Г. А., Шавкун Н. С., Корин С. Лингвокреативность как определяющая черта лингвистической специфики детской речи // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2002. № 1. С. 106–117.

7. Киселева М. А. Тактические особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого при расследовании киберпреступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-1. С. 209–210.

Плетникова М. С.[1],
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Плетников В. С.[2],
доцент кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета,
кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

В современном российском обществе наблюдается рост активного использования информационных технологий во всех сферах его деятельности. Не является исключением и уголовное судопроизводство России. За последние десятилетие действующий уголовно-процессуальный закон подвергался многочисленным корректировкам, изменениям и дополнения в целях оптимизации уголовного процесса, обеспечения прав и законных интересов его участников.

Одним из относительно недавних изменений УПК РФ стало его дополнение ст. 189.1, предусматривающей возможность проведения допроса, очной ставки и опознания в дистанционном формате при помощи видео-конференц-связи. Спустя практически год, с момента дополнения УПК РФ данной статьей, следует, к сожалению, констатировать факт, что уголовно-процессуальный закон был дополнен статьей, которой правоприменитель пользоваться не может (не желает) в силу ряда объективных и субъективных причин. Так, на территории Свердловской области в течение 2022 г. допрос в дистанционном формате проводился только один раз органами предварительного следствия, т. е. в очередной раз действующий закон был дополнен не особо жизнеспособной статьей.

Впервые вопрос о возможности применения видео-конференц-связи на этапе досудебного производства на законодательном уровне был поднят в 2018 г., когда инициативная группа, возглавляемая Главой комитета Совета Федерации по экономической политике А. В. Кутеповым, предложила рассмотреть законопроект № 434998-7 от 5 апреля 2018 г. [1], в котором предусматривалась возможность на этапе предварительного расследования осуществлять допрос потерпевшего, свидетеля и эксперта в дистанционном формате при помощи видео-конференц-связи. По мнению инициативной группы, такой формат производства допроса мог бы оптимизировать процесс взаимодействия следователя/дознавателя с потерпевшим, свидетелем, которые находятся на удален-

[1] © Плетникова М. С., 2023.
[2] © Плетников В. С., 2023.

ном расстоянии от места предварительного расследования. Законопроект нес в себе действительно позитивный посыл, данное новшество помогло бы лицам, проводящим расследование по уголовному делу самостоятельно проводить допрос на удаленном расстоянии. До этого момента возможность осуществлять допрос в удаленном дистанционном формате предусматривалась исключительно на судебных стадиях и регламентировалась ст. 278.1 УПК РФ. Позднее в 2020 г. в условиях карантинных мер ограничения и пандемии, в которых находилась Россия, инициативная группа отозвала данный законопроект

1 июня 2021 г. сенаторами Российской Федерации А. В. Кутеповым и В. А. Пономаревым повторно был внесен законопроект № 1184595-7 [2], предлагающий проводить допрос свидетелей, потерпевшего, специалиста и эксперта в режиме онлайн при помощи видео-конференц-связи, т. е. повторно вынесенный на рассмотрение законопроект уже расширил круг участников в отношении кого можно проводить дистанционный допрос. Но при этом по-прежнему исключал возможность производства допроса в удаленном формате участников со стороны защиты. Данный законопроект не распространялся ни на подозреваемого, ни на обвиняемого. Позднее в законопроект были внесены поправки и круг следственных действий, производство которых возможно при помощи видео конференцсвязи расширился. По мимо допроса процессуальный порядок, предлагаемой ст. 189.1 УПК РФ, стал распространятся на такие следственные действия как очная ставка и производство опознания.

30 декабря 2021 г. действующий уголовно-процессуальный закон был дополнен ст. 189.1 УПК РФ. При рассмотрении данной статьи очевидно возникает ряд проблемных вопросов, не позволяющих правоприменителю ее активно использовать на практике. Так, в части первой говорится, что следователь и дознаватель вправе проводить допрос, очную ставку, опознание путем использования систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности. К сожалению, следует обратить внимание, что техническое обеспечение правоохранительных органов по-прежнему остается на весьма посредственном уровне. У многих территориальных органах системы МВД России отсутствует такая техническая возможность. Кроме того, при этом абсолютно не учитывается волеизъявление участников уголовного судопроизводства, а также не рассматривается вопрос о возможности заявления ходатайства о проведении дистанционного допроса (очной ставки, опознания) участниками уголовного судопроизводства.

Часть вторая рассматриваемой статьи, говорит о том, что основанием организации и проведения вышеобозначенных следственных действий является поручение следователя о производстве следственного действия, осуществляющего расследование по уголовному делу, и направленное в орган предварительного расследования (орган дознания) по месту нахождения лица, которого необходимо допросить. Данное лицо вызывается в территориальный орган, где с учетом ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ проводится следственное действие.

Анализируя чч. 1 и 2 ст. 189.1 УПК РФ, становится очевидно, что повышаются затраты на производство следственного действия, как со стороны техни-

ческого обеспечения, так и людских и финансовых ресурсов. Кроме того, производство такого следственного действия возможно исключительно в территориальном органе системы МВД России. При этом остается неохваченным возможность производства дистанционного допроса лица без привлечения должностных лиц с применением собственных технических средств. Если бы такая возможность была предоставлена органам предварительного расследования, то это позволило бы в разы оптимизировать процесс производства допроса. Во-первых, не надо привлекать специальные технические средства системы МВД России, во-вторых, не надо привлекать дополнительно лиц, организующих и непосредственно проводящих следственное действие. Таким образом, ст. 189.1 УПК РФ стала бы унифицированной и полезной не только, когда следователь и участник уголовного судопроизводства находятся на удаленном друг от друга расстоянии, но и в условиях, когда участник уголовного судопроизводства, при всем желании участвовать в следственном действии фактически не может его принять. Например, находится в режиме изоляции либо самоизоляции, связанной с каким-либо заболеванием, и не может контактировать с посторонними людьми; либо находится за пределами Российской Федерации, либо в труднодоступных местах (на зимовках, стоянках, научно-исследовательских станциях) и т. д. В таком виде статья наиболее соответствовала бы назначению уголовного процесса, обеспечению законных прав и интересов участников, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, соблюдению разумного срока уголовно процесса.

При возникновении вопроса о идентификации личности допрашиваемого лица, находящегося на удаленном расстоянии, можно было бы воспользоваться в таком случае, цифровыми технологиями, существующими на территории России. Например, сайт Госуслуги, на котором многие зарегистрированы, а также индивидуальной электронной подписью лица, с которым проводится следственное действие. Использование электронной цифровой подписи позволило бы подписывать протокол следственного действия в электронном формате и не требовало бы отбирания следователем отдельной подписки о разъяснении участникам следственного действия их прав и обязанностей, предупреждения об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ (свидетель, потерпевший), об ознакомлении с протоколом следственного действия и т. д., и направления данной подписки в орган осуществляющий предварительное расследование по уголовному делу.

Для обеспечения дополнительной гарантии законности и правильности производства следственного действия, на протяжении всего хода его проведения необходимо вести видеозапись, которая должна быть приложена к протоколу следственного действия. В настоящее время данное положение закреплено в ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что с учетом современного технического прогресса и цифровых технологий ст. 189.1 УПК РФ может быть отличным помощником в уголовном судопроизводстве, оптимизировать и улучшить процессу и качество производства следственных действий. Но в то же время низкая практика применения ст. 189.1 УПК РФ говорит, о том, что она требует

пристального внимания законодателя и корректировки. Так как в настоящее время правоприменительная практика сталкивается с рядом проблем, требующих их разрешения. Во-первых, низкое техническое обеспечение территориальных органов, не позволяющее проводить следственные действия в дистанционном формате; во-вторых, трудоемкий процесс проведения следственного действия в дистанционном формате, а также необходимость привлечения дополнительного круга вспомогательных участников, заполнения дополнительных процессуальных документов, вызывает неприятие правоприменителя к производству следственного действия в таком формате.

Список литературы

1. Законопроект № 434998-7 от 5 апреля 2018 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7.

2. Законопроект № 1184595-7 от 1 июня 2021 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7.

Подустова О. Л.[1],
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Лисова А. В.[2],
курсант института-факультета
подготовки сотрудников для органов
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Процесс цифровизации активно внедряется в человеческую жизнь, а также в различные области человеческой деятельности, в том числе и юриспруденцию, а именно в уголовное судопроизводство [5, с. 23]. В УПК РФ уже имеются нормы, отражающие процесс становления института цифровизации и использования IT-технологий, к примеру, в ст. 189.1, которая говорит о праве следователя проводить некоторые следственные действия, а именно допрос, очную ставку и опознание с использованием видео-конференц-связи.

Следует отметить, что процесс цифровизации включает в себя различные IT-технологии, цифровые платформы, системы искусственного интеллекта, телекоммуникационные услуги и т. д. Подробнее хотелось бы остановиться именно на развитии искусственного интеллекта и оценить перспективы его использования в уголовном процессе.

Искусственный интеллект в глазах специалистов рассматривается совершенно по-разному. Журналисты описывают искусственный интеллект как пластмассовое бесполое существо, которое способно выполнять заранее заданный список действий. Разработчики, которые создают технологии искусственного интеллекта и применяют их, видят искусственную систему совершенно иначе. Для них искусственный интеллект не принимает определенную физическую форму, напоминающую, например, животное или человекообразное существо, а наоборот рассматривается как некий программный код, набор формул или конфигурационный файл, где содержатся цифры, параметры, которые они определяют, как архитектуру нейронной сети. Для ученых искусственный интеллект – математика, т. е. представление через математические формулы и теории. В уголовном процессе искусственный интеллект рассматривается как

[1] © Подустова О. Л., 2023.
[2] © Лисова А. В., 2023.

система, способная устанавливать идентичность лица, исход уголовного дела, а также проводить следственные действия [3, с. 52].

Обобщая вышесказанное, можно прийти к выводу, что искусственный интеллект представляет собой одно из направлений современной науки, изучающей комплекс цифровых технологий, способных мыслить и действовать как человек, т.е. выполнять поставленные задачи посредством заложенного в систему алгоритма. Легально закрепленное определение искусственного интеллекта содержится в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Согласно данной стратегии под искусственным интеллектом следует понимать комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [1].

Важно не только понимать сущность, функции и порядок работы интеллектуальных систем, но и уметь правильно ставить цели искусственному интеллекту, потому что именно от этих факторов зависит предполагаемый конечный результат. В деятельности следователя искусственный интеллект выступает в роли вспомогательного средства, позволяющего, например, мгновенно идентифицировать личность по имеющимся данным [2, с. 31].

Использовать интеллектуальные системы в следственной деятельности необходимо основываясь на возможностях действия искусственного интеллекта: во-первых, искусственный интеллект способен обобщать и систематизировать огромный объем данных, что позволяет быстро находить необходимую информацию об интересующем лице; во-вторых, правильно принимать те или иные решения за правоприменителя по конкретному уголовному делу, основываясь на предположенных данных и нормах законодательства; а, в-третьих, искусственный интеллект способен прогнозировать уровень совершаемых преступлений, оценивать предоставляемые доказательства, а также назначать справедливое наказание, исходя из описания личности преступника и совершенных им действий [3, с. 53].

Обращаясь к практике использования искусственного интеллекта при производстве следственных действий зарубежных стран, стоит отметить опыт Китайской народной республики как высокотехнологичной цифровой страны, которая разработала «систему 206», или «Шанхайскую интеллектуальную вспомогательную систему для уголовных дел по реализации судебной реформы, ядром которой является судопроизводство». Разработанная система позволяет автоматически идентифицировать, выбирать и отображать доказательственные материалы. Интересным фактом является то, что «система 206» не только способна собирать доказательственную базу, путем захвата информации с помощью встроенных в систему технологий, а именно: распознавание голосовой информации, захват некоторых элементов дела и т. д., но и способна проводить руководство по проведению такого следственного действия как допрос.

При проведении допроса с помощью данной системы следователю предоставляется «идеальный» план работы с опрашиваемым лицом, а также анализируется степень достоверности и правдивости даваемых ответов на поставленные вопросы. Так, в Шанхайскую «систему 206» встроена функция «допрос по ключевым словам», что позволяет следователям проводить «идеальный» допрос, а также осуществлять запись проводимого мероприятия. Работа с данной функцией намного упрощает проведение следственного действия, а также дает возможность со временем вычленять устные заявления и своевременно обнаруживать в них противоречивые моменты [4, с. 74]. Искусственный интеллект, встроенный в данную систему, производит анализ полученных при допросе фактов и новых открывшихся обстоятельств и выводит следователю результат проведенного допроса.

В российском уголовном процессе вопросы об использовании искусственного интеллекта рассматриваются разными учеными, однако законодатели консервативно относятся к введению существенных изменений, однако, исходя из тенденции развития цифровизации в человеческой деятельности, интеллектуальные системы рано или поздно будут применяться и правоохранителями в своей деятельности, что является лишь вопросом времени.

Таким образом, говоря о перспективе использования искусственного интеллекта при производстве следственных действий, стоит отметить эффективность его применения в деятельности следователя по расследованию преступлений. Искусственный интеллект способен не только выполнять некоторую работу сотрудника, но и значительно снижать его нагрузку в практической деятельности. Однако не стоит забывать о том, что у искусственного интеллекта нет своего личного, субъективного отношения к происходящим действий, нет эмоциональной составляющей, происходящей на сознательном уровне, и полное вытеснение человека из области раскрытия и расследования преступлений однозначно невозможно. Искусственный интеллект лишь помогает производить некоторые действия согласно алгоритму, способствует расследованию преступлений, что позволяет выполнять работу качественно, но стоит помнить, что имитирование человеческой деятельности еще не значит полное отстранение человека от правоохранительной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

На данный момент системы искусственного интеллекта вызывают больше вопросов, чем ответов, в силу имеющихся проблем в их правовом регулировании, наделении определенным статусом в уголовном процессе, а также установлении ответственности, в случае возникновения ошибок. Однако применение искусственного интеллекта в деятельности следователя со временем окажется необходима.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период

до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/consdocLAW335184/.

2. Рыжкова Е. А. Бот рассудит. Как искусственный интеллект вживляют в судебную практику // Русский репортер. 2018. № 1-2. С. 30–32.

3. Шамсутдинов Б. С. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном процессе // WEEQLY.RU – научно-практические исследования. 2020. № 11-2 (34) С. 52–54.

4. Реховский А. Ф. Использование искусственного интеллекта в уголовном процессе Китая // Технологии XXI века в юриспруденции : материалылы III Международной научно-практической конференции, 21 мая 2021 г. / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 69–77.

5. Химичева О. В., Андреев А. В. Цифровизация как тренд развития современного уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 21–23.

Посельская Л. Н.[1],
доцент кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В современных условиях, когда все чаще используются интеллектуальные информационные системы для управления экономическими структурами, важно иметь представление о том, какие открываются возможности в сфере экономической деятельности при использовании новых технологий, и, в первую очередь, «больших информационных систем», приходящих на смену программному обеспечению «1-С Бухгалтерия». Цифровые технологии диктуют свои условия выявления и расследования преступлений в сфере экономической деятельности. Данная проблема коррелирует и с вопросами совершенствования профессионального мастерства лиц, осуществляющих оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия, направленные на получение доказательств.

Понятие должностного лица законодательно закреплено. В сфере уголовного судопроизводства должностные лица фигурируют по уголовным делам в качестве подозреваемых, обвиняемых, но практически всегда стараются представить свою роль в виде потерпевшего или свидетеля. В ряде случаев им удается противодействовать расследованию. По демографическим признакам это социально благополучные и высокообразованные личности. Должностные лица одними из первых стали использовать IT-технологии в преступных целях, в том числе как в области бухгалтерского учета, так и в финансово-банковских операциях. Они вовлекают в преступные схемы отдельных подчиненных или даже коллективы работников. Однако личность всегда двойственная. С одной стороны, они демонстрируют честность и порядочность, с другой – создают преступные схемы, руководствуясь корыстной или даже корыстно-насильственной мотивацией, т. е. демонстрируют явные признаки двойственной личности.

В связи с этим необходимо иметь представление о детерминации личности субъекта, как должностного лица, совершающего преступления в сфере экономики. В свое время А. Б. Купрейченко в исследовании рассмотрела вопросы нравственной детерминации экономического сознания и поведения субъектов этой деятельности [5]. С точки зрения криминалистики и юридической психологии более интересными являются представления о том, к какому виду преступной деятельности в сфере экономики приводит детерминация экономического сознания.

---

[1] © Посельская Л. Н., 2023.

Изучение практики расследования уголовных дел в сфере экономической деятельности дает основания говорить о том, что нет комплекса более или менее устойчивых факторов, точно определяющих выбор способа преступления или вид преступной деятельности. При подготовке к допросу приходится учитывать все обстоятельства, которые явились детерминантами сознания должностного лица, обусловившими преступное поведение до назначения на должность, либо такие возможности возникли уже в ходе осуществления своей профессиональной деятельности. Например, использование нелегальной договорной деятельности в сфере финансово-хозяйственных отношений для получения неконтролируемых преступных доходов, неминуемо приводит должностное лицо к необходимости легализации криминальных доходов. При переводе регистрационных систем ЕГРЮЛ, ЕГРИП и других на цифровые технологии, мы получили значительный рост должностных преступлений, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями при внесении в указанные реестры заведомо ложных сведений. Вывод части активов и финансовых средств организации (предприятия) из легального оборота в «теневую» сферу обусловливает совершение должностным лицом действий, направленных на криминальное банкротство.

Учитывая вышесказанное, для решения вопроса о выборе тактических приемов подготовки и осуществления допроса должностных лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности, практическое значение имеет не только определение способа преступления, но и типология личности субъекта преступления. Последнее можно признать более приоритетной задачей подготовки к допросу, так как способы экономических преступлений в каждом конкретном случае рознятся и имеют свою специфику, и в большинстве случаев не типичны для других видов экономических преступлений, тогда как личность преступников, действующие на них детерминанты и мотивация обладают типичными свойствами. В этом смысле типология криминалистической характеристики личности названной категории преступников позволяет разработать и общие тактические приемы подготовки и проведения допроса.

Изучение личности должностного лица, совершающего преступления в сфере экономической деятельности, начинается с установления мотивации криминального поведения. Обычно мотивация корыстная. Однако это не единственный мотив, если рассматривать в целом сформировавшуюся концепцию криминального экономического поведения. Необходимо учитывать конкурентную борьбу между субъектами экономических отношений, стремление занять лидирующие позиции в определенной сфере финансово-хозяйственной деятельности, воздействие преступной среды и др. Данные обстоятельства необходимо выяснить посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий, ревизий, аудиторских проверок. Вместе с тем, изучение предыдущей профессиональной деятельности должностного лица позволит составить представление о направленности личности, его профессионализме, способности воздействовать на подчиненных ему сотрудников.

О необходимости и возможности изучения личности подозреваемого (обвиняемого) ранее в своих трудах отмечали Н. Т. Ведерников и А. Ф. Волынский,

указывая на особую значимость этой информации при подготовке к допросу [2, с. 108–109]. Полагаем, что такие рекомендации полезны, в первую очередь, для изучения личности должностных лиц перед их допросом. Особенность организации допроса по преступлениям в сфере экономической деятельности в том, что с момента начала осуществления проверочных мероприятий, действия правоохранительных органов носят гласный характер и должностным лицам известно, по поводу чего ведется расследование, но, тем не менее, следователь работает в условиях дефицита информации о способе преступления и его участниках.

Рассмотрим условия и факторы, влияющие на тактику допроса. Допрос не задержанного подозреваемого, особенно когда до момента возбуждения уголовного дела проводилась предварительная проверка, дает последнему время продумать, реализовать способы сокрытия преступления и даже организовать противодействие расследованию и иные способы защиты. В этом случае допрос, как правило, осуществляется на основе имеющейся информации и по установленным и зафиксированным фактическим обстоятельствам преступного действия. При этом процессуальный статус допрашиваемого лица обозначается следователем сразу.

Изучение практики расследования отдельных видов преступлений в сфере экономической деятельности позволяет определить наиболее типичные тактические приемы допроса подозреваемых в совершении преступления должностных лиц. При определении тактических приемов допроса, как отмечено ранее, учитывать психологический статус лица, его намерение в отношении процесса расследования, уровень грамотности и владения операционными технологиями, используемыми в подчиненной должностному лицу структуре. Кроме этого, при определении тактических приемов допроса необходимо учитывать наличие соучастников в преступной схеме деятельности, его связи и окружение, а также то обстоятельство, что он может воспользоваться коррумпированными связями и связями в криминальной среде.

В настоящее время вряд ли стоит считать допрос должностного лица первоначальным следственным действием. Скорее всего, его допросу должны предшествовать выемка документов на всех видах носителей информации. После выемки и осмотра документов с участием специалиста, можно более точно определить предмет допроса. В ряде случаев и при проведении допроса необходимо участие специалиста-экономиста, либо специалиста в области бухгалтерского учета и отчетности. Участие специалистов в разных сферах практической деятельности подчеркивается многими криминалистами: П. П. Ищенко [4, с. 12], А. Ф. Волынским [3, с. 120–128]. Преступления в сфере экономической деятельности совершаются при соучастии различной категории субъектов. Как правило, должностные лица совершают свои преступные действия не сами лично, а через своих подчиненных, вовлеченных в преступную деятельность. В этой связи необходимо рассматривать таких лиц, как участвующих умышленно и находящихся в сговоре, имеющих свой корыстный или иной мотив. И категорию работников, которые не подозревали, что их умения и навыки используются в преступных схемах.

В большинстве случаев должностное лицо отрицает свою причастность к выявленному преступлению. Могут быть заведомо ложные показания. При допросе, в отдельных случаях, целесообразно использовать документы – вещественные доказательства и документы – письменные доказательства, свидетельствующие о преступной деятельности допрашиваемого лица.

Однако в этом случае требуется от следователя умение тактически грамотно использовать имеющиеся доказательства или информацию. Профессиональная подготовка следователя обусловливает и тактические особенности организации допроса должностных лиц, являющихся фигурантами уголовных дел, в том числе возможности использования психологических моделей в целях получения объективных показаний. Все названные проблемы оказывают существенное воздействие на организацию допроса фигурантов уголовных дел по преступлениям в сфере экономической деятельности.

Имеют существенное значение психологические особенности самого следователя, уровень профессиональной подготовки, и как это часто недооценивается, человеческий фактор. Соотношение реакции допрашиваемого лица на предоставляемую ему информацию и реакции следователя на ответы последнего. А. Д. Белоусов отмечает значимость наблюдения у допрашиваемого лица внешних признаков, отражающих реакцию на вопрос или замечания следователя, только если они не являются типичными поведенческими моментами для допрашиваемого лица [1, с. 21–23].

В этом смысле обстановка допроса также имеет значение.

Особенность допроса состоит не в том, чтобы просто получить показания от определенного лица, а показания, которые коррелируют как с материальными носителями информации, так и с электронными. Достаточно непросто использовать цифровые технологии при подготовке допроса по преступлениям в сфере экономики. Недостаточно элементарных знаний следователя в области IT-технологий, главное уметь правильно реагировать на информацию и ответы, получаемые от допрашиваемого руководителя организации. Традиционно в методических рекомендациях предлагается устоявшаяся схема допроса, которая не дает представлений относительно постановки и корректировки вопросов в части банковского и финансово-экономического оборота в деятельности организации, связанной с использованием электронно-цифровых технологий. Практика расследования наиболее актуальных уголовных дел последнего десятилетия, у допрашиваемого лица всегда уже готов ответ на планируемые следователем вопросы, так как они традиционны. Не действуют тактические приемы изобличения во лжи, так как способ сокрытия преступления и формирования собственного алиби отрабатывается должностными лицами, совершающими преступления, еще на стадии подготовки к совершению преступления.

Вместе с тем, при допросе такие лица стараются представить себя в самом выгодном положении, представляют измененную картину события.

В этом случае показания должностных лиц фиксируются максимально полно и точно, используя аудио или видеозапись. После чего произвести повторный допрос, целью которого будет сопоставление показаний с имеющимися бесспорными объективными доказательствами. И, с точки зрения психологиче-

ских особенностей человека, повторно произвести и конкретизировать ложную информацию сложно, а в отдельных случаях – невозможно. Нужно учитывать, что преступление совершается с вовлечением и неосведомленных в преступном замысле лиц, как-то при совершении финансовых операций, различных сделок и т. п. Круг их участников чаще всего непостоянен.

В отдельных случаях, когда возможно избрать меру пресечения подозреваемому должностному лицу, тактические приемы допроса обусловлены избранной мерой пресечения. В этом случае первоначальный допрос должностного лица связан с обстоятельствами и основаниями задержания. Сам факт задержания уже нарушает избранную подозреваемым лицом линию защиты и выстроенные обоснования в свою пользу. Тактический прием, обусловленный фактором внезапности, с одной стороны, дает преимущество следователю и ограничивает варианты поведения лица. Однако неумелое использование фактора внезапности и задержания лица может обернуться и против выстроенной следователем программы расследования, утрате возможности установления психологического контакта с лицом. В этом случае, допросы малопродуктивны до того момента, пока у задержанного лиц не появится выстроенная собственная версия линии поведения и защиты.

Таким образом, необходима модернизация тактики допроса в целом и должностных лиц по экономическим преступлениям, в частности. Совершенствование возможно с учетом использования психологических моделей взаимоотношений следователя и допрашиваемого лица, психологической подготовки следователей по организации допроса должностных лиц, имеющих хорошую профессиональную подготовку, особенно в области инновационных технологий по построению искаженных данных.

Список литературы

1. Белоусов А. Д. Психологические модели получения достоверных показаний подозреваемых и обвиняемых : научно-практическое пособие. М. : Проспект, 2020.

2. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2008.

3. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений : учебно-методическое пособие / под общ. ред. А. И. Бастрыкина ; науч. ред. А. Ф. Волынского, В. А. Прорвича. М. : Спутник, 2016.

4. Ищенко П. П. Специалист в следственных действиях (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты). М. : Юридическая литература, 2005.

5. Купрейченко А. Б. Нравственная детерминация экономического самоопределения. М. : Институт психологии РАН, 2014.

Семенкова Е. В.[1],
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Чернобай И. А.[2],
курсант института-факультета
подготовки сотрудников для органов
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Уголовно-правовая система идет в ногу со временем и модернизируется в соответствии с нынешними обстоятельствами. Большие изменения претерпели все сферы деятельности в Российской Федерации в 2020 г. в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (*COVID-19*). В целях обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности граждан появилась необходимость наладить дистанционную связь с использованием новых технологий. Это коснулось и сферы уголовного судопроизводства. Ранее возможность использования видео-конференц-связи (ВКС) предусматривалась в рамках судебного производства, благодаря этому было сформировано определенное информационное пространство, соединившее суды и учреждения Федеральной службы исполнения наказаний. Также использование ВКС позволило подсудимому, а также свидетелю и потерпевшему (без каких-либо ограничений относительно категорий дела) в частных случаях и по ходатайству участвовать в заседании, не находясь фактически в зале суда. Сегодня возможность использования ВКС появилась и в рамках досудебного производства при производстве отдельных следственных действий, что ранее казалось невозможным.

30 декабря 2021 г. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным был подписан Федеральный закон, внесший изменения в уголовно-процессуальный закон, которые определили порядок проведения допроса, очной ставки и опознания с помощью видео-конференц-связи. Следует отметить, что ранее в Государственную Думу неоднократно вносились законопроекты о закреплении процедуры производства следственных действий с использованием ВКС [1; 2]. Нововведения, обозначенные в ст. 189.1 УПК РФ, гласят, что следователь (дознаватель) имеет право проводить допрос, очную ставку и опознание с помощью видео-конференц-связи государственных органов, которые осуществляют

[1] © Семенкова Е. В., 2023.
[2] © Чернобай И. А., 2023.

предварительное расследование, естественно, при наличии технической возможности и в соответствии со ст. 164 и гл. 26 УПК РФ, учитывая особенности ст. 189.1.

При необходимости проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи следователь или дознаватель, которым поручено производство предварительного расследования, направляет следователю, дознавателю или в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, письменное поручение об организации участия данного лица в следственном действии. Протокол допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи составляется с соблюдением требований, предусмотренных ст.ст. 166–167, 170, 189–190, 192–193 УПК РФ, с учетом особенностей его подписания, установленных вышеуказанной статьей, следователем или дознавателем, которым поручено производство предварительного расследования. В протоколе указываются дата, время и место производства соответствующего следственного действия как по месту составления протокола, так и по месту нахождения лица, участвующего в производстве следственного действия.

Запись о разъяснении участникам следственного действия, находящимся вне места производства предварительного расследования, их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, а также запись об оглашении им протокола следственного действия удостоверяется подписями данных участников следственного действия, о чем у них берется подписка следователем или дознавателем по месту нахождения участников следственного действия. Также в ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ отмечается обязательное применение видеозаписи и приобщение ее к протоколу следственного действия. По окончании указанных выше следственных действий с применением ВКС, участники вправе внести замечания, дополнения и уточнения протокола в подписке, указанной в третьей части рассматриваемой статьи.

На первый взгляд кажется, что данная поправка повысит эффективность предварительного расследования и сократит его сроки. Отпадут основания приостановления уголовного дела, регламентированные пп. 3–4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Иными словами, если лицо не может явиться, к примеру, на допрос в связи с временным тяжелым заболеванием, удостоверенным медицинским заключением или по определенным причинам, его местонахождение известно, но участвовать в следственном действии фактически он не может, производство предварительного расследования и следственных действий может продолжаться, но с использованием ВКС.

Несмотря на необходимость модернизации уголовно-процессуального закона, а также отдельные преимущества вышеуказанных изменений, как и многие «свежие» статьи, по нашему мнению, она несет в себе пока больше вопросов, чем ответов и, без сомнений, нуждается в детальной проработке.

Во-первых, следует сразу отметить, что возможность использования необходимого технического оборудования зачастую отсутствует, либо оно работает не совсем исправно, за исключением того, которое установлено в центральных

ведомствах. В связи с этим наличие технических неполадок неизбежно, что будет значительно снижать качество уголовного процесса.

Во-вторых, одним из особенно острых вопросов при использовании ВКС является обеспечение соблюдения прав участников процесса. К сожалению, несмотря на все предусмотренные уголовно-процессуальным законом гарантии прав участников, при производстве по уголовному делу происходит нарушение прав участников и даже принципов уголовного судопроизводства. Как показывает практика, в некоторых случаях система ВКС способствует таким нарушениям. Так, управляющий партнер «Адвокатской газеты» адвокат Алексей Новиков отмечает случаи, когда во время ВКС свидетель на допросе говорит то, что «невыгодно» стороне обвинения, в этот момент ВКС «обрывается» по техническим причинам. Соответственно, что происходит за кадром оппонент не знает, но далее свидетель уже четко и последовательно описывает обстоятельства, которые гособвинитель считает нужным [6].

Данные ситуации не дают уверенности в прозрачности и честности производства следственного действия и оставляют возможность только надеяться на порядочность должностных лиц, осуществляющих производство следственных действий. Такие обстоятельства заставляют задуматься о достоверности и допустимости доказательств, получаемых с использованием ВКС.

В-третьих, следует отметить, что допрос с использованием ВКС применяется в случае, если у участника уголовного процесса нет возможности явиться к следователю. Как показывает практика в последующем такие участники процесса также не являются в судебное заседание, показания, которые они давали с использованием ВКС, оглашаются в суде. Однако у стороны защиты могут появиться определенные вопросы, разрешение которых невозможно путем оглашения показаний, полученных в ходе предварительного расследования. Член Совета Федеральной палаты адвокатов Татьяна Проценко заявляет, что такая возможность не предусмотрена УПК РФ, что, соответственно, серьезно нарушает право на защиту. Поэтому адвокат отмечает, что в данном случае, дабы не было вопросов в достоверности проведения процедуры необходимо согласовывать участие стороны защиты [3].

В-четвертых, хотелось бы отметить, что допрос не единственное следственное действие с использованием ВКС, которое вызывает сомнение. Проведение очной ставки в соответствии со ст. 189.1 УПК РФ, может повлиять на ее результативность. Напомним, что очная ставка предполагает одновременный допрос чаще всего двух лиц для устранения сомнений в ранее данных ими показаниях. Данное следственное действие обладает определенными особенностями не только в процессуальном плане, но и в тактическом. В этой связи в криминалистике довольно большое количество работ посвящено тактике проведения этого непростого следственного действия. При его проведении очень большое значение имеет непосредственное присутствие лиц, так как психологами замечено, что озвучивать заведомо ложную информацию человеку проще «за глаза». В случае если лицо, которого такая информация касается, представляет свою правдивую точку зрения, другому сложнее придерживаться ложной позиции. В этой связи при проведении очных ставок открывается множество дета-

лей, которые обличают ложную позицию, которой придерживается участник процесса. Поэтому при даче ложных показаний участники избегают очных ставок, так как бояться озвучить свою заведомо несоответствующую действительности позицию в присутствии лица, дающего правдивые показания. Иногда такие участники, узнав о неизбежности очно ставки, меняют ранее данные показания, еще до начала проведения очной ставки.

Применение в очной ставке систем виде-конференцсвязи лишает самой сути ее проведение. Тем самым делая из данного следственного действия дистанционный допрос и процессуально закрепляет «сомнительный результат».

В-пятых, обеспечить законность опознания с использованием ВСК по сравнению с допросом и очной ставкой шансов еще меньше. В соответствии со ст. 53 УПК защитник имеет право делать письменные замечания, заявлять ходатайства, участвовать при производстве следственных действий в том числе и опознания. Но так как он физически не имеет возможности находиться вместе с опознающим, так как находится с подозреваемым, воспрепятствовать незаконному вмешательству со стороны обвинения не получится.

И, в завершении хотелось бы отметить проблемы субъектного состава, обладающего правом проведения рассматриваемый следственных действий. И если по субъектному составу, правомочному направить письменное поручение об организации участия лица в следственном действии, вопросов нет, то по субъектам «принимающей стороны» возникают определенные вопросы. Норма говорит о том, что такое поручение направляется «следователю, дознавателю или в орган дознания…». И здесь не совсем ясно, следователь или дознаватель, в чьем производстве находится уголовное дело, должны напрямую договориться с принимающим следователем (дознавателем) об организации соответствующего следственного действия, минуя руководство соответствующего органа? Иными словами, исходя из формулировки закона, соответствующее письменное поручение об организации участия будет направляться на имя конкретного должностного лица (следователя, дознавателя)? На наш взгляд, это не совсем верно и зафиксированная сегодня законодателем позиция требует корректировки. Солидаризируясь во мнении с Д. С. Мерлаковым, отметим, что в качестве субъектов принимающей стороны, организующей участие лица в соответствующих следственных действиях, на наш взгляд, должны быть указаны органы, куда направляется письменное поручение, а не должностные лица [4, с. 144]. Логичнее в качестве субъектов, организующих проведение следственного действия, указать орган дознания и орган предварительного следствия, руководство которых уже уполномочит подчиненных сотрудников на оказание помощи в организации соответствующего следственного действия.

Подытоживая, хотелось бы отметить, взвесив все за и против, считаем, что расширение правовой базы для использования технических средств в уголовном процессе вне сомнений – прогрессивное законодательное решение. Но оно требует детальной проработки. Сложно не согласиться с О. В. Мичуриной, которая в одной из своих работ отмечает необходимость интеграции современных технологий в уголовный процесс и даже указывает на возможные проблемы в связи с затягиванием этого процесса, однако, отмечая, что такое внедрение

должно осуществляться в полном соответствии с законом, с обеспечением прав и законных интересов участников процесса, а также с соблюдением режима открытости [5, с. 204]. Возможно, следовало бы применять только допрос с использованием ВКС, как изначально предполагалось законодателем при внесении изменении в УПК РФ. Но для того, чтобы исключить незаконность производства следственного действия необходимо наладить техническое оборудование, обеспечить непрерывность связи и оснастить кабинет, где производится допрос, двумя камерами для создания общего обзора обстановки, и у защиты не появилось вопросов в соблюдении их прав. В любом случае, уже сегодня можно отметить, что производство очной ставки с использованием ВКС не оправдывает свои цели и не является необходимым при производстве по уголовному делу. Производство опознания в вышеуказанном порядке полностью нарушает права стороны защиты. Дальнейшие проблемы, возникновение которых, на наш взгляд, неизбежно, поможет выявить лишь следственная и судебная практика применения изменений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ.

Список литературы

1. Законопроект № 1184595-7 от 1 июня 2021 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7.

2. Законопроект № 434998-7 от 5 апреля 2018 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7.

3. Официальный сайт Адвокатской палаты Ставропольского края. URL: https://apsk.fparf.ru/news/fpa/vvedennye-v-upk-normy-serezno-narushayut-pravo-na-zashchitu.

4. Мерлаков Д. С. Законодательные новеллы в реализации полномочий субъектов досудебного производства при проведении следственных действий с использованием видео-конференц-связи (в контексте ст. 189.1 УПК РФ) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. № 2 (85). С. 140–146.

5. Мичурина О. В. Дистанционное досудебное производство как перспективное направление осуществления уголовно-процессуальной деятельности // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : сборник материалов II Международной конференции. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2021. С. 199–04.

6. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов. URL: https://fparf.ru/news/fpa/sledstvennye-deystviya-v-rezhime-vks/.

Сиротинин Д. А.[1],
старший преподаватель кафедры
криминалистики Ростовского филиала
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации

К ВОПРОСУ ПРОИЗВОДСТВА ОПОЗНАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Использование телекоммуникационных технологий, в частности, видеоконференц-связи, в уголовном судопроизводстве получило распространение давно. Закрепленная нормативно в ст. 278[1] УПК РФ данная возможность длительное время оставалась доступной только на стадии судебного производства. В январе 2022 г. в УПК РФ внесены изменения и дополнения, в числе которых появилась новая норма – ст. 189[1], согласно которой использование видеоконференц-связи стало доступным на этапе досудебного производства. Данный подход был обусловлен потребностями в выполнении следственных действий при отсутствии необходимого лица в месте производства предварительного расследования. В таких ситуациях следственная практика обычно реализовывалась поездкой следователя в служебную командировку либо направлением поручения в следственный орган по месту пребывания необходимого лица, участие которого в следственном действии требовалось.

В настоящее время согласно новым возможностям участие лица в следственном действии может быть обеспечение с использованием дистанционных технологий. При этом следует отметить, что не любое следственное действие может быть произведено с использованием видео-конференц-связи. Законодатель определил, что такая возможность может быть реализована в ходе допроса, очной ставки и опознания.

Каждое из указанных следственных действий имеет свои особенности и порядок производства, закрепленные в соответствующих нормах УПК РФ. Новая ст. 189[1] УПК РФ не содержит каких-либо разграничений, обусловленных различиями указанных следственных действий. С одной стороны, отсутствие категоричной регламентации предоставляет следователю некоторую свободу в организации данных следственных действий. С другой стороны, это порождает многие открытые вопросы, решения которых осуществляются индивидуально в конкретных условиях, и могут являться предметом, как дискуссий исследователей и практиков, так и жалоб участников уголовного судопроизводства.

Анализируя наиболее общие вопросы производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи, следует остановиться на некоторых актуальных аспектах.

Данные следственные действия подразумевают одновременное участие в их производстве двух следователей. Это впервые прямо предусмотрено уголовно-процессуальным законом. Один следователь, которому поручено предварительное расследование, направляет поручение об организации участия необхо-

---

[1] © Сиротинин Д. А., 2023.

димого лица в следственном действии другому следователю, который организовывает участие данного лица.

При этом следует отметить, что понятие «видео-конференц-связь» не представлено в однозначном и точном определении в законодательстве, в том числе в уголовно-процессуальном. Тем не менее, в этом аспекте можно ориентироваться на формулировку, изложенную в Регламенте организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний, утвержденном приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401. Согласно определению, данному в Регламенте, «видео-конференц-связь – это способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами» [1].

Действительно, участников следственного действия может быть несколько. Если в ходе допроса, помимо следователей, участие по видео-конференц-связи может быть ограничено одним лицом (допрашиваемым), то при производстве очной ставки, а в некоторых ситуациях и при опознании, число участников значительно больше. Однако, несмотря на возможность обеспечивать одновременную видео-конференц-связь между «более, чем двумя» участниками, такая ситуация в ст. 189^1 УПК РФ не обозначена. Организационные и связанные с ними процессуальные вопросы следователи решают самостоятельно. Это не способствует формированию единой правоприменительной практики.

В этом ракурсе следует обратить внимание на некоторые аспекты правосубъектности следователей, вовлеченных в процесс производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи, особенно в случае большого количества участников и необходимости выполнения различных процессуальных требований. В ст. 189^1 УПК РФ полномочия каждого следователя не в полной мере конкретизированы. Если следователь, направивший поручение, является лицом, которому поручено производство предварительного расследования, и соответственно обладает всем комплексом процессуальных полномочий, то правосубъектность следователя, выполняющего поручение об организации участия необходимого лица, в указанной статье существенно ограничена. Вместе с тем, именно этот следователь организует участие в следственном действии необходимого лица, присутствует в месте его пребывания и обеспечивает выполнение процессуальных требований, в том числе всеми находящимися рядом с ним лицами. В случае организации видео-конференц-связи между несколькими абонентами такие действия совершаются следователем по каждому месту производства следственного действия. Однако, по смыслу требований уголовно-процессуального законодательства следователь, организующий участие лица в следственном действии, не является лицом, которому поручено предварительное расследование по уголовному делу. Соответственно, его полномочия существенно ограничены, и могут осуществляться исключительно в пределах, специально предусмотренных в ст. 189^1 УПК РФ. Однако, полномочия следователя, выполняющего поручение, упоминаются лишь в ч. 3 данной статьи, где указано о подписке, которая берется у участвующих лиц.

Так, в данной части указано, что «запись о разъяснении участникам следственного действия их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, а также запись об оглашении им протокола следственного действия удостоверяется подписями данных участников следственного действия, о чем у них берется подписка следователем или дознавателем по месту нахождения участников следственного действия».

Опознание с использованием видео-конференц-связи может быть произведено с участием любого лица, указанного в ст. 193 УПК РФ, т. е. как свидетеля или потерпевшего, так и подозреваемого или обвиняемого. При этом предварительно должно быть выполнено процессуальное требование о допросе опознающего лица об особенностях или приметах, по которым предстоит опознать предмет или лицо.

К опознанию с использованием видео-конференц-связи необходимо подходить с особым вниманием и взвешенностью. Следует иметь в виду, что два другие следственные действия (допрос и очная ставка), производство которых допускается с использованием видео-конференц-связи, не исключают возможности их дополнительного проведения в случае неполучения первоначально ожидаемых результатов. Для опознания с использованием видео-конференц-связи у следователя есть только однократная возможность его производства. Часть 3 ст. 193 УПК РФ запрещает проведение повторного опознания лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам. Использование технологии видео-конференц-связи, ее качество и полученные результаты следственного действия не влияют на процессуальные требования, установленные в законе. Повторное опознание невозможно. С учетом этого, решать вопрос о производстве опознания таким способом следует не только с учетом единственного предусмотренного ст. 189^1 УПК РФ условия «наличия технической возможности», но и исходя из конкретной следственной ситуации, в том числе точности полученных предварительно показаний опознающего лица о приметах и особенностях опознаваемого лица или предмета, а также иных факторов.

Если при допросе и очной ставке с использованием систем видео-конференц-связи местонахождение участников, дающих показания, предполагается там, куда направлено поручение об организации их участия в следственном действии, то в ходе предъявления для опознания опознающее лицо или опознаваемое лицо могут находиться на любой стороне видео-конференц-связи в зависимости от их процессуального статуса и обстоятельств, формирующих потребность в обеспечении их участия в следственном действии. Иными словами, в одной ситуации следователь предъявляет для опознания лиц или предметы находящемуся в ином месте опознающему лицу, участие которого организовано с использованием видео-конференц-связи. В другой ситуации опознающее лицо может находиться рядом со следователем, осуществляющим производство следственного действия, и опознавать лиц, предъявленных для опознания по месту их пребывания с использованием системы видео-конференц-связи. Аналогичная расстановка участников имеет место при организации предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего лица (что тоже вполне может быть организовано

с использованием видео-конференц-связи в одностороннем направлении коммуникации).

Варианты организации предъявления для опознания в указанных двух ситуациях будут существенно различаться. Однако в ст. 189[1] УПК РФ не приведены никакие условия, дающие основания для разграничения этих вариантов предъявления для опознания. Изложенный в законе процессуальный порядок производства следственного действия с использованием видео-конференц-связи чрезвычайно краток и соответствует более всего первому из указанных выше вариантов ситуации. В связи с изложенным не вполне ясно, следует ли трактовать данное положение закона как отсутствие нормативного разрешения производства предъявления для опознания по второму варианту ситуации. Если это так, то возможности следователя в использовании систем видео-конференц-связи при предъявлении для опознания существенно ограничены, что в некоторой степени противоречит концепции развития данного направления в досудебном производстве. Если же нет, то существующая норма требует значительных дополнений в части определения порядка действий и полномочий следователей, в том числе касающихся составления протокола, использования технических средств видеофиксации хода и результатов следственного действия, а также других организационных и процессуальных аспектов.

Также, по-прежнему остаются открытыми вопросы местонахождения и правосубъектности других участников предъявления для опознания с использованием видео-конференц-связи, а именно, специалистов, защитников, законных представителей и иных участвующих лиц. Регламентация порядка их участия с учетом полномочий, процессуальных прав и обязанностей была бы действенной мерой по недопущению процессуальных ошибок и обеспечению расширения практики использования возможностей видео-конференц-связи в досудебном производстве.

Список литературы

1. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401 (ред. от 30.12.2020) «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374166/.

Смирнов М. В.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Клементьева Е. С.[2],
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Невозможно представить уголовное судопроизводство без следственных действий. Этим обусловлена достаточно подробная законодательная регламентация порядка их производства. Однако остаются некоторые вопросы, ответы на которые законодатель не дает. Разные подходы и точки зрения процессуалистов вызваны несовершенством правового регулирования ряда следственных действий [6, с. 359]. В целях нашего исследования представляют интерес нравственные, моральные и правовые аспекты производства следственного действия – освидетельствования.

Право лица на охрану его частной жизни, личную неприкосновенность гарантируется конституционными нормами, четкое определение этих границ при производстве следственных действий правовым регулированием порядка производства освидетельствования не затрагивается.

Согласно ч. 1 ст. 179 УПК РФ для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы, может быть произведено освидетельствование.

Производство такого следственного действия возможно в отношении следующих участников: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний.

Нравственно-правовые аспекты освидетельствования, обусловлены не в последнюю очередь нарушением определенных границ путем вмешательства в личное пространство индивида, в том числе третьими лицами, которые, кроме того, наделены в отношении освидетельствуемого лица определенной властью и возможностями принудительного воздействия.

---

[1] © Смирнов М. В., 2023.
[2] © Клементьева Е. С., 2023.

В том случае, когда для успешного производства освидетельствования необходимо обнажение лица, это может восприниматься последним как некоторое ограничение присущих индивиду нравственно-этических норм.

Разные люди, оказывающиеся в процессуальном положении освидетельствуемого лица, могут воспринимать действия следователя, проводящего освидетельствование по-разному. Различие в восприятии может быть обусловлено возрастом, полом освидетельствуемого лица его воспитанием, нравственными качествами или религиозным мировоззрением. Кроме того, на восприятие освидетельствуемого лица могут сильно влиять обстановка и развитие следственной ситуации.

В настоящем исследовании мы вновь обратились к этой теме, к поиску разумного компромисса между достижением целей уголовного преследования и защите таких нравственно-правовых категорий, как личная неприкосновенность, честь и достоинство личности, вовлекаемой в сферу уголовного судопроизводства. В данном случае мы рассмотрим такой аспект этой общей проблемы, как допустимость и пределы применения принуждения при сборе доказательств посредством освидетельствования различных участников уголовного судопроизводства.

В науке уголовного судопроизводства как в период действия УПК РСФСР, так и в настоящее время не утихает полемика между сторонниками двух точек зрения. Приверженцы есть и у точки зрения о недопустимости принуждения при производстве освидетельствования. Сторонники второй позиции аргументированно полагают, что принуждение при производстве освидетельствования не просто допустимо, а в некоторых случаях даже необходимо [7, с. 123]. Следует оговориться, что применительно к теме настоящей статьи мы полагаем, что освидетельствование необходимо признать проведенным с применением принуждения, когда оно проводится не только без согласия лица на его производство, но и с физическим преодолением противодействия лица. Мы придерживаемся точки зрения допустимости применения мер принуждения при отказе лица подвергнуться освидетельствованию. В основном наши аргументы сводятся к следующему.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г., другие общепризнанные принципы и нормы международного права ориентированы на защиту основных прав и свобод человека и гражданина, предусматривают их ограничения только в установленных законом случаях.

Во Всеобщей декларации прав человека определено, что каждый человек имеет обязанности перед обществом (п. 1 ст. 29) [5]. Во имя обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других лиц и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе отдельные лица могут быть подвергнуты определенным ограничениям (п. 2 ст. 29) [5].

В развитие положений международных правил субъект, производящий расследование, осуществляя процессуальные действия в отношении лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, обязан охранять их права. Вместе

с тем, он должен предпринимать активные меры, зачастую сопряженные с ограничением личной свободы, неприкосновенности.

Конституционный Суд Российской Федерации одним из своих решений, когда действовал еще УПК РСФСР 1960 г., четко сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой призвал правоприменителя в ходе уголовно-процессуальной деятельности стремиться обеспечивать «баланс интересов правосудия и прав граждан на свободу и личную неприкосновенность» [4].

Право на свободу и личную неприкосновенность при производстве по уголовному делу не может рассматриваться как нечто абсолютное, не допускающее вообще никаких ограничений. Личная свобода и неприкосновенность при производстве по уголовному делу не могут служить препятствием собственно расследованию, а также применению к участникам предусмотренных законом мер государственного принуждения [1, с. 33]. Должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, должно учитывать, что личность свободна и неприкосновенна лишь в той части, в которой ее поведение правомерно, не причиняет вред обществу, государству, правам и законным интересам других граждан.

В связи с этим заслуживает внимания особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононова, что всякое ограничение права может допускаться лишь как временная мера [3], иначе такое ограничение представляло бы собой ни что иное, как отмену права. Отмена же основных прав и свобод личности недопустима в силу запрета, установленного ч. 2 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Важно учитывать, что в предусмотренных законом случаях ограничение прав лица, вовлекаемого в производство по уголовному делу, не только допустимо, но и может быть необходимо. Произвольное, чрезмерное ограничение не допускаются, в связи с чем необходима строго регламентированная процедура ограничения права.

Принимая решение о применении мер процессуального принуждения, уполномоченное должностное лицо всегда должно исходить из требования соразмерного ограничения прав и свобод, закрепленного в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации [4]. Оно означает, что публичные интересы, перечисленные в этой конституционной норме, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям.

Из правила соразмерности в ситуации, когда для защиты одного права необходимо ограничить другое право, вытекает, что ограничения прав лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, могут быть оправданы, когда иным путем достичь поставленной цели невозможно [2].

Вместе с тем ограничение того же права при освидетельствовании лица, сопряженном с его обнажением при отсутствии его согласия, надлежащей правовой процедурой не урегулировано. При освидетельствовании особенное значение приобретает необходимость соблюдения принципа уважения чести и достоинства личности. Действиями следователя может быть затронута интимная сфера жизни освидетельствуемого лица, в частности, при необходимости обнажения определенных частей тела. При этом степень восприятия такого рода

действий участником может быть разная и зависеть от пола, возраста, воспитания, нравственных или религиозных установок, обстановки и следственной ситуации. Разрешима ли правовыми средствами эта проблема, довольно часто возникающая при производстве предварительного расследования отдельных категорий уголовных дел (например, по делам об изнасиловании, по делам о хулиганстве, грабеже и некоторых других категориях дел)?

Исходя из положений закона (ст. 179 УПК РФ), получение согласия на освидетельствование подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего не требуется, а постановление следователя о производстве освидетельствования является для освидетельствуемого лица обязательным. При отказе участника уголовного судопроизводства от освидетельствования действия следователя законом не регламентируются. Допустимо ли в этом случае физическое принуждение? Какой отраслью права необходимо при этом руководствоваться?

По нашему мнению, для разрешения рассматриваемой проблемы необходимо распространить процедуру, выработанную отечественным законодателем для аналогичных ситуаций, предусматривающих получение решения суда при необходимости ограничения личной свободы и неприкосновенности участника уголовного процесса в публичных интересах.

В качестве дополнительного аргумента в пользу распространения судебного порядка получения разрешения на производство следственных действий на все случаи, когда отсутствует согласие лица, а доказательства не могут быть получены иначе, можно привести один из примеров, разрешения проблемы отказа от освидетельствования в зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, в Германии допускается возможность применения принуждения к лицу, отказывающемуся от освидетельствования. Такое «непосредственное» принуждение может применяться только по особому решению судьи и только при условии, если соответствующее лицо, несмотря на наложение денежного штрафа в административном порядке, продолжает настаивать на отказе от освидетельствования или существует неотложность производства этого действия (ч. 6 § 81 с Уголовно-процессуального кодекса ФРГ) [8, с. 61].

В заключение необходимо подчеркнуть следующее:

1) Конституция Российской Федерации, нормы международного права признают основные права личности, но допускают, в том числе в целях борьбы с уголовными преступлениями, ограничения этих прав;

2) ограничение основных прав личности, поскольку оно допускается как исключение из правила, должно обеспечиваться особыми гарантиями;

3) в числе таких гарантий необходимо отметить надлежащую процедуру такого ограничения: судебный порядок ограничения основных прав; ограничение прав лишь в тех случаях, когда иным образом получить доказательства невозможно; ограничение прав лишь в установленных законом целях, при наличии оснований, соблюдении условий и не превышая установленных пределов.

Список литературы

1. Долгоруков С. В. Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1985.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” по жалобе гражданки И. Г. Черновой // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_19780/d5d1f49254b6661f05fa126c89e809018ed3af81/.

3. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононова по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. по жалобе И. Г. Черновой // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19780/53eee695ac1fdd605b3b391a21fc705f4bd7cda6/.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10796/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.

5. Права человека и судопроизводство. Собрание международных документов. Produced by USIA Regio№al Program Office, Vie№№a. RPO 9412-002. С. 10.

6. Примич Ю. С., Федюкина А. Ю. Проблемы производства освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов X ежегодной Всероссийской конференции, 26 ноября 2020 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 359–362.

7. Смолькова И. В. Допустимо ли принуждение при производстве освидетельствования в Российском уголовном судопроизводстве? // Уголовное право. 2018. № 3. С. 122–128.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии: Научно-практический коммент. и пер. текста закона П. Головненков, Н. Спица. Potsdam: Universitatsverla, 2012.

Соколова М. В.[1],
старший преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Денисович В. А.[2],
курсант института-факультета
подготовки сотрудников для органов
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПОЗНАНИЯ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Общество меняется, прогрессирует, появляются новые технологии, в связи с чем появляется необходимость в модернизации уголовно-процессуальных отношений. В условиях пандемии *COVID-19* использование информационно-телекоммуникационных технологий для получения доказательств стало особенно актуальным. Так, Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ в УПК РФ были внесены изменения, связанные с внедрением системы видеоконференц-связи при проведении допроса, очной ставки, опознания, которые стали катализатором для споров и разногласий ученых и практиков. Первые считают, что изменения оказались важными и целесообразными с учетом возможных ограничений и событий в стране, вторые же утверждают, что они являются незаконченными, непроработанными и не апробированными на практике.

До вступления указанных изменений в законную силу использование видеоконференц-связи предусматривали лишь судебные стадии уголовного процесса. Однако, современные технологии являются необходимой и неотъемлемой частью всех стадий уголовного судопроизводства, как предварительного расследования, так и судебного разбирательства. Однако на досудебной стадии проведение опознания с использованием системы видео-конференц-связи практически не регламентировано. В соответствии со ст. 189.1 УПК РФ следователь или дознаватель вправе провести опознание путем использования видеоконференц-связи, при этом все записи необходимо прилагать к протоколу следственного действия. Изменения, без сомнений, упрощают работу органов предварительного расследования, экономят время. На практике часто возникают ситуации, при которых опознающее лицо и опознаваемый объект, либо лицо находятся в совершенно различных местах, а также ситуации, в которых появляется необходимость в обеспечении безопасности опознающего лица при проведении следственного действия, здесь же стоит отметить, что использование

[1] © Соколова М. В., 2023.
[2] © Денисович В. А., 2023.

системы видео-конференц-связи в данной ситуации обусловлено созданием благоприятной и спокойной обстановки.

Необходимо обратить внимание на вопросы, которые возникают при анализе представленной статьи УПК РФ, обуславливая организационные и тактические сложности ее реализации на практике.

В связи с тем, что предъявление для опознания несет в себе идентификационную сущность, требуются особые условия для восприятия, поскольку существует возможность возникновения факторов, которые могут повлечь затруднения визуального восприятия. В случае выбора проведения предъявления для опознания с использованием видео-конференц-связи следователю также необходимо решить вопрос с местонахождением защитника опознаваемого, законом данное условие также не урегулировано, поэтому необходимо принимать решение с учетом сложившейся ситуации. Сама процедура предъявления для опознания обуславливается необходимостью четкой и грамотной организации проводимого действия. Важным остается недостаток, связанный с использованием системы видео-конференц-связи, который указывает на отсутствие положения идентификации лица, находящегося перед камерой [1, с. 259]. Здесь необходимо вносить идеи о том, с помощью каких методов и средств возможна реализация, а также обеспечение указанной гарантированности.

Далее целесообразно рассмотреть вопрос, связанный с использованием системы видео-конференц-связи в отношении определенной категории лиц, который в законе не нашел своего отражения. Речь идет, например, о лицах, у которых проблемы со слухом или зрением, несовершеннолетних или эмоционально неподготовленных. Следователю или дознавателю необходимо заблаговременно выяснить, относится ли лицо, принимающее участие в следственном действие к указанной категории лиц, чтобы обеспечить участие необходимых иных участников или технических средств для проведения следственного действия, что на практике вызывает сложности. Данные проблемные вопросы уже встречались на практике, в связи с чем появляется необходимость проработать и внести поправки в указанную статью.

Перед следователем возникает сложная задача в соблюдение всего процессуального порядка и требований, необходимых для проведения данного следственного действия. Следователю следует четко и грамотно сформулировать вопрос, связанный с тем, видело ли опознающее лицо предъявляемых для опознания лиц и при каких обстоятельствах. Предъявление для опознания предметов или трупов посредством видео-конференц-связи целесообразно лишь в том случае, если опознающее лицо находится в территориальной удаленности вместе с понятыми.

На наш взгляд, стоит согласиться с мнением А. В. Победкина, который считает, что незаконченным остается и момент, связанный с требованием уголовно-процессуального кодекса, указанным в ч. 4. ст. 189.1, которое ограничивается лишь видеозаписью обстоятельств предъявления для опознания посредством видео-конференц-связи. Целесообразнее также обеспечить записью и местонахождение самого опознающего лица с максимальным охватом обстановки, это будет способствовать гарантией обеспечения законности, а также исключит

возможность давления на опознающее лицо, в том числе в ситуациях, когда видеосвязь была нарушена [2, с. 83].

Хотелось бы отметить, что в п. 4.1 ч. 2 ст. 38 и п. 1.3 ст. 41 УПК РФ следует внести изменения, которые касаются случаев, предусмотренных ст. 189.1 УПК РФ, когда следователь или дознаватель, в производстве которого находится уголовное дело вправе давать поручения следователю, дознавателю или органу дознания об организации участия в следственном действии лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым, но и право давать поручения следователю или дознавателю на осуществление определенных процессуальных действий в ходе производства опознания с использованием системы видео-конференц-связи для разрешения вопросов, связанных с организацией и проведением указанного следственного действия.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство, безусловно, идет в ногу со временем, но на данный момент предусмотрена лишь возможность, а не порядок процессуального производства опознания с помощью системы видео-конференц-связи. На данный момент если и говорить об использовании дистанционных технологий, то только лишь в широком аспекте. Представленные изменения были бы достаточными в том случае, если должностное лицо органов предварительного расследования обладало бы правильным толкованием уголовно-процессуального закона.

Список литературы

1. Пономаренко Ю. Н. Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования видео-конференц-связи: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник науки. 2022. № 6 (51). Т. 1. С. 257–262.

2. Победкин А. В. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве: рамочность процессуальных гарантий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95). С. 77–83.

Теткин Д. В.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Пудовкин А. А.[2],
начальник кафедры уголовного процесса,
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ

В современной действительности Российской Федерации вступила в процесс цифровизации, который оказывает положительное влияние на все сферы жизнидеятельности, как государства, так и общества. Цифровизация успешно внедряется в деятельность различных государственных органов и учреждений с целью оптимизации и результативности их производительности. Таким образом, не осталось без внимания цифровой составляющей и деятельность правоохранительных органов в области уголовного судопроизводства, которое нормативно закреплено в действующем законодательстве.

Так, в настоящее время процесс расследования по уголовному делу включает в себя сложный комплекс проводимых по нему мероприятий. Нельзя отрицать, что сейчас наблюдается большая нагрузка, как на органы дознания, так и органы предварительного следствия. В связи с этим должностные лица, производящие дознание, не всегда имеют возможность провести определенное следственное действие с участием необходимого лица. Поэтому возникает вопрос, связанный с возможностью применения видео-конференц-связи при производстве дознания.

Из анализа уголовно-процессуального закона, а также научной литературы, можно констатировать факт того, что в недалеком прошлом законодатель предусмотрел такую возможность, а именно использование видео-конференц-связи, на этапе судебного следствия, что, в свою очередь, говорило о том, что практическая возможность применения видео-конференц-связи отвечает признакам уголовного судопроизводства и не влечет за собой нарушения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Резюмируя изложенное, можно отменить, что перед органами дознания возникли определенные вопросы, которые необходимо было разрешить. Например: что является основанием для применения видео-конференц-связи при производстве следственного действия; какой установлен перечень следственных действий, при проведении которых возможно применение видео-конференц-

[1] © Теткин Д. В., 2023.
[2] © Пудовкин А. А., 2023.

связи; где будет определено местонахождение адвокатов и представителей участников уголовного процесса, использующих видео-конференц-связь; каким образом будет определен порядок удостоверения протокола следственного действия; что из себя будет представлять процесс проведения следственных действий при помощи видео-конференц-связи.

Но, на наш взгляд, основным вопросом является – наличие оснований для применения видео-конференц-связи, а потом уже все остальные.

Итак, попытаемся рассмотреть и проанализировать мнения ученых-правоведов по рассматриваемому вопросу. Например, С. П. Щерба и Е. А. Архипова считают, что базовой правовой нормой должна стать ч. 6 ст. 164 УПК РФ, регламентирующая применение технических средств при производстве следственных действий. Соответственно, видео-конференц-связь предполагается использовать по усмотрению следователя (дознавателя), возлагая на него обязанность по уведомлению участников [1, с. 111]. Но с этой позицией нельзя согласиться, так как она является достаточно спорной. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Из этого следует, что дознаватель не может принуждать лицо к осуществлению следственных действий посредством применения видео-конференц-связи, так как будет нарушено волеизъявление участвующего в уголовном судопроизводстве лица.

Существуют и другие позиции по рассматриваемому вопросу.

Так, Е. А. Артамонова и С. П. Желтобрюхова ссылаются на факт того, что применение видео-конференц-связи должно осуществляться при наличии объективных причин, закрепленных в законе, например, таких, как проживание участника уголовного процесса в другом регионе на значительном удалении от местонахождения суда или мест расположения органов предварительного следствия и дознания, либо за пределами Российской Федерации; невозможность физически явиться в суд (болезнь, инвалидность) и т. п. [2, с. 15; 3, с. 63].

Рассматривая данные позиции по поводу применения видео-конференц-связи, мы видим, что они затрагивают только основания применения и никак не касаются процесса проведения данного мероприятия. Это объясняется тем, что система видео-конференц-связи представляет собой определенный комплекс программ, которые были специально разработаны, обеспечивающие возможность передачи визуальной картинки по защищенным каналам связи. Установка такого оборудования возможно лишь в специально отведенных для этого местах. Некоторые помещения органов внутренних дел отвечают таким требованиям, так как также повсеместно реализуется практика проведения совещания в режиме видео-конференц-связи, что говорит о том, что техническая составляющая отделов полиции соответствует тому, чтобы начать внедрения практики использования видео-конференц-связи при производстве следственных действий.

Полагаем, что применение видео-конференц-связи позволит осуществить участие лица, которое по объективным причинам не может явиться к дознавателю для производства следственного действия. Это может качественным обра-

зом сказать на своевременности проведения расследования по уголовному делу. Ведь довольно часто продление уголовных дел связано с тем, что дознаватель в силу большого количестве материала, находящегося в производстве, а также сложностью уголовного дела.

Но возникает вопрос, касающийся законности производства следственного действия с применением видео-конференц-связи. На наш взгляд, для решения данного вопроса необходимо ввести в уголовно-процессуальное законодательство норму, которая будет тождественна той, что указана в ч. 1 ст. 278.1 УПК РФ. Также следует ввести в УПК РФ ст. 191.1, которая закрепляла нормы, регламентирующие порядок проведения допроса, очной ставки посредством применения систем видео-конференц-связи. Данная статья необходима для того, чтобы обеспечить законность такого действия. Поэтому, полагаем, что основаниями для производства следственного действия посредством применения систем видео-конференц-связи должны служить:

1. Невозможность участие лица в связи с его отдаленным местонахождением от места производства дознания, либо в связи с его местонахождением в медицинском учреждении или организации, либо в связи с его командировкой в «горячую» точку и т. д.

2. Наличие поданного в установленной законом форме ходатайства.

Следует отметить, что можно привести достаточно обширный перечень оснований, которые могут являться объективными и исключать возможность реального участия лица в производстве следственного действия. Однако нельзя не сказать о том, что в связи с пандемией короновирусной инфекции большое количество граждан находятся на изоляции от общества, что, в свою очередь, говорит о том, что такая категория граждан не имеет возможности покидать место своего жительства и проживания определенное время. Но как быть в таком случае дознавателю? Ведь возникает ситуация, когда участие потерпевшего либо свидетеля исключается в производстве следственного действия, что негативном образе может сказаться на изобличении лица, которое совершило преступление. Данный факт также отражает необходимость введения практики применения систем видео-конференц-связи при производстве следственного действия.

Наше общество меняется, также меняются и процессы, протекающие в нем. Все это обуславливает необходимость постоянного усовершенствования законодательной базы, а также внедрение новых информационных технологий в деятельность полиции. Это позволяет значительно облегчить работу дознавателя, так как будет рационально потрачен временный ресурс сотрудника подразделения дознания, что, на наш взгляд, качественно отразится на качестве его работе.

Таким образом, как мы видим, данная проблема является дискуссионной до сих пор, хотя уже в некоторых вопросах нашла свое законодательное закрепление. Например, хотелось бы заметить, что с 10 января 2022 г. некоторые следственные действия (допрос, очная ставка, опознание) могут проводиться через видео-конференц-связь, но с одной оговоркой – при наличии технической возможности. Такой порядок будут применять, если потерпевший, свидетель или эксперт находятся вдали от места предварительного расследования, а допрос необходимо провести именно следователю или дознавателю, который рас-

следует дело. Авторы считают, что именно пандемия ускорила внедрение в правовую практику информационных технологий для проведения в дистанционном режиме данных процедур, все это ускорит эффективность деятельности органов следствия и соблюдение разумных сроков судопроизводства. Ведь для участия в дистанционном следственном действии человеку придется лишь прийти в местное отделение полиции или иного правоохранительного органа, где есть технические условия.

Таким образом, применение видео-конференц-связи при производстве дознания является достаточно интересным и дискуссионным вопросом. На наш взгляд, внедрение практики применения такой системы является достаточно перспективным, так как позволяет решить некоторые организационные вопросы, возникающие при подготовке к производству следственного действия. Ведь не всегда участвующие в дознании лица имеют возможность участвовать в том или ином следственном действии. Но необходимо отметить, что наличие такого права не должно способствовать тому, чтобы дознаватель злоупотреблял им. Так как в силу своих физиологических особенностей человек склонен к тому, чтобы максимально эффективно использовать свои силы при решении определенной задаче. Но самый актуальный вопрос, который вызывает немалые споры состоит в обеспечении законности при осуществлении следственного действия посредством применения средств видео-конференц-связи.

Список литературы

1. Архипова Е. А., Щерба С. П. Правовые основания применения видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России // Уголовное право. 2014. № 4.

2. Артамонова Е. А. Отдельные проблемы производства допроса свидетеля и потерпевшего путем использования систем видеоконференцсвязи в современном уголовном процессе // Администратор суда. 2012. № 1.

3. Желтобрюхов С. П. О необходимости предоставления органу предварительного расследования возможности применения видеоконференцсвязи на стадии досудебного производства // Российская юстиция. 2016. № 1.

Федюкина А. Ю.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПРАВОМЕРНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Система видео-конференц-связи (далее – ВКС) начала внедряться в уголовное судопроизводство с 2011 г., когда у суда появилась возможность допроса свидетелей и потерпевших в дистанционном режиме (ч. 4 ст. 240 УПК РФ), чуть позже стало реальным удаленное участие подсудимого и осужденного в судебном заседании (ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ, ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ). И вот, с конца 2021 г. в уголовно-процессуальном законе действует ст. 189.1, посвященная особенностям допроса, очной ставки, опознания с помощью ВКС на стадии предварительного расследования.

Понятно, что окончательно оценивать результативность использования ВКС на досудебном этапе еще преждевременно, так как наработанной следственной практики пока недостаточно. Вместе с тем, постараемся проанализировать рассматриваемый вариант производства следственных действий с учетом имеющейся нормативной правовой основы, опыта судебных органов и международной практики.

Наиболее широкое распространение ВКС получила в разгар пандемии, когда суды повсеместно стали использовать удаленный формат рассмотрения дел. Так, если сравнить показатели использования ВКС в судах общей юрисдикции с 2020 по 2022 гг., можно наблюдать следующие цифры [1] (*табл. 1*).

Таблица 1

Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей

Год	Общее число судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи	Число судебных заседаний по уголовным делам с использованием видео-конференц-связи
2020	147256	21319
2021	129546	18604
2022 (6 месяцев)	62222	9342

Несмотря на небольшое снижение количества судебных заседаний с применением видео-конференц-связи, можно с уверенностью говорить о том, что она довольно прочно закрепилась в судебной практике.

О расширении правового поля ВКС говорит одно из решений Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которому, в качестве полноцен-

[1] © Федюкина А. Ю., 2023.

ного субъекта уголовно-процессуальных отношений назван судья суда по месту нахождения свидетеля. «Несмотря на то, что этот судья не входит в состав суда, рассматривающего дело, не оценивает доказательства и не принимает по делу решения, что предопределяет отсутствие прямых оснований к распространению на него общего порядка отвода, он, организуя судебный допрос по видеоконференц-связи, по существу, выполняет публично-правовую функцию содействия правосудию» [2].

Соответственно, следователь, дознаватель, которым поручено организовать производство следственных действий посредством ВКС в месте нахождения участников процесса, также должны обладать всеми функциями стороны обвинения, наряду с должностными лицами, которые направили поручение.

Стоит отметить, что порядок организации ВСК в органах судебной системы подробно регламентирован ведомственными нормативными правовыми актами, в то время как правовых источников, содержащих алгоритм использования и обслуживания соответствующего технического оборудования на стадии предварительного расследования недостаточно.

Поэтому для того, чтобы разобраться в понятии «видео-конференц-связь», обратимся к ч. 1.5 приказа Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401, согласно которой «видеоконференц-связь – способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами» [3].

В приказе также содержится информация о лицах, на которых возлагаются обязанности по техническому обслуживанию ВКС, включая обеспечение высокого качества звука, изображения, уровня громкости, отслеживание соотношения размера диагонали телевизора и глубины зала, использование ведомственной факсимильной связи, обеспечение 15-минутной бесперебойной работы на источниках резервного питания и пр.

Несомненно, качество связи при производстве дистанционных следственных действий является одним из важнейших критериев их эффективности. «Достоверность и допустимость полученных с помощью видео-конференц-связи доказательств зависит, в том числе, от качества изображения и звука» – отмечают Н. В. Угольникова и Ю. Н. Шибаева [4].

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ в роли основного условия производства допроса, очной ставки и опознания выступает «наличие технической возможности». Это означает, что следователь, в производстве которого находится уголовное дело, не сможет дать соответствующее поручение и реализовать следственное действие с помощью ВКС, если у него или у следователя (дознавателя), которому оно поручено, не будет в арсенале необходимого технического оборудования, либо, имеющееся оборудование не сможет обеспечить высокий уровень связи.

В продолжение разговора об условиях использования ВКС нельзя не остановиться на зарубежном опыте некоторых стран СНГ.

В соответствии со ст. 343-1 УПК Республики Беларусь проведение допроса, опознания с использованием систем видео-конференц-связи возможно при наличии следующих условий:

1) невозможность непосредственного присутствия участника процесса в суде по состоянию здоровья и по другим уважительным причинам;

2) необходимость обеспечения безопасности участников уголовного процесса;

3) проведения допроса несовершеннолетнего участника процесса;

4) необходимость обеспечения наиболее быстрого, всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела [5].

В Республике Казахстан допрос с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос) применяется в схожих случаях:

1) невозможность непосредственного прибытия лица в орган, ведущий уголовный процесс, по месту расследования (рассмотрения) уголовного дела по состоянию здоровья или другим уважительным причинам;

2) необходимость обеспечения безопасности лица;

3) проведение допроса малолетнего или несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего;

4) необходимость обеспечения соблюдения сроков досудебного расследования, судебного рассмотрения дела;

5) наличие причин, дающих основания полагать, что допрос будет затруднен или связан с излишними затратами [6].

Российский законодатель не посчитал обязательным закрепление исчерпывающего перечня оснований применения ВКС на стадии предварительного расследования, остановившись лишь на условиях, при которых не допускается производство дистанционных следственных действий – это вероятность разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны, а также риск разглашения данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности (ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ).

Однако, в судебных стадиях ситуация выглядит несколько иначе. Основаниями применения ВКС в суде могут выступать:

1) непосредственное решение судьи (председательствующего) (чч. 1–2 ст. 278.1, ч. 1 ст. 293 УПК РФ и др.);

2) обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства (ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ);

3) ходатайство осужденного (ч. 2 ст. 399 УПК РФ).

В целях устранения данной правовой неопределенности, полагаем возможным закрепить в ст. 189.1 УПК РФ перечень оснований применения ВКС в ходе следственных действий на досудебном производстве, куда бы вошли не только наличие технической возможности и решение должностного лица, производящего расследование, но и ходатайство участника процесса, случаи обеспечения его безопасности, а также, невозможность участия в следственном действии лица, в силу его территориальной удаленности.

Немного коснемся проблемы процессуального порядка производства следственных действий в дистанционном режиме. Нетрудно заметить, что в ст. 189.1

УПК РФ отсутствуют особенности применения ВКС в отношении каждого следственного действия, которые в ней перечислены. Объединив допрос, очную ставку и опознание в одну статью, законодатель не дополнил исходные нормы гл. 26 УПК РФ, в которых содержится частные правила их производства (ст.ст. 189, 192–193 УПК РФ и др.).

Кроме того, в отличие от судебных стадий, где в регламентации использования ВКС содержится информация об участниках процесса, в отношении которых она используется, в ст. 189.1 УПК РФ они не значатся. Получается, что ими могут являться все участники, допускаемые к производству допроса, очной ставки и опознания, т. е. – подозреваемые, обвиняемые, свидетели и потерпевшие, их представители, адвокаты и защитники, понятые, специалисты и др.

Вместе с тем, некоторые авторы ставят под сомнение возможность проведения допроса подозреваемого и обвиняемого с использованием ВКС, полагая, что «статус этих лиц предполагает очную встречу с лицом, производящим расследование, что продиктовано в первую очередь тактическими соображениями и спецификой работы с данной категорией участников уголовного процесса» [7, с. 8].

Если допрос и очная ставка более «стабильные» следственные действия, в ходе которых участники дают показания, не перемещаясь по кабинету, что упрощает применение видео и аудио аппаратуры, то, такое следственное действие, как предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ), по своей сути, предполагает достаточно сложный процесс организации участников, определения месторасположения опознаваемого и опознающего, статистов, адвокатов, понятых и других лиц.

На наш взгляд, не все виды предъявления для опознания, предусмотренные УПК РФ, возможно произвести удаленно. Например, опознание трупа, опознание автотранспортного средства, опознание животного – очень затруднительно, так как «картинка» не всегда сможет охватить все приметы и особенности предмета, в силу искажения, объема или размера. И наоборот, очень эффективным представляется использование ВКС при предъявлении для опознания живых лиц, когда необходимо создать условия, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего. По справедливому замечанию А. В. Победкина, «при этом виде-конференц-связь между опознающим и опознаваемым – односторонняя: опознающий наблюдает предъявляемых для опознания лиц, опознаваемый опознающего не видит» [8, с. 82].

Возникают вопросы и с порядком составлением протокола следственных действий с использованием ВКС. Так, по правилам ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ его должен составлять следователь, которому поручено производство следственного действия. А как быть в случаях производства очной ставки, когда ее участники находятся в разных местах относительно места нахождения органа ведущего расследования? Составлять два поручения и два протокола? Вопрос остается открытым. Кроме того, следует учитывать разницу часовых поясов, которая в некоторых регионах Российской Федерации может достигать + 9 часов (GMT + 12) по отношению к московскому времени (например, Петропавловск-Камчатский).

Таким образом, вопросов эффективности и правомерности производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи достаточно много, их невозможно охватить рамками нашей статьи. Остается надеяться, что с течением времени законодатель предпримет попытки к более четкому правовому регулированию удаленных следственных действий как в судебных, так и в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020, 2021 гг. и 6 месяцев 2022 г. // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/?id=79.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2019 г. № 855-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новикова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 61, 64, 65 и 278.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi.

3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401 (ред. от 30.12.2020) «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374166/.

4. Угольникова Н. В., Шибаева Ю. Н. Некоторые вопросы использования видеоконференцсвязи при проведении судебных заседаний // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов X ежегодной Всероссийской конференции, 26 ноября 2020 г. / сост. О. В. Химичева. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // Сайт «Кодексы.com». URL: https://kodeksy-by.com/ugolovno-protsessualnyj_kodeks_rb 343-1.htm.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // Сайт «Кодексы.com».URL: https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovno-protsessualnyj_kodeks/213.htm.

7. Василькова Е. В. Проблемные аспекты применения видео-конференц-связи при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 4 (36).

8. Победкин А. В. Производство следственных действия с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производства: рамочность процессуальных действий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95).

Химичев М. В.[1],
юрист ООО «Консалтинговая Группа»
„Правовая помощь бизнесу”»,
студент магистратуры
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова

НАДЕЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Уголовно-процессуальный закон (ч. 5 ст. 164 УПК РФ) требует от следователя разъяснения различным участникам уголовного судопроизводства прав и ответственности при их привлечении к участию в следственных действиях.

Участниками следственных действий, по мнению С. Б. Россинского, являются лица, «вступающие в уголовно-процессуальные отношения, вытекающие из общих и частных правил производства следственных действий, и наделенные для этого соответствующими государственно-властными полномочиями, *правами, обязанностями, ответственностью*» [10, с. 92]. Вот тут и возникает вопрос: каким образом лицо наделяется этими правами и обязанностями? В этой связи предлагаем выяснить, на основании чего вообще участник уголовного процесса получает свои права.

Конституция Российской Федерации гласит, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17). Основные права, по логике, закреплены в общепризнанных принципах и нормах международного права, а также в самой российской Конституции (исходя из смысла ч. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 55 Конституции Российской Федерации), т. е. предполагается, что иные права в рамках различных правоотношений лицо приобретает не с рождением, а в результате других юридических фактов (действий или событий), влияющих на возникновение, изменение или прекращение конкретных правоотношений [5, с. 601–604].

В науке уголовного процесса выделяют *два способа «появления» участников уголовного судопроизводства*:

а) принятие специального мотивированного решения компетентного должностного лица или;

б) в связи с наступлением обстоятельств формального или фактического характера, например, в связи с подачей заявления о преступлении, задержанием и др. [9, с. 320]

С указанным аспектом связаны и *способы закрепления прав и обязанностей участников уголовного процесса – формальный* и *материальный*. Если первый из них предполагает создание некого «автономного процессуального статуса», то второй заключается в том, что правовое положение частных лиц регламентируется применительно к реализации того или иного уголовно-процессуального института, либо наличие прав и обязанностей связано с оценкой фактической ситуации, сложившейся по уголовному делу [12, с. 209].

---

[1] © Химичев М. В., 2023.

Формальный подход к статусу участника уголовного процесса выглядит в этом плане наиболее приспособленным к реальной действительности. Статус лица, будучи отраженным в каком-то процессуальном акте с разъяснением ему соответствующих прав (например, протокол задержания, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, постановление о признании потерпевшим), всегда лучше обеспечивает права этого участника процесса – хотя бы потому, что лицу становится ясно, какое он занимает процессуальное положение и какие у него имеются «риски».

Материальный подход к статусу участника во многом основан на позиции Европейского Суда по правам человека, который, истолковывая положения Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г., довольно широко сформулировал определение понятия: «обвинение – официальное уведомление лица компетентными властями о наличии предположения о том, что им совершено уголовное преступление; при этом данное уведомление имеет существенные последствия для правового статуса лица. Предъявлением обвинения по смыслу ст. 6 Конвенции является и арест лица, его официальное уведомление о возбуждении против него уголовного дела» [10, с. 758]. ЕСПЧ говорил о *«содержательном» (не «материальном») понятии обвинения* [3, § 44], противопоставляя его формальному, однако эта терминологическая разница представляется нам не столь существенной.

При применении материального подхода статусы участников процесса, в том числе подозреваемого, обвиняемого, становятся неформализованными. Это выглядит отчасти привлекательно для таких лиц, хотя бы в том, что предоставление помощи адвоката (защитника) не связывается с формальным признанием лица подозреваемым либо обвиняемым, как еще в 2000 г. указал Конституционный Суд Российской Федерации [1], например, в ситуации, когда в отношении лица проводится доследственная проверка, а статусом подозреваемого оно не наделено.

Тем не менее, представляется, что всегда проще и правильнее отразить статус лица в каком-либо процессуальном акте с разъяснением лицу соответствующих прав, чем «держать его в голове», и полагаться на беспристрастное отношение следователя, в частности, к лицу, которое подвергается уголовному преследованию. Так, закон требует от лица, ведущего производство по делу, незамедлительного принятия решения о признании физического или юридического лица потерпевшим (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Такое законоположение может не всегда соответствовать реальной обстановке, например, заявителю преступлением был причинен вред, однако он находится в ожидании решения следователя о признании потерпевшим и не может в полной мере осуществлять положенные ему процессуальные права без их оформления соответствующим постановлением. Тем не менее, еще более странной будет выглядеть ситуация, при которой такое лицо начинает осуществлять какие-то права без какого-либо формального документа – скажем, пытаться получить доступ к материалам уголовного дела. Собственно, заявителю при приеме заявления о преступлении выдается талон-уведомление, что уже свидетельствует о некой «формализации» его статуса.

В связи с этим предлагаем рассматривать наделение лица статусом подозреваемого или обвиняемого, как и других участников процесса, исключительно с

позиций формального подхода. Кстати, именно с этих позиций законодатель советского периода определял правовое положение основных участников уголовного процесса. Вместе с тем, интересен тот факт, что в уголовно-процессуальной науке в тот период существовало мнение, что права подозреваемому должны предоставляться «в момент производства первого следственного действия, определяющего появление подозреваемого как процессуальной фигуры» [6, с. 36], что больше напоминает подход материальный, хотя предоставление прав в таком случае говорит о дальнейшей формализации статуса подозреваемого.

При этом следует отличать материальный и формальный статус подозреваемого, обвиняемого от защиты в *материальном* смысле (совокупность прав обвиняемого по фактическому участию в уголовном процессе) и защиты в *формальном* смысле (возможность иметь защитника, как самостоятельного участника), на которые традиционно разделяется право такого лица на защиту от уголовного преследования [3, с. 336]. Как отмечает Л. В. Головко, «если рассматривать уголовный процесс во всем его измерении, то в обоих случаях речь, конечно, идет о формальном обеспечении государством права на защиту, так как «материальная защита» столь же формальна, что и «формальная», ограничиваясь предоставлением обвиняемому некоторых формальных прав по отстаиванию своей позиции» [3, с. 337]. Указанные «элементы» права на защиту не противоречат друг другу и вполне удачно сочетаются на практике.

В этом ключе следует рассматривать материальный и формальный статус лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. В принципе, обвиняемый в настоящее время обладает формализованным статусом (достаточно посмотреть на основания наделения этого лица соответствующими правами и обязанностями – ч. 1 ст. 47 УПК РФ). В отношении подозреваемого все сложнее: им является «не только лицо, в отношении которого осуществление уголовного преследования обусловлено наличием указанного в законе процессуального решения <…>, но и любое иное лицо, которое фактически преследуется за совершение преступления, изобличается в этом» [11]. По нашему мнению, если обвиняемый – это явное свидетельство проявления формального подхода к статусу участника процесса, то подозреваемый – это проявление материального подхода к такому статусу. Еще более очевидно сочетание материального и формального подхода применительно к потерпевшему, которым по ч. 1 ст. 42 УПК РФ, является лицо, которому преступлением причинен вред, но который при этом признан таковым решением следователя.

Возвращаясь к вопросу участия того или иного лица в следственных действиях, обратим внимание на то, что при разъяснении такому лицу прав, необходимо отталкиваться от фактически сложившейся по делу обстановки. Так, если лицо не наделено статусом подозреваемого, но считает, что в отношении него осуществляются какие-либо обвинительные действия, то ему должны быть гарантированы базовые «защитные» права, которые перечислены в нормах Конституции Российской Федерации – право судебного обжалования (ч. 2 ст. 46), право пользоваться квалифицированной юридической помощью (ч. 2 ст. 48), право не свидетельствовать против себя (ч. 1 ст. 51) и др.

Однако, как справедливо отмечает В. Н. Григорьев, не следует связывать предоставление прав и возможностей отстаивать свои интересы только с фак-

том ущемления прав или ограничения свобод без какого-либо документального оформления – «в такой ситуации сам статус подозреваемого будет не нужен» [4, с. 46].Интересно, что в науке уголовного процесса уже высказывались идеи по упразднению одного из участников со стороны защиты – речь, правда, об обвиняемом [8], но данное положение вполне правильно и обоснованно критикуется другими учеными [7, с. 169]. Полагаем, что при упразднении обвиняемого как процессуальной фигуры вопрос о формальном и материальном подходах к статусу любого другого участника уголовного процесса выйдет на новый уровень обсуждения.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27705/.

2. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 февраля 1980 г. «Девеер (Deweer) против Бельгии» (жалоба № 6903/75) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&bas.

3. Головко Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. М. : Городец, 2022.

4. Григорьев В. Н. Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем в чем проблемы? // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 41–46.

5. Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015.

6. Карнеева Л. М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1959. № 4. С. 35–38.

7. Коновалов С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. М, 2018.

8. Кругликов А. П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2. С. 106–112.

9. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян [и др.] ; под ред. Л. В. Головко. 3-е изд., исп. и доп. М. : Статут, 2021.

10. Россинский С. Б. Следственные действия : монография. М. : Норма, 2018.

11. Химичева О. В., Шаров Д. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 56–61.

12. Чекотков А. Ю. Формальный и материальный подходы к регулированию процессуального статуса участников уголовного судопроизводства: необходимость установления баланса // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11. С. 207–213.

Храмцова В. В.[1],
старший инспектор управления
научно-исследовательской деятельности
(научно-исследовательского института
криминалистики) Главного управления
криминалистики (Криминалистического центра)
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Разыгравшаяся в 2020 г. в Российской Федерации пандемия *COVID-19* оказала влияние на различные сферы жизни нашего общества. В определенной степени она внесла свои коррективы и в развитие уголовно-процессуального законодательства, подтолкнув в направлении использования новых дистанционных технологий и методов на этапе досудебного производства.

Однако предпосылки дистанционного формата производства следственных действий начали складываться задолго до возникновения пандемии, немалую роль в этом сыграл опыт применения видео-конференц-связи (далее – ВКС) в судебном производстве. Так, 19 апреля 2000 г. Верховный Суд Российской Федерации впервые провел слушание дел в режиме удаленного присутствия осужденных. С этого периода в нашей стране началось формирование ВКС федерального уровня для проведения судебных заседаний [3]. В марте 2011 г. в УПК РФ появилась ст. 278.1, регламентирующая возможность производства судом допроса свидетеля путем использования систем ВКС.

В дальнейшем введенные в связи с пандемией ограничения на передвижение граждан, а ввиду этого невозможность своевременного их прибытия к месту производства следственных действий, побудило законодателя искать выход из создавшейся ситуации. Это во многом обусловило внесение в декабре 2021 г. изменений в уголовно-процессуальное законодательство, касающееся возможности производства следователем и дознавателем допросов, очных ставок и предъявления для опознания дистанционным способом – с использованием систем ВКС (ст. 189.1 УПК РФ). При этом ст.ст. 189.1 и 278.1 УПК РФ содержат различия даже в написании указанного термина – «видео-конференц-связь» и «видеоконференц-связь» соответственно.

По истечении неполного года с момента внесения изменений в процессуальное законодательство уже можно подвести некоторые итоги использования систем ВКС в практической деятельности правоохранительных органов, сформулировать проблемы, возникающие в ходе применения указанных норм, и предложить пути их решения. Только 27 % региональных управлений Следственного комитета Российской Федерации имеют единичную практику применения ВКС в ходе производства следственных действий.

---

[1] © Храмцова В. В., 2023.

Обстоятельства, на которых основывалось принятие решения следователями об использовании ВКС, связаны в большей степени с устранением финансовых и временных затрат, сопряженных с прибытием участников следственного действия к месту его производства. Нахождение участника следственного действия в другом регионе (в том числе на воинской службе или по месту отбывания наказания), наличие у него инфекционного или иного заболевания, иных обстоятельств, препятствующих прибытию к месту производства расследования – это далеко не полный перечень причин, на основании которых принимаются решения о дистанционном характере производства следственного действия. Это позволяет существенно сократить сроки расследования и в максимально сжатый период времени организовать проведение следственного действия.

Чаще всего с использованием систем ВКС проводились очные ставки, реже – допросы, в единичных случаях для опознания предъявлялись живые лица. Фактов предъявления для опознания предметов, а тем более трупов, не имелось, хотя законодатель не устанавливает ограничений на производство указанных видов опознания.

Недостаточное законодательное регулирование порядка производства указанных следственных действий порождает различные ошибки в их организации. По смыслу ст. 189.1 УПК РФ в одном следственном действии с использованием дистанционных телекоммуникационных технологий принимают участие минимум два должностных лица: следователь или дознаватель «по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым» и следователь (дознаватель), которому «поручено производство предварительного расследования». В такой формулировке возникает опасность путаницы с функционалом должностного лица, осуществляющего производство отдельных следственных действий на основании поручения, направленного в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ.

По смыслу ст. 189.1 УПК РФ следователь (дознаватель), которому поручено производство предварительного расследования, является должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело. Назовем его следователь-инициатор. Именно он направляет письменное поручение об организации участия в следственном действии лица, не находящегося по месту производства предварительного расследования. Процессуальные функции следователя-инициатора, и следователя (дознавателя), исполняющего поручение об организации участия лица, находящегося вне места производства предварительного расследования, законодателем четко не разграничены. Кто из них должен разъяснять допрашиваемому лицу права, обязанности, ответственность и порядок производства следственного действия? Кто привлекает к участию педагога, психолога, законного представителя, применяет технические средства и предупреждает участвующих лиц об их применении, разрешает заявленные в ходе следственного действия ходатайства, оглашает протокол? В статье имеется упоминание лишь о том, что следователем (дознавателем) по месту нахождения участников следственного действия берется соответствующая подписка.

Исходя из формулировки ст. 189.1 УПК РФ, законодатель определил для должностного лица, находящегося по месту нахождения участника следствен-

ного действия исключительно обеспечительные функции (поэтому назовем его следователь-обеспечитель): техническая организация использования систем ВКС, вызов на допрос, обеспечение участия в следственном действии законного представителя, психолога, педагога, переводчика и иных лиц (по согласованию со следователем, осуществляющим расследование), получение приобщенных в ходе следственного действия документов, материалов, а также ордера адвоката, фиксацию в подписке поступивших замечаний о дополнении и уточнении протокола. Кроме того, можно сделать вывод, что на указанном должностном лице лежит обязанность удостоверения личности лиц, прибывших для производства следственного действия.

Из этого сразу вытекает еще одна проблема: может ли следователь по месту нахождения участника следственного действия подвергнуть его приводу либо применить иные меры процессуального принуждения? Представляется, что он может это сделать исключительно в рамках ч. 1 ст. 152 УПК РФ, имея соответствующее поручение от следователя, осуществляющего расследование. В свою очередь, представляется, что следователь-инициатор, в производстве которого находится уголовное дело, несет на себе всю полноту процессуальных полномочий: разъясняет участвующим лицам права, обязанности, ответственность и порядок производства следственного действия, решает вопрос о необходимости привлечения иных участвующих лиц, полностью направляет ход следственного действия, задает уточняющие вопросы, осуществляет фиксацию в протоколе следственного действия, разрешает поступающие ходатайства, оглашает протокол следственного действия.

Что касается места производства указанных следственных действий, здесь также существует определенная проблема. Если мы обратимся к тексту ст. 189.1 УПК РФ, то увидим, что законодатель ограничил производство следственных действий путем использования систем ВКС исключительно государственных органов, осуществляющих предварительное расследование. Тогда возникает вопрос, как быть с возможностью использования систем ВКС органов исполнения наказания или суда? Кроме того, формулировка статьи вызывает двоякое толкование относительно возможности использования систем ВКС государственного органа, в целом обладающего функциями предварительного расследования, но не расследующего конкретное уголовное дело, в рамках которого производится следственное действие. Практика в настоящее время идет по пути расширительного толкования. Имеются факты использования следователями системы СК России видео-конференц-связи МВД России и УФСИН России. Однако «в такой ситуации остаются открытыми вопросы процессуальной законности, а также вопросы обеспечения конфиденциальности и требований недопустимости разглашения данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ)» [5, с. 54].

Кроме того, множество возникающих вопросов касается порядка проведения очной ставки. В одном или разных местах должны находиться лица, между которыми проводится очная ставка? Может ли одно из допрашиваемых лиц находиться по месту производства предварительного расследования, а другое в ином месте? Должен ли адвокат или законный представитель допрашиваемого лица присутствовать в месте его нахождения или может пребывать по месту

производства расследования либо в ином месте? Из этого следует вопрос о возможности проведения так называемых мультиконференций. Эти вопросы остались за пределами законодательного регулирования. Однако в практической деятельности указанные положения получают расширительное толкование.

Порядок предъявления для опознания с использованием ВКС также требует законодательной регламентации относительно нахождения понятых в ходе следственного действия. Представляется, что в данном случае необходимо провести аналогию с предъявлением для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение, когда опознающий и опознаваемый находятся в разных помещениях, разделенных специальным стеклом. Следовательно, понятые должны находиться в месте нахождения опознающего. Кроме того, возникает вопрос о том, где должен находиться в это время защитник опознаваемого лица. Закон не ограничивает его возможность принимать участие в следственном действии по месту нахождения опознающего. Однако в этом случае могут возникнуть сложности, связанные с неосуществимостью конфиденциального общения защитника со своим подзащитным.

Определенные нюансы возникают в случае разницы часовых поясов между местами нахождения участников следственного действия. Например, существенная разница во времени между местом фактического нахождения допрашиваемого несовершеннолетнего и местом нахождения следователя, осуществляющего расследование, может привести к опасности производства допроса несовершеннолетнего в ночное время, что в свою очередь повлечет недопустимость доказательства. Это и обусловило требование ст. 189.1 УПК РФ о фиксации даты, времени и места производства соответствующего следственного действия как по месту составления протокола, так и по месту нахождения участвующего в следственном действии лица. Однако, учитывая, что положения процессуального законодательства, касающиеся ограничения производства следственных действий в ночное время, призваны защитить права и законные интересы лиц, привлекаемых к участию в следственных действиях, считаем, что это ограничение не должно касаться должностного лица, осуществляющего предварительное расследование.

В ходе следственных действий, производимых в дистанционном формате, законодатель предусмотрел обязательное применение видеозаписи, однако не регламентировал механизм и объем ее осуществления. Достаточно ли включить видеозапись на платформе системы ВКС либо требуется вести ее с использованием видеокамер, так как объем фиксации будет разный? Законодательно не установлено, требуется ли производить видеозапись по месту нахождения следователя-инициатора или достаточно видеофиксации только там, где территориально находятся иные участники следственного действия. Видеозапись хода следственного действия призвана зафиксировать порядок его осуществления, полученные результаты, а также позволит в дальнейшем проверить соблюдение прав участвующих лиц. В случае необходимости она позволит разрешить возникшие споры о допустимости соответствующего доказательства. По этой причине представляется, что объем зафиксированной информации должен быть максимальным, т. е. в идеале требуется отразить не только

изображение на экране монитора, но и за его пределами, охватить полностью обстановку на месте нахождения всех участников следственного действия, включая следователей (дознавателей).

Несмотря на то, что в целом можно положительно оценить факт введения законодателем возможности применения систем ВКС на этапе предварительного расследования, бесспорной является необходимость доработки правовой нормы. Отсутствие в законе четкой регламентации порядка производства таких следственных действий неизбежно влечет возникновение различных подходов в ведомственной и региональной практике.

Список литературы

1. Белкин А. Р. Использование видео-конференц-связи в следственных действиях: технические преимущества и процессуальные проблемы // Уголовное судопроизводство. 2022. № 4. С. 12–16.

2. Грачев С. А. Проведение следственных действий с применением видеоконференц-связи: поправки внесены, эффективность под вопросом // Российский следователь. 2022. № 9. С. 18–22.

3. Информация Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2020 г. «Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/73952623/.

4. Малышева О. А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 6 (187). С. 74–84.

5. Сиротинин Д. А. Некоторые процессуальные аспекты производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи // Правда и Закон. 2022. № 3 (21). С. 51–58.

Чинь Суан Чыонг[1],
преподаватель юридического факультета
Академии народной безопасности
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам,
кандидат юридических наук

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВЬЕТНАМА

В последнее время ситуация с преступностью во Вьетнаме остается достаточно серьезной. Организованная преступность, бандитизм, контрабанда, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, коррупционные преступления, преступления в сфере окружающей среды, иные преступления, посягающие на национальную безопасность, международные преступления, транснациональные преступления и преступления с использованием высоких технологий остаются на высоком уровне, существенным образом затрагивая права и законные интересы отдельных граждан, общества и государства.

В целях противодействия криминогенной обстановке необходимо обеспечить правоприменителя средствами эффективной борьбы с преступлениями. В уголовно-процессуальной деятельности такими средствами являются специальные следственно-процессуальные мероприятия. Уголовно-процессуальным кодексом Вьетнама [1] предусмотрена гл. XVI (ст.ст. 223–228), закрепляющая специальные следственные и процессуальные мероприятия.

Во-первых, согласно ст. 223 УПК Вьетнама лицо, уполномоченное расследовать уголовное дело, уполномочено производить следующие специальные следственные мероприятия:

1) негласные аудио- и видеозапись;

2) прослушивание телефонных переговоров;

3) конфиденциальный сбор электронных данных.

Все эти мероприятия осуществляются в конфиденциальном порядке в целях сбора доказательств по тяжким преступлениям.

Во-вторых, специальные следственные мероприятия допускается производить исключительно после возбуждения уголовного дела. Однако подобные мероприятия допустимо производить в рамках оперативной деятельности подразделениями Народной полиции, результаты которых допустимо использовать в доказывании по уголовным делам.

В-третьих, в соответствии со ст. 224 УПК Вьетнама специальные следственные мероприятия допустимо производить по следующим преступлениям: связанным с посягательством на государственную безопасность; связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; в сфере коррупции; связанным с терроризмом; связанным с отмыванием денег и по другим преступлениям, совершаемым организованными преступными

[1] © Чинь Суан Чонг, 2023.

группами. Эти специальные следственные мероприятия существенным образом ограничивают конституционные права граждан, поэтому их применение допустимо в целях недопущения наступления неблагоприятных последствий.

Стоит отметить, что в УПК Вьетнама не указаны субъекты, к которым применяются специальные следственные мероприятия, поскольку характер вышеуказанных преступлений достаточно разнообразен, поэтому они могут применяться как в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений, так и в отношении иных лиц, которые могут оказывать им в этом содействие.

В-четвертых, решение о применении специальных следственных мероприятий правомочны принимать исключительно начальники следственных органов провинции и вышестоящих военных округов. Постановление о применении специальных следственных мероприятий должно быть утверждено прокурором соответствующего уровня. В случае, если отпала необходимость в проведении данных мероприятий, руководитель следственного органа обращается в прокуратуру с ходатайством об отмене в ее применении, при этом необходимо обращать внимание и на должностное положение лица, принявшего решение о производстве специальных следственных мероприятий. Установление особо порядка санкционирования производства рассматриваемых мероприятий связано с установлением усиленного контроля за их проведением.

В постановлении о применении специальных мероприятий должны быть четко указаны следующие сведения: наименование применяемой меры, срок, место применения, орган, осуществляющий расследование и меры уголовного преследования.

В-пятых, ст. 226 УПК Вьетнама устанавливает, что срок применения специальных следственных мероприятий не может превышать двух месяцев со дня утверждения решения прокурором. По сложным делам данный срок может быть продлен органами прокуратуры того же уровня, но не более срока предварительного следствия. Не позднее чем за 10 дней до окончания срока в случае признания необходимости их продления руководитель органа, вынесшего решение об их применении, должен направить письменный запрос прокурору для продления срока их применения.

В-шестых, ст. 227 УПК Вьетнама установлено, что сведения и документы, собранные в результате проведения специальных следственных мероприятий, могут быть использованы только для целей уголовного преследования и разрешения уголовных дел.

Сведения, полученные в результате проведения специальных следственных мероприятий, тщательным образом обрабатываются и не все они обладают достаточными признаками доказательств. Информация и документы, не имеющие отношения к делу, подлежат уничтожению во избежание утечки или распространения таких сведений и документов вовне, поскольку затрагивают данные о жизни лица, в отношении которых проводились данные мероприятия. Категорически запрещается использовать собранную информацию, документы и доказательства в других целях.

Для обеспечения полученных сведений силы доказательств необходимо уточнить действующие порядок собирания и оценки доказательств.

В-седьмых, ст. 228 УПК Вьетнама предусматривает, что прокурор, утвердивший решение о применении специальных следственных мероприятий обязан незамедлительно отменить их в следующих случаях:

1) имеется письменный запрос руководителя следственного органа;

2) допущены существенные нарушения при проведении специальных следственных мероприятий;

3) дальнейшее проведение специальных следственных мероприятий не требуется.

Однако какие существенные нарушения и каковы основания для принятия решения об отсутствии необходимости проведения мероприятий, Закон не предусматривает.

Таким образом, предусмотренные УПК Вьетнама специальные следственные мероприятий создают благоприятную основу для сбора доказательств, расширив источники их получения.

Впервые в качестве доказательств используются сведения и документы, полученные тайным путем, что сняло некоторые трудности для оперативных подразделений в легализации полученных результатов и их использовании в доказывании по уголовным делам. Положения УПК Вьетнама о специальных следственных мероприятиях обеспечили выполнение ряда международных договоров о предупреждении преступности, участником которых является Вьетнам.

Помимо вышеперечисленных преимуществ реализация положений УПК Вьетнама о специальных следственных мероприятиях в ближайшее время также будет сопряжена со многими трудностями и проблемами, требующими решения, такими как:

– предусмотренные УПК Вьетнама специальные следственные мероприятия содержат лишь наименования, при этом не раскрывается их правовая характеристика, порядок проведения и способы взаимодействия с другими правоохранительными органами при их производстве;

– проведение специальных следственных мероприятиях в настоящее время на практике непоследовательны;

– УПК Вьетнама лишь устанавливает, что специализированные органы Народных сил общественной безопасности и Народной армии в соответствии с положениями закона исполняют решение о применении специальных следственных мероприятий, однако создание самостоятельного специализированного учреждения существенным образом отразилось бы на эффективности реализации принятых решений.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 101/2015/QH13 // Сайт «Wipo IP Portal». URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21477.

Шараева Я. А.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

ПРИМЕНЕНИЕ ВИДЕОСЪЕМКИ ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)

В современном мире в целом и нашем государстве, в частности, одной из важнейших задач является соблюдение прав человека. В ст. 55 Конституции Российской Федерации сказано, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Наибольшие ограничения прав человека происходят в рамках уголовно-правового законодательства, а именно при применении мер процессуального принуждения, а также производстве следственных действий. В данной статье нам хотелось бы остановиться на рассмотрении вопроса о соблюдении прав несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) при применении видеосъемки в ходе производства такого следственного действия как допрос.

Статья 425 УПК РФ предусматривает особенности проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Однако не содержит сведений о том, возможно ли проводить видеозапись следственного действия в отношении несовершеннолетнего. Вследствие чего необходимо обратиться к общим положениям проведения следственных действий. В частности, ст. 164 УПК РФ говорит о том, что при производстве следственных действий могут применяться технические средства. Отсюда следует вывод о том, что в ходе проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) может быть проведена видеозапись.

Между тем, проблема применения видеозаписи в ходе производства допроса несовершеннолетних заключается в том, что дети обычно поверхностно воспринимают произошедшее, порой не способны здраво оценить поступки людей и первоначально в допросе не в состоянии правдиво и подробно рассказать обо всех обстоятельствах совершенного в отношении них посягательства.

Сравнивая особенности проведения допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, то ст. 191 УПК РФ четко закрепляет, что видеосъемка обязательна при проведении допроса, но только с их согласия либо законного представителя.

На практике следователи редко применяют видеосъемку в ходе допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), обосновывая свое решением тем, что видеокамера создает эмоциональное напряжение между следователем и подозреваемым.

---

[1] © Шараева Я. А., 2023.

Вы считаем, что применение видеосъемки в ходе производства допроса несовершеннолетнего необходимо проводить обязательно в силу следующего. Во-первых, данная запись будет отражать весь ход допроса и его результаты, во-вторых, видеосъемка будет являться доказательством по делу, в случае последующего отказа подозреваемого (обвиняемого) от показаний, в-третьих, с помощью видеозаписи будут зафиксированы попытки психологического воздействия законного представителя на несовершеннолетнего подозреваемого в ходе производства допроса, что может являться основанием для принятия решения о замене законного представителя. В некоторых случаях, видеозаписи следственных действий с участием несовершеннолетних могут являться самостоятельным объектом экспертизы психологического воздействия [1, с. 130].

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу о том, что использование видеосъемки процесса допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых не только положительно скажется на результатах расследования, но и обеспечит гарантию отсутствия психологического воздействия со стороны участников уголовного судопроизводства на несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого).

Следовательно, необходимо предусмотреть в законодательстве требование обязательной непрерывной видеосъемки производства допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Данная мера позволит повысить эффективность производства допроса несовершеннолетних, обеспечить соблюдение их прав, а также соблюсти баланс интересов сторон уголовного производства.

Список литературы

1. Крутова В. В., Поликарпова О. С. Судебно-психологическое исследование воздействия законного представителя на несовершеннолетнего (на примере экспертизы видеозаписей) // Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития : сборник статей Международной научно-практической конференции. Калуга, 2016. С. 129–133.

РАЗДЕЛ II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Архипова И. А.[1],
заместитель начальника кафедры
криминалистики Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ ПРИ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

Понятие «след» можно раскрыть как отражение любого явления действительности на поверхности окружающего мира. В теории криминалистики выделяют два вида следов, а именно: идеальные и материальные.

В первом случае следы представляют собой определенную информацию в сознании человека, его представления о произошедшем событии. К сожалению, эти сведения бывают неточными и редко являются основным доказательством по делу. Это зависит от личных качеств воспринимающего информацию человека, от эмоционального и рационального интеллекта, от памяти, от уровня стресса и т. д. И к тому же, владелец такой информации, не имея контроля со стороны, может скрыть некоторые детали события, что порой затрудняет расследование. Как заключает А. Г. Филиппов, эти следы в первую очередь носят субъективных характер [1, с. 143].

Таким образом, идеальные следы является вспомогательным доказательством при расследовании преступления, связанного с торговлей людьми. В процессе допроса лица (свидетелей, потерпевшего или соучастников преступной группировки) следователь выявляет следовую информацию, что в определенной мере облегчает обнаружение материальных следов, которые, могут содержать в себе более надежную информацию.

Что касается второй группы следов, то здесь необходимо сказать о криминалистических экспертизах, с помощью которых исследуется материальная обстановка и выявляется доказательственная информация.

Производство судебных экспертиз имеет большую значимость для расследования уголовных дел, связанных с торговлей людьми. «В общем объеме экспертиз наибольший удельный вес имеют: судебно-медицинская экспертиза – 37 %; судебно-биологическая экспертиза – 23 %; почерковедческая экспертиза – 43 %; фоноскопическая экспертиза – 13 %. Причем в 50 % изученных уголовных дел назначались экспертизы одновременно двух видов, в 20 % – трех и более видов» [2, с. 104].

Как следует из вышеуказанного процентного соотношения, чаще всего используется почерковедческая экспертиза для установления исполнителя заказа или же непосредственного покупателя.

---

[1] © Архипова И. А., 2023.

В процессе преступной деятельности «торговцы» используют материальные носители в виде журналов учета рабочей силы, заказов, задолженностей, где оставляют рукописные пометки. В случае использования жертв для рабского труда может составляться договор по трудоустройству, в котором преступник ставит подпись. В 2020 г. стали преобладать электронные подписи, которые также исследуются почерковедческой экспертизой, и приносят свои результаты. С. Ю. Журавлев выделяет рукописные заметки, которые фиксируются на других документах, например, «на распоряжениях о режиме содержания жертв, в документах о расчетах за проданных потерпевших, в договоре аренды квартиры, используемой для сексуальной эксплуатации или временного укрывательства» [3, с. 151–152]. Такие следы могут оставаться при заполнении бланков документов.

Другой, часто выявляемой следовой информацией являются следы биологического происхождения, такие как волосы, кровь, пот, слюна и др. Данные материалы обнаруживаются, например, в местах, где содержались жертвы. Так, в квартире, где проживали женщины, эксплуатируемые для сексуальных услуг, можно обнаружить волосы на оставленной расческе, в ванном сливе, на простыне кровати. Волосы также обнаружить в салоне транспортного средства, в котором перевозились жертвы.

Потерпевшие от торговли людьми нередко подвержены физическому насилию. Избиения и иные издевательства над телом человека оставляют после себя следы крови в местах содержания жертвы. Если лица насильно удерживались в помещении с помощью наручников или проволоки, целесообразно исследовать их на наличие запекшихся или свежих пятен крови. Также, могли предприниматься попытки борьбы, тогда под ногтями, на одежде, как самой жертвы, так и подозреваемого, с высокой вероятностью можно обнаружить эпителиальные клетки или кровь.

На тряпках и предметах, используемых в качестве кляпа, остается слюна. Также в комнате, на складе, в подвале может быть обнаружено большое количество сигаретных окурков со следами слюны жертвы или преступника, что свидетельствует о продолжительном нахождении (удержании) данных лиц в этих помещениях.

В большинстве случаев преступники пытаются уничтожить все следы биологического происхождения, например, проводят тщательные уборки в местах содержания жертв при их перевозке, отмывают пятна крови, избавляются от запачканной одежды и иных вещей путем сжигания. Однако существует запаховый след, который трудно смыть, а иногда, он и вовсе не берется во внимание «торговцами».

В отличие от других, рассматриваемый след – это динамичная доказательственная информация, которая распространяется в воздухе от носителя на окружающую обстановку. Источниками же запаха могут быть: следы крови, пота, волосы и другие объекты биологического происхождения; личные вещи жертвы или преступника (например, обувь, нижнее белье); предметы удержания (наручники) или орудие, предметы, используемые в качестве орудия для нанесения физического вреда.

С помощью ольфакторной экспертизы, можно установить сходство преступника в торговле людьми по оставленным им запахам и наличие совершения преступником иных преступных деяний (побои, изнасилование) [4, с. 14].

Для перевозки жертв или введения их в заблуждения насчет предоставляемой работы, преступники используют документы со следами подделки. Поддельные реквизиты популярных фирм в договоре о трудоустройстве, переклейка фотографии в паспорте для перемещения за границу, замена листов в трудовой книжке – все это исследуется технико-криминалистической экспертизой, которая ставит перед собой задачи: выявить признаки подделки, а также установить методы, используемые для изготовления документа или его части.

Помимо вышеуказанных следов, в помещениях, в транспортных средствах, в иных местах нахождения преступников и жертв, а также на предметах обстановки, можно обнаружить следы пальцев рук. Для идентификации трупов, установления личности, причастной к совершенному преступлению следователи используют действенную автоматизированную систему «Папилон».

Компьютерные технологии прочно вошли в современную жизнь, что дало преступникам возможность использовать интернет и компьютерную технику для облегчения совершения торговли людьми. Таким образом, через сеть соучастники осуществляют переписки, видеозвонки, на компьютерах также сохраняются фотографии и видеозаписи с участием жертв, копии документов, поддельные образцы оттисков печати, сведения о покупателях и иных соучастниках, маршруты перевозки и пункты временных содержаний жертв. В процессе торговли людьми используются средства электронных платежей, а во время обыска в квартирах могут быть обнаружены различные кредитные карты, с помощью которых преступники получали или переводили денежные средства.

В заключении отметим, что факт совершения преступления в сфере торговли людьми подтверждается наличием следовой информации. Следы, как доказательство преступной деятельности, выявляются и исследуются с помощью криминалистических экспертиз, возможности которых постоянно развиваются.

Список литературы

1. Агафонов В. В. Криминалистика. Полный курс : в 2-х ч. : учебник для бакалавриата и специалитета / под общ. ред. В. В. Агафонова, А. Г. Филиппова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020.

2. Макогон И. В., Косарева Л. В. Проблема производства экспертиз при расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми // Евразийский юридический журнал. 2017. № 1 (104). С. 259–261.

3. Журавлев С. Ю., Пигарев А. М. Торговля людьми: механизм преступной деятельности, методика расследования : научно-практическое пособие. М. : Юрлитинформ, 2006.

4. Старовойтов В. И., Панфилов П. Б., Саламатин А. В. Криминалистическая одорология и судебная экспертиза запаховых следов человека // Судебная экспертиза. 2006. № 2 (6). С. 5–14.

До Лыонг Тхьен[1],
профессор юридического факультета
Народной полицейской академии
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам,
кандидат юридических наук

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ ВЬЕТНАМА

Несмотря на то, что принцип состязательности сторон является общепризнанным во многих правовых системах, как представляется, его комплексному изучению во Вьетнаме уделяется недостаточно внимания.

Впервые на официальном уровне принцип состязательности сторон регламентирован Постановлением Политбюро 08/2002/NQ-TW от 2 января 2002 г. при постановке задач перед судебной системой. Так, в частности *«...* решение суда должно основываться главным образом на результатах рассмотрения дела в судебном заседании, на основе полного и всестороннего рассмотрения доказательств, мнений прокуроров, защитников, подсудимых и т. д.; решения должны быть законными, убедительными и выноситься в срок, установленный законом».

Таким образом, состязательность сторон способствует повышению качества судебного разбирательства, борьбе с несправедливостью и защите основных прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

В 2013 г. принята новая Конституция Вьетнама, в которой официально закреплен принцип состязательности сторон. Так, ч. 5 ст. 103 Конституции 2013 г. устанавливает следующее: «принцип состязательности сторон в суде гарантирован Конституцией». Таким образом, правовая регламентация принципа состязательности сторон создает основу для реализации других принципов уголовного судопроизводства.

27 декабря 2015 г. Национальным собранием Вьетнама принят Уголовно-процессуальный кодекс [1], который закрепил принцип состязательности сторон в ст. 26 следующим образом: в ходе возбуждения уголовного дела, производства расследования, следователи, прокуроры, обвиняемые, защитники и иные участники процесса имеют равные права на дачу показаний, обращения с ходатайствами об установлении конкретных обстоятельств по уголовному делу.

Несмотря на то, что данный принцип впервые закреплен в уголовно-процессуальном законе, анализ нормы ст. 26 УПК Вьетнама показывает наличие некоторых проблем.

Во-первых, о времени возможности реализации состязательности сторон. В уголовном судопроизводстве истина по делу устанавливается посредством производства по делу на определенных этапах, каждый из которых имеет разные цели и задачи, выполняемые разными субъектами. В настоящее время су-

[1] © До Лыонг Тхьен, 2023.

ществуют разные мнения по определению момента начала реализации состязательности сторон в уголовном процессе:

1) в науке существует мнение о том, что состязательность сторон реализуется намного позже начала производства по уголовному делу (после возбуждения уголовного дела) и заканчивается раньше его окончания (когда судебное решение вступит в законную силу);

2) по мнению других ученых, состязательность сторон начинается одновременно с началом уголовного судопроизводством;

3) также существует мнение о том, что состязательность сторон – это спор в суде, только на стадии судебного разбирательства.

Все вышеперечисленные позиции имеют право на существование, однако в наиболее обыденном понимании состязательность сторон выражается в рамках судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела под контролем председательствующего судьи и при участии участников со стороны обвинения и защиты. Однако данная точка зрения не в полной мере верна, поскольку отрицается возможность состязательности в рамках досудебного производства, а также после судебного разбирательства.

Действительно, когда отсутствует постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, отсутствует и участники, реализующие противоположные уголовно-процессуальные функции обвинения и защиты.

Соглашаясь с вышеизложенным мнением, законодатель в ст. 26 УПК Вьетнама расширил сферу реализации состязательности сторон. Так, состязательность сторон может реализовываться на стадии возбуждения уголовного дела, в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, т. е. на всех стадиях, где возможно участие следователя, прокурора, обвиняемого, защитников и других участников уголовного судопроизводства.

Во-вторых, предмет состязательности сторон. Деятельность суда в уголовном судопроизводстве состоит в том, чтобы создать одинаковые условия для стороны обвинения и защиты в представлении доказательств, и на основе этих доказательств установить истину по уголовному делу.

Таким образом, состязательность сторон возможна при выделении основных функций уголовного процесса: обвинения, защиты и судебного разбирательства. Соответственно, суд выступает только в качестве «арбитра» для разрешения уголовного дела, что, в частности, подтверждает отсутствие полномочий суда принять решение о возбуждении уголовного дела.

В-третьих, о содержании принципа состязательности сторон. Проблемой реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве является то, каким образом реализуются полномочия сторон, участвующих в судебном разбирательстве?

В целях обеспечения эффективности реализации полномочий сторон в уголовном судопроизводстве в УПК Вьетнама закреплено право сбора и оценки доказательств. Вместе с тем ст. 26 УПК Вьетнама также устанавливает, что обвиняемый, подсудимые и защитники имеют право представлять доказательства и оценивать доказательства, представленной стороной обвинения, ходатайство-

вать о необходимости производства дополнительных следственных действий в целях получения доказательств.

В теории, как и на практике, складывается однозначное понимание того, что реализация принципа состязательности сторон не должна предусматривать наделение одним субъект в одностороннем порядке монополизированными полномочиями по собиранию и оценке доказательств в ходе досудебного производства. Данный суждения корреспондируются в нормах УПК Вьетнама о правах и обязанностях подозреваемого (ст. 60), правах и обязанностях обвиняемого (ст. 61), правах и обязанностях защитников (ст. 73) и т. д.

Стоит отметить, что ст. 26 помимо установления равного права на представление доказательств сторонами, также предусматривает, что доказательства, представляемые прокурором в суд, должны быть полностью конкретизированы, т. е. выделены доказательства вины, доказательства невиновности, отягчающие и смягчающие обстоятельства, раскрытие положений УК Вьетнама [2] для определения верной квалификации деяния, определения наказания и размера компенсации. Вопросы обращения с вещественными доказательствами и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела, рассматриваются в ходе судебного разбирательства. Суть данного судебного процесса заключается в том, что стороны представляют в суде доводы относительно представленных прокурором доказательств.

Кроме того, принцип состязательности сторон имеет и другое очень важное содержание: «*Суждения и решения суда должны быть основаны на результатах исследования и оценки доказательств и результатах рассмотрения дела в судебном заседании».* Указанная норма является результатом судебной реформы, реализуемой на основании постановлений Коммунистической партии Вьетнама.

Реализация принципа состязательности сторон должна найти свое отражение в оценке доказательств и результатах судебного разбирательства. Судебное разбирательство является лишь формальностью, если результаты судебного разбирательства не отражены в приговоре или постановлении суда.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 101/2015/QH13 // Сайт «Wipo IP Portal». URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21477.

2. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 100/2015/QH13 // Сайт «Wipo IP Portal». URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17225.

Емельянова Н. Ю.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ФУНКЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации устанавливает следующие функции: обвинение, защиту, разрешение уголовного дела (ст. 15). Они разделены и не возлагаются на один и тот же орган или должностное лицо. Указанные положения являются содержанием принципа состязательности в уголовном судопроизводстве, определяющем сущность и назначение уголовного процесса вцелом. Отечественный уголовный процесс считает состязательность методом установления истины [1, с. 17]. Это отношение к функциям складывается из единого понимания видов (направлений) деятельности участников уголовно-процессуальной деятельности. Несмотря на это, споры о сути функций, о функциях участников уголовного судопроизводства ведутся непрерывно.

В науке сформулирован широкий спектр подходов к пониманию уголовно-процессуальных функций и их классификаций. Среди базовых можно назвать, пожалуй, следующие. К первой группе относятся сторонники «традиционной» системы существующих на сегодня трех функций (М. С. Строгович, В. М. Савицкий, В. П. Нажимов и др.) [2].

Высказанная ими позиция актуальна до сих пор, свидетельством чего и является ее закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве. Спорность и неоднозначность «традиционной» концепции создала почву для появления иных взглядов среди ученых.

Вторая группа ученых не солидарна с подобными взглядами и придерживается точки зрения об отхождении уголовно-процессуального кодекса от своих принципиальных положений в части, касающейся уголовно-процессуальных функций. Ряд авторов этого научного воззрения усматривает в законодательстве большее количество функций, нежели закреплено. К примеру, В. С. Зеленецкий, В. Н. Шпилев, З. З. Зинатуллин и др. поддерживают идею множественности функций [3, с. 57]. Их основной аргумент заключается в том, что нельзя сводить все разнообразие функций исключительно к существующим трем. Эта позиция заключается в дифференциации институтов: защиты, уголовного преследования, разрешения дела. Так, органы и должностные лица, выполняющие определенную функцию вправе в рамках законодательства осуществлять разные полномочия, в том числе и затрагивающие другую функциональную направленность в уголовном судопроизводстве. Например, следователь и дознаватель реализуют не функцию обвинения, а функцию расследования преступлений. Осуществляя свои полномочия, они устанавливают все обстоятельства, касающиеся предмета доказывания, принимают не только меры к охране прав потерпевшего, но подозреваемого, от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и пр. Несоблюдение требований ст. 73 УПК РФ указанны-

[1] © Емельянова Н. Ю., 2023.

ми должностными лицами ведет к нарушению ст. 6 УПК РФ. Следовательно, возложение на следователя (дознавателя) (ст. 15 УПК РФ) исключительно закрепленной функции противоречит сущности досудебного производства. А. П. Гуськова считает, что «функция следователя – расследование и солидарны с теми, кто считает, что отнесение следователя к стороне обвинения, несправедливо, так как это придает деятельности следователя односторонний характер. Он, по сути, должен выполнять функцию расследования, а не обвинение» [4]. Учитывая разделение функций, стоит полагать, что уличающие обстоятельства в совершении преступления, отягчающие ответственность обязаны устанавливать органы преследования, а наоборот оправдывающие, смягчающие вину – сторона защиты. Суд же, основываясь на доказательства принимает решение. Но, что важно отметить УПК РФ закрепляет обязанность и суда устанавливать наличие (отсутствие) обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу.

Конституционный Суд Российской Федерации многократно выражал свое мнение о некорректности однозначного разграничения функций и о том, что органы расследования должны заниматься не исключительно обвинением, а обязаны объективно исследовать все обстоятельства дела. В указанной позиции Конституционного Суда Российской Федерации усматривается в том числе и обязанность государства охранять права и свободы граждан, не допуская никак привлечения к уголовной ответственности невиновных [5]. При всем этом уголовный процесс предусматривает важное значение и лиц, осуществляющих расследование, и прокурора. Лица, возбудившие уголовное дело, особенно, если это сделано в отношении конкретного лица, уже становятся ответственными за непривлечение невиновного. Прокурор н стадии расследования осуществляет надзор за законностью, надзирает за тем, чтобы не ущемлялись права граждан [6, с. 32]. На судебных стадиях он никакого производства не осуществляет и является стороной в процессе.

Состязательность принципиальна на функциональной обособленности судьи от прочих функций, поэтому ч. 3 ст. 15 УПК РФ грамотно указывает, что он должен создать условия для состязания, для разрешения правового спора, для исполнения процессуальных обязанностей и осуществления прав. Независимость судьи – основная составляющей состязательности. Суд – не орган обвинения или защиты.

Закрепляя монополию обвинения за органами расследования, а также прокурором, закон старается сформировать максимально эффективный процесс уголовного преследования. Хоть и не без проблем.

Как видно, сложно согласиться с тем, что в сегодня имеет место непротиворечивая и единообразная позиция о уголовно-процессуальных функциях. Анализ и создание указанной концепции, несомненно, должны иметь место и проходить тщательно и всесторонне с учетом четкого понимания содержания принципа состязательности. Ясное понимание функций необходимо, ведь оно правильно определяет правовой статус каждого участника, его правовое положение и, конечно же, пределы взаимодействия участников в процессе уголовного судопроизводства. Грамотность законодательного закрепления – это тре-

бования теории и практики, которая ведет к принципиально новому уровню качественного осуществления уголовного судопроизводства, способствуя соблюдать гармонию и равновесие интересов всех его участников.

Список литературы

1. Ягофаров Ф. М. Понятие уголовно-процессуальных функций // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Екатеринбург, 2005.

2. Азаров В. А. Уголовный процесс : учебное пособие для бакалавриата // Ростов н/Д. : Феникс, 2015. С. 68–70.

3. Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974.

4. Гуськова А. П. К вопросу об уголовно-процессуальной функции следователя // Весник ОГУ. 2013. № 3 (152). С. 32–35.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. №13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234, и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной думы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW48286/.

6. Основы профессиональной деятельности : учебное наглядное пособие / Е. Ю. Алонцева [и др.] ; под ред. О. В. Химичевой, Н. В. Угольниковой. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020.

Ендольцева Ю. В.[1],
докторант ЦООНД ВНИИ МВД России,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Развитие уголовного процесса обусловлено единством и взаимодействием двух противоположностей – частного и публичного. Уголовный процесс в равной мере есть гарантия защиты общества от преступности, и, одновременно, – гарантия от незаконного привлечения гражданина к уголовной ответственности, незаконного осуждения и незаконного назначения наказания [4, с. 279–280].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации права, интересы и свободы личности являются высшей ценностью, гарантируются и обеспечиваются государством, в том числе и посредством отправления правосудия. В связи с этим законодатель в ст. 6 УПК РФ определяет назначением уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов граждан и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Причем в ч. 2 ст. 6 УПК РФ говорится не только о защите подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, но и защите от незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод любых лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Это подтверждается и положениями ч. 3 ст. 133 УПК РФ о том, что право на возмещение вреда в порядке реабилитации имеет любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

В связи с этим законодатель возлагает на уполномоченных должностных лиц обязанность по обеспечению как публичных, так и частных интересов участников уголовного судопроизводства. И хотя уголовно-процессуальное право традиционно и признается публичной отраслью права, фундамент уголовного судопроизводства, построенный только лишь на соблюдении публичных интересов, не может в должной степени обеспечить реализацию частных интересов лиц, являющихся участниками уголовно-процессуальной деятельности.

Поэтому в нормах УПК РФ прослеживается свобода лица, вовлеченного в осуществление уголовного судопроизводства, распоряжаться своими правами и реализовывать свои законные интересы в ходе всего производства по уголовному делу, в том числе и при его прекращении. При этом в целях обеспечения публичных задач уголовного и уголовно-процессуального права в виде защиты общества, государства и его граждан от преступных посягательств разного рода, существует необходимость установления пределов свободы распоряжения субъективными правами для участников уголовного процесса, в том числе в целях предупреждения нарушения и надлежащего обеспечения государством их же прав и интересов. А для должной реализации назначения уголовного су-

[1] © Ендольцева Ю. В., 2023.

допроизводства одной из главных задач для себя, законодатель и правоприменитель должны ставить достижение оптимизации уголовно-процессуальной деятельности с соблюдением баланса частных и публичных интересов участников уголовного процесса.

Процесс прекращения уголовного дела, прекращения уголовного преследования, как один из законных вариантов окончания уголовно-правового спора, также должен быть осуществлен должностными лицами с надлежащим соблюдением и обеспечением не только публичных интересов, но и частных. Глава 29 и иные нормы УПК РФ, посвященные основаниям и порядку прекращения уголовного дела и уголовного преследования, наделяет должностных лиц определенными полномочиями-обязанностями по обеспечению возможности реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, причем речь идет как о лице, в отношении которого уголовное дело прекращается (подозреваемом, обвиняемом, подсудимом), так и о его близких родственниках, например, в случае его смерти, а также о потерпевшем и, в случае наличия заявленного гражданского иска, о гражданском истце.

В уголовно-процессуальном законодательстве определены права и законные интересы вышеназванных участников уголовного процесса, надлежащее обеспечение которых является одной из приоритетных задач органов предварительного расследования и суда. Соответственно от качества выполнения возложенных на следователя, дознавателя или судью обязанностей в данном случае зависит как сама законность осуществления уголовно-процессуальной деятельности, так и реализация публичных интересов общества и государства. Это относится и к случаям прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниями, что свидетельствует об отсутствии самого основания для привлечения к уголовной ответственности. А значит, публичным интересом государства в данном случае должно являться восстановление прав, свобод и интересов лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, как конституционная гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина, закрепленная в ст. 45 Конституции Российской Федерации.

Это относится и к прекращению уголовного дела и (или) уголовного преследования по основаниям, которые не предоставляют права на реабилитацию в связи с освобождением лица от уголовной ответственности. В идеале это возможно лишь при достижении публичных интересов общества и государства, а в определенных законом случаях, еще и достижении частных интересов лиц, потерпевших от преступлений.

Прекращая уголовное дело и (или) уголовное преследование, должностные лица совершают процессуальные действия, порядок которых установлен УПК РФ. При этом структуру данного этапа авторы видят по-разному [2, с. 169–170; 5, с. 271–282]. Однако независимо от видения структуры этапа прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования теоретиками и практиками, в рамках производства процессуальных действий должна быть обеспечена возможность реализации соответствующих прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства:

1. Возможность реализации права на доступ к правосудию как лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, так и потерпевших от преступлений (ст.ст. 45–47 и другие статьи Конституции Российской Федерации, ч. 2 ст. 42, ч. 4 ст. 46, ч. 4 ст. 47 УПК РФ) обеспечивается получением согласия на прекращение дела и (или) преследования в установленных законом случаях; своевременным извещением о решении должностного лица; предоставлением возможности ознакомления с прекращенным делом; разрешением ходатайств; направлением копий постановления о прекращении дела заинтересованным лицам.

2. Возможность реализации права на возмещение вреда потерпевшим от преступления (ст. 52 Конституции Российской Федерации, ч. 3 ст. 42 УПК РФ) обеспечивается путем установления факта и обстоятельств возмещения вреда подозреваемым, обвиняемым или подсудимым, когда это условие является обязательным для прекращения дела и (или) преследования; разъяснением лицам права на предъявление гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства.

3. Возможность реализации права обжалования (ст.ст. 45–46 Конституции Российской Федерации, ст. 19 УПК РФ) обеспечивается путем разъяснения заинтересованным участникам права и порядка обжалования решения о прекращении дела и (или) преследования.

4. Возможность реализации права на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, восстановления прав и свобод лица в этом случае (ст. 53 Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 133 УПК РФ) обеспечивается разъяснением права на реабилитацию, если дело и (или) преследование прекращается по реабилитирующим основаниям.

5. Возможность реализации права участников уголовного процесса на возмещение расходов, понесенных ими в связи с участием в уголовном судопроизводстве (ч. 3 ст. 42, ч. 2 ст. 131 УПК) обеспечивается путем разъяснения им порядка возмещения процессуальных издержек. В связи с нововведениями 2021 г., если дело и (или) преследование прекращается по «основаниям, не дающим права на реабилитацию», лицу, в отношении которого оно прекращается, должны быть разъяснены правила и порядок взыскания процессуальных издержек с него.

Однако порядок прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования еще далек от совершенства, особенно в части обеспечения баланса частных и публичных интересов участников уголовного судопроизводства. Рассмотрим некоторые пробелы уголовно-процессуального законодательства.

Часть 2 ст. 27 и ч. 2 ст. 254 УПК РФ закрепляет обязанность следователя, дознавателя или судьи получать согласие подозреваемого, обвиняемого или подсудимого на прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования по основаниям, указанным в данных нормах. Однако, авторы [3, с. 12] обращают свое внимание на то, что в ч. 2 ст. 27 УПК РФ не указана объективная необходимость получения согласия близких родственников умершего обвиняемого на прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования по основанию, указанному в п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, которое не порождает право на реабилитацию. Более того, в УПК РФ вообще нет такого требования, что

противоречит постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П, где он признал такой пробел неконституционным.

И все же, если обязанность получения согласия на прекращение уголовного дела у подозреваемого, обвиняемого или подсудимого по определенным основаниям в УПК РФ закреплена, то до сих пор дискуссионным является вопрос об обязательности получения согласия потерпевшего при принятии такого решения. Речь идет, естественно, о случаях прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, так как оно ограничивает право потерпевшего на доступ к правосудию, закрепленное в Конституции Российской Федерации. В данном случае, на наш взгляд, законодатель ставит публичные интересы государства выше, чем частный интерес потерпевшего. Для устранения этого пробела в балансе обеспечения частных и публичных интересов некоторые авторы предлагают внести в соответствующие нормы закона обязанность получения такого согласия [1, с. 72–74].

Еще одним актуальным примером перевеса весов в сторону обеспечения публичных интересов может стать принятие законопроекта, разработанного Министерством юстиции Российской Федерации на основе постановления Конституционного Суда от 18 июля 2022 г. № 33-П. В данном законопроекте предлагается прекращать уголовные дела по истечении двенадцати месяцев производства предварительного расследования с момента истечения срока давности уголовного преследования в случае, если уголовное дело не передано в суд.

Вопрос напрашивается сам собой, а как при этом будут учитываться частные интересы лиц, в отношении которых будут прекращаться уголовные дела по данному основанию, если они возражают против прекращения и хотят восстановить свое доброе имя? А права потерпевших на возмещение вреда и тот же доступ к правосудию? Конечно, данная возможность существенно сократит затрачиваемые ресурсы на уголовное судопроизводство, но не должен ли все-таки окончательное решение в данном случае принимать суд, осуществляя свою основную функцию – отправление правосудия? И не лучше ли, не лишая лиц (как совершивших преступление, так и потерпевших) их конституционных прав, установить специальный предельный срок для направления уголовных дел в суд с теми доказательствами, которые уже имеются, если сроки давности совершенного преступления истекли, а подозреваемый или обвиняемый против прекращения уголовного дела возражает?

Таким образом, мы лишь обозначили некоторые существующие, а в случае реализации законопроекта, подготовленного Министерством юстиции Российской Федерации, возможные проблемы в обеспечении частных и публичных интересов участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Арсеньева Н. В. Обеспечение прав потерпевшего при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по ст. 25, 25.1 УПК РФ // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 2 (33). С. 72–74.

2. Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы : монография. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2007.

3. Ендольцева А. В. Обеспечение прав человека при прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 11–17.

4. Каминский Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2018. Т. 14. С. 270–280.

5. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : монография. М., 2003.

Ермаков С. В.[1],
заместитель начальника кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПРИЗНАКАМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 173.1 УК РФ «НЕЗАКОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (СОЗДАНИЕ, РЕОРГАНИЗАЦИЯ) ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА»

Оборот теневого капитала составляет основу экономической преступности. Одним из важных составляющих механизма теневой экономики являются «фирмы-однодневки» [1, с. 195]. Во главе этих «фирм-однодневок» часто используют лиц, которые далеки от предпринимательской деятельности, ведущих асоциальный образ жизни и которые готовы предоставить свое имя и документы за мелкое вознаграждение. А в это время настоящие владельцы, оставаясь в тени для правоохранительных органов, проводят различные махинации и могут использовать эти фирмы в разных видах преступлений.

За создание «фирм-однодневок», законодателем предусмотрена уголовная ответственность. В УК РФ предусмотрены преступления, имеющие отношение к преступлениям экономической направленности, – ст. 173.1 «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица» и ст. 173.2 «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица».

Как правило, такие преступления являются сопутствующими при совершении иных преступлений, таких как незаконная банковская деятельность, уклонение от уплаты налогов, неправомерный оборот средств платежей, мошенничество при возмещении НДС из бюджета и др.

В данных преступлениях используются сделки с фиктивными организациями, «фирмами-однодневками». Через банковские счета данных организаций транзитом проходят значительные суммы в различных валютах на сотни, а порой и на миллиарды рублей.

В 2021 г. по данным ГИАЦ МВД РФ зарегистрировано более 6,5 тысяч преступлений по ст. 173.1 УК РФ, и более 6,4 тысяч преступлений по ст. 173.2 УК РФ (ФКУ «ГИАЦ МВД России». Форма 1-ЕГС).

Средствами на счетах фиктивных организаций управляют организаторы преступных схем по системе дистанционного банковского обслуживания. Подбором номинальных директоров и учредителей, подготовкой документации, с помощью которой будет осуществляться регистрация юридических лиц в ИФНС и открытии счетов в кредитных организациях могут заниматься их соучастники или иные лица на профессиональной основе. Лица, занимающие созданием фиктивных организаций на системной основе, обладают специальными

[1] © Ермаков С. В., 2023.

знаниями, принимают меры маскировки своей личности и противоправных действий (используют чужие телефоны и сим-карты для связи, меняют сим-карты после использования, анонимно действуют в сети Интернет, инструктируют фиктивных руководителей в случаях общения со следователями).

Таким образом, фиктивное юридическое лицо – это организация, используемая в противоправной экономической деятельности, с которой связаны:

а) лица, использующие организацию, при совершении сделок;

б) лица, управляющие ее расчетным счетом в банке;

в) лица, организовавшее регистрацию;

г) лица, согласившиеся выступить в качестве учредителя и руководителя.

Расследование преступлений, предусмотренных ст. 173.1 УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица» и ст. 173.2 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица» начинается после поступления оперативной информации, либо регистрации сообщения о преступлении и в последующем обнаружения признаков преступления, его проверки и принятия следователем решения о возбуждении уголовного дела.

Возбуждение уголовного дела по ст.ст. 173.1–173.2 УК РФ возможно при наличии установленных правил в УПК РФ, которыми являются повод и основание.

Обнаружение признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 173.1–173.2 УК РФ, как правило, происходит при расследовании уголовных дел экономической направленности, при проведении оперативно-разыскных мероприятий, налоговых проверок, при поступлении заявлений о преступлении. В изложенных ситуациях требуется документальное оформление законного повода и проведение проверки сообщения о преступлении в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ.

Следователям необходимо обращать внимание на криминалистически значимую информацию о фиктивности юридического лица.

Юридическим лицам, зарегистрированным через подставных лиц, присущ ряд характерных признаков: юридический адрес не является местом фактического нахождения организации; юридический адрес зачастую является адресом массовой регистрации юридических лиц; минимальный размер уставного капитала; отсутствие у организации собственного имущества, сотрудников в штате, и соответственно, реальных возможностей для выпуска продукции, оказания услуг (нет помещений, оборудования, автотехники, работников); непредставление налоговых деклараций или предоставление их с нулевой отчетностью; перечисление по счетам организации крупных денежных сумм транзитом при отсутствии иных текущих платежей; учредители и руководители не имеют регистрации в регионе действия организации; учредителями или руководителями организации выступают социально-неблагополучные граждане: лица, страдающие алкоголизмом, психическими заболеваниями, а также безработные, бездомные и прочие; на данных учредителей или руководителей, зарегистрировано несколько организации.

В открытых государственных данных содержатся сведения о таких гражданах. Сведения о юридических лицах содержатся в едином государственном ре-

естре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ). Согласно ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», в реестре указаны следующие сведения о юридических лицах:

– полное и (если имеется) сокращенное наименование, фирменное наименование для коммерческих организаций на русском языке, сведения о том, что юридическое лицо имеет полное и (или) сокращенное наименование;

– адрес электронной почты юридического лица;

– способ образования юридического лица (создание или реорганизация);

– сведения об учредителях или участниках юридического лица;

– сведения о размерах и номинальной стоимости доли в уставном капитале общества, принадлежащей каждому участнику и обществу;

– сведения о том, что общество состоит из единственного участника;

– сведения о правопреемстве – в отношении юридического лица, созданного путем реорганизации, прекращенного путем реорганизации, продолжающего деятельность в результате реорганизации;

– способ прекращения юридического лица (путем реорганизации, ликвидации или путем исключения из единого государственного реестра юридических лиц по решению регистрирующего органа);

– сведения о том, что юридическое лицо находится в процессе ликвидации;

– сведения о возбуждении производства по делу о банкротстве юридического лица;

– размер уставного капитала;

– сведения о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица: в отношении физического лица – фамилия, имя и, если имеется, отчество, должность, паспортные данные или данные иного документа, удостоверяющего личность в соответствии с законодательством Российской Федерации, место жительства, идентификационный номер налогоплательщика (при его наличии);

– сведения о лицензиях, полученных юридическим лицом;

– сведения о филиалах и представительствах юридического лица;

– идентификационный номер налогоплательщика, код причины и дата постановки на учет юридического лица в налоговом органе;

– коды по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности;

– номер и дата регистрации юридического лица в качестве страхователя в территориальном органе Пенсионного фонда России, а также в исполнительном органе Фонда социального страхования России;

– сведения о том, что юридическое лицо находится в процессе реорганизации.

Сведения из ЕГРЮЛ могут быть получены следователем как в бумажном виде путем направления запроса, так и в электронном виде, заверенном электронной подписью, на сайте https://egrul.nalog.ru/index.html (в таком случае документ требуется распечатать самостоятельно), после чего они прилагаются к материалам проверки.

Рассмотрим поводы для возбуждения уголовного дела. При расследовании уголовных дел экономической направленности возможно установить, что в схемах совершения расследуемого преступления, использовались фиктивные организации и подставные лица. Следователь в данном случае выделяет материалы уголовного дела и составляет рапорт об обнаружении признаков преступления в порядке ст. 143 УПК РФ.

В случае, если сотрудники ЭБ и ПК в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий установили признаки использования в экономической деятельности фиктивных организаций и подставных лиц, то составляется рапорт об обнаружении признаков преступления.

Если в органы внутренних дел поступили материалы из инспекции федеральной налоговой службы (далее – ИФНС) в отношении фиктивных организаций и подставных лиц, которые были выявлены в ходе осуществления налоговых проверок, то оперативные сотрудники проводят проверку полученных материалов и в случае подтверждения информации составляют рапорт об обнаружении признаков преступления.

Кроме того, если с заявлением в органы внутренних дел обратились непосредственно подставные лица, которых ввели в заблуждение при регистрации юридического лица, а паспортные данные этих лиц внесены в единый государственный реестр юридических лиц, то заявление регистрируется и проводится проверка в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ.

Проверка сообщения о преступлении предполагает проведение комплекса следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных ст. 144 УПК РФ. Наиболее востребованными при проверке сообщения о преступлении экономической направленности являются: истребование и (или) изъятие документов и предметов; направление запросов в налоговые и кредитные организации, финансовые и иные органы о предоставлении сведений об фиктивных юридических лицах, получение объяснений, назначение исследований и экспертиз.

При поступлении следователю материалов по ст.ст. 173.1–173.2 УК РФ рекомендуется полноценно использовать комплекс действий, установленный в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в том числе:

– истребовать регистрационные документы и сведения, а также налоговые декларации из налоговой службы, финансово-хозяйственные документы и выписки по расчетным счетам – из банков;

– назначать исследования либо судебные экспертизы (экономические, почерковедческие); документальные проверки, ревизии для установления размеров незаконных сделок действующих организаций с фиктивными;

– получать объяснения от организаторов и подставных лиц, работников налоговых служб, банков;

– давать поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий и т. д.

Если в результате проведенной проверки сообщения о преступлении сформирован комплекс достаточных данных, указывающих на признаки преступления, то это является основанием для принятия следователем процессуального решения возбуждения уголовного дела.

В материалах проверки могут находиться различные предметы и документы:

Документы из регистрирующего органа (ИФНС):

1) документы, подтверждающие создание, реорганизацию юридического лица. Количество и содержание документов определяется в зависимости от вида юридического лица, а также от действий, предпринимаемых для его создания либо реорганизации. Так, для создания ООО требуется заявление по форме № Р11001 «Заявление о государственной регистрации юридического лица при создании», которое может быть подано как лично, через доверенное лицо (нотариальное удостоверение), а также через интернет с использованием сайта «www.nalog.ru». Кроме того, необходимы протокол либо учредительный договор о создании юридического лица, устав, квитанция об оплате государственной пошлины;

2) документы и сведения на руководителя и учредителя организации – паспортные данные гражданина РФ, свидетельство о постановке на учет физического лица в налоговом органе (ИНН), страховое свидетельство (СНИЛС), адрес электронной почты и номер телефона [2, с. 261];

3) сведения об открытых банковских счетах. Данные документы находятся в регистрационном деле организации в ИФНС.

Документы из кредитных организаций: заявление на открытие счета в банке; договор банковского счета о предоставлении услуг с использованием системы дистанционного банковского обслуживания; расписки о получении карт, ключей. Указанные документы, находятся в юридическом деле организации в банке.

Акты: акты исследований, проверок, ревизий (акты проведенных камеральных проверок ИФНС, заключения специалистов о движении денежных средств по счету организации); акты, составленные по результатам оперативно-разыскной деятельности (акты обследования в адресе регистрации юридического лица).

Объяснения:

1) лиц, выполнявших действия согласно процедуре регистрации юридических лиц (об обстоятельствах составления документов для регистрации, подачи заявлений в налоговые органы, обращения к нотариусам, в кредитные организации);

2) подставных лиц об обстоятельствах регистрации юридического лица, о введении в заблуждение, обмане, обещаниях;

3) сотрудников налоговых органов, проводивших прием документов, регистрацию организации, налоговые проверки;

4) нотариусов об обстоятельствах заверения заявления по форме Р 11001, оформления доверенности представителю.

Предметы: печати фиктивных организаций, флэш-карты, диски, компьютеры и иные. Все предметы и документы, находящиеся в материалах проверки сообщения о преступлении, должны быть получены в установленном законом порядке, т. е. путем производства соответствующих следственных действий (например, изъятие документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность организации при осмотре места происшествия), а также иных процессуальных действий (например, истребование информации о хозяйствующем

субъекте, его имущественном положении, доходах путем направления запросов в Федеральную налоговую службу).

Следователь оценивает законность, качество и полноту собранных материалов, определяет квалификацию совершенного преступления.

В случае, если следователю представлены результаты оперативно-разыскной деятельности, то проводится формальная проверка законности проведения оперативно-разыскных мероприятий. Устанавливается наличие необходимых постановлений руководителей органов дознания о проведении оперативно-разыскных мероприятий, решений суда, проверяется оформление результатов оперативно-разыскной деятельности в актах, протоколах, соответствие полученных данных фактическим обстоятельствам, времени проведения мероприятий.

Следователь вправе отказать оперативным сотрудникам в принятии решения о возбуждении уголовного дела и с определенной формулировкой возвратить материал на доработку в подразделение, где проводилась проверка с указанием недостающих материалов, сведений или, например, экспертиз, которые возможно получить иди истребовать до возбуждения уголовного дела. Кроме того, необходимо учитывать, что использование возможностей Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в документировании преступления не всегда приносит необходимые результаты, и многие перспективы по сбору доказательств открываются только после возбуждения уголовного дела. В этой связи требования следователя по доработке материала должны быть обоснованными и выполнимыми.

Для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо установление в ходе проверки сообщения соответствующих признаков преступлений, предусмотренных ст. 173.1 УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица», ст. 173.2 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица», определение вопросов квалификации действий, признаков возможного соучастия при совершении данных преступлений.

Проведение грамотно спланированного комплекса проверочных, следственных действий обеспечивает достаточность данных для возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица».

Список литературы

1. Ахияров Р. А., Исанбаев А. И., Кошевец Г. В. Некоторые вопросы выявления и раскрытия преступлений, предусмотренных ст. ст. 173.1, 173.2 УК РФ // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3 (142). С. 195–197.

2. Санин А. С. Тактика производства отдельных следственных действий при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 173.1 УК РФ // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации : материалы всероссийской научно-практической конференции, 26 ноября 2020 г. / сост. А. В. Бачиева, Э. В. Лантух. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 260–263.

Есина А. С.[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Чиковани М. А.[2]*,*
преподаватель кафедры предварительного
расследования Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

О РАСШИРЕНИИ ПРАВ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ЧАСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ РАЗУМНОГО СРОКА ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРОЦЕДУРЫ В ПОРЯДКЕ СТ. 217 УПК РФ

Законодатель устанавливает вариативные процессуальные решения, которые могут быть приняты следователем по результатам проведенного предварительного расследования. Однако составление обвинительного заключения является наиболее ожидаемым итогом по результатам проведенного расследования, которое более всего соответствует назначению досудебного производства. Как показывает статистика, именно составление обвинительного заключения является наиболее используемым видом итогового решения. Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2020 г. органами предварительного расследования (вне зависимости от ведомственной принадлежности) были окончены составлением обвинительного заключения (обвинительного акта) более 77 % уголовных дел, а за аналогичный период 2021 г. более 80 % уголовных дел, что в среднем значительно больше, чем прекращенные уголовные дела по нереабилитирующим обстоятельствам [3].

Когда по уголовному делу выполнены все необходимые следственные действия, собраны достаточные доказательства для составления обвинительного заключения, следователь приступает к выполнению действий, направленных на ознакомление с материалами уголовного дела всех заинтересованных участников. Отметим, что данный процессуальный этап отличается несовершенством правового регулирования, прежде всего в части установления разумного срока, необходимого для ознакомления с материалами уголовного дела. Полагаем, что положение закона о невозможности ограничения обвиняемого и его защитника во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела (ч. 3 ст. 217 УПК РФ), не согласуется с требованием о разумном сроке уголовного судопроизводства. Настолько детально законодатель урегулировал весь порядок производства предварительного расследования, уделив особое внимание установлению различных сроков, что ситуация с отсутствием периода времени, необходимого для процедуры ознакомления с материалами уголовного дела, кажется пробелом закона. Фактически обвиняемый и его за-

---

[1] © Есина А. С., 2023.
[2] © Чиковани М. А., 2023.

щитник сами определяют тот период времени, в течение которого они будут знакомиться с делом. При этом законодатель не установил никакой процессуальной ответственности для этих участников, например, за волокиту, за «явное затягивание», за несоблюдение разумного срока досудебного производства. Не будучи ограниченными во времени, обвиняемый и защитник преследуют свои интересы при ознакомлении с материалами уголовного дела, а «упреки» субъектов расследования относительно «явного затягивания времени» признаются необоснованными, поскольку нет никаких определяющих критериев.

Интересно отметить, что сам законодатель признает проблемность подобной ситуации. В попытке ее урегулирования суду предоставлено право ограничить время для ознакомления с делом, но при условии, если обвиняемый и его защитник явно затягивают это время (ч. 3 ст. 217 УПК РФ). Подобный путь решения проблемы нельзя признать удачным. Словосочетание «явно затягивают время» носит оценочный характер, поскольку у каждого участника данной процедуры может быть свое понимание данного действия, тем более, что нет законодательных критериев, способствующих единообразному толкованию содержания рассматриваемого словосочетания. Кроме того, содержание данной формулировки предполагает, что затягивать можно время, которое, как минимум, должно быть определено. Отсутствие установленного срока для процедуры ознакомления с материалами дела как раз и является проблемой правоприменительной практики.

Заметим, что некоторые предложения, направленные на совершенствование правового регулирования этапа окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения, достигали уровня законодательного обсуждения, но так и остались нереализованными, были отклонены. Так, например, в разные годы были предприняты попытки внести изменения в ст. 217 УПК РФ, дополнив ее содержание критериями по ограничению во времени участников уголовного судопроизводства на ознакомление с материалами уголовного дела. Однако подобные инициативы не были поддержаны [2].

Следует признать, что установить на законодательном уровне какой-то идеальный, всем подходящий период времени, необходимый для ознакомления с материалами уголовного дела, затруднительно. На длительность данной процедуры в каждой конкретной ситуации могут оказывать влияние такие обстоятельства, как: количество преступных эпизодов, которые вменяются обвиняемому; количество обвиняемых и потерпевших; объем материалов уголовного дела и др. Однако и существующий порядок нельзя признать оптимальным. Даже если период времени необходимый для ознакомления с материалами уголовного дела после «явного затягивания» будет установлен судом (ч. 3 ст. 217 УПК РФ), то данное решение не является окончательным и дает право на его обжалование участниками уголовного дела, что способствует затягиванию процесса расследования и как следствие ведет к превышению разумного срока уголовного судопроизводства.

В специальной литературе отдельными авторами предлагались радикальные подходы для разрешения проблемы установления разумных сроков для ознакомления с материалами уголовного дела. Например, интересны предложения

Н. А. Колоколова, который предлагает вручать обвиняемому электронные копии документов, а вместо протокола об ознакомлении составлять расписку о вручении материалов, где будет установлен срок для заявления ходатайства следователю [1, с. 52].

Авторы статьи уверены, что именно субъект расследования должен иметь полномочия на установление разумного срока, необходимого участникам для ознакомления с материалами уголовного дела. Предвидим возражения, которые могут быть заявлены из-за возможности усмотрения в решении следователя злоупотребления правом и установление им такого срока, который не будет признан достаточным для выполнения требований ст. 217 УПК РФ заинтересованными участниками. Считаем, что для подобных опасений нет оснований. Обоснуем свое предложение следующими аргументами:

– следователь является представителем государственных органов исполнительной власти, которому доверено реализовать такой вид государственный деятельности как расследование преступлений. В связи с этим мы предполагаем (презюмируем), что лицо, которое состоит на должности следователя, руководствуется в своей деятельности только законом, проявляя профессионализм, разумность, порядочность, целесообразность и все иные положительные качества, которым этот сотрудник должен соответствовать, находясь на должности следователя. Нет никаких оснований сомневаться в объективности и законности действий следователя;

– законодатель наделяет следователя достаточно большим объемом процессуальных прав, определяя пределы его процессуальной самостоятельности, доверяя ему выполнение таких действий и принятие решений, которые могут привести к ограничениям граждан в их конституционных правах (право на задержание, право на обыск в жилище, право на применение мер принуждения и др.). В этой связи не может быть сомнений в компетентности следователя при решении вопроса об установлении оптимального срока для выполнения требований ст. 217 УПК РФ;

– именно следователь владеет полной информацией о сложности и объеме конкретного уголовного дела, о количестве обвиняемых и(или) потерпевших, о общем сроке расследования, о сроке применения мер пресечения, связанных с ограничением свободы, о имеющихся вещественных доказательствах и других обстоятельствах, которые могут влиять на длительность ознакомления с материалами уголовного дела, которые должны учитываться при определении срока на данную процессуальную процедуру;

– именно следователь в период расследования стоит на защите прав потерпевшего. В этой связи установление конкретного периода времени для проведения процедуры в порядке ст. 217 УПК РФ следует рассматривать не только как способ обеспечения разумного срока досудебного производства, но и как средство для реализации прав потерпевшего на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Полагаем, что решение следователя об установлении срока для выполнения процедуры, предусмотренной ст. 217 УПК РФ, должно оформляться постановлением, которое в силу требований ч. 4 ст. 7 УПК РФ должно быть мотивиро-

ванным, обоснованным и законным. Целесообразно, чтобы подобное постановление было согласовано с руководителем следственного органа. Соответствующее положение следует закрепить в тексте уголовно-процессуального закона, дополнив ч. 1.1 ст. 215 УПК РФ.

В заключении следует подчеркнуть, что высказанное предложение не ставит целью ограничить заинтересованных участников во времени ознакомления с материалами уголовного дела, а направлено исключительно на совершенствование процедуры, предусмотренной ст. 217 УПК РФ.

Список литературы

1. Колоколов Н. А. Проблемы реализации обвиняемым права на защиту после ознакомления с делом // Уголовный процесс. 2013. № 12. С. 48–56.

2. Проект Федерального закона (№ 866100-6 «О внесении изменений в статью 217 УПК РФ» // Официальный сайт СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/ bill/866100-6 ; Проект Федерального закона № 500393-6 «О внесении изменений в УПК РФ в части ограничения следователем времени ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела в случаях его явного затягивания» // Официальный сайт СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/500393-6.

3. Сборник о состоянии преступности России, подготовленный на основании формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС и ведомственного отчета МВД России формы 1-А // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/.

Ле Дык Минь[1],
доцент юридического факультета
Народной полицейской академии
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам,
кандидат юридических наук

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ВЬЕТНАМА В ОБЛАСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И БОРЬБЫ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ

В последнее время торговля людьми во Вьетнаме приобретает все более тревожный характер, поскольку появляются новые формы и методы совершения данных преступлений, приобретающие признаки транснациональной вовлеченности участников противоправной деятельности, что в значительной степени осложняет работу правоохранительных органов. Ежегодный сводный отчет Департамента криминальной полиции показывает, что за последние 10 лет выявлено и привлечено к ответственности более 3 тыс. лиц, причастных к торговле людьми, при этом 95 % вьетнамских жертв преступлений были вывезены за границу. Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности за 2020 г. большинство вьетнамских жертв торговли людьми вывозятся в страны бассейна реки Меконга, из которых 75 % жертв продаются в Китай, 10 % – в Камбоджу, Лаос и Таиланд, остальные – в другие места.

Вьетнам, являясь постоянным членом программы по борьбе с торговлей людьми на всех уровнях, силами народной полиции на всех уровнях и Управлением народной полиции Министерства общественной безопасности осуществляет множество мероприятий, направленных на противодействие торговле людьми. Учитывая транснациональный характер преступности, вьетнамская народная полиция считает, что международное сотрудничество с правоохранительными органами других стран в этом направлении имеет стратегическое значение.

Международное сотрудничество в области профилактики и борьбы с торговлей людьми на протяжении многих лет достигло выдающихся результатов. Вьетнам является членов многих международных соглашений области предотвращения торговли людьми и борьбы с ней, эффективно выполняет взятые на себя обязательства. К таким договорам следует отнести: Конвенция АСЕАН о предотвращении торговли людьми и борьбе с ней; двусторонние соглашения о сотрудничестве между Вьетнамом и Китаем, Лаосом, Камбоджей, Таиландом [2]; соглашение о намерениях подписать договор между Вьетнамом и Мьянмой; участие в Балийском процессе. Кроме того, Народные силы общественной безопасности провинций, имеющие сухопутные границы с другими государствами координируют свои действия с правоохранительными органами Китая, Лаоса и Камбоджи для проведения регулярных консультаций, создания горячих линий и поддержания каналов связи, обмена информацией, сотрудничества в рас-

[1] © Ле Дык Минь, 2023.

следовании, аресте торговцев людьми и спасении, поддержке жертв торговли людьми и т. д.

Однако, как представляется, международное сотрудничество вьетнамской народной полиции с правоохранительными органами других государств в рассматриваемом направлении по-прежнему ограничено, и это наглядно демонстрируют невысокие результаты совместных действий. В частности, количество запросов об оказании правовой помощи по расследованию торговли людьми составляет всего 1 % от общего количества выявленных случаев торговли людьми. При этом количество рассмотренных запросов составляет только 60 % от общего количества полученных запросов. Деятельность вьетнамской народной полиции по обмену информацией посредством консультаций с полицией других стран крайне редка, в основном сосредоточена в нескольких ключевых областях. Проверка, прием и спасение пострадавших осуществляются с участием многих учреждений, что создает трудности в процессе международного сотрудничества и т. д.

Таким образом, в целях создания благоприятных международно-правовых условий для обеспечения международного сотрудничества в противодействии торговле людьми силами вьетнамской народной полиции необходимо совершенствовать положения отечественной правовой системы, касающиеся деятельности по международному сотрудничеству, в частности:

Во-первых, необходимо внесение поправок в ст. 150 УК Вьетнама 2015 г. в части приведения используемого термина «торговля людьми» в соответствие с международным правом, а именно в соответствие со ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (Палермский протокол), устранив элемент корысти в действиях преступников при квалификации деяний;

Во-вторых, в связи с длительным сроком получения и обработки запросов об оказании взаимной правовой помощи, что напрямую влияет на сроки расследования уголовного дела, необходимо дополнить отдельные положения УПК Вьетнама 2015 г. в части продления сроков расследования уголовных дел, содержания под стражей и временного задержания лиц при необходимости получения информации по запросу об оказании правовой помощи и экстрадиции. Вместе с тем необходимо установить конкретные сроки исполнения таких запросов.

В-третьих, реализация норм Закона о взаимной правовой помощи 2007 г. требует конкретизации полномочий, ответственности участников рассматриваемых правоотношений.

В-четвертых, в целях последовательности в вопросах совершенствования порядка взаимоотношения правоохранительных органов государств необходимо предложить премьер-министру в ближайшее время разработать Типовое соглашение об экстрадиции. Разработка такого соглашения позволит ускорить переговорный процесс и создать важную правовую базу для будущей деятельности в области международного сотрудничества.

Вместе с тем, необходимо укреплять взаимоотношения с другими государствами, заключать международные договоры и регулярно анализировать выполнение международных договоров, особенно в части сотрудничества в пре-

дупреждении преступности и борьбе с ней. Без сомнений такие меры необходимы для оперативной деятельности сил Народной полиции Вьетнама. Предусмотренные в ближайшее время переговоры и подписание международных договоров, оценка эффективности выполнения международных договоров необходимы для создания правовых условий международного сотрудничества в борьбе с торговлей людьми силами вьетнамской народной полиции [1; 3].

Список литературы

1. Отчет о состоянии и результатах реализации Проекта 5: «Международное сотрудничество в предотвращении и борьбе с торговлей людьми» Программа 130/CP. Ханой, 2018.

2. Соглашение между правительством Социалистической Республики Вьетнам и правительством Королевства Таиланд о двустороннем сотрудничестве в целях искоренения торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и оказания помощи жертвам торговли людьми. Ханой, 2008.

3. Нгуен Нгок Ань и Буй Ань Зунг Международное сотрудничество в борьбе с преступностью силами вьетнамской народной полиции. Ханой : Издательство юстиции, 2007.

Мамонтова Д. О.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Мамонтов В. А.[2],
заместитель начальника отдела
нормативно-правового обеспечения
международного сотрудничества
Управления международного
сотрудничества МВД России,
кандидат юридических наук

ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Обострение внешнеполитических отношений с рядом государств достигло такой точки, при которой Российская Федерация была вынуждена официально отнести значительную их часть к числу недружественных. Такое развитие ситуации сказывается на всех направлениях международного взаимодействия, включая сферу правоохранительной деятельности. Вместе с тем, несмотря на сильное влияние политических и экономических факторов, представляется, что в области борьбы с преступностью должны превалировать принципы разумности, целесообразности и прагматизма международного взаимодействия. Для правоохранительных органов всех государств задачи по поддержанию законности, общественного порядка и безопасности являются неоспоримым приоритетом в независимости от имеющихся противоречий на внешнеполитическом контуре.

Одним из наиболее развитых направлений международного сотрудничества в указанной области является взаимодействие компетентных органов в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам. Следует отметить, что несмотря на то, что наше государство накопило достаточно богатый опыт успешного сотрудничества с иностранными партнерами в области уголовного судопроизводства, в практической деятельности нередко возникают вопросы, связанные с юридической оценкой совершения тех или иных действий как при оказании международной правовой помощи другим странам, так и при направлении запросов о ней.

При этом с точки зрения международного правоприменения подавляющее большинство вопросов проистекает из так и не разрешенной основополагающей для данного уголовно-процессуального института проблемы определения объемов и границ правовой помощи по уголовным делам. Корень этой пробле-

[1] © Мамонтова Д. О., 2023.
[2] © Мамонтов В. А., 2023.

мы, с нашей точки зрения, лежит в правовой неопределенности, возникающей в результате «нестыковки» норм национального уголовно-процессуального законодательства и положений международных договоров, участником которых является российская сторона.

Если УПК РФ подразумевает под правовой помощью по уголовному делу осуществление исключительно процессуальных действий, то международные договоры с участием России могут содержать более широкий объем действий, совершаемых в рамках исполнения соответствующих запросов.

Усугубляется положение вещей еще и тем, что в отечественной доктрине так и не достигнут консенсус относительно содержания понятия «процессуальные действия» и их отграничения от любой иной деятельности, осуществляемой в рамках уголовного судопроизводства.

Исходя из содержания ст.ст. 453 и 457 УПК РФ, правовая помощь по уголовному делу включает в себя совершение процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, а также (в случаях исполнения иностранных запросов) процессуальным законодательством других государств, если это не противоречит нашему законодательству и международным обязательствам Российской Федерации.

Правовая помощь оказывается посредством совершения именно процессуальных действий. Согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ процессуальное действие – это следственное, судебное или иное действие, предусмотренное этим кодексом. Таким образом, правовая помощь по уголовному делу не может включать в себя совершение каких-либо действий, выполняемых за рамками уголовного судопроизводства, т. е. основанием для запроса о правовой помощи либо исполнения такого запроса в обязательном порядке должно быть наличие возбужденного уголовного дела, на которое необходимо в нем ссылаться.

Обратим внимание, что УПК РФ, указывая на то, что запрос о правовой помощи должен быть направлен в соответствии с международным договором России, не уточняет, что это должен быть договор именно о правовой помощи.

Вместе с тем в сфере международного полицейского сотрудничества существует обширная практика обмена информацией на основании международных актов вне рамок правовой помощи. Нередко подобные каналы взаимодействия используются и в целях получения информации, имеющей значение для уголовного судопроизводства. В связи с этим в правоприменительной практике возникает вопрос, подлежит ли исполнению международный запрос о совершении того или иного процессуального действия, если этот запрос направлен в соответствии с международным договором, который не предусматривает оказания правовой помощи по уголовным делам (например, межведомственные соглашения МВД России с компетентными органами иностранных государств [2; 3] или межправительственные соглашения о сотрудничестве в области борьбы с преступностью [4; 5; 6]) и не содержит ссылки на конкретное уголовное дело.

И, с другой стороны, можем ли мы не считать те или иные действия (например, предоставление оперативно значимой информации или действия оперативно-разыскного характера) процессуальными, если запрос об их совершении направлен в связи с возбужденным уголовным делом, но не в соответствии

с международным договором о правовой помощи, а на основании соглашения о сотрудничестве компетентных органов двух государств?

В первую очередь, необходимо определиться с категорией «процессуальные действия». К примеру, Е. И. Жидкова сначала утверждает, что «все процессуальные действия, как следственные, так и «иные», могут осуществляться только лицом, в производстве которого находится уголовное дело», а далее, продолжая рассуждение, достаточно противоречиво отмечает, что «ходатайства или жалобы также имеют процессуальный характер, т. е. являются своего рода процессуальными действиями участвующих в уголовном процессе частных лиц, но не охватываются строго очерченным понятием «процессуальное действие», отражающим властные полномочия государственных органов и должностных лиц по определению дальнейшей судьбы уголовного дела, его движения по стадиям процесса и т. д.» [1].

Вместе с тем уголовно-процессуальное производство, помимо деятельности лиц, непосредственно в него вовлеченных, может затрагивать и деятельность лиц, не являющихся участниками конкретного уголовного дела и даже не являющихся субъектами уголовного процесса. Однако это не значит, что деятельность последних, в частности оперативно-разыскная, носящая, с точки зрения уголовного производства, вспомогательный характер, подразумевает совершение действий, подпадающих под категорию процессуальных.

С нашей точки зрения, наиболее точно определить границу между процессуальными действиями и иной деятельностью, так или иначе связанной с уголовным судопроизводством, позволяет такой критерий, как наличие либо отсутствие процессуального интереса у субъекта, их совершающего. Поскольку носителем процессуальных интересов может быть только участник уголовного процесса, любые действия, совершаемые лицами, не относящимися к данной категории, в частности, субъектами оперативно-разыскной деятельности, не могут именоваться процессуальными.

Таким образом, напрашивается вывод, что правовая помощь по уголовным делам включает в себя исполнение запросов исключительно лицами, уполномоченными на осуществление производства по уголовному делу, поскольку согласно УПК РФ ее содержанием должно быть совершение процессуальных действий уполномоченных должностных лиц или органов. Это не исключает возможности для следователя давать в установленном законом порядке поручения на проведение оперативно-разыскных мероприятий в рамках исполнения таких запросов, однако их отработка оперативными подразделениями, минуя следственные органы, должна быть исключена.

С точки зрения реализации процессуальных интересов это имеет существенное значение. Ведь ст. 455 УПК РФ устанавливает следующее: «Доказательства, полученные на территории иностранного государства его должностными лицами в ходе исполнения ими поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам или направленные в Российскую Федерацию в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования в соответствии с международными договорами Российской Федерации, международными соглашениями или на основе принципа взаимности, заверенные и переданные

в установленном порядке, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории Российской Федерации в полном соответствии с требованиями настоящего Кодекса».

Если же доказательства получены на территории другого государства, минуя процедуру оказания правовой помощи, это может поставить под сомнение их соответствие критерию допустимости. К примеру, такие риски имеются при запросе следственными органами информации на основании ранее упоминаемых международных договоров, не связанных с вопросами правовой помощи по уголовным делам, со ссылкой на ч. 4 ст. 21 УПК РФ, согласно которой требования, поручения и запросы следователя или иных лиц, осуществляющих уголовное преследование, предъявленные в пределах их полномочий, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. В ряде случаев такие запросы исполняются оперативными или иными подразделениями иностранных государств в обход следственных органов, выступающих, как правило, в качестве компетентных органов по договорам о правовой помощи. При этом следует обратить внимание, что данная императивная норма не распространяет своего действия на субъекты иностранной юрисдикции, которые не обязаны выполнять вышеуказанные требования российского законодательства.

Таким образом, представляется, что с точки зрения строгого соблюдения процессуальной процедуры получение доказательств с территории других государств в обход механизма правовой помощи по уголовным делам не допустимо. Лишним подтверждением правильности такого подхода служит содержание в большинстве международных договоров о сотрудничестве в правоохранительной сфере прямой оговорки о том, что они не затрагивают вопросов оказания правовой помощи [5]. Такие договоры преследует совершенно другие цели, не связанные напрямую с осуществлением производства по конкретным уголовным делам. Полагаем, что международное сотрудничество в области уголовного судопроизводства на основании международных соглашений должно осуществляться в строгом соответствии с договорами о правовой помощи по уголовным делам посредством исполнения запросов о производстве действий, подпадающих под категорию процессуальных.

Список литературы

1. Курс уголовного процесса : учебник / под ред. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017.

2. Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел России и Министерством внутренних дел Аргентинской Республики от 25 июня 1998 г. // Сайт «Conventions». URL: https://www.conventions.ru/int/7766/.

3. Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел России и Министерством внутренних дел Республики Казахстан от 23 октября 2008 г. // АО «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/1903015.

4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия о сотрудничестве в борьбе с пре-

ступлениями, представляющими повышенную опасность от 3 мая 1999 г. // АО «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/901952087.

5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о сотрудничестве в борьбе с терроризмом от 18 июня 2020 г. // АО «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/573573181.

6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Болгарии о сотрудничестве в борьбе с преступностью, особенно в ее организованных формах от 10 ноября 2006 г. // АО «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/902019383.

Миронова А. В.[1],
начальник кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ (ДОЗНАВАТЕЛЯ) В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Предупреждение преступлений (процессуальная профилактика) не определяется в уголовно-процессуальном законе как назначение уголовного судопроизводства. Но все же стоит заметить, что деятельность следователя (дознавателя) должна заключаться не только в осуществлении уголовного преследования, но и в профилактике преступлений, посредством применения тех сил и средств, которые ему доступны.

Деятельность следователей (дознавателей) и других должностных лиц органов внутренних дел по предупреждению преступлений занимает одно из центральных мест в системе профилактики правонарушений, формируемой государством. Так как органы внутренних дел осуществляют профилактическую деятельность во многих областях общественных отношений, и для отдельных подразделений эта деятельность является основной, поэтому от ее правильной организации во многом зависит общее состояние преступности.

Профилактическая деятельность в уголовном судопроизводстве осуществляется в целях решения задач:

– по нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих совершению преступлений, в тех случаях, когда эти причины и условия уже установлены. Нейтрализация представляет собой меры по пресечению противоправных деяний за счет устранения необходимых для них условий (изъятие незаконно сбываемых предметов, ликвидация оборудования для их производства, блокирование сайтов, с помощью которых распространяются сведения противоправного характера и т. п.);

– по предупреждению новых преступлений, роста количества совершенных преступлений (принятие мер общего или индивидуального профилактического характера, препятствующих рецидиву или совершению новых преступлений лицами, склонными к преступной деятельности);

– по устранению общественно-опасных последствий совершения преступлений, ликвидации, минимизации вреда, причиненного преступлением.

Если обратиться непосредственно к профилактической деятельности следователя (дознавателя), то необходимо отметить отсутствие в уголовно-процессуальном законе ее системного регулирования. Вместе с тем можно

[1] © Миронова А. В., 2023.

выделить ряд разрозненных норм, которые относятся к рассматриваемой деятельности.

В досудебном производстве к таким нормам отнесем ч. 2 ст. 73 УПК РФ, которая обязывает в ходе процесса доказывания по уголовному делу устанавливать обстоятельства, способствующие совершению преступления; ч. 2 ст. 158 УПК РФ, в соответствии с которой при установлении таких обстоятельств следователь (дознаватель) вправе внести в организацию или должностному лицу представление с указанием нарушений законодательства и обстоятельств, приведших к совершению преступления, с требованием об их устранении. В ходе судебного разбирательства суд вправе вынести частное определение или постановление (ч. 4 ст. 29 УПК РФ) при выявлении подобных обстоятельств.

Таким образом, в соответствии со ст. 73 УПК РФ на следователей (дознавателей) возложена обязанность в рамках расследования уголовных дел по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений Основным процессуальным документом, содержащим выводы о данных обстоятельствах и мерах по их устранению, является представление, составленное в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ.

Профилактическая деятельность осуществляется следователем (дознавателем) при производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий, в ходе которых он получает сведения о преступлении, месте, времени, способах его совершения, лицах, причастных к нему, условиях и обстоятельствах, способствовавших совершению расследуемого преступления и иных ранее совершенных преступлений. Необходимые сведения можно получить практически в ходе любого следственного действия, проводимого для получения показаний (допрос, очная ставка). Для этого уже на этапе подготовки к проведению следственного действия необходимо по возможности получить максимальный объем информации о личности участника следственного действия, наблюдаемом объекте, возможных способах совершения преступления, с последующим анализом и оценкой достигнутых результатов.

Следователь (дознаватель) обязан более тщательно анализировать объяснения очевидцев, показания свидетелей, подозреваемых, обвиняемых, не ограничиваясь допросами только прямо или косвенно заинтересованных в исходе дела участников. Получение показаний лиц, которым могут быть известные обстоятельства и события, предшествующие совершению преступления, способствуют установлению нарушений и недостатков в работе организаций, учреждений, служб, правоохранительных органов, в отношении которых необходима профилактическая работа.

Определенная часть профилактической деятельности следователя (дознавателя) включает в себя уголовно-процессуальные меры, непосредственно связанные с расследованием конкретных уголовных дел. К примеру, по уголовному делу о преступлении против собственности, против жизни и здоровья или ином другом, совершенным лицом у которого есть несовершеннолетние дети, целесообразно допрашивать соседей и лиц, совместно проживающих с подозреваемым, обвиняемым, самих детей, что может являться мерой предупреждения преступления против несовершеннолетнего [2, с. 87]. Так, по уголовному

делу № 1-244/2020, в отношении обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 117, ст. 156 УК РФ, было установлено, что она в течение почти двух лет испытывая личную неприязнь к своей несовершеннолетней дочери, систематически совершала против нее насильственные действия, причиняла физическую боль и нравственные страдания. Примечателен тот факт, что жители поселка, в котором проживала обвиняемая, знали об ее образе жизни, характеризующемся злоупотреблением алкоголем, ненадлежащим исполнением родительских обязанностей (в доме отсутствовали нормальные условия для жизни и развития несовершеннолетних детей). Это следовало из показаний свидетелей, о том, что обвиняемая не покупала детям одежду, пользуясь тем, что отдают соседи, при посещении представителей школы устанавливался факт антисанитарных и некомфортных условий проживания. Но при этом обвиняемая ранее не состояла на учетах в подразделении по делам несовершеннолетних и не вызывалась на заседание комиссии по делам несовершеннолетних, и не привлекалась за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, что свидетельствует об отсутствии работы по профилактике совершения преступлений против несовершеннолетних [4].

Исследование следственной практики позволило выявить ситуацию, когда при допросе свидетелей из числа жителей близлежащих домов к месту сбыта наркотиков, следователь получил сведения, что участковому уполномоченному полиции неоднократно сообщали о подозрительных действиях неизвестных лиц, обнаруженных тайниках с подозрительным веществом, однако каких-либо профилактических мероприятий им проведено не было. В данном случае следователем было составлено представление о халатном выполнении служебных обязанностей по реагированию на сообщения о противоправной деятельности и отсутствию мер по профилактике.

Считаем, что в ходе осмотра места происшествия необходимо фиксировать факты, указывающие на проведение профилактической деятельности или отсутствие таковой, чтобы такие сведения использовать в профилактической деятельности. Например, в ходе осмотра места приобретения наркотических или сильнодействующих веществ, если это общественное место (парк, сквер, место возле учебной организации, подъезд жилого дома, остановка общественного транспорта), необходимо фиксировать в протоколе осмотра наличие или отсутствие наглядной информации, памяток, листовок по профилактике наиболее распространенных способов совершения преступлений, ответственности за них, номера телефонов, куда могут обратиться граждане при выявлении подобных случаев.

Например, для следственного осмотра или обыска по уголовному делу о преступлении, совершенном с участием несовершеннолетнего, для содействия целесообразно привлекать лиц, которым могут быть известны сведения, имеющие значение для обнаружения следов преступления, установления возможных свидетелей или соучастников, лиц, вовлекающих несовершеннолетних в преступную деятельность [1, с. 57–58]. Для содействия могут привлекаться работники образовательных, медицинских организаций, подразделений по делам несовершеннолетних, участковый уполномоченный полиции [3, с. 171–172].

Фиксация в материалах уголовного дела сведений об обстоятельствах, которые могут способствовать совершению преступлений, о высказываемых угрозах и замысле противоправных деяний, даже если они не уголовно наказуемые, направлены и на предупреждение подобных деяний, и на более глубокое исследование личности обвиняемого, необходимое в дальнейшем для справедливого правосудия.

Применение процессуальных мер безопасности для защиты участников уголовного судопроизводства и предупреждения совершения против них преступлений также можно отнести к профилактической деятельности. Следователь (дознаватель) не вправе оставить без внимания действительную угрозу совершения преступления в отношении того или иного участника уголовного процесса, он обязан принять меры безопасности. Это такие меры, как сохранение в тайне данных о личности (ч. 9 ст. 166 УПК РФ) при наличии угроз безопасности в адрес потерпевшего, свидетеля и его близких, предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ), контроля и записи переговоров при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении участников по уголовному делу (ч. 2 ст. 186 УПК РФ).

Своевременное применение мер уголовно-процессуального принуждения при наличии оснований, зачастую позволяет предотвратить последующую противоправную деятельность, активные попытки избежать уголовной ответственности, скрыться от органов предварительного расследования и обеспечить сбор доказательств по уголовному делу.

Несмотря на обязанность следователя (дознавателя) выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, к сожалению, нормы, регламентирующие составление итоговых процессуальных документов, (обвинительное заключение, обвинительный акт (постановление)), равно как и обвинительного приговора не содержат требований об указании обстоятельств, способствовавших совершению преступления. При этом опрос следователей и дознавателей показывает, что многие из них (примерно 50 %) не считают необходимым устанавливать такие обстоятельства, поскольку профилактика преступлений не является задачей органов предварительного расследования.

Для того, чтобы профилактическая деятельность воспринималась должностными лицами как обязательная функция, необходимо закрепить обеспечивающие нормы в уголовно-процессуальном законе. А именно в нормах, устанавливающих требования к содержанию итогового процессуального документа (ст.ст. 220, 225, 226.7 УПК РФ), предусмотреть внесение сведений о том, в какие организации и каким должностным лицам были направлены представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления и о полученных ответах. Аналогичные требования, предусмотреть для обвинительного приговора.

Предложенные меры позволят не только подчеркнуть обязательность профилактической работы следователя, дознавателя, судьи, но и укрепить авторитет правоохранительной системы как субъекта, который не только расследует совершенное преступление, но и защищает личность, общество от возможных преступных деяний.

Список литературы

1. Кокорева Л. В., Валуев М. В. Преступность несовершеннолетних и ее причины // Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних : сборник научных статей и материалов Всероссийского круглого стола, проведенного на базе юридической клиники Воронежского института МВД России. Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2012. С. 56–60.

2. Миронова А. В., Мандрыка Ю. С. Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства при проведении процессуальных действий // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3 (94). С. 86–90.

3. Теренков И. Е. Проблемы правового статуса несовершеннолетнего в уголовно-процессуальных отношениях // Уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних и ювенальная юстиция: проблемы и перспективы развития (правовые, социальные и психолого-педагогические аспекты) :сборник статей научно-представительских мероприятий. Рязань : ИП А. В. Коняхин, 2021. С. 170–172.

4. Приговор № 1-244/2020 от 14.10.2020 по делу № 1-244/2020, рассмотренному Шилкинским районным судом (Забайкальский край) // Сайт «Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular-/doc/5PjjseLJpUQw/?regular-txt=&regular-case_doc.

Нгуен Вьет Хонг[1],
доцент юридического факультета
Академии народной безопасности
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам

ЗАДЕРЖАНИЕ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ ВЬЕТНАМА

«Граждане имеют право на неприкосновенность, на защиту законом жизни, здоровья, чести и достоинства. Никто не может быть задержан без принятия решения Народным судом или при отсутствии согласования с Народной прокуратурой, за исключением случаев совершения должностных преступлений. Арест и задержание лиц должны производиться в соответствии с законом, не нарушая честь и достоинство граждан» (ст. 20 Конституции Вьетнама 2013 г.).

Указанным предписаниям корреспондируют нормы ч. 1 ст. 109 УПК Вьетнама [1], которой предусмотрены следующие основания для применения мер пресечения: «В целях оперативного предотвращения совершения преступления или при наличии оснований полагать, что обвиняемый воспрепятствует расследованию, судебному разбирательству по делу или продолжит совершать преступления, или в целях обеспечения исполнения судебных решений органы и лица, компетентные принять к производству дело могут применять меры принуждения в исключительных случаях в виде задержания, содержания под стражей, временного содержания под стражей, залога, внесения денежного залога, запрета на выезд из места жительства, пребывания, приостановления выезда».

Задержание является одной из форм мер принуждения в уголовном процессе. Задержание является одной из самых строгих мер процессуального принуждения, отправной точкой для последующего применения меры пресечения в соответствии с основаниями и порядком, предусмотренными законом.

Задержание является специальной мерой принуждения, применяемой перед другими мерами пресечения, такими как заключение под стражу или временное задержание, направлена на ограничение свободы передвижения лица, в отношении которого осуществляется преследование, принуждая находиться в определенном месте в целях обеспечения эффективной работы следователя, прокурора и судьи. Срок задержания лица исчисляется с момента выдачи в установленном законом порядке ордера на арест до момента доставления задержанного в место содержания под стражей или временного содержания под стражей.

Задержание в широком понимании все же является не наказанием, а именно мерой обеспечительного характера, направленной на пресечение сговора лиц, состоящих в преступной группе, различного рода противодействия, препятствующего продолжать преступную деятельность, скрыться от органов предварительного расследования, иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Задержание в буквальном толковании заключается в ограничении некоторых прав и свобод личности, является исходным пунктом нака-

[1] © Нгуен Вьет Хонг, 2023.

зания лица, поскольку срок задержания включается в срок наказания при вынесении обвинительного приговора.

В целях эффективной борьбы с преступностью, укрепления социалистического законодательства, равенства всех граждан перед законом, а также обеспечения демократических свобод граждан во Вьетнаме предусмотрено пять случаев задержания.

Во-первых, задержание лица, требующего экстрадиции. Такое задержание предусмотрено в отношении иностранных граждан, совершивших преступление, или лиц, осужденных за совершение преступления, находящегося на территории Вьетнама, в целях обеспечения рассмотрения запроса о его выдаче или исполнения решения об экстрадиции.

Арест лица, подлежащего выдаче, может быть произведен только при полном соблюдении следующих условий:

1) суд принял решение о рассмотрении ходатайства о выдаче этого лица либо решение о выдаче этого лица вступило в законную силу;

2) есть основания полагать, что лицо, подлежащее выдаче, скроется от правосудия либо создаст препятствия для рассмотрения запроса о выдаче или исполнения решения о выдаче;

3) арест лица, запрашиваемого к выдаче, для временного содержания под стражей или исполнения решения о выдаче осуществляется с соблюдением положений ст. 113 УПК Вьетнама;

4) срок временного содержания под стражей для рассмотрения запроса об экстрадиции не должен превышать срок, указанный в ордере на арест, выданном компетентным органом страны, запрашивающей экстрадицию, или срок исполнения или лишения свободы в приговоре или постановлении.

Во-вторых, задержание обвиняемого или подсудимого для временного содержания под стражей. Под задержанием подозреваемого или обвиняемого для временного содержания под стражей понимается задержание лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело или в отношении которого судом принято решение о привлечении его к уголовной ответственности и временном содержании под стражей, производства следственных, судебных действий или исполнения приговора по уголовному делу.

В постановлении о задержании обвиняемого для временного содержания под стражей должен быть четко указан срок временного содержания под стражей. Поэтому, несмотря на то, что в ст. 113 УПК Вьетнама не уточняется круг субъектов, временному содержанию под стражей подлежит только обвиняемый, который соответствует следующим критерия:

1) лицо обвиняется в особо тяжком преступлении;

2) лицо обвиняется в совершении тяжких преступлений или преступлений средней тяжести, за которые Уголовным кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более 2 лет, если есть основания полагать, что лицо не имеет постоянного места жительства, его личность не установлена; имеются основания полгать, что оно скроется от органов предварительного расследования; продолжит заниматься преступной деятельностью; окажет воздействие на участников уголовного судопроизводства в целях дачи ложных по-

казаний; уничтожит или подделает доказательства, документы и предметы по делу, растратит имущество, имеющее отношение к делу;

3) лицо обвиняется в совершении преступления небольшой тяжести, за которые Уголовным кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет, если они продолжают совершать преступления.

В-третьих, задержание людей в чрезвычайной ситуации. Задержанные в чрезвычайном порядке заключается в воспрепятствовании лицу совершать преступления или уничтожать предметы, документы, имеющие значение по уголовному делу. Те же нормы распространяются на лиц, содержащихся под стражей в чрезвычайных ситуациях. Так, в течение 12 ч с момента экстренного задержания орган и компетентное лицо должны немедленно допросить задержанного, затем, если сочтут необходимым продолжать применять меры процессуального принуждения, вынести постановление о временном задержании, выдать ордер на арест в случае крайней необходимости.

В-четвертых, задержание правонарушителей с поличным. Задержание преступника на месте преступления означает задержание лица во время совершения им преступления или сразу же после его совершения.

Если при применении меры пресечения в чрезвычайной ситуации компетентный орган должен провести расследование и проверку, чтобы иметь достаточные основания для установления личности правонарушителя, то в случае задержания правонарушителя на месте преступления может быть произведено задержание правонарушителя непосредственно на месте.

Статья 111 УПК Вьетнама различает 3 случая задержания на месте преступления:

1) задержание непосредственно во время совершения преступления;

2) задержание непосредственно после совершения преступления;

3) задержание после совершения преступления, если лицо пытается скрыться от преследования.

В-пятых, задержание лица, находившегося в розыске. Задержание разыскиваемого лица означает задержание подозреваемого, обвиняемого или лица, отбывающего наказание в случае его побега.

Таким образом, задержание – предусмотренная уголовно-процессуальным законом мера процессуального принуждения, применяемая компетентным органом или лицом в установленном законом порядке к обвиняемому, подсудимому или лицу, в отношении которого еще не возбуждено уголовное дело, к лицу, совершающему преступление на месте преступления или находящегося в розыске при наличии оснований, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом, в целях оперативного предупреждения преступлений, устранения возможных препятствий в расследовании уголовного дела и разрешении его по существу. Задержание напрямую затрагивает неотъемлемые права граждан, поэтому при принятии данного решения следует проявлять крайнюю осторожность и применять в исключительных случаях в строго установленном законом порядке.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 101/2015/QH13 // Сайт «Wipo IP Portal». URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21477.

Нгуен Дык Фук[1],
начальник юридического факультета
Народной полицейской академии
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам,
кандидат юридических наук, доцент

ТРЕБОВАНИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА РАССМОТРЕНИЯ СУДЬЯМИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ВО ВЬЕТНАМЕ

Под правосудием понимается деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовных, гражданских, брачно-семейных, хозяйственных, коммерческих, трудовых и административных дел со строгим соблюдением требований закона, наличием справедливой аргументации и обязательности исполнения вынесенного решения. Суд является единственным органом, который имеет право выносить решения по уголовным делам. Реализуя свои функции по разрешению уголовных дел, суд осуществляет и правовое просвещение граждан в вопросах права, в том числе и в вопросах борьбы с преступностью и другими правонарушениями.

Статья 65 Закона Вьетнама «Об организации народных судов» 2014 г. четко определяет обязанности и полномочия судей: «Судьи выполняют задачи и полномочия, указанные в ст. 2 настоящего Закона и соответствующих законов». Наряду с этим ст. 45 УПК Вьетнама [1] конкретно определяет обязанности, полномочия и ответственность судей следующим образом.

Во-первых, когда судья назначается для судебного разбирательства по уголовным делам, он имеет следующие обязанности и полномочия: изучать материалы дела до открытия судебного разбирательства; проводить судебное разбирательство по делу; проводить процессуальные действия и голосовать по вопросам, отнесенным к компетенции Судебной коллегии; осуществлять иные процессуальные действия, отнесенные к компетенции суда по поручению Председателя Суда. Анализ указанной нормы позволяет сделать вывод о широких полномочиях суда. Так, предусмотренное право «ведения судебного разбирательства», а не «участия в судебном разбирательстве» регламентирует более активную и инициативную роль судьи в вопросах процессуальной деятельности (ч. 1 ст. 45).

Во-вторых, при назначении судьи председательствующим в судебном заседании в дополнение к обязанностям и полномочиям судей, которым поручено рассмотрение и разрешение вышеуказанного уголовного дела, предусмотрены следующие полномочия: принимать решение о применении, изменении или отмене мер пресечения и принуждения, за исключением временного содержания под стражей; принимать решение о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования; принимать решение о передаче дела в суд по подсудности; принимать решение о приостановлении производства по уголовному делу; веде-

[1] © Нгуен Дык Фук, 2023.

ние судебного разбирательства дела и рассмотрения дела в судебном заседании; принятие решения о проведении экспертизы, в том числе дополнительной или повторной, экспериментального исследования; менять или требовать о замене эксперта; направлять запрос на оценку имущества, запрос на смену оценщика имущества; направлять запрос о назначении или замене защитников; сменять представителя лица, не достигшего 18-летнего возраста, совершившего преступление; направлять запрос о назначении или замене устных и письменных переводчиков; принимать решение о вызове в судебное заседание лиц, которых необходимо допросить; выполнять иные процессуальные задачи и полномочий в пределах компетенции суда в соответствии с УПК Вьетнама (ч. 2 ст. 45).

В-третьих, судьи несут ответственность перед законом за свои действия и решения. Следователи и прокуроры в процессе реализации своих полномочий находятся под контролем соответственно руководителей следственных органов и вышестоящих прокуроров. Несмотря на наличие у председателя суда определенных административных функций, он не может контролировать деятельность судьи, поскольку исходя из общеправовых принципов судья независим и подчиняется только лишь закону.

Помимо полномочий и обязанностей судьи, ст. 77 Закона об организации народных судов 2014 г. определяет, что судьям запрещено, а именно:

1) осуществлять действия, запрещенные для государственных служащих;

2) консультирование обвиняемого, подсудимого, истца или иного участника процесса по вопросам разрешения дела или по иным вопросам не в соответствии с законом;

3) незаконное вмешательство в разрешение дела либо использование своего положения в целях воздействия на лицо, ответственное за разрешение дела;

4) вынос материалов дела или документов по делу за пределы учреждения, за исключением отдельных поручений или с согласия компетентного лица;

5) прием обвиняемых, подсудимых, иных участников уголовного судопроизводства вне установленных для производства процессуальных действий мест.

Судебная реформа является ключевым звеном в процессе построения правовой системы Вьетнама. В центре данного процесса находится деятельность суда, направленная на отражение демократического характера вовлечения народа в судопроизводство в соответствии с принципами социалистического правового государства по развитию рыночной экономики. Политбюро приняло Постановление от 2 января 2002 г. № 08-NQ/TW по ряду ключевых задач судебной работы, а 2 июня 2005 г. – Постановление № 49-NQ/TW о стратегии судебной реформы. Одним из приоритетных направлений судебной реформы во Вьетнаме является «повышение качества уголовной политики и судебных процедур» с целью обеспечения единообразия практики применения отдельных правовых процедур, гласности, прозрачности судопроизводства, соблюдения и защиты прав человека.

Таким образом, судебная реформа во Вьетнаме сегодня исходит из потребностей общества, а также основной цели правосудия, которая выражается в защите прав человека и гражданина, а также справедливости. Деятельность судей в судах первой инстанции должна обеспечиваться следующими факторами:

2. Реализация судьями полномочий должно обеспечивать социалистическую законность в уголовном процессе.

Корреспондируя позицию партии на построение социалистического правового государства, ст. 2 Конституции Вьетнама 2013 г. утверждает:

а) Государство Социалистическая Республика Вьетнам является социалистическим правовым государством народа, созданным народом и для народа;

б) Социалистическая Республика Вьетнам принадлежит Народу, вся государственная власть принадлежит Народу, основу которого составляет союз рабочего класса с крестьянством и интеллигенцией;

в) Государственная власть есть единство поручений, координации и контроля государственных органов при осуществлении законодательной, исполнительной и судебной власти.

Статья 7 УПК Вьетнама провозглашает, что «все уголовно-процессуальные действия должны осуществляться в соответствии с положениями настоящего Кодекса. Не допускается обращение с источниками информации о преступлениях, расследование, преследование или вынесение судебного решения не иначе как на основаниях и в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом.

В этой связи вся деятельность судьи, а также вынесенные им судебные решения должны отвечать вышеуказанным требованиям, обеспечивать соблюдение норм закона, права человека и гражданина, не допускать укрывательства преступлений и несправедливости в отношении невиновных;

3. Деятельность судей первой инстанции должна соответствовать требованиям принципа независимости и объективности судебных органов и лиц, осуществляющих судебную деятельность. Единственным ограничением независимости является лишь обязанность соблюдать закон при осуществлении судебной деятельности. Таким образом, требования независимости и объективности необходимо конкретизировать в правовых нормах, разграничив обязанности каждой судебной инстанции;

4. Деятельность судьи должна соответствовать требованиям судебной реформы, находиться под руководством партии и сохранять традиции государства как социалистического правового государства народа, поскольку единый народ, обеспечивающий эту государственную власть, возлагает и координирует их деятельность при осуществлении законодательной, исполнительной и судебной власти. Судебная реформа исходит из требований социально-экономического развития государства, построения справедливого, демократического и цивилизованного общества, прочно охраняющего его демократическое развитие, связанного с реформированием законотворческой деятельности и административной реформой. Судебная реформа должна исходить из правовой традиции, унаследовать отечественные достижения и в то же время впитать зарубежный опыт, должна учитывать не только текущую социальную ситуацию, но и предвосхищать будущие тенденции развития общества. Судебную реформу необходимо проводить срочно, синхронно, целенаправленно;

5. Основное требование, предъявляемое к реформированию всей судебной системы в целом и судебного органа в частности, в конечном итоге все же приводит к необходимости создания эффективной судебной работы суда. Основ-

ные вопросы, которые должны решаться при этом: каким образом привлекать к уголовной ответственности именно лицо, совершившее преступление; правильно ли дана квалификация деяния; обеспечения ли при этом права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Судья в уголовном судопроизводстве является центральной фигурой, поэтому качество вынесенных им решений зависит от профессиональной квалификации и моральных качеств судьи. С учетом вышеизложенного статус судьи должен определяться в соответствии с требованиями, предъявляемыми новой судебной реформой;

6. Совершенствование полномочий судей в судопроизводстве должно заключаться в обновлении организации деятельности судебных органов в целях повышения качества и эффективности рассмотрения дел. Судебное разбирательство в судебных заседаниях – это деятельность не только судей, но и присяжных заседателей, других субъектов (прокуроров, защитников, подсудимых, потерпевших) в целях разрешения дела и обеспечения их прав и законных интересов. В этой связи судебная реформа находится в непосредственной связи с судебным разбирательством. Судебное разбирательство в уголовном судопроизводстве – это общественное расследование, демократический, объективный и состязательный судебный процесс между сторонами. При выполнении своих функций судья обязан выяснить все обстоятельства дела (в том числе обстоятельства, на которые ссылается сторона обвинения и сторона защиты, обстоятельства освобождения или смягчения уголовной ответственности по делу), при этом не обвинять или защищать обвиняемого, а обеспечивать состязательность сторон в целях установления объективной истины по делу;

7. Обеспечить наличие у судейской коллегии достаточных моральных качеств, квалификации и работоспособности. Добросовестность, беспристрастность и объективность всегда являются основным содержанием к квалификации судей. Во время судебного разбирательства судья – это лицо, которое занимает центральное положение, тот, кто «обеспечивает равновесие». Работа судьи состоит в том, чтобы выяснить объективную истину по делу, поэтому необходима подготовка судей с углубленной юридической квалификацией, способных вести судебные заседания, применяя и научные методы. Прежде всего, необходимо иметь юридические знания и иметь степень бакалавра права. В дополнение к базовым юридическим знаниям судьи также должны пройти курс обучения, оттачивая навыки судейства. Эти требования теперь закреплены в Кодексе этики и поведения судей, изданном вместе с Решением совета от 4 июля 2018 г. № 87/QD-HDTC, которые продолжают строго соблюдаться и выполняться.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 101/2015/QH13 // Сайт «Wipo IP Portal». URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21477.

Нгуен Тхи Нгок Иен[1],
доцент юридического факультета
Народной полицейской академии
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам,
кандидат юридических наук

УЧАСТИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В СООТВЕТСТВИИ С УПК ВЬЕТНАМА

В целях обеспечения надлежащего осуществления судом своих полномочий в соответствии с нормами Закона Вьетнама «Об организации народных судов» 2014 г. в УПК Вьетнама [1] закреплено положение о том, что в компетенции суда находится вопрос об анализе законности процессуальных действий и решений следователя, прокурора и защитников в ходе производства по уголовному делу, а также оценка законности представленных доказательств, собранных, как органами дознания, следователями, прокурорами, так и стороной защиты.

В целях обеспечения всестороннего анализа представленных сторонами доказательств предусмотрена возможность непосредственного участия сторон в судебном заседании. Так, суд самостоятельно или по ходатайству участников судопроизводства запрашивает у следователей, прокуроров, участников процесса представления разъяснений по процессуальным решениям и иным актам, реализованным на стадии расследования, судебного преследования или судебного разбирательства (ст. 317 УПК Вьетнама).

Участие следователя в судебном заседании является одновременно его правом и обязанностью, позволяя защитить публично принятые процессуальные решения в открытом судебном заседании. Судебная практика показывает, что подсудимые зачастую злоупотребляют своим положением и в судебных заседаниях меняет свои показания, указывая на принуждении к даче показаний. При таких обстоятельствах следователь, находясь в судебном заседании, сможет публично защитить законность произведенного следственного действия, подтвердить ранее данные обвиняемым показания.

Согласно ст. 296 УПК Вьетнама «в случае необходимости в ходе судебного разбирательства Судебная коллегия может вызвать следователей и лиц, правомочных вести производство и принявших дело к своему производству, для рассмотрения вопросов, связанных с уголовным делом». Учитывая, что нормы УПК Вьетнама не содержат толкования случаев необходимости, сторона защиты пользуется этим, требуя от Судебной коллегии вызвать следователей в судебное заседание, что зачастую влияет на перенос судебных заседаний, а значит и нарушение разумных сроков рассмотрения уголовных дел.

Таким образом, как представляется, участие следователя в судебных заседаниях по уголовным делам необходимо только в случаях оценки законности принятых ими процессуальных действий и проведенных следственных действий. Факт вызова Судебной коллегией следователей для разъяснения содер-

[1] © Нгуен Тхи Нгок Иен, 2023.

жания процессуальных документов является недопустимым. В настоящее время вызов следователя осуществляется в основном при следующих обстоятельствах: жалоба подсудимого на принуждение к даче показаний, пытки в ходе следственных или процессуальных действий; жалобы на то, что следователи оставляют чистый лист бумаги и дополняют его информацией после окончания следственного действия; жалобы на фактическое отсутствие в ходе процессуальных действий адвокатов, иных лиц, участие которых якобы подтверждено документально; наличие существенных нарушений Закона при производстве процессуальных действий и т. д.

Уголовно-процессуальный закон Вьетнама 2015 г. не предусматривает полномочий отдельных судей вызывать в судебные заседания следователей, предоставив данное правомочие исключительно Судебной коллегии. Данное положение корреспондируется с другими нормами УПК Вьетнама, позволяющим Судебной коллегии анализировать законность действий, решений следователями (ст.ст. 260 и 326 УПК Вьетнама).

В УПК Вьетнама отсутствуют конкретные положения, регламентирующие правовой статус следователей, вызываемых в судебное заседание. В этой связи по данному вопросу в науке и практике существует множество мнений и разногласий. С одной стороны, в соответствии с положениями гл. III УПК Вьетнама следователи относятся к субъектам, правомочным осуществлять производство по уголовному делу. Поэтому при вызове в судебное заседание вызывается следователь, участвующий в судебном процессе в качестве лица, в производстве которого ранее находилось уголовное дело.

С другой стороны, согласно нормам УПК Вьетнама о рассмотрении уголовных дел, а также в соответствии с руководящими документами Судебного совета Народного суда, таких как постановление № 05/2017/NQ-HDTP о рассмотрении уголовных дел и пересмотре вступивших в законную силу приговоров и постановлений по уголовным делам, в судебном заседании в состав лиц, ведущих процесс, входят только члены Судебной коллегии, секретарь и прокурор. Таким образом, следователь относится лишь к иным участникам процесса.

При этом в соответствии со ст. 55 УПК Вьетнама участниками процесса являются: заявители, осведомители о преступлениях, ходатайствующие о возбуждении уголовного дела; лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, лицо, которого предлагается привлечь к ответственности; лица, задержанные в чрезвычайном порядке; арестованный; задержанные лица; обвиняемый; потерпевший; гражданский истец; гражданский ответчик; лица, имеющие интересы и обязанности, связанные с делом; свидетель; инспекторы; оценщики недвижимости; устные и письменные переводчики; адвокат; защитники законных прав и интересов потерпевших и сторон в процессе; защитник законных прав и интересов лица, в отношении которого разоблачается или возбуждено уголовное дело; законный представитель юридического лица, иные представители в порядке, установленном УПК. Практика показывает, что Судебные коллегии, вызывая следователей в судебные заседания, придают им статус свидетелей или лиц, имеющих интересы, связанные с делом.

Однако, участие следователя в судебном заседании, как лицо, ведущее производство по уголовному делу, не отражает истинного характера его процессуальной роли. При таких обстоятельствах следователь является все же процессуальным лицом, имеющим интерес для разрешения дела, а его обязанности по расследованию дела и соответствующие полномочия прекращаются по окончании расследования.

Вместе с тем не совсем логичным будет являться участие следователя, вызванного в судебное заседание, в качестве свидетеля, наделение его правами и обязанностями, предусмотренными ст.ст. 65–66 УПК Вьетнама, поскольку показания, излагаемые им, не относятся к природе совершенного противоправного деяния. Суды, устанавливая, что следователь является свидетелем, другие участники судопроизводства (прокурор, защитник, защитник законных прав и интересов потерпевшего и т. д.) могут допросить его в качестве свидетеля, что незаметно снижает его правовой статус. Учитывая, что и в УПК Вьетнама отсутствуют положения о процессуальном статусе следователей, принимающих участие в судебных заседаниях («В случае необходимости Судебная коллегия самостоятельно или по ходатайству участников процесса вызывают следователей…»), следователи не могут вызываться в качестве свидетелей.

На наш взгляд, несмотря на отсутствие в УПК Вьетнама конкретных положений о процессуальном статусе следователя в судебном заседании, анализ ст.ст. 296 и 317 УПК Вьетнама позволяет сделать вывод, что следователи вызываются в суд для разъяснения принятых процессуальных решений, не является лицом, ведущим судебное разбирательство и не является одним из 20 участников процесса, предусмотренных ст. 55. Они имеют права и обязанности, предусмотренные УПК, а именно:

1) присутствовать по вызову Судебной коллегии в судебном заседании;

2) разъяснять принятые в ходе расследования процессуальные решения.

Представляется возможным сформулировать некоторые предложения и рекомендации:

Во-первых, Народный суд, Народная прокуратура, Министерство общественной безопасности и Министерство национальной обороны должны издать совместный приказ, регламентирующий явку следователей на судебные заседания. Практика показывает, что положения УПК Вьетнама об обеспечении явки следователей в судебные заседания все еще носят общий характер, что затрудняет их реализацию на практике, требует пересмотра и дополнения.

Во-вторых, необходима разработка согласованной позиции в целях определения процессуального статуса следователя, принимающего участие в судебных заседаниях, его правах и обязанностях. До такого определения, предлагается определить следователя в качестве других участников производства по делу, которые вызываются, имеют права и обязанности, указанные в ст.ст. 296 и 317 УПК Вьетнама, без указания на статус свидетеля или лиц, имеющих соответствующие интересы и обязанности.

В-третьих, если будет установлено, что следователи являются иными участниками производства по делу, необходимо изучить и внести изменения в Цир-

куляр от 28 июля 2017 г. № 01/2017/ТТ-ТАНДТС, регулирующий порядок проведения судебных заседаний.

В-четвертых, во избежание переноса судебного разбирательства по причине неявки следователя в назначенный срок до открытия судебного разбирательства председательствующий судья должен заблаговременно сообщить руководителю органа расследования об ожидаемом вызове следователя и необходимости представления дополнительных документов в целях надлежащей подготовки к судебному заседанию.

В заключение отметим, что участие следователей в судебных заседаниях имеет большое значение, в особенности при рассмотрении сложных уголовных дел. Во всех случаях, когда вызывались следователи, их позиция по ранее принятым процессуальным решениям аргументированно и на высоком уровне поддерживалась, что отразилось на качестве принятых Судебной коллегией итоговых решениях.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 101/2015/QH13 // Сайт «Wipo IP Portal». URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21477.

Нгуен Тхи Тхуи[1],
доцент юридического факультета
Народной полицейской академии
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам

ПРАВО НА ЗАЩИТУ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ВЬЕТНАМА

Право на защиту регламентировано самой первой Конституцией Демократической Республики Вьетнам 1946 г., согласно которой «Обвиняемый может защищаться самостоятельно или обращаться за помощью к адвокату» (ст. 67). Это положение реализовывалось на практику до определенных изменений, внесенных УПК Вьетнама 1988 г., который расширил право на защиту не только обвиняемых, но и иных лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование (ст. 12). Уголовно-процессуальный кодекс 2003 г. также закреплял рассматриваемое право в ст. 11, согласно которой обвиняемые и подсудимые имеют право защищать себя или просить защиты других.

Самозащита – это форма, согласно которой сами обвиняемые или подсудимые используют разрешенные законом права в целях доказывания своей невиновности, смягчения ответственности, защиты иных законных интересов. Обращение за защитой – это форма поведения, направленная на высказывание просьбы в целях защиты обвиняемого или иного лица. Защитник, реализуя свои полномочия, вправе применять предусмотренные законом меры для защиты обвиняемых и подсудимых, предусмотренные Законом.

Конституция Вьетнама 2013 г. более обстоятельно закрепило право на защиту, основываясь на гарантировании состязательности сторон и обеспечения законности прав и интересов сторон в судопроизводстве. Право на защиту – особое право, закрепленное в конституционных принципах, регламентированное в ст.ст. 31 и 103 Конституции Вьетнама 2013 г. Так, п. 4 ст. 31 Конституции Вьетнама 2013 г. предусматривает: «Лица, арестованные, содержащиеся под стражей, задержанные, привлеченные к уголовной ответственности, осужденные, имеют право защищать себя самостоятельно или просить о защите адвокатов или других лиц». Таким образом, законодательно определено, что лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, имеет право на защиту с момента задержания, фактического ограничения свободы передвижения.

Часть 4 ст. 131 Конституции Вьетнама 2013 г. отражает в ст. 16 УПК Вьетнама 2015 г. [1] рассматриваемый принцип следующим образом: право на защиту обеспечивается не только обвиняемому, но и потерпевшему. Органы и должностные лица, правомочные на ведение уголовного судопроизводства, обязаны уведомить, разъяснить и гарантировать обвиняемому, потерпевшим о возможности реализации права на защиту в соответствии с положениями настоящего Кодекса.

---

[1] © Нгуен Тхи Тхуи, 2023.

УПК Вьетнама 2015 г. расширяет предмет права на защиту не только на лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, обвиняемого, подсудимого, но и на арестованного. Указанные нормы подчеркивают реализацию принципа справедливости как для лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, но и для других преступлений, в частности:

Во-первых, согласно ст.ст. 60–61 УПК Вьетнама 2015 г. обвиняемые имеют право на самозащиту.

В целях осуществления своего права на самостоятельную защиту лица, совершившие преступления, имеют право знать основания уголовного преследования; знать о своих правах и обязанностях, иметь возможность представлять доказательства, подтверждающие свою невиновность, иметь право подавать жалобы и ходатайства, давать показания, представлять документы и предметы, ходатайствовать о содействии следственному органу в установлении истины и дополнительном подтверждении своих показаний; получать копию постановления о возбуждении уголовного дела, применении, изменении или отмене меры пресечения, приостановлении производства по уголовному делу, обвинительное заключение, иные процессуальные решения в установленном Законом порядке.

Однако лица, совершившие преступления, как правило, не владеют в полной мере должной квалификацией, поэтому не могут самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Указанные проблемы разрешаются приглашением квалифицированного защитника – адвоката.

Во-вторых, право защиту означает возможность обращения за правовой помощью не только к адвокату, но и к другим лицам, например, народные защитники, законные представители обвиняемого в преступлениях. Зачастую в целях обеспечения прав и законных интересов лиц, совершивших преступления, в случаях, установленных законом, представители или родственники приглашают за свой счет защитников.

Кроме того, закон предусматривает, что для обеспечения справедливости не могут являться защитниками следующие субъекты: лицо, которое вело производство по этому делу; родственники лица, в отношении которого ведется производство по этому делу; свидетели, эксперты, оценщики имущества, переводчики; осужденные, судимость которых не погашена; лица, к которым применены меры административного воздействия, направленные в медицинские учреждения для применения принудительных мер медицинского характера или в специализированные учреждения в целях применения мер воспитательного воздействия. В частности, законом также установлено, что «защитник может защищать нескольких обвиняемых по одному делу, если их права и законные интересы не противоречат друг другу».

В-третьих, уголовно-процессуальный закон предусматривает следующие гарантии, применяемые в отношении защитников и защищаемых лиц: обязательность вручения копий постановления о привлечении к уголовной ответственности, обвинительного заключения и т. д. В целях подготовки к защите могут ис-

пользовать все законные средства, чтобы доказать свою невиновность или смягчить наказание.

В целях совершенствования механизмов защиты лиц, в отношении которых осуществляется уголовное судопроизводство, 10 октября 2019 г. Министр общественной безопасности подписал и обнародовал циркуляр № 46/2019/TT-BCA, определяющий обязанности Народных сил общественной безопасности по реализации положений УПК Вьетнама 2015 г., в частности, гарантировано право на защиту лиц, содержащихся под стражей в экстренном порядке, лиц, арестованных по раскрытым преступления или задержанных и ранее находившихся в розыске; лиц, содержащихся под стражей.

Указанный Циркуляр состоит из 5 глав и 21 статьи, регламентирующих обязанности органов общественной безопасности по реализации положений УПК Вьетнама 2015 г., касающихся обеспечения права на защиту задержанных на месте преступления или по разыскиваемому постановлению (далее – задержанное лицо).

Вместе с тем гарантии права на защиту арестованных, задержанных и обвиняемых в соответствии с Законом о правовой помощи должны соответствовать Совместному циркуляру № 10/2018/TTLT-BTP-BCA-BQP-BTC- Народной прокуратуры от 29 июня 2018 г., регламентирующих применение ряда положений о правовой помощи в ходе судопроизводства. Содержание настоящего Циркуляра способствует эффективному обеспечению прав лиц, совершивших преступления, за счет следующих конкретных положений:

– прием и обработка обращений о приглашении защитников от представителей или родственников лиц, находящихся под стражей;

– в случае совершения обвиняемым преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, но не задержанного, право на защиту обеспечивается в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 3 циркуляра № 46/2019/TT-BCA;

– в случае, если обвиняемый в преступлениях, связанных с наркотиками, содержится под стражей и еще не обратился за защитой, следователь обязан перед началом первого допроса обвиняемого разъяснить ему право на защитника, зафиксировав это в протоколе. Если они требуют защитника, следователь поручает им написать соответствующее ходатайство. В случае отсутствия ходатайства в течение 24 ч после первого допроса обвиняемого следователь обязан уведомить об этом представителя или родственника обвиняемого;

– ответственность за осуществление ряда видов деятельности защитников.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 101/2015/QH13 // Сайт «Wipo IP Portal». URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21477.

Рудин А. В.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Пашинина Я. С.[2],
курсант факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ АДВОКАТА КАК ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Адвокат – это лицо, обладающее статусом адвоката, т. е. особой профессией, связанной с оказанием населению квалифицированной юридической помощи.

Адвокатура не имеет отношения к публичной власти, однако несет на себе обязанность по выполнению функции, присущей публичной власти – это защита прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции. Речь идет прежде всего об уголовной юстиции [4]. Нравственные основы института адвокатуры возникли сначала как проявление внутреннего нравственного сознания, а впоследствии развивались на основе правовой культуры каждого из исторических этапов. Основные моральные принципы фиксировались как в нормативно-правовых актах, так и в писаных кодексах профессионального поведения, а также и неписаных правилах работы адвоката.

Роль адвоката в уголовном судопроизводстве носит более важный и практический характер. Суд, рассматривая конкретное уголовное дело, решает судьбу обвиняемого, что выражается в применяемой им (судом) меры наказания. В данном случае важна практическая активность работы адвоката, по защите своего клиента. Обеспечение гарантированного Конституцией Российской Федерации права на защиту является основой, фундаментальным и важнейшим принципом всего уголовного судопроизводства (ст. 16 УПК РФ). УПК РФ подробно регламентирует вопросы участия защитника в уголовном деле: круг лиц, которые могут быть защитниками, момент, с которого защитник участвует в деле, порядок защиты прав и интересов подозреваемых, обвиняемых и др.

Сегодня в Российской Федерации происходят сложные реформационные процессы, на фоне которых вопрос эффективности уголовного процессуального законодательства приобретает особое значение. При этом Россия, как правовое государство, признает права и свободы человека высшей социальной ценностью.

Адвокат, осуществляя профессиональную работу, не может использовать средства и методы, противоречащие законодательству.

---

[1] © Рудин А. В., 2023.
[2] © Пашинина Я. С., 2023.

Действительно, как можно оказывать юридическую помощь, не имея на это прав, и незаконными методами? В таком случае все старания адвокатов по представлению интересов граждан и юридических лиц впоследствии будут признаны судом недействительными. Законность выступает в качестве базового принципа современной адвокатуры. Адвокаты руководствуются принципом законности при осуществлении своей деятельности.

Нравственные начала и закон стоят выше интересов доверителя. Адвокат в данном случае не имеет права выполнять незаконные просьбы доверителя. Получается, что адвокат должен применять только законные средства для защиты интересов доверителя. Фактически на принципе законности основывается деятельность современной адвокатуры.

Еще одним из наиболее важных принципов деятельности адвокатов является – независимость. Адвокатура независима и является элементом гражданского общества.

В рамках нормы ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» гарантируется независимость адвокатуры. В ней указывается, что вмешательство в деятельность адвокатов является недопустимым. Корпоративность адвокатуры проявляется в наличии адвокатских образований, чья основная цель заключается в защите интересов адвокатуры на территории России. К примеру, создаются и созываются специальные органы адвокатуры как корпоративной единицы в виде советов, съездов. На территории субъектов Российской Федерации действуют специальные адвокатские палаты, которые объединены на федеральном уровне в Федеральную палату [1].

Равноправие адвокатов выражается в том, что приобретения статуса адвоката к кандидатам предъявляются общие одинаковые требования.

Касаемо процессуального положения адвоката в теории, многие ученые и юристы высказывали различные теорий, но данная тема исследована не в полном объеме со стороны теоретиков. Были такие авторы, которые высказывали мнение о том, что защитник – это своего рода помощник судьи. Адвокатура – это учреждение, созданное в помощь суду [8].

В современной научной литературе можно встретить два распространенных мнения по поводу того, какое процессуальное положение занимает адвокат-защитник. Чаще всего можно встретить такое понятие, что адвокат является представителем обвиняемого. Причем одни авторы-процессуалисты говорят о том, что адвокат-защитник, это, только представитель обвиняемого. Другие говорят о том, что адвокат одновременно представляет интересы как обвиняемого, так и интересы защиты. Это мнение является очень интересным.

Защитник вправе:

1) видеться с подозреваемым, обвиняемым;

2) собирать доказательственную базу и приобщать ее к материалам уголовного дела;

3) нанимать специалиста для дачи показаний и заключений;

4) находиться при предъявлении обвинения;

5) принимать участие в следственных действиях, проводимых в отношении подозреваемого, обвиняемого;

6) знакомиться с материалами дела по уголовному делу;

7) подавать различного рода ходатайства для обеспечения реализации защиты;

8) осуществлять другие средства защиты, которые не противоречат УПК РФ.

Также защитник наделен и таким правом, как давать своему подопечному краткие консультации, рекомендации, задавать вопросы лицам, которые допрашиваются, а также делать письменные пометки и т. д.

Любому адвокату, как защитнику необходимо уделить должное внимание психологической подготовке подозреваемого, настроить его на доброжелательную обстановку, что поможет избежать возникновения конфликтной ситуации на допросе. В случае если избежать конфликтной ситуации все-таки не удалось, по мнению некоторых авторов, защитник имеет право заявить ходатайство о прерывании хода допроса для предоставления ему свидания с обвиняемым, подозреваемым, удовлетворение которого не противоречит закону и является тактически правильным [7].

Хотелось бы отметить, что хоть допрос и является основным способом получения показаний, но также защитник помимо прочего может участвовать в получении показаний как подозреваемого, обвиняемого так и свидетеля, потерпевшего в ходе некоторых других следственных действий [9]. Так, показания могут быть получены и в ходе проведения очной ставки, хоть и основная ее цель – это выяснение и устранение существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, а не получение новых показаний [5].

Защитник может принимать активное участие в допросе (диалог между следователем и допрашиваемым лицом) путем дачи кратких консультаций или реализации возможности задать вопрос допрашиваемому лицу, также защитник имеет право активно способствовать правильной фиксации вопросов и ответов допрашиваемого в протоколе следственного действия (делать замечания).

Обвиняемый имеет право на любой стадии процесса по своей инициативе отказаться. Сотрудники правоохранительных органов не должны навязывать другого защитника, а сам гражданин может выбрать себе иного представителя.

Общее правило применения отказа заключается в том, что он должен быть именно добровольным, а не по принуждению со стороны прочих лиц. Если гражданин отказался от услуг защитника не по своей воле, а в результате давления на него других людей, это будет считаться грубым нарушением его права на защиту [6]. Отказ оформляется в письменном виде, а отметка об этом также проставляется в протоколе. Также не воспрещается в дальнейшем привлечь его снова к участию в разбирательстве дела. Для этого понадобится только оформить ходатайство, а следователь, дознаватель должны его принять.

Адвокат должен правильно выстроить свою систему защиты. Если требования об обязательном участии защитника возникают лишь при ознакомлении с материалами уголовного дела, то еще в ходе предварительного расследования подозреваемый вправе заявить ходатайство о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме. В данном случае повышенные гарантии требуются не только на стадии заявления ходатайства и судебного разбирательства, как предусмотрено главой 40 УПК РФ, но уже в досудебном производстве

существенно отличается процесс доказывания, и подозреваемый должен быть надлежаще обеспечен профессиональным защитником [2].

Чем строже возможно будущее наказание, тем больше процессуальных гарантий заложено в ст. 51 УПК РФ: обязательное участие защитника предусмотрено, если лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь (п. 5 ч. 1 ст. 51 УПК РФ).

Рассмотрение деятельности адвоката в судебном процессе с участием присяжных заседателей невозможно без рассмотрения тонкостей участия самих присяжных заседателей, так как работа адвоката может быть рассмотрена через призму его взаимодействия с присяжными заседателями. Стоит также отметить, что суд присяжных применяется достаточно редко. Работа защитника в таком составе суда обладает особенностями именно из-за участия в нем присяжных заседателей, поэтому рассмотрение нюансов участие адвоката в таком суде невозможно без рассмотрения тонкостей участие в таком суде самих присяжных.

Присяжные заседатели решают вопрос о виновности подсудимого с точки зрения общечеловеческих и нравственных ценностей, учитывая его жизненный опыт. Удачным случаем обращения в суд присяжных является момент, когда адвокат понимает, что по делу собраны недостаточные доказательства со стороны обвинения, когда есть много так называемых прорех, когда присутствуют косвенные доказательства, а прямых нет. Присяжные заседатели буквально понимают принцип презумпции невиновности: при наличии сомнений они склонны эти сомнения толковать в пользу подсудимого.

Опасным является попытка защитить подсудимого при условии, если он совершил преступление в отношении несовершеннолетнего, так как присяжные заседатели имеют семьи и будут проецировать данный преступный опыт на членов своих семей или собственных детей, потому что присяжный заседатель – лицо, достигшее 25-летнего возраста, иными словами, большинство из них уже имеют собственных детей. Поэтому доводы в защиту подсудимого ими вряд ли будут выслушаны, потому что здесь будет действовать «презумпция виновности».

Адвокату-защитнику рекомендовано задать те вопросы, которые бы работали на выгодную позицию защиты. Например, важным вопросом, где на скамье подсудимых из 4 подсудимых славянской внешности, одним является подсудимый кавказской внешности, адвокату важно задать вопрос о наличии у присяжных заседателей националистических взглядов. Однако вопрос должен быть поставлен корректным образом, чтобы не запутать присяжных заседателей, применительно к данному случаю.

Для реализации защиты адвокат обязан использовать весь арсенал предусмотренных законом средств, а также иных не противоречащих праву мер и средств. На стадии предварительного слушания адвокат-защитник также может заявить и иные ходатайства о вызове и допросе свидетеля, назначении экспертизы. Заканчивает предварительное слушание вынесением постановлением судьи, которое подлежит обжалованию.

Следующая стадия – подготовительная стадия судебного слушания, которая проводится в отсутствии присяжных заседателей, в тот момент, когда данные

присяжные заседатели уже присутствуют в здании суда. В данной стадии проходит подготовительная часть, как и в любом судебном заседании, когда судья открывает процесс, представляет себя, выясняет явку лиц, на данной стадии предоставляются списки присяжных заседателей. Данные списки чаще всего предоставляются в форме таблиц, в которых содержатся фамилия, имя, отчество присяжного заседателя, возраст, социальный статус (безработный, пенсионер, предприниматель, домохозяйка и т. д.).

Судебное следствие в суде присяжных заседателей начинается со вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника, здесь можно выделить существенное отличие от традиционной формы, где выступает только обвинитель, зачитывая обвинительное заключение, здесь речь идет о вступительном слове (фабуле). Самое главное в судебном разбирательстве – активная позиция защитника, адвокат должен вести активную, наступательную работу в плане исследования доказательств, представления их суду, отстаивания собственных ходатайств в плане исследования тех доказательств, которые были обнаружены после получения дела судом, поэтому суд не может отказать в их рассмотрении в том случае, если они имеют существенное значение для дела, связанны с правовым положением подсудимого.

Таким образом, адвокат своей деятельностью опосредует реализацию конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, которое в свою очередь выступает одной их главных фундаментальных обязанностей правового государства.

Список литературы

1. Бабенкова Э. В., Букина О. А. Современное гражданское общество в России: основные задачи и тенденции развития // Государство и право в XXI веке. 2019. № 2. С. 26–27.

2. Бородин С. В. Адвокатское расследование // Московский адвокат. 2019. № 3. С. 5–6.

3. Васяев А. А. О запрете быть представителями в суде лицам, адвокатский статус которых прекращен // Современное право. 2020. № 1. С. 103–104.

4. Вдовцев П. В., Чарыков А. В. Адвокат-защитник как профессиональный участник уголовного судопроизводства // Адвокатская практика. 2022. № 2. С. 24–25.

5. Конин В. В. Стандарт осуществления адвокатом защиты как попытка преодолеть пассивность при осуществлении функции защиты // Современное право. 2020. № 1. С. 110–111.

6. Матейкович М. С. Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 20–21.

7. Рагулин А. В., Рагулина И. Т. Замечания по Стандарту осуществления защиты адвокатом в уголовном судопроизводстве // Евразийская адвокатура. 2018. № 4. С. 39–40.

8. Соловьев С. А. Адвокатское расследование: проблемы и реальные возможности // Уголовный процесс. №9. 2020. С. 14–15.

9. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Г. П. Химичева и др.] ; под ред. Г. П. Химичевой, О. В. Химичевой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити : Закон и право, 2004. С. 78–82.

Соломатина А. Г.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит нормы, регламентирующие допустимость либо возможность использования технических средств, а также полученных с их помощью результатов в уголовном судопроизводстве.

Предусмотренная законодателем целесообразность во многом способствует получению достоверных и обоснованных доказательств при производстве следственных действий.

Так, в п. 5 ст. 164 УПК РФ закреплено, что при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Однако в условиях развития современных технологий данная норма морально устарела, так как в условиях насущной проблемы противостояния современной преступности, в том числе и кибер-, согласно принятым на государственном уровне программам [1; 2; 3; 4], применяются не только технические средства, но и технологии.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют правовые основы применения данных технологий, что, на наш взгляд, существенно сужает возможности расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

Неоднократно на страницах юридической печати ученые-правоведы обращали внимание на необходимость правового регулирования использования технологий в уголовном судопроизводстве. Так, В. Ю. Федорович, О. В. Химичева и А. В. Андреев в статье «Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства» делают справедливый вывод, о том что: «… в современном уголовном судопроизводстве вопросы информатизации, и тем более искусственного интеллекта, необходимой правовой регламентации до сих пор не получили, в связи с чем разработка теоретических основ использования этих технологий представляется как никогда актуальной» [5, с. 209]. Или в другой статье О. В. Химичева и А. В. Андреев, подтверждая идею, пишут: «Как видим, в настоящий момент активное применение технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве блокируется неразрешенностью многих правовых, теоретических и правоприменительных вопросов, требующих внимания как ученых-процессуалистов, так и практиков» [6, с. 243].

Обозначает актуальность исследования и О. В. Волынская, которая указывает, что «сегодня … в современной юридической науке существует широкий

[1] © Соломатина А. Г., 2023.

круг проблем, подлежащих исследованию. Среди них те, которые направлены на правовое регулирование как правоотношений, так и ряда вопросов, которые определяют таковые в сфере использования цифровой и электронной информации, содержащейся на электронных носителях. Некоторые определенные аспекты цифровизации и различные варианты правовой регламентации цифровых (электронных) объектов и технологий поднимаются как в теории уголовного процесса, так и в практической деятельности» [7, с. 115–116].

Соответствующая правовая регламентация использования технологий в уголовно-процессуальной деятельности должна найти отражение в новых изменениях, вносимых в уголовно-процессуальный закон. Как пишет Е. А. Прохорова, «они должны представлять собой результат отражения правовым регулированием самой уголовно-процессуальной деятельности. Такие изменения обусловлены потребностями правоприменительной практики, задача законодателя – вовремя заметить определенные тенденции и узаконить их. … Аналогично тому, как естественное право должно быть ориентиром для законодателя, так и истинные потребности уголовно-процессуальной деятельности должны лежать в основе изменений уголовно-процессуального закона» [8, с. 209].

Таким образом проблема правовой основы использования технологий в уголовном судопроизводстве неоднократно поднимались уважаемыми учеными, отсутствие которой создает трудности и в практическом применении.

На основании существующих эмпирических данных и результатов исследования использования технических средств и технологий в уголовном судопроизводстве установлено, что из-за отсутствия правового регулирования использования технологий в уголовном судопроизводстве, практические сотрудники затрудняются в их применении и мало используют. Данный факт свидетельствует о насущной потребности определения их места в системе уголовно-процессуальных средств и методов познания и установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Понятия «технологии» и «технические средства» в УПК РФ не предусмотрены. Зачастую в науке и практической уголовно-процессуальной деятельности первое поглощается вторым, несмотря на разные смысловые значения, что подтверждает и законодатель. Так и в п. 3 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» характеризуя понятие «информационная система» разграничены термины «технологии» и «технические средства» – «информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств».

Для устранения терминологической неопределенности, а как отмечал Гуго Эрнст Марио Шухардт: «терминологическая опасность для науки — все равно, что туман для мореплавания; она тем более опасна, что обычно в ней вовсе не отдают отчета» [9], целесообразно разработать понятийный аппарат данных категорий и включить их в УПК РФ.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо сделать вывод о том, что в рамках уголовно процессуальной науки необходимо начинать исследования о применении технологий в уголовно-процессуальной деятельности, в целях «легализации» и правовой определенности их применения.

В условиях настоящей научно-технической реформации всех сфер жизнеустройства человечества стран всего мира и России в частности, отказываться от неиссякаемого потенциала современных технологий для оптимизации уголовного судопроизводства, в целях незамедлительного расследования преступления, возмещения вреда, им причиненного и наказания виновных, видится нелогичным.

Правовая регламентация применения конвергентных знаний обеспечит более эффективный доступ к правосудию, позволит значительно сократить уголовно-процессуальные сроки, облегчит трудозатраты правоприменителя, повысит качество и эффективность расследования преступлений и отправления правосудия, создаст предпосылки для нивелирования следственных и судебных ошибок, обеспечит транспарентность уголовного судопроизводства, а также оптимизирует уголовное судопроизводство в целом.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”» // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322380/.

3. Поручение Президента Российской Федерации от 24 апреля 2007 г. № Пр-688 «Президентская инициатива “Стратегия развития наноиндустрии”» // Сайт «ZakonBase». URL: https://zakonbase.ru/content/base/137451.

4. Проект концепции «Стратегия развития конвергентных технологий» // Официальный сайт Совета по науке Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: https://sovet-po-nauke.ru/sites/sovet-po-nauke.ru/files/data/converg_concept_project.pdf.

5. Федорович В. Ю., Химичева О. В., Андреев А. В. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 205–210.

6. Химичева О. В., Андреев А. В. Некоторые замечания о принципах использования технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве России // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 240–243.

7. Волынская О. В. Современные взгляды на правовую регламентацию использования электронных носителей информации в доказывании // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 114–116.

8. Прохорова Е. А. «Критерии качества» изменений, вносимых в уголовно-процессуальный закон // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 209–212.

9. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М. : Иностранная литература, 1950. 292 с.

Сопнева Е. В.[1],
кандидат юридических наук, доцент

НАПРАВЛЕННОСТЬ ПОЗНАНИЯ ПОДОЗРЕНИЯ

В нормативном уголовном процессе имеется несколько упоминаний о подозрении. Среди них – дача объяснений и показаний по поводу имеющегося в отношении подозреваемого подозрения (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), разъяснение существа подозрения (ч. 3 ст. 103 УПК РФ), проверка сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретного лица (ч. 2 ст. 148 УПК РФ), уведомление о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1. УПК РФ). В свою очередь, практический уголовный процесс дополнительно использует иные проявления подозрения, например, «обоснованность подозрения» как условие заключения под стражу [1; 2], «выдвижение подозрения» как фактор признания подозреваемым [3; 4]. При этом в учебном уголовном процессе наблюдается отсутствие каких-либо разъяснений приведенных, а равно иных черт подозрения, что подтверждается изучением учебников как основных источников знаний правоприменителей.

Полагаем, что формирование, реализация названных, и других характеристик подозрения происходит при получении знаний об обстоятельствах этого явления. Нормативной основой их понимания является ст. 73 УПК РФ, содержащая перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а теоретической базой служат учебники, их развивающие. Однако понимание подозрения как самостоятельной категории, обладающей спецификой, влечет внесение корректив в ординарный подход. Считаем, что для обеспечения теоретических нужд рассматриваемого явления, допустимо оперировать такой характеристикой как предмет установления подозрения. Этот элемент понятийного аппарата представляется нами как общий перечень обстоятельств, подлежащих выяснению для формирования подозрения. Употребление устоявшихся законодательно-учебных категорий уголовного процесса в виде обстоятельств и предмета призвано облегчить понимание предлагаемого качества, поскольку позволит использовать имеющиеся апробированные предписания. При этом мы сознательно «уходим» от употребления термина «доказывание», тем самым показывая, что формирование подозрения происходит в более широком диапазоне познания, чем этот процесс, и влечет употребление соответствующих ресурсов. Обращение к слову «установление», означающему поставить надлежащим образом, ввести в действие, выяснить вполне уместно, поскольку показывает расширение познавательной деятельности, и вместе с тем, содержит указание на необходимость использования имеющегося порядка. Такой подход объясняется тем, что подозрение – это многоотраслевое явление, а также начальная и первичная категория в системе уголовного преследования, что позволяет употреблять внешние (например, оперативно-розыскные, административные, полицейские), и внутренние средства познавательного процесса.

---

[1] © Сопнева Е. В., 2023.

Концентрация мысли и действий на обстоятельствах подозрения оправдывается их значимостью. Предмет установления подозрения полезен для правоприменителя как база реализации различных требований закона, понимания текущих и последующих факторов, определения спектра используемых следственных действий и иных средств, правильной организации познания. Например, факт процессуального отсутствия подозреваемого лица не исключает его фактического существования, и проведение мероприятий, направленных на установление общего перечня обстоятельств лица.

На этом фоне целесообразно понять специфику обстоятельств подозрения. Соответствующие ориентиры имеются в уголовно-процессуальном законе, актах высших судебных органов России, высказываниях ученых. Обзор нормативных предписаний, адресованных подозрению (пп. 11, 15 ст. 5, ст.ст. 46, 91, п. 1 ч. 1 ст. 94, ч. 3 ст. 103, ч. 3 ст. 104, ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 148, ст. 223.1 УПК РФ), показывает, что в них идет речь о преступлении, лице, причастности к преступлению или совершении преступления. Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению (п. 2) [5]. На стадии возбуждения дела проверяется достаточность имеющихся признаков для возникновения подозрений в совершении нарушения … [6, с. 52]. Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что активная роль в совершении преступления может иметь значение формы соучастия и в качестве этого квалифицирующего признака быть неотъемлемой частью подозрения [7]. Подозрение в совершении преступления должно основываться лишь на положениях уголовного закона, определяющих преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, закрепляющего все признаки состава преступления [8]. К числу выявляемых факторов процессуалисты относят сведения о событии преступления, характере и размере вреда, данные о лице, которое должно быть привлечено в качестве подозреваемого [9, с. 18, 35–36], событие преступления, совершение преступных действий лицом, его причастность к преступлению, виновный характер преступных действий [10, с. 32–33].

Обобщение приведенных тезисов позволяет сделать вывод, что для формирования подозрения необходимы три группы обстоятельств: преступления, лица, причастности лица к преступлению. Такие факторы подлежат детализации в пределах потребностей отдельных проявлений подозрения. Применительно к обстоятельствам преступления выясняются, например, время, место. В части обстоятельств лица познаются, например, возраст, должность, пол, роль. Причинно-следственная связь между деянием и последствиями указывает на обстоятельства причастности лица к преступлению. Такие параметры подтверждаются посредством получения объективных оснований-данных (доказательств), содержащих, например, фамилию, имя, отчество лица, число, месяц и год его рождения [11, с. 61–66].

Для формирования и реализации того или иного проявления подозрения, например, существа подозрения для разъяснения личному поручителю, обоснованного подозрения для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, уведомления о подозрении для вручения лицу, происходит отбор

из общего перечня обстоятельств тех, которые позволяют выполнить предписание закона. При этом наблюдается вариантность использования обстоятельств: минимизация, расширение, детализация. Такой подход вполне объективен по ряду причин. С одной стороны, востребованные проявления подозрения имеют отличающееся назначение, вовлекают разных участников и, соответственно, имеют разное наполнение обстоятельствами. Кроме того, усиление проявления подозрения, например, по степени ограничения прав и свобод граждан, влечет увеличение количества и качества обстоятельств, познавательной деятельности, круга проводимых мероприятий, информационного поля. Однако во всех случаях фундаментом их реализации служит подозрение как комплекс публично выдвинутых и обоснованных индивидуальных или групповых предположений о преступлении, лице, причастности лица к преступлению. С другой стороны, запрос на реализацию тех или иных проявлений подозрения возникает по мере развития уголовно-процессуальной деятельности, естественного перехода от одних этапа и стадии к другим. Такая ситуация предоставляет подозрению разные возможности, в том числе по кругу процессуальных, следственных и иных ресурсов.

На наш взгляд, минимальный перечень обстоятельств выясняется в начале уголовного процесса, когда формируются такие проявления подозрения как проверка сообщения о преступлении, задержание лица. Здесь отсутствует возможность проводить все следственные действия, реализовывать все элементы процесса доказывания, получать совокупность доказательств, выяснять все обстоятельства преступления и лица. Однако естественное движение уголовного судопроизводства создает потребность использования новых проявлений подозрения, и, соответственно, расширения и уточнения употребляемого перечня обстоятельств. Например, в этом нуждается формулирование обоснованного подозрения в причастности лица к преступлению, и тогда происходит увеличение средств, информационной базы. Рассуждая об обоснованности подозрения суды, отмечают, что в числе выявляемых обстоятельств: совершение лицом преступления или наличие такой возможности, перечень которых может быть расширен. И, отказывая в удовлетворении заявленного ходатайства, суды называют среди недостатков отсутствие достаточных обстоятельств [12]. В дальнейшем при формулировании уведомления о подозрении могут быть использованы все средства уголовного процесса. Здесь дознаватель устанавливает не только расширенный по отношению к иным проявлениям подозрения, но и максимальный перечень обстоятельств, использует более широкий спектр ресурсов, в том числе следственных действий, реализует все элементы процесса доказывания, получает совокупность доказательств. В частности, выясняется фамилия, имя и отчество подозреваемого, число, месяц, год и место его рождения; место, время совершения преступления, а также другие обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с пп. 1 и 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ (способ совершения преступления, характер и размер вреда, причиненного преступлением).

Таким образом, формирование и реализация подозрения проходит на фоне ограничения общего перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. При этом обобщение нормативных предписаний позволяет гово-

рить о том, что из предмета установления подозрения выводится ряд факторов. В их числе: виновность лица в совершении преступления (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие и отягчающие ответственность, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, а также другие (пп. 5–8 ч. 1, ч. 2 ст. 73 УПК РФ). Они используются в сфере принятия итоговых решений, формирования ответственности и востребованы в рамках обвинения. Отметим, что законодатель определяет обвинение как утверждение о совершении определенным лицом деяния … (п. 22 ст. 5 УПК РФ). Такое процессуальное утверждение формируется при наличии системообразующих факторов – это проведение полно элементного процесса доказывания, получение достаточных доказательств, установление всех заявленных в законе обстоятельств. Применительно к предмету доказывания обвинения требуется выяснение более широкого перечня обстоятельств, а именно, указанных в ст.ст. 171, 220, 225, 226.7 УПК РФ.

Полагаем, что подозрение как предположение и обвинение как утверждение характеризуются разными (уменьшенным или увеличенным) ресурсным обеспечением, уровнем аргументации, последствиями. Предмет установления подозрения и предмет доказывания обвинения совпадают качественно, поскольку базируются на едином предмете доказывания по уголовно-процессуальному производству, но отличаются количественно, так как для формирования и реализации предположения допустимы ограниченные параметры.

Приведенные характеристики предмета установления подозрения проявляют и черты соответствующего познавательного процесса. Познание подозрения – это традиционно-специфический путь. В рамках обычного подхода используется единство уголовно-процессуального познания. Особенности объясняются, в числе прочего, пониманием подозрения, его направленностью, стадийными и этапными возможностями формирования и реализации отдельного проявления и потенциально ограничены. Познание подозрения направлено на подтверждение или опровержение наличия, или отсутствия одного, нескольких, всех обстоятельств, подлежащих установлению для его формирования и реализации. Количественная и качественная вариантность (уменьшение, расширение, детализация) используемых обстоятельств обусловлена запросами отдельного проявления подозрения, этапными и стадийными возможностями его формирования и реализации. Познание обстоятельств подозрения происходит на фоне суженной направленности и употребления ограниченных ресурсов.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 233-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А. Э. Крючкова на нарушение его конституционных прав статьями 108 и 109 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/-online.cgi?req=doc&base=ARB&n=528816#Tkx4MVTTpPXVJ7e4.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2018 г. № 876-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина

Э. А. Шилинцева на нарушение его конституционных прав частью восьмой.1 статьи 109 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=538585#HRL5MVTy0TtckUo.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27705/.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2005 г. № 305-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Е. В. Рассказова на нарушение его конституционных прав положениями части восьмой статьи 42 и статьи 45 УПК РФ» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/1354539/.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенные действий» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371986/.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2018 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294013/.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2013 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 УК РФ, части второй статьи 24, части 2 статьи 27, части четвертой статьи 212 УПК РФ в связи с жалобами граждан С. А. Боровкова и Н. И. Морозова» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154588/.

9. Церковный Ю. В. Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания : автореф. дис. …канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2011.

10. Петров И. В. Теоретические и практические аспекты подозрения в уголовном процессе России : автореф. дис. …канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2012.

11. Сопнева Е. В. Субъективные и объективные основания подозрения лица (актуализация идей Л. М. Карнеевой) // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : Международная научно-практическая конференция, 12 ноября 2021 г.: сборник научных трудов / [под ред. О. В. Химичевой]. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. С. 61–66.

12. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211320/.

Сычев П. Г.[1],
профессор кафедры управления органами
расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОЛИТИКА DOING BUSINESS ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Федеральный закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерацию» в первую из названных статей ввел часть 1^3 о том, что поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 198–199^2 УК РФ, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Из чч. 7–9 ст. 144 УПК РФ изъято упоминание налогового органа, а из перечня статей УК РФ, на которые распространялась установленная ими процессуальная особенность, изъяты все налоговые преступления (те же ст.ст. 198–199^2 УК РФ).

Итак, законодатель продолжил тренд, направленный на реализацию в уголовном судопроизводстве государственной политики *Doing Business*, т. е. создание для предпринимателей особого, максимально либерального процессуального режима в случае их привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере экономической и предпринимательской деятельности, о чем неоднократно писал как автор настоящей статьи [8; 9; 10], так и другие ученые [2, с. 34, 42; 3, с. 127–133; 5; 7]. Нетрудно увидеть во внесенной в ст. 140 УПК РФ ч. 1^3 реинкарнацию уже вводившейся в декабре 2011 г. ч. 1^1, утратившей силу через три года, в октябре 2014 г.

Критических замечаний в тот период было более чем достаточно. Так, доцент Д. П. Чекулаев указывал: «Ошибочность такого подхода стала очевидной очень быстро. Задачей налоговых органов не является выявление преступлений. Налоговые органы не относятся к числу органов дознания, не имеют полномочий на проведение оперативно-разыскной деятельности (в том числе по выявлению преступлений с помощью негласных методов и средств). …После трехлетнего эксперимента законодатель исключил специальный повод (специальный порядок) возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям, вернув следователю право на возбуждение уголовного дела в общем порядке» [4, с. 596; 1; 6].

Однако недолго пришлось предаваться эйфории по поводу восстановления принципа публичности в этой части, поскольку законодателю было угодно снова войти в ту же воду и вернуть особый исключительный повод для возбужде-

[1] © Сычев П. Г., 2023.

ния уголовных дел о налоговых преступлениях. Критические замечания следует считать имеющими силу.

Годом ранее в УПК РФ внесена еще одна новация: 24 марта 2021 г. принят Федеральный закон № 57-ФЗ «О внесении изменений в статьи 81^1 и 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому из данных норм исключена фраза «если эти преступлениях совершены в сфере предпринимательской деятельности» и вместо них внесена формулировка «если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности».

Малозначительные на первый взгляд «уточнения» уголовно-процессуальных норм на самом деле имеют принципиальное значение.

С этого момента в УПК РФ нет больше формулировки «преступления в сфере предпринимательской деятельности». В 2019 г. она исключена из ч. 1^1 ст. 108 УПК РФ (запрет заключения под стражу), вместо нее введена первоначально возникшее в ч. 3 ст. 20 УПК РФ (уголовные дела частно-публичного обвинения) перечисление всех возможных статусов предпринимателей начиная от индивидуальных предпринимателей (ИП) и заканчивая членами органов управления коммерческой организации. В конечном итоге в абз. 2 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» от 15 ноября 2016 г. № 48 дана их исчерпывающая характеристика.

Напрашивается ряд комментариев.

Во-первых, подвергшаяся изменениям ст. 81^1 УПК РФ называется «Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях *в сфере экономики*», т. е., из буквального толкования названия данной нормы следует, что она охватывает статьи всего раздела VIII УК РФ, в котором и преступления против собственности (гл. 21), и преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22), и преступления против порядка управления в коммерческих организациях (гл. 23). Следовательно, особый процессуальный режим признания предметов и документов вещественными доказательствами распространяется на производство по уголовным делам о кражах, грабежах, разбоях, вымогательства и др. Однако постатейный перечень норм УК РФ в ч. 1 данной статьи это опровергает, там совершенно другой набор статей, т. е. название попросту не соответствует содержанию нормы. Разработчиков законодательных новаций это нисколько не смутило.

Во-вторых, использование термина «члены органов управления» исключает значительную часть предпринимателей из сферы действия особого процессуального режима. Дело в том, что ст. 91 ГК РФ и ст. 32 Федерального закона

«Об обществах с ограниченной ответственностью» называют общее собрание участников высшим органом общества, слово «*управления*» не употребляя, т. е., при буквальном толковании уголовно-процессуального закона во взаимосвязи с законодательством о юридических лицах, в отношении участника общества с ограниченной ответственностью уголовное дело можно возбуждать без заявления потерпевшего, заключать его под стражу можно на общих основаниях, признавать предметы и документы вещественными доказательствами и изымать электронные носители информации можно без особых ограничений. Иными словами, вести уголовное судопроизводство в общем порядке.

Что касается разграничения имущества на используемое и не используемое в предпринимательской деятельности, то в п. 4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 1996 г. № 20-П указано следующее: «Юридическое лицо, в отличие от гражданина – физического лица, имеет обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам именно этим имуществом. Гражданин же (в случае, если он является индивидуальным предпринимателем без образования юридического лица) использует свое имущество не только для занятия предпринимательской деятельностью, но и в качестве собственно личного имущества, необходимого для осуществления неотчуждаемых прав и свобод. Имущество гражданина в этом случае юридически не разграничено». Цивилисты поддерживают такую позицию Конституционного Суда Российской Федерации [12; 13].

Однако разработчики законопроектов подобного рода оказались «впереди планеты всей» в части разграничения имущества индивидуальных предпринимателей. Либо в очередной раз проявилась их юридическая неграмотность и игнорирование концептуальных положений гражданского законодательства.

Что означает это решение законодателя об исключении из УПК РФ термина «преступления в сфере предпринимательской деятельности» в концептуальном смысле? Пленум Верховного Суда Российской Федерации в вышеупомянутом постановлении от 15 ноября 2016 г. № 48 предметом своего рассмотрения определил производство по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Совокупность процессуальных норм в п. 1 данного Постановления весьма скромно названа «особенностями», хотя по всем характеристикам очевидно, что это новая дифференциация уголовного судопроизводства [8, с. 123]. При этом поскольку Верховный Суд Российской Федерации говорит об отдельном виде преступлений, дифференциацию следует понимать, как видовую.

В этом есть определенная политическая целесообразность, так как если определить особенности производства в отношении отдельной категории граждан, выделив их по социально-профессиональным признакам, это будет означать установление неравенства в уголовном судопроизводстве на институциональном уровне. Это прямое нарушение принципа равенства всех перед законом и судом, установленного в ч. 1 ст. 19 Конституции России. Верховный Суд Российской Федерации от этого ушел.

С принятием Федерального закона № 57-ФЗ исключением формулы «если преступление совершено в сфере предпринимательской деятельности» и введе-

нием определения всех возможных статусов предпринимателей сделан решительный шаг в направлении субъектной дифференциации. Теперь уже следует вести речь о производстве по делам *solum* в отношении индивидуальных предпринимателей или членов органа управления коммерческой организации.

Таким образом, формирование в уголовно-процессуальном законодательстве привилегированной «касты» предпринимателей продолжается, а условия привлечения их к уголовной ответственности для правоохранительных органов все больше и больше усложняются.

Тенденция по расширению перечня статей УК РФ, на которые распространяются процессуальные особенности производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности, действует весь период существования данной дифференциации, начиная с 2009 г., когда в УПК РФ впервые были внесены особые правила прекращения уголовного преследования по делам о налоговых преступлениях и запрет на заключение под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в таких преступлениях. Затем эти правила распространились на дела о преступлениях в сфере экономической деятельности, на другие преступления с оговоркой «если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности», и с тех пор эти перечни (они названы материально-правовой базой дифференциации) расширяются и расширяются. Эта тенденция очень тактично названа «уточнение персонального критерия» [11, с. 22].

На этот раз Федеральным законом № 57-ФЗ перечень статей УК РФ, на которые распространяются процессуальные особенности ст. 81^1 и ч. 4^1 ст. 164 УПК РФ, дополнены ст. 201 УК РФ.

Весьма удивительно, насколько разработчики законопроекта не осведомлены о правоприменительной практике. Данная статья предусматривает уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями в коммерческой организации и по популярности занимает одно из лидирующих мест среди преступления, которые инкриминируют предпринимателям. Потребовалось 13 лет для того, чтобы одна из самых «опасных» для предпринимателей (главным образом единоличных исполнительных органов, которые в данной норме называются руководителями коммерческих организаций) уголовно-правовых норм окончательно вписалась в материально-правовую базу дифференцированного уголовно-процессуального производства.

Тенденции как по «уточнению персонального критерия», так и по углублению дифференциации в целом продолжаются.

По итогам прошедшего в июне 2022 г. XXV Петербургского международного экономического форума Президент России В. В. Путин дал поручение Правительству Российской Федерации совместно с Верховным Судом обеспечить внесение в законодательство изменений, предусматривающих полную или частичную декриминализацию отдельных деяний в сфере предпринимательской деятельности (в том числе связанных с осуществлением предпринимательской деятельности без регистрации, лицензии или аккредитации), за совершение которых не предусмотрена или не применяется ответственность в виде лишения свободы, а также пересмотр в отношении преступлений экономической направленности оснований для заключения под стражу субъектов предпринимательской

ской деятельности и членов органов управления коммерческих организаций, для продления срока их содержания под стражей и производства предварительного следствия, а также приоритетное избрание в отношении указанных лиц иных мер пресечения в целях обеспечения возможности продолжения ими предпринимательской деятельности.

Во исполнение данного поручения в Министерстве юстиции Российской Федерации разработан законопроект, предусматривающий внесение изменений в УПК РФ, в который заложено много либеральных процессуальных идей, и все они направлены на углубление и расширение процессуальных привилегий предпринимателей, попавших в уже не очень «цепкие лапы» уголовного судопроизводства в качестве подозреваемых или обвиняемых.

Прежде всего, авторы проекта предлагают разделить преступления на две категории. Первая – это тяжкие преступления, вторая – преступления небольшой и средней тяжести. При совершении предпринимателем тяжких преступлений, перечисленных в ч. 1^1 ст. 108 УПК РФ, ему можно избрать в качестве меры пресечения заключение под стражу во всех четырех случаях, перечисленных выше, в части первой: подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории РФ, его личность не установлена, им нарушена ранее избранная мера пресечения или он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Во втором случае, т. е. при совершении преступлений небольшой или средней тяжести (соответственно ч. 1^2 указанной статьи) такая мера может быть избрана только в случаях, когда предпринимателем нарушена мера пресечения или он скрылся.

Сам по себе подход в виде дифференциации преступлений по категориям вызывает одобрение, однако возникает закономерный вопрос: а что делать правоохранительным органам, если личность подозреваемого или обвиняемого предпринимателя не установлена? Отпустить его на все четыре стороны? Если же у него нет постоянного места жительства в России, то ему нельзя избрать ни подписку о невыезде, ни домашний арест, поскольку ему находиться попросту негде. Снимать жилое помещение или номер в гостинице может быть не по карману предпринимателю, и по той же причине он не сможет внести залог. Обязательство о явке также теряет смысл, поскольку повестку для этой самой явки ему направить некуда.

Вторая идея законопроекта заключается во введении в процедуру возбуждения ходатайства о заключении предпринимателя под стражу процессуальной особенности в виде согласия прокурора.

Прежде всего, следует отметить, что в следственных органах и судах сложилась однозначная практика рассмотрения ходатайств о заключении под стражу – прокурор не просто дает согласие, а готовит специальный документ, подтверждающий законность применения такой меры пресечения к обвиняемому или подозреваемому, называемый по стечению обстоятельств тоже «заключение». Без такого документа шансы на удовлетворение в суде ходатайства следствия стремятся к нулю.

По всей видимости, у разработчиков проекта вызывают ностальгию времена, когда прокурор давал согласие на многие процессуальные действия в ходе предварительного следствия, начиная от возбуждения уголовного дела и заканчивая его прекращением. Принимая во внимание, что следственными органами срок следствия продлевается у своих руководителей всех уровней как минимум по 30% уголовных дел, направляемых в суд (это колеблется в переделах от ста до полутора сотен тысяч дел), не стоит ли предложить вернуть прокурорам право продления срока следствия?

Разработчики проекта также предлагают, дифференцируя преступления, как выше упомянуто, на тяжкие (перечисленные в ч. 1^1 ст. 108 УПК РФ) и средней и небольшой тяжести (ч. 1^2 той же статьи), разрешить продление срока под стражей содержания свыше 6 месяцев обвиняемого или подозреваемого только по первой категории преступлений. Однако это и так является общим правилом для продления срока содержания под стражей всех обвиняемых и подозреваемых, равно как и продление этого срока свыше одного года только по особо тяжким преступлениям. Что своим предложением хотели сказать проектировщики, автор настоящей статьи так и не смог понять из текста проекта федерального закона.

Вероятно, нет смысла переписывать все «новации» данного законопроекта, все они заслуживают критики с любых позиций, как чисто теоретических, так и практических.

А пока стоит обратиться к объективному показателю, такому как статистика. Как следует из отчета о работе судов общей юрисдикции, в 2016 г. судами удовлетворено 121,8 тыс. ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемых по всем видам преступлений всех степеней тяжести, из них в порядке ч. 1^1 ст. 108 УПК РФ – 533 ходатайства, что составляет 0,44 % от общего количества заключенных под стражу. В 2019 г. это соотношение составило 94,6 тыс. к 87 (0,09%), а в 2021 г. – 87,9 тыс. к 151 (0,17 %) [14]. Иными словами, заключенных под стражу предпринимателей в 2016 г. было в 200 раз меньше, чем обычных граждан, 2019 г. – в 1 тыс. раз меньше, а в 2021 г. – в 500 раз.

Преследуя благую цель защиты предпринимателей от необоснованного привлечения к уголовной ответственности, не стоит в сотый раз идти по разбитой вдребезги дороге многократного переписывания многострадальной ч. 1^1 ст. 108 УПК РФ. Следует задуматься над системной дифференциацией данного производства на строго научной основе, разумно сочетая нормы-гарантии с нормами, повышающими эффективность уголовного процесса в тех случаях, когда совершены особо опасные преступления, посягающие на экономическую безопасность России.

Список литературы

1. Аширбекова М. Т., Омарова А. С. О новом «налоговом» поводе к возбуждению уголовного дела // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 41–43.

2. Головко Л. В. Два направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: crime control и doing business // Закон. 2015. № 8. С. 32–45.

3. Кадников Н. Г. К вопросу о том, «кошмарят» ли бизнес в России // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 127–133.

4. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян [и др.] ; под ред. Л. В. Головко. М. : Статут, 2016.

5. Панфилов П. О. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : дисс. … канд. юрид. наук. М., 2019.

6. Парфенова М. В., Великая Е. В. Сложности выявления и расследования преступлений в сфере налогообложения // Законность. 2013. № 3. С. 42–46.

7. Попова Л. В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2019.

8. Сычев П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : монография. М. : Юрлитинформ, 2020.

9. Сычев П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: дифференциация по предмету или субъекту? // Закон. 2020. № 2. С. 132–140.

Фадеев П. В.[1],
профессор кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ОБЩИХ УСЛОВИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Общие условия предварительного расследования представляют собой существенные положения, закрепленные в нормах уголовно-процессуального закона и определяющие порядок процессуальной деятельности по уголовному делу. Они не только обеспечивают реализацию принципов уголовного судопроизводства, но и выполняют роль концептуальных положений (принципов) предварительного расследования.

В уголовном судопроизводстве России и других стран [7; 8] общие условия образуют самостоятельную систему правовых норм и выделены в отдельные главы. В качестве основы для формирования базовых положений, определяющих общие условия, следует назвать гл. 30 Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств [4].

Кроме того, содержание общих условий предварительного расследования зависит, во-первых, от социально-экономического, политического, исторического развития любой страны и устоявшихся тенденций в науке и практике уголовного судопроизводства; во-вторых, от подхода ученых и практиков к формированию системы общих условий предварительного расследования.

Однако исследование показывает, что содержание и количество положений об общих условиях в различных странах существенно различаются. При этом отличия могут быть связаны не только с формой расследования и особенностями уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве, но и с отношением к формированию существенных положений.

Например, в российской науке уголовно-процессуального права отсутствует единство мнений по этому вопросу [2, с. 647; 9, с. 304], классификация общих условий осуществляется на основании «правовой сущности условий» [5, с. 334–335], «исходя из их предназначения» [6, с. 134–135]. Анализ показывает, что указанные основания в целом схожи по своему смыслу, но существенно различаются между собой по выделенным видам общих условий и содержанию общих условий в этих видах.

На наш взгляд, формирование системы общих условий предварительного расследования целесообразно проводить на основании комплексного подхода, который охватывает понимание сущности общих условий, их пределы и условия включения в самостоятельную систему норм уголовно-процессуального закона, а также основания (критерии), необходимые для определения основных

[1] © Фадеев П. В., 2023.

видов (направлений) общих условий и пути совершенствования законодательства в этой сфере.

Исследование показывает, что комплексный подход к формированию системы общих условий предварительного расследования заключается в анализе различных положений уголовно-процессуального закона с точки зрения:

1) сущности общих условий;

2) условий применения общих условий;

3) критериев (оснований) систематизации и классификации общих условий.

Сущность общих условий предварительного расследования обусловливают их существенные признаки, выработанные наукой уголовно-процессуального права [1, с. 12; 9, с. 304]. Следует отметить, что сущность общих условий предварительного расследования в различных странах в целом понимается одинаково.

Границы системы общих условий предварительного расследования, по нашему мнению, формируют условия их применения, которые определяют место (статус) общих условий, их характерные черты в системе не только принципов уголовного судопроизводства, отдельных глав и разделов уголовно-процессуального закона, но и различных правовых институтов уголовного судопроизводства, базовых средств и методов, используемых в производстве по уголовному делу.

В основе определения таких границ целесообразно использовать концептуальные условия (концепты) формирования системы общих условий, которые могут выступать методологическими установками, направленными на создание сбалансированной системы взаимосвязанных положений (принципов), имеющих ведущее и принципиальное значение для досудебного производства в целом и предварительного расследования, в частности [11, с. 11].

Вместе с тем такие условия (концепты) формирования общих условий досудебного производства имеют крайне широкий уровень обобщения и, соответственно, реализации, не позволяющей конкретизировать содержание общих условий, а также определить пределы формирования их системы.

В этой связи совместно с условиями (концептами) формирования системы общих условий, представляется целесообразным использовать условия (признаки) формирования примерного перечня общих условий. Следует отметить, что указанные в литературе условия (признаки) формирования системы общих условий, в целом объясняют наличие в отдельных странах положений, регламентирующих, во-первых, полномочия следственных органов, органов суда и прокуратуры в досудебном производстве; во-вторых, наличие некоторых процессуальных сроков (сроков расследования, содержания под стражей и др.); в-третьих, указание отдельных процессуальных средств, используемых при расследовании преступлений (поручение, протокол, участие понятых) [3, с. 26–27].

Содержание общих условий предварительного расследования целесообразно формировать с учетом различных критериев (оснований) их систематизации и классификации, которые определяют не только конкретный перечень требований (правил) о производстве по уголовному делу, но и их различные виды, а также возможности для дальнейшего совершенствования.

Например, в УПК РФ не предусмотрен самостоятельный вид общих условий, определяющий полномочия органов, осуществляющих уголовное судо-

производство на досудебных стадиях. Однако такие полномочия, предусмотрены, в нормах уголовно-процессуального закона Республики Казахстан (полномочия прокурора в ходе досудебного расследования – ст. 193, полномочия руководителя группы – ст. 195, деятельность органов дознания по делам, по которым осуществляется предварительное следствие – ст. 196).

На наш взгляд, представляется целесообразном выделить следующие основания систематизации и классификации положений об общих условиях предварительного расследования. К ним относятся:

1) единообразный порядок уголовно-процессуальной деятельности по уголовному делу с момента приема заявления (сообщения) о преступлении до поступления уголовного дела в суд. К ним следует отнести положения, которые определяет специфику предварительного расследования, в том числе и формы расследования (подследственность, место, начало производства предварительного расследования; срок предварительного следствия; и др.);

2) единообразный порядок производства следственных действий и принятия процессуальных решений при расследовании преступлений (общие правила производства следственных действий, удостоверение факта отказа от подписи или невозможности подписания протокола следственного действия, участие специалиста, переводчика, понятых). Следует отметить, что в данный перечень общих условий могут быть включены следующие положения: постановления, выносимые в ходе досудебного расследования (ст. 198 УПК Республики Казахстан); представление об устранении нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления (ст. 199 УПК Республики Беларусь);

4) 3) полномочия органов и должностных лиц в досудебном производстве (производство предварительного расследования следственной группой, производство неотложных следственных действий). Кроме того, целесообразно включить полномочия прокурора в ходе досудебного производства (ст. 193 УПК Республики Казахстан);

5) наличие базовых средств и методов, обеспечивающих реализацию назначения уголовного судопроизводств (обязательность рассмотрения ходатайств; недопустимость разглашения данных предварительного следствия; меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого и обвиняемого, и меры по обеспечению сохранности его имущества; меры по обеспечению гражданского иска; судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия). Следует отметить, что обязательность разъяснения и обеспечения прав участникам следственного действия (ст. 195 УПК Республики Беларусь) актуально для всех стран [10, с. 38–39].

Таким образом, комплексный подход к формированию системы общих условий предварительного расследования предусматривает совокупность различных оснований, определяющих их сущность и содержание, а также обуславливает положения, во-первых, имеющих менее выраженный статус по сравнению с принципами уголовного судопроизводства и предварительного расследования; во-вторых, обобщающих базовые положения различных правовых институтов и разделов уголовного судопроизводства; в-третьих, устанавливающих пределы и порядок производства по уголовному делу; в-четвертых, определяющих базо-

вые особенности деятельности органов предварительного расследования, применяющих государственно-властные средства и методы при расследовании преступлений в досудебном производстве; в-пятых, обеспечивающих реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Артамонов А. Н., Сафронов Д. М. Общие условия предварительного расследования : учебное пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2009.

2. Курс уголовного процесса : учебник / А. А. Арутюнян [и др.] ; под ред. Л. В. Головко. М. : Статут, 2016.

3. Мигушин К. И. Досудебное производство как стадия современного уголовного процесса россии: теоретические и прикладные аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004.

4. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. (ред. от 29.11.2013) // АО «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/901914840.

5. Суслович Е. В. Проблема института общих условий предварительного расследования в современном уголовном процессе // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции СПб., 2018. С. 334–337.

6. Трынко Д. С. О некоторых проблемах законодательной регламентации современной системы общих условий предварительного расследования // Вопросы взаимодействия следственных и иных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации : материалы Межведомственной научно-практической конференции. М., 2019. С. 132–136.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З // Сайт «Online zakon». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. от 12.09.2022) // Сайт «Online zakon». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852.

9. Уголовный процесс : учебник / коллектив авторов ; под ред. В. А. Лазаревой. М. : Юстиция, 2015. 615 с.

10. Фадеев П. В. Правовая помощь участникам уголовного судопроизводства: теоретические и правовые основы, перспективы совершенствования : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2021. 50 с.

11. Шайхулов Р. Р. Общие (принципиальные) условия досудебного производства : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 27 с.

Чан Нгок Минь[1],
профессор юридического факультета
Академии народной безопасности
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам

Нгуен Тхи Льен Хыонг[2],
доцент юридического факультета
Академии народной безопасности
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам

ФУНКЦИЯ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ВЬЕТНАМА

Функции уголовного процесса являются одними из основных элементов уголовно-процессуальной системы. В настоящее время в науке сложилось достаточно противоречивые суждения относительно понимания функций, в частности, в вопросах понимания видов функций, их роли и объемах. В этой связи необходимо установить анализ данных вопросов позволит разрешить как теоретические, так и практические проблемы уголовного судопроизводства.

Как представляется, «уголовно-процессуальные функции – это виды (или формы) деятельности, имеющие определенную направленность, предусмотренную уголовно-процессуальным законодательством, присущая определенным субъектам, обеспечивая достижение поставленных процессуальных целей».

В науке уголовно-процессуального права выделяют следующие основные виды уголовно-процессуальных функций: функция обвинения, функция защиты и функция разрешения дела. Функция обвинения является, как представляется, является основной по отношению к другим, поскольку от действий субъектов, выполняющих указанную функцию, напрямую зависят действия участников уголовного судопроизводства, обеспечивающих защиту и разрешение дела по существу.

Хоанг Тхи Минь Сон полагает, что обвинительная функция – это форма уголовно-процессуальной деятельности, возникающая с момента начала уголовного преследования (ареста, задержания, привлечения в качестве обвиняемого), осуществляемая прокуратурой для привлечения виновных к уголовной ответственности в соответствии с законом [2, с. 22].

Анализ указанного подхода позволяет сделать вывод о том, что функция обвинения проявляется в определенных видах деятельности, осуществляемых уполномоченными субъектами. Эта функция проявляется с момента начала уголовного преследования, что, на наш взгляд, является совершенно справедливым. С другой стороны, автор указал на определенных субъектов, реализующих функции обвинения, в частности, прокуроров, что не в полной мере соот-

---

[1] © Чан Нгок Минь, 2023.
[2] © Нгуен Тхи Льен Хыонг, 2023.

ветствует действительности. Так, совокупностью правовых полномочий, предусмотренных законом, по собиранию доказательств в целях уголовного преследования выполняют и следственные органы, а также органы, которым поручено производство отдельных следственных действий.

Существует и другая точка зрения, согласно которой обвинительная уголовно-процессуальная функция всегда направлена на конкретное лицо и по сути является деятельностью по уголовному преследованию лица, совершившего преступление. Обвинитель (орган, выполняющий функцию обвинения) выдвигает обвинение против конкретных лиц и представляет конкретные доказательства этого обвинения. В этой связи объем функции обвинения неотделим от объема предоставленных законодательством прав на уголовное преследование [3].

В соответствии с вьетнамским законодательством функция обвинения реализуется по-прежнему государственными органами, однако отдельными права в указанной сфере обладают и негосударственные субъекты. Таким образом, уголовное преследование и функция обвинения не являются идентичными понятиями.

По нашему мнению, для того, чтобы дать полное определение функции обвинения в уголовном процессе, необходимо опираться на следующие аргументы.

Во-первых, необходимо рассматривать в целом концепцию процессуальной функции, определяющей основные направления деятельности субъектов.

Во-вторых, субъектами, реализующими функцию обвинения, являются не только сотрудники прокуратуры, но и другие участники уголовного судопроизводства.

В-третьих, обвинительная функция представляет собой синтез деятельности субъектов судопроизводства по привлечению лица к уголовной ответственности за совершенное им преступление и обвинению лица в преступных действиях в суде.

В-четвертых, функция обвинения осуществляется в определенных пределах и осуществляется на протяжении всего производства по уголовному делу с момента поступления в компетентные органы обращения до момента вынесения судом решения, вступающего в законную силу, либо до момента принятия решения о прекращении уголовного преследования в соответствии с законом.

Обобщая вышеизложенный анализ, представляется возможным выделить следующее понятие функции обвинения*:* «Функция обвинения – это форма направления уголовно-процессуальной деятельности, направленная на привлечение лица к уголовной ответственности, реализуемая поэтапно в зависимости от этапа производства по уголовному делу для обеспечения достижения поставленных процессуальных целей».

Таким образом, несмотря на то, что в настоящее время понятие обвинительной функции в уголовном судопроизводстве не является новым понятием для уголовно-процессуальной науки, отсутствует однозначное понимание его сущности. Анализируя, сравнивая и противопоставляя сложившиеся в науке определения обвинительной функции в уголовном судопроизводстве Вьетнама, авторы привели аргументы в пользу построения концепции обвинительной функции в уголов-

ном процессе как основы для изучения теоретических и практических вопросов деятельности отдельных участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Хоанг Тхи Мин Сон. Понятие, положение, роль, смысл функции уголовного правосудия // Функции уголовного судопроизводства в контексте судебной реформы во Вьетнаме сегодня : материалы научной конференции. Академия общественных наук, 2015. С. 348–352.

2. Хоанг Тхи Мин Сон. Концепция, положение, роль и значение функций уголовного правосудия // Функции уголовного судопроизводства в контексте судебной реформы во Вьетнаме сегодня : материалы научной конференции. Академия социальных наук, 2015.

3. Нгуен Мань Хунг. Функции в уголовном судопроизводстве, теоретические и практические вопросы : дис. … д-ра юрид. наук. Академия общественных наук Вьетнама, 2012. С. 157–158.

Чан Тхи Ким Хуен[1],
преподаватель юридического факультета
Народной полицейской академии
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам

Хоанг Ань Туан[2],
преподаватель факультета огневой
и физической подготовки
Народной полицейской академии
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ЗАЯВЛЕНИЮ ПОТЕРПЕВШЕГО ПО УПК ВЬЕТНАМА

Уголовно-процессуальный кодекс Вьетнама предусматривает, что по некоторым преступлениям уголовное преследование может быть начато только по заявлению потерпевшего.

Согласно ст. 155 УПК Вьетнама 2015 г. уголовные дела могут быть возбуждены по заявлению потерпевшего или его представителя (в случае, если потерпевший не достиг возраста 18 лет, либо в силу физических ограничений не может самостоятельно обратиться в правоохранительные органы, либо в случае смерти потерпевшего) [2].

Несмотря на то, что положения закона конкретны и ясны, на практике возникают различные проблемы по разрешению уголовных дел, возбужденных не иначе как по заявлению потерпевшего, вследствие чего практика применения законодательства неединообразна.

Во-первых, нежелание потерпевших сотрудничать с правоохранительными органами. Практика показывает наличие достаточно большого количества уголовных дел, возбуждаемых по факту умышленного причинения вреда. По такой категории уголовных дела органу дознания в обязательном порядке необходимо определить степень вреда здоровью потерпевшего, от которого зависит квалификация преступного деяния. Однако во многих случаях потерпевшие после обращения в правоохранительные органы отказываются от медицинского освидетельствования, что создает трудности при расследовании уголовных дел. Пунктом «б» ч. 2 ст. 127 УПК Вьетнама предусмотрено, что «потерпевший не вправе отказаться от проведения экспертизы по требованию компетентного процессуального органа, за исключением действий непреодолимой силы или объективных препятствий». Однако на практике при сопровождении потерпевшего на освидетельствование, он все равно отказывается от него, поэтому проведение судебно-медицинской экспертизы представляется невозможным. Во-вторых, в случае, если по делу имеются несколько пострадавших, но только

[1] © Чан Тхи Ким Хуен, 2023.
[2] © Хоанг Ань Туан, 2023.

один из них обращается с ходатайством о возбуждении уголовного дела, на практике возникает проблема, являются ли лица, не обратившиеся с заявлением, потерпевшими. Результаты опроса правоприменителей показывают, что одна группа представителей правоохранительных органов считает, что в случае обращения с заявлением о привлечении к уголовной ответственности хотя бы одного потерпевшего, права и законные интересы остальных лиц, пострадавших от преступлений, не могут быть в полной мере защищены. Другие полагают, что пока имеется заявление о возбуждении уголовного дела хотя бы от одного из пострадавших, правоохранительными органами должна обеспечиваться защита всех лиц, пострадавших от преступления. Мы считаем, что при таких обстоятельствах орган предварительного расследования должен возбудить уголовное дело для его расследования и разрешения по существу, действовать в интересах только потерпевших, заявивших о преступлении; в-третьих, возникают ситуации, когда совершается неоднократное количество идентичных преступлений в отношении лиц, которые заявляют в правоохранительные органы лишь о некоторых из них. У правоприменителей возникает вопрос, стоит ли производить расследование по другим преступлениям, заявление о которых в правоохранительные органы не поступило.

Согласно позиции одной из групп правоприменителей, следственный орган осуществляет уголовное преследование всех правонарушителей в целях защиты прав и законных интересов всех пострадавших вне зависимости от их обращения в правоохранительные органы. Другие полагают, что необходимо уважать право потерпевшего на самоопределение, осуществлять преследование только по деяниям, о преследовании по которым ходатайствует пострадавшее лицо.

Как представляется, в данном случае необходимо привлекать к ответственности только за те деяния, о которых ходатайствует потерпевший. Правоохранительные органы не вправе оказывать воздействие на потерпевших в целях склонения к обращению о необходимости преследования по иным деяниям.

В-четвертых, потерпевшие зачастую отзывают свое заявление о возбуждении уголовного дела. Статья 155 УПК Вьетнама не ограничивает право потерпевшего на отзыв заявления о возбуждении уголовного дела в ходе расследования уголовного дела, рассмотрения дела в суде первой. Часть 2 ст. 155 УПК Вьетнама гласит, что «если лицо, обратившееся с заявлением о возбуждении уголовного дела, отказывается от него, дело должно быть прекращено». Основания и порядок прекращения дела при таких обстоятельствах должны соответствовать положениям ч. 1 ст. 230; ч. 1 ст. 248 и ч. 1 ст. 282 УПК Вьетнама. Однако факт отказа от заявления может произойти и на стадии рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции. Такая возможность УПК Вьетнама в настоящее время не предусмотрена. Полагаем, что отзыв заявления возможен до открытия заседания по рассмотрению дела в апелляционном порядке. В этом случае суд должен разъяснить потерпевшему последствия отзыва заявления и направить дело для рассмотрения в суде первой инстанции. Однако, если решение суда первой инстанции уже вступит в законную силу, отсутствует необходимость возвращения уголовного дела для повторного рассмотрения.

В случае, если отзыв заявления произошел во время рассмотрения дела в суде первой инстанции, суд должен исходить из положений ч. 2 ст. 155, п. «г» ч. 1 ст. 355 УПК Вьетнама об отмене приговора суда первой инстанции и прекращении дела. Однако УПК Вьетнама конкретно не предусматривает вопрос об отзыве потерпевшим заявления о привлечении к ответственности в апелляционной стадии, что приводит к невозможности принятия подобных решений.

На основе изучения практики расследования и разрешения уголовных дел, возбуждаемых по заявлению потерпевшего, у авторов имеется ряд предложений и рекомендаций по совершенствованию порядка производства по ним, а именно:

а) компетентный орган должен четко определить обязанности потерпевшего при оценке телесных повреждений; порядок и условия сопровождения потерпевшего на освидетельствование, а также действия в случае отказа потерпевшего от освидетельствования при отсутствии действия непреодолимой силы или объективных препятствий;

б) компетентный орган должен производить расследование только по делам, по которым имеется заявления от пострадавших лиц, вне зависимости от наличия иных потерпевших; производить расследование только по фактам, о которых заявляет потерпевший, вне зависимости от наличия иных противоправных деяний;

в) законодателю следует определить порядок действия правоприменителей в случае отказа потерпевшего от заявления при производстве по делу в суде апелляционной инстанции.

В связи с этим предлагается следующая редакция ст. 359 УПК Вьетнама:

«Статья 359. Отмена приговоров суда первой инстанции и прекращение уголовного дела.

1. При наличии одного из оснований, предусмотренных пп. 1 и 2 ст. 157 настоящего Кодекса, апелляционная коллегия отменяет решение суда первой инстанции, признает подсудимого невиновным и прекращает уголовное дело.

2. При наличии одного из оснований, предусмотренных пп. 3–7 ст. 157 настоящего Кодекса, апелляционная коллегия отменяет решение суда первой инстанции и прекращает дело.

3. При отказе потерпевшего или законного представителя потерпевшего от ходатайства о возбуждении дела апелляционная коллегия отменяет решение суда первой инстанции и прекращает дело».

Список литературы

1. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 100/2015/QH13 // Сайт «Wipo IP Portal». URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17225.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 101/2015/QH13 // Сайт «Wipo IP Portal». URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21477.

Шагунова В. М.[1],
старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Предварительное расследование уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности, имеет серьезные особенности, которые не всегда учитываются правоприменителями, что приводит к дисбалансу досудебного производства, а вследствие этого к нарушению прав и интересов участников уголовного процесса, вовлеченных в обозначенную сферу деятельности.

Прежде всего это состоит в том, что сторона обвинения игнорирует специфику обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам упомянутой категории, в том числе это проявляется в неверном установлении способа совершения преступления и, в особенности, толковании характера и размера вреда. Попутным явлением в этом ключе также является и отрицание обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, а также иных сведений.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в области уголовного процесса является тема доказательств и доказывания, о чем свидетельствует ряд научных работ на обозначенную тематику, начиная с дореволюционного и по постсоветский периоды.

Применительно к феномену доказательств в уголовном процессе сформировался ряд подходов. Так, первые авторы считают, что доказательствами являются исключительно фактические данные [13, с. 137], вторые – под ними разумеют единство фактических данных и источников их получения, обосновывая их органически неразрывную связь [3, с. 32; 12, с. 136], третьи, – следуя науке кибернетике, считают, что доказательствами выступает единство сведений (информации) и их источника, материального носителя [9, с. 37], наконец, четвертые утверждают, что уголовно-процессуальное доказательство необходимо рассматривать в системе, которая включает в себя:

1) фактические данные (сведения о фактах);

2) источники этих данных;

3) способы и порядок собирания, закрепления и проверки фактических данных и их источников [2, с. 25–44].

Как представляется, исключительно последняя позиция, за некоторыми оговорками, полностью воплощена в нынешнем уголовно-процессуальном законе, а именно в норме, закрепленной в ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

---

[1] © Шагунова В. М., 2023.

В этой связи целесообразно рассмотреть некоторые из обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ, в совокупности с аспектами уголовного права [11, с. 15–25] применительно к уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности, с тем, чтобы в дальнейшем определить наличие или отсутствие специфики предмета доказывания по названной категории дел.

Событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления). Если широко трактовать термин «событие преступление», то он вбирает в себя все элементы и признаки состава преступления, поскольку используется законодательная формулировка «и другие обстоятельства совершения преступления». При этом узкий подход к понимаю данного термина позволяет говорить исключительно об объекте и объективной стороне преступления. Это также объясняется тем, что в иных пунктах ч. 1 ст. 73 УПК РФ говорится о других обстоятельств, подлежащих установлению, которые напрямую относятся к субъективной стороне общественно опасного деяния (например, п. 2).

Установление объекта преступления, совершенного в сфере экономической деятельности, как правило, особых проблем не вызывает. Иначе обстоит с предметом посягательства по делам в сфере экономической деятельности, поскольку на сегодняшний день встречаются различные нематериальные (неовеществленные), а также «квазиматериальные» предметы. К таковым стоит отнести реестр владельцев ценных бумаг (ч. 2 ст. 170^{1} УК РФ), информация (ст.ст. 185^{1}, 185^{6}, 195 УК РФ), эмиссионные ценные бумаги, которые существуют в бездокументарной форме (ст. 185 УК РФ).

Что же касается установления обстоятельств, подтверждающих объективную сторону того или иного преступления в сфере экономической деятельности, то здесь стоит сделать акцент именно на выяснении самого деяния, последствий и причинно-следственной связи, а также времени и места, где такое деяние произошло.

Большинство составов преступлений, которые мы относим к экономическим, связаны с отступлением (игнорированием) норм иного отраслевого законодательства путем описания конкретных действий как незаконных или противоправных. Таких примеров множество.

Соответственно, в ходе досудебного производства по делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности, следует установить в обязательном порядке несоблюдение (нарушение) лицом регуляторного законодательства, которое могло выступать в виде как действия, так и бездействия, поскольку в противном случае содеянное может рассматриваться не как преступление с точки зрения отсутствия обязательного признака объективной стороны, а как иное правонарушение (административное, гражданско-правовой деликт, дисциплинарный проступок).

Одним из существенных обстоятельств, подтверждающих наличие события преступления, выступает также обоснование причинно-следственной связи между самим деянием и наступившими последствиями в контексте досудебного производства по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. В первую очередь это касается в целом особенностей управления коммер-

ческой организацией, где в силу положений гражданского и иного специального законодательства предусмотрены различные органы управления, которые вправе принимать те или иные решения, влекущие за собой юридические последствия. Это, безусловно, требует от правоприменителей доказать причинно-следственную связь между действия конкретного лица или лиц, и наступившими преступными последствиями.

Особые трудности могут возникнуть относительно коллективно принимаемых решений, осуществляемых путем тайного и открытого голосования, в особенности, когда решение было принято не единогласно, поскольку не все участники голосования были осведомлены о преступных действиях других.

Более того, распространена ситуация, когда к уголовной ответственности привлекаются как мажоритарный акционер компании, так и лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, используя аргумент, что акционер в ходе собрания проголосовал за вопрос, стоящий на повестке дня, и что по сути привело к преступному результату.

Ключевым также является и установление обстоятельств, подтверждающих конкретный способ совершения преступления в сфере экономической деятельности, поскольку именно благодаря установлению комплекса последовательных действий злоумышленника представляется возможным правильно квалифицировать деяние, которое на первый взгляд может приобрести совсем иную оценку. Именно по способу можно отграничить мошенничество от кражи [7, с. 73] и т. д.

Место и время события по своей сути рассматриваются в большинстве случаев факультативными признаками объективной стороны преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности. Однако УПК РФ предписывает их обязательное установление по любому деянию. Видится, что это необходимо для индивидуализации и конкретизации преступного события, в том числе для того, чтобы подтвердить или опровергнуть алиби уголовно преследуемого лица.

Так, в некоторых указывается точная дата и время совершения общественно опасного деяния, вплоть до минуты, в других – только дата, а в некоторых вообще используется общеупотребительная формулировка «в неустановленную дату, в неустановленное время, но не позднее такого года». Думается, это вызвано рядом факторов, когда правоприменителям не представляется возможным детализировать время и дату, в частности давностью прошедшего периода и др. Однако это никоим образом не означает, что органы предварительного расследования теперь во всех случаях могут устанавливать только начальный и конечный моменты совершения преступления, без конкретизации этих сведений. Полагаем, что подобное отступление возможно только при наличии на это объективных обстоятельств. В иных случаях такая информация должна быть установлена и проверена наряду с другими доказательствами, содержащимися в деле.

Что же касается места совершения преступления, то здесь, как правило, особых проблем не возникает, поскольку органы предварительного расследования ограничиваются либо конкретным местонахождением лица при совершении общественно опасного деяния, либо указанием на определенный населенный

пункт, когда в ходе досудебного производства точный адрес установить не представляется возможным.

Виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы. Установление данных обстоятельств позволяет ответить на вопрос, кто совершил конкретное преступление и виновно ли такое лицо в его совершении. Иными словами, доказываются субъект и субъективная сторона общественно опасного деяния.

Важно подчеркнуть, что в большинстве своем преступления в сфере экономики (гл. 21–23 УК РФ) совершаются с умыслом (как правило, с прямым) [1, с. 200], а не по неосторожности [10, с. 11–15]. Рассуждая доктринально на эту тему, можно предположить, что уголовное законодательство напрямую не раскрывает форму вины по таким «экономическим» составам преступлений, исходя из анализа его норм, что, разумеется, предполагает разные вариации описания формы вины. Например, деяние по ст. 171 УК РФ может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, все зависит от обстоятельств дела.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предписывает обязательное установление мотива преступления вне зависимости категории дел, что не всегда учитывается на практике [8, с. 56–58]. В ряде случаев выяснение мотива влияет также на квалификацию преступления, а в других может выступать как отягчающим, так и смягчающим обстоятельством.

Не менее интересным видится вопрос об установлении специального субъекта в ходе досудебного производства по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, поскольку во многих случаях такие преступления учиняются хозяйствующими субъектами, которые в соответствии с гражданским и отраслевым законодательством наделяются статусом юридического лица (ст. 176, ч. 2 ст. 195, ст.ст. 196–197 УК РФ) или выступают в качестве индивидуальных предпринимателей (ст. 176, ч. 2 ст. 195, ст.ст. 196–197 УК РФ).

Следовательно, при установлении специального субъекта следует ориентироваться на официальные документы, подтверждающие его правовой статус (например, выписка из ЕГРЮЛ и ЕГРИП, полученная из налогового органа, договоры, приказы и иные локальные акты организации). В том числе практике и науке по делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности, известны так называемые «теневые руководители» [5, с. 29–35; 6, с. 38–49], которые официально не имеют отношения к юридическому лицу, однако фактически им руководят, что подразумевает необходимость установления данного обстоятельства уже не официальными документами, полученных из фискальных органов, а сведениями из иных источников (к примеру, показания свидетелей, переговоры, полученные через средства связи, и др.). В этой связи возникают некоторые сложности доказывания виновности по делам о преступления в сфере экономики [4, с. 170–176].

Таким образом, специальными субъектами совершения преступлений в сфере экономической деятельности зачастую выступают лица, которые имеют опыт работы или службы в органах власти, а иногда и тесно связаны с правоохранительными органами, поэтому они могут оказать существенное противодействие раскрытию и расследованию совершенных ими деяний.

Характер и размер вреда, причиненного преступлением. Заметим, что УПК РФ не раскрывает понятия «вред», отдавая этот вопрос на разрешение правоприменителям, которые его трактуют по-разному, что, на наш взгляд, приводит к отсутствую единого подхода. Как представляется, это вызвано тем, что в уголовном процессе понятие вреда трактуется в контексте уголовного права, которое также не содержит его легальную дефиницию, а в некоторых «экономических» составов преступлений при обозначении вреда используется различная терминология – «ущерб», «убытки» и т. д. При этом неправильное определение характера и размера вреда может повлечь за собой серьезнейшие процессуальные последствия, вплоть до отмены приговора.

Исходя из системного толкования положений российского уголовно-процессуального закона, в особенности ч. 1 ст. 42 УПК РФ, представляется возможным отметить, что выделяется несколько видов вреда, а именно: физический, имущественный и моральный. Между тем эти категории в УПК РФ не раскрываются.

Таким образом, можно констатировать, что закрепление понятий указанных видов вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями, в действующем уголовно-процессуальном законе будет способствовать формированию единого подхода к их теоретической сущности и содержанию в целях создания правовых гарантий эффективного возмещения (компенсации) причиненного преступлением вреда.

Обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Наиболее частым в ходе досудебного производства по делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности, выступает такое обстоятельство, как освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещение ущерба (ст. 761 УК РФ, ст. 281 УПК РФ), и в редких случаях – освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при совершении преступления небольшой и средней тяжести (ст. 762 УК РФ и ст. 251 УПК РФ).

Соответственно, в ходе предварительного расследования должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело о преступлении в сфере экономики, должно данные обстоятельства установить с учетом тех специфических оснований и условий, которые закреплены в обозначенных выше нормах.

Что же касается иных обстоятельств, подлежащих доказыванию, которые закреплены в ст. 73 УПК РФ, то они, как представляется, не содержат каких-либо специфических особенностей применительно к досудебному производство по делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности.

Таким образом, предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности, представляет собой совокупность обстоятельств, непосредственно направленных на установление обязательных и факультативных признаков состава конкретного преступления в сфере экономики для дачи верной квалификации, а также имеющих гражданско-правовое значение при определении точного характера и размера вреда, которые должны быть в обязательном порядке зафиксированы в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Список литературы

1. Александров И. В. Особенности доказывания при расследовании экономических преступлений // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 200–205.

2. Балакшин В. С. Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация : монография. Екатеринбург : Уральской государственной юридической академии, 2002.

3. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск, 1991.

4. Дубровин В. В. Проблемы доказывания вины по уголовным делам в связи с уклонением от уплаты налогов // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 170–176.

5. Есаков Г. А. Бенифициарные связи и уголовная ответственность // Уголовное право. 2016. № 4. С. 29–35.

6. Есаков Г. А. Уголовное и корпоративное законодательство: современные точки соприкосновения (на примере субъекта преступления) // Закон. 2018. № 10. С. 38–49.

7. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М. : Волтерс Клувер, 2006.

8. Мешков М. В., Гайфуллин А. Н. Проблемы доказывания мотива преступления // Законность. 2013. № 9. С. 56–58.

9. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М. : Проспект, 2000.

10. Самойлюк Н. В., Кернаджук И. В. Проблемы квалификации причинения имущественного ущерба по неосторожности // Российский судья. 2019. № 1. С. 11–15.

11. Толкаченко А. А. Взаимосвязь уголовно-правовых и процессуальных аспектов квалификации // Мировой судья. 2019. № 12. С. 15–25.

12. Уголовный процесс : учебник для вузов / Л. Б. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. П. А. Лупинской. М. : Юристъ, 1995.

13. Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс : учебникдля юридических высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. М. : Госюриздат, 1951.

Яснов М. А.[1],
заместитель начальника
Управления организации дознания
ГУ МВД России по г. Москве

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ УКЛОНЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) ОТ УЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ)

Принятие процессуального решения о приостановлении производства предварительного расследования на основании п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с необходимостью осуществления розыска подозреваемого (обвиняемого) – достаточно распространенное явление в процессуальной практике следователей и дознавателей органов внутренних дел.

Происходящие колебания внутренних и внешних миграционных процессов оказывают заметное влияние на количество лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. В связи с этим необходимо рассмотреть причины возникновения указанных оснований приостановления расследования применительно к личности подозреваемого (обвиняемого). Если говорить о внутренней миграции, то тут просматривается очевидная связь по направлению движения людей из периферии к крупным городским агломерациям с соответствующим экономическим потенциалом, промышленным производствам и активной общественной жизнью. В свою очередь миграция внешняя и различное правовое положение иностранных граждан создают дополнительные предпосылки как для повышения рисков уровня преступности в регионе пребывания, а также дополнительные обязанности органов внутренних дел в целом и следователей, и дознавателей, в частности, по предотвращению совершения указанной категорией лиц преступлений, а также обеспечении их участия в уголовном процессе в случае совершения таковых.

Рассматривая эти вопросы, необходимо отметить, что в каждом регионе в зависимости от состояния преступности и количества совершаемых преступлений, как правило, разработаны и внедрены методические рекомендации, различного рода алгоритмы действий в ситуациях уклонения лица, помимо определенных «Положением об организации и осуществлении розыска и идентификации лиц», утвержденного совместным приказом МВД России с иными заинтересованными министерствами от 1 марта 2018 г. № 117дсп.

Наряду с указанным, уголовно-процессуальное законодательство России по данному предмету регулирования также не стоит на месте; совершенствуется и правоприменение, и соблюдение прав участников уголовного процесса с учетом объективной действительности.

С целью предотвращения уклонения подозреваемого (обвиняемого) от участия в уголовном процессе деятельность следователя (дознавателя) должна организовываться уже на первоначальной стадии. Получив материал процессуальной проверки в отношении конкретного лица для принятия процессуального

[1] © Яснов М. А., 2023.

решения в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ, по которому доставленное лицо является не жителем территории обслуживания органа внутренних дел (так называемый местный житель), следователю (дознавателю) надлежит для себя наметить алгоритм действий по проверке данных о его личности, а также изучить данные, полученные должностным лицом органа дознания, проверить их достоверность. Последовательность в сборе указанных сведений и их полнота является залогом успешной работы с подозреваемым (обвиняемым). Является ли потенциальный подозреваемый (обвиняемый) иностранным гражданином, апатридом, бипатридом или гражданином России – первоначальное и наиболее значимое обстоятельство по объему проводимой проверочной и профилактической работы в обеспечении его участия в ходе расследования уголовного дела.

Иностранный гражданин на территории Российской Федерации обязан иметь документ, удостоверяющий личность, миграционную карту, отрывную часть уведомления о постановке на миграционный учет, что установлено Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». При осуществлении легальной трудовой деятельности в России должны быть в наличии: документ, удостоверяющий личность, трудовая книжка, договор (полис) добровольного медицинского страхования, разрешение на работу (может быть оформлено самим работодателем) или патент, разрешение на временное проживание или вид на жительство (только при заключении трудового договора с постоянно проживающими в России иностранцами), что прямо указано в ст.ст. 65 и 327.3 Трудового кодекса Российской Федерации. Соответственно, наличие указанных действующих документов должно быть подтверждено и проверено соответствующими базами учета при доставлении в территориальный орган внутренних дел, сведения об их наличии внесены в бланк объяснения задержанного лица. При их отсутствии нелегальное нахождение на территории страны, отсутствие легальной трудовой занятости следует учитывать в соответствии с ч. 2 ст. 91 УПК РФ и при применении ст.ст. 91, 97, 99–100 УПК РФ при изложенных обстоятельствах.

При изучении личности подозреваемого (обвиняемого), являющегося иностранным гражданином, следователю (дознавателю) следует учитывать, что иностранные граждане, въехавшие в Российской Федерации после 29 декабря 2021 г., подлежат обязательной государственной дактилоскопической регистрации, фотографированию, а также медицинскому освидетельствованию и для законного нахождения на территории России.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июня 1997 г. № 828 (ред. от 15.07.2021) «Об утверждении Положения о паспорте гражданина РФ, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации», каждый гражданин обязан иметь паспорт по достижении 14-летия. Но в законодательстве не сказано, что граждане должны, выходя из дома, всегда брать с собой документ. Кроме того, ни в одном другом постановлении или законодательном акте не говорится о том, что каждый гражданин должен всегда брать с собой основной документ, покидая дом. Таким образом, гражданин России вместо паспорта может предъявить любой другой документ,

удостоверяющий его личность: военный билет, служебное удостоверение, вид на жительство, водительское удостоверение, удостоверение личности военнослужащего и т. д.

Таким образом, при соблюдении данного алгоритма будем считать, что при начале допроса задержанных по подозрению в совершении преступления лиц органом дознания установлены все указанные обстоятельств, а следователем (дознавателем), в свою очередь, проверена полнота осуществленного исследования личности подозреваемого (обвиняемого). Полученные сведения указываются в протоколе допроса обвиняемого, в их числе: фамилия, имя и отчество; дата и место рождения; гражданство; образование; семейное положение, состав его семьи; место работы или учебы, род занятий или должность; место жительства; наличие судимости; иные сведения, имеющие значение для уголовного дела (ст. 174 УПК РФ). Аналогичные по содержанию сведения вносятся в протокол допроса подозреваемого.

При производстве предварительного расследования изучение личности и данных участников уголовного процесса продолжается, полученные материалы приобщаются к уголовному делу в установленном порядке через процедуру заверения.

В последующем, полученные установочные данные о личности вносятся в документы первичного учета на выявленное преступление, их некорректное внесение повлечет нарушение правила учетно-статистической работы и реагирование со стороны органов прокуратуры.

Отдельным аспектом следует указать, что при наличии у лица множественного гражданства, в случаях, прямо предусмотренных межправительственными соглашениями с иными странами, подлежит указанию оба гражданства лица и проверка достоверности всех указанных правовых статусов, в том числе, выполнение процедуры, предусмотренной ст. 96 УПК РФ, с уведомлением посольства или консульства данной страны (стран). В настоящее время у России действует соглашение с Таджикистаном с 1995 г., после чего пролонгировано в 2005 г. Ранее действовало еще одно соглашение с Туркменистаном, но Правительство Туркменистана отказалось его пролонгировать на дальнейший срок. Также имеют юридическую силу Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности с Арменией, Азербайджаном, Южной Осетией. Стоит отметить, что большинство граждан частично признанной Приднестровской Молдавской Республики имеют гражданство России.

Следующим этапом является установление места жительства и места работы подозреваемого (обвиняемого), что немаловажно для своевременного участия последних в случае избрания меры пресечении, не связанной с лишением свободы или домашним арестом, при расследовании уголовного дела в разумные сроки (ст. 6.1 УПК РФ).

При озвучивании подозреваемым (обвиняемым) места своей работы представляется целесообразным зафиксировать название организации, должность, время начала осуществления трудовой деятельности, время работы и наличие дополнительного места работы, контактный телефон организации, проверить его актуальность. Отсутствие легальной трудовой занятости и необходимости

ее осуществлять «сказывается» на потребности подозреваемого (обвиняемого) находится на территории, применительно к месту производства расследования по делу. Данная специфика характерна для всех категорий граждан, в том числе жителей регионов России, отличных от региона постоянного проживания. При этом в отношении иностранных граждан и их работодателей при наличии оснований необходимо рассматривать вопрос о привлечении их к административной ответственности в соответствии с требованиями КоАП РФ.

При указании указанной категорией участников уголовного процесса адреса проживания вне региона регистрации во всех случаях следователем (дознавателем) самостоятельно или через поручение органу дознания должна быть осуществлена проверка достоверности заявленных сведений в срок непосредственного нахождения подозреваемого (обвиняемого) в территориальном органе внутренних дел, в том числе путем непосредственного посещения указанного адреса сотрудниками полиции. Во время указанной процедуры выясняется состав проживающих лиц, степень их родства, длительность проживания, контакты ответственного квартиросъемщика, в случае аренды помещения. При проживании иностранных граждан должен быть выделен для проверки материал в службу участковых уполномоченных полиции территориального органа внутренних дел по данному адресу для рассмотрения вопроса о наличии в действиях наймодателя признаков правонарушения (ст. 18.9 КоАП РФ). Как правило, поднаем легальный или нелегальный осуществляется по признакам землячества или общностью трудовой занятости или иных интересов, а также по национальным признакам и гражданству стран, в связи с чем в порядке информации, представляющей оперативный интерес, органом дознания получаются и, при необходимости, проверяются данные указанных лиц.

Проверка выполнения подозреваемым (обвиняемым) указанных правовых процедур позволит следователю (дознавателю) осуществить процедуру фиксации данных участников уголовного процесса относительно места производства расследования.

В зависимости от степени тяжести совершенного преступления, доказанности обстоятельств и объема полученных и представленных документов нередки случаи отказа прокурором в поддержании перед судом ходатайства об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения в виде заключения под стражу, а судом, в свою очередь, не согласия с позицией прокурора и органов предварительного расследования о необходимости ее применения в соответствии со ст. 108 УПК РФ или меры пресечения, предусмотренной ст. 107 УПК РФ в виде домашнего ареста, в качестве изоляции (ограничения свободы передвижения).

При указанных обстоятельствах следователь (дознаватель) вынужден на данном этапе избрать более мягкую меру пресечения, в большинстве случаев – подписку о невыезде и надлежащем поведении, которая хоть и устанавливает соответствующие правовые ограничительные механизмы и обязывающие действия, но и позволяет реализовать подозреваемому (обвиняемому) умысел скрыться от органов предварительного расследования и не участвовать в ходе расследования.

Пункт 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ не называет обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, подлежащие доказыванию, в прямой постановке вопроса, однако в УПК РФ и УК РФ законодатель неоднократно возвращается к такому понятию, как личность виновного. В частности, принцип справедливости (ст. 6 УК РФ) говорит о том, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать личности виновного. Статья 171 УПК РФ содержит указания, что в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должны содержаться фамилия, имя и отчество лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, число, месяц, год и место его рождения. При производстве расследования в форме дознания и установлении лица совершившего преступления, сведения о личности (анкетные данные) в соответствии с требованиями ст. 223.1. УПК РФ должны быть указаны в письменном уведомлении о подозрении в совершении преступления. При окончании производства предварительного следствия с составлением обвинительного заключения следователь также указывает ранее полученные данные о личности обвиняемого, а дознаватель при составлении обвинительного акта. Понятно, что указанные данные должны быть идентичны, если только не изменялись обвиняемым (подозреваемым) в установленном законе порядке при соответствующем оформлении в ходе производства расследования по уголовному делу.

В свою очередь, их несоответствие явится препятствием для начала судебного разбирательства в соответствии со ст. 265 УПК РФ. В данном случае несоответствием будет рассматриваться их различность или документальная не подтвержденность при производстве следственных действиях с участием обвиняемого (подозреваемого).

В УПК РФ не определены ни стадия, ни срок, до которого момента или они должны быть получены (собраны) в полном объеме. Предполагается, в том числе с учетом ходатайств сторон при окончании производства расследования по делу, что к материалам уголовного дела приобщены все необходимые документы (сведения), имеющие значение участников уголовного процесса. В свою очередь, Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указал, что к сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников).

С того момента, когда подозреваемый покинул территориальный орган внутренних дел с избранной мерой пресечения в виде подписки и надлежащем поведении или мерой процессуального принуждения в виде обязательства о явке, если предварительное расследование производится в форме дознания, у последнего при наличии на то умысла, может возникнуть намерение различными способами уклониться от участия в ходе расследования уголовного дела, имея

цель избежать уголовной ответственности. Целесообразно разделить меры контроля следователя (дознавателя) в соответствии с имеющимися рисками.

Осознание обвиняемым (подозреваемым), что органами дознания в ходе производства предварительного расследования по делу проверены все представленные им о себе сведения, собрано достаточно данных для контроля за его перемещением, само по себе будет являться убедительной для последнего профилактической мерой соблюдения избранной меры пресечения или принуждения и побудит его участвовать в производстве следственных действий.

При несоблюдении следователем (дознавателем) указанных проверочных мероприятий и не получении необходимых сведений гарантировать надлежащее поведение участников уголовного процесса дистанционным способом эффективно не во всех случаях. Для указанных целей предлагается при избрании меры пресечения, не связанной с лишением свободы, направлять в орган дознания поручение об осуществлении контроля, имея целью воспрепятствование намерению обвиняемых (подозреваемых), в первую очередь, иностранных граждан, покинуть территорию Российской Федерации доступными средствами.

К профилактическим и предупредительным мерам в случае, если обвиняемый (подозреваемый) является жителем иного региона либо на значительном удалении от места производства расследования, органом внутренних дел, по адресу которого последнему избрана подписка о невыезде, направляются сведения о привлечении лица к уголовной ответственности. При необходимости, в указанный орган направляется поручение в соответствии со ст. 152 УПК РФ, в котором излагаются мероприятия, необходимые для расследования уголовного дела, в числе которых и меры по соблюдению избранной меры пресечения, уведомление следователя (дознавателя) в случае установления факта ее нарушения доступными средствами. Как правило, дистанционный контроль доступности средств связи, проживание обвиняемого (подозреваемого) по указанному адресу будет являться достаточной мерой профилактики уклонения. В свою очередь осуществление процедуры вызова участника уголовного процесса для производства следственных действий (ст. 188 УПК РФ) будет являться важным индикатором в случае неполучения подобного уведомления или неявки для определения момента, с которого будет документирован факт неучастия обвиняемого (подозреваемого) в расследовании дела в отсутствии на то объективных причин.

В завершение необходимо сказать о соблюдении разумных сроков уголовного судопроизводства и сроках производства расследования по уголовному делу как составной его части. Неполное установление данных о личности обвиняемого (подозреваемого) и несвоевременное определение начала его уклонения от участия в уголовном процессе, создает реальные предпосылки для приостановления уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В свою очередь, составление и выполнение примерного плана расследования уголовного дела, качественная подготовка к производству следственных действий с их участием сократит не только временные затраты, но и позволит успешно окончить производство расследования по уголовному делу.

РАЗДЕЛ III. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО: НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ АДЪЮНКТОВ И АСПИРАНТОВ

Абрамочкина Е. М.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРАВА НА ТАЙНУ, ГАРАНТИРОВАННОГО П. 2 СТ. 23 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Назначение уголовного судопроизводства направлено на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Однако при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием средств электронной коммуникации, действия следователя, дознавателя и органа дознания зачастую влекут за собой ограничение для участников уголовного судопроизводства их права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, гарантированного ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации.

В современном мире любая деятельность человека практически уже невозможна без электронного коммуникативного пространства в целях получения, распространения и обмена информацией. Указом Президента Российской Федерации от 24 июня 2020 г. № 474 определено достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет до 97 %. Между тем, цифровизация общества и информационные технологии не только дают позитивный эффект в виде новых возможностей для государственной деятельности, улучшения условий жизни конкретного человека, но и способствуют трансформации преступности в эту область. Преступления теперь совершаются, в том числе с использованием средств электронной коммуникации и на них могут оставаться следы преступления. По этой причине государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, вынуждены вторгаться в гарантированные конституцией права на тайну в указанной сфере коммуникации. Кроме того, стре-

[1] © Абрамочкина Е. М., 2023.

мительное развитие информационных технологий зачастую является основной причиной некомпетентности пользователей к требованиям безопасности их использования и дает возможность на совершение в отношении них преступлений.

Анализ статей УК РФ показывает, что достаточно значительная сфера общественных отношений затрагивается преступлениями, совершенными с использованием информационных технологий и при осуществлении производства по таким уголовным делам сотрудникам правоохранительных органов, помимо правовых знаний, необходим набор специальных знаний в данной области. Несмотря на очевидность возможности ограничения права на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, только на основании судебного решения, в отдельных случаях получение информации, содержащейся в мобильных устройствах, судебного решения не осуществляется.

Поиск путей повышения эффективности уголовного судопроизводства по обеспечению права, гарантированного ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации, видится в концентрации внимания на разработке дополнительных нормативных предписаний, касающихся порядка фиксации сведений, относящихся к тайне переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, осуществляемых посредством письменной формы электронной коммуникации. Этот достаточно новый формат человеческого общения, пока недостаточно изучен с точки зрения правовой гарантированности.

Несмотря на то, что электронная почта, электронные письма, электронные документы, электронные сообщения, мобильные электронные устройства, электронные носители информации – устоявшиеся понятия, прочно вошедшие не только в словесный оборот, но и в реалии нашей жизни, нормативно до сих пор не выработано дефиниции «электронная коммуникация». В последние десятилетия феномен электронной коммуникации изучается многими науками. Право также оказалось включенным в подобный дискурс. Отправной идеей будем для себя считать позицию ученых, определивших электронную коммуникацию как разновидность социальной коммуникации, когда информация, возникающая в устной и письменной формах, переводится в электронную [3, с. 36].

В российской науке не выработано однозначного мнения по рассматриваемому нами вопросу. В частности, Н. Н. Гаас, анализируя работу следственных подразделений территориальных органов МВД России считает, что получение согласия собственника либо разрешения суда на производство осмотра изъятого в установленном законом порядке мобильного устройства участника судопроизводства, включающего в себя обнаружение, фиксацию, изъятие содержащихся в нем сведений о телефонных соединениях, входящих и исходящих сообщениях, о финансовых операциях в мобильных приложениях, социальных сетях, контактах, переписках, видео-, аудио-, фотоизображениях и т. п., посещении сайтов, загрузке документов и т. д., не требуется, а их осмотр без согласия собственников не является нарушением права, предусмотренного ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации [1, с. 30–31]. Тем не менее результатами исследования Н. Н. Гаас установлено, что 13 % следственных подразделений получают в судах разрешения на производство осмотра мобильного устройства

не зависимо от наличия либо отсутствия на это согласия собственника мобильного устройства [1, с. 29].

На необходимость получения судебного решения в данных случаях указывают И. А. Даниленко, Н. В. Васильев, В. В. Бычков, Р. Г. Бикмиев, Р. С. Бурганов, Л. В. Черепанова, К. К. Клевцов, А. В. Квык и др. [2, с. 154; 4, с. 59]

Неоднозначное применение норм УПК РФ предопределяет наличие жалоб в Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ). В подтверждение этому, можно привести жалобы Д. А. Прозоровского, И. С. Габашвили, К. П. Сидака и др., которые просили признать не соответствующими ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации ст. 176 УПК РФ «Основания производства осмотра», ст. 177 «Порядок производства осмотра», ч. 6 ст. 164 «Общие правила производства следственных действий» УПК РФ. Хотя, по жалобам были вынесены отказные определения (жалобы не отвечали требованиям Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), сформулированная в них позиция оказала существенное влияние на правоприменительную практику.

Так в Определении от 25 января 2018 г. № 189-О КС РФ отметил, что проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. Лица же, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут оспорить данные процессуальные решения и следственные действия в суд в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ [5].

Различные подходы при решении рассматриваемого вопроса, на наш взгляд, обусловлены недостаточной нормативной регламентацией. Так ч. 7 ст. 185 УПК РФ устанавливает, что при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка.

Ряд исследователей считают, что прямое указание на необходимость предварительного судебного контроля, предполагает обязательное обращение в суд при осмотре различных абонентских устройств [4, с. 58]. Однако такая точка представляется нам сомнительной, что подтверждается современной практикой судов общей юрисдикции [6; 7]. В частности, судами признаются необоснованными доводы стороны защиты о незаконности осмотров мобильных телефонов, ноутбуков, содержащих различные электронные сообщения произведенных без судебного решения и (или) согласия осужденных. Ссылка на нарушение ч. 7 ст. 185 УПК РФ при осмотре абонентских устройств без разрешения суда, как указывается в большинстве определений, основана на неверном толковании норм УПК РФ участниками процесса [8]. Решение о допустимости осмотра абонентских устройств, содержащих сведения о движении денежных средств также не требует судебного решения. В частности, в определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 октября 2022 г., указывается: «Во-

преки кассационной жалобе, согласно УПК РФ, осмотр предметов осуществляется в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, проведение осмотра с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств (а равно иных технических средств), не предполагает вынесения об этом специального судебного решения (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 189-О, от 17 июля 2018 г. № 1955-О, от 28 ноября 2019 г. № 3205-О)» [9].

Таким образом, видится общая тенденция в действиях правоохранительных органов в сторону солидарности в вопросе признания допустимыми доказательствами информации, полученной со средств электронной коммуникации без судебного решения.

Однако такая судебная практика сложилась лишь к настоящему времени. Оппоненты указанной точки зрения также оперируют рядом судебных решений, где судами (как правило, районного уровня) протоколы осмотра абонентских устройств, проведенных без судебного решения, признавались недопустимыми доказательствами.

Мы придерживаемся точки зрения К. Б. Калиновского, который утверждает, что предварительное судебное решение нужно там, где в правоотношениях участвует оператор связи, который отвечает за обеспечение тайны переговоров и переписки и имеет технические возможности ее сохранить или разгласить. Если в правоотношениях оператор не участвует, то предварительный судебный контроль не нужен, будет достаточно последующего [10, с. 5; 11, с. 23].

Проблема заключается в том, что законодатель при разработке ч. 7 ст. 185 УПК РФ не конкретизировал порядок осмотра и выемки электронных сообщений, передаваемые по сетям электросвязи, которые находятся в памяти изъятого абонентского устройства. Таким образом, формулировка исследуемой нормы без указания на местонахождение электронных сообщений и способа их изъятия (фиксации) привела к неверному пониманию сути закона, спровоцировала отсутствие единообразной судебной практики (в основном 2016–2019 гг.) и различие позиций в научной литературе.

Существенным шагом в решении проблемы выступило определение от 25 января 2018 г. № 189-О, в котором КС РФ четко сформулировал свою позицию. По этому поводу мы не можем согласиться с мнением К. К. Клевцова и А. В. Квык, которые утверждают, что КС РФ не только не разрешил насущный вопрос о необходимости получения судебной санкции, но и внес дополнительную неопределенность [4, с. 59]. На наш взгляд, полностью разрешить проблемный вопрос в этом случае может только законодатель. КС РФ своими решениями лишь определил вектор дальнейшей правоприменения рассматриваемой нормы.

Представляется, что для исключения какой-либо неопределенности для правоприменителя и формирования единообразной судебной практики ч. 7 ст. 185 УПК РФ может быть дополнена положением, указывающем на необходимость обращения в суд только при фиксации электронных сообщений с участием оператора связи.

В завершение следует отметить, что рассмотренные в статье решения КС РФ внесли существенный вклад в определение направления дальнейшего применения ч. 7 ст. 185 УПК РФ. Высказанное предложение о возможном дополнении этой нормы требует подтверждения результатами дальнейших исследований с участием заинтересованных органов государственной власти.

Список литературы

1. Гаас Н. Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России 2019. № 4. С. 29.

2. Даниленко И. А., Васильев Н. В. Соблюдение конституционных прав личности на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений при осмотре мобильного устройства (российский и зарубежный опыт) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10 (74). С. 150–157.

3. Кулева О. В. Средства электронной коммуникации // Биосфера. 2012. № 3. С. 36.

4. Клевцов К.К, Квык А.В. Изъятие и осмотр информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств // Законность. 2020. № 12. С. 56–60.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/71875840/.

6. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23 марта 2022 г. № 77-1094/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=78101#cwGqRVTEJBYRkth5.

7. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 10 августа 2021 г. № 22-1998/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUG&n=197172#qsQqRVTGOOfOaJjq.

8. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 сентября 2021 г. № 77-3256/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=33633&dst=100001#udjqRVTSuttUyrjs.

9. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 октября 2022 г. № 7У-9676/2022 // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/330439779/.

10. Калиновский К. Б. Решение суда для фиксации переписки на смартфонах в ходе осмотра не нужно // Уголовный процесс. 2018. № 4. С. 5.

11. Калиновский К. Б. Новые позиции КС РФ о судебном контроле по жалобам участников процесса. Что учесть суду и сторонам // Уголовный процесс. 2018. № 4. С. 18–25.

Барабанова А. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Есина А. С.,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. предусмотрено развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры России, обеспечение поэтапного перехода государственных органов к использованию инфраструктуры электронного правительства [1]. Данное направление является положительным для развития средств электронной коммуникации в правоохранительных органах, однако в большинстве случаев информационная коммуникация использовалась для решения управленческих задач, не связанных с уголовным судопроизводством.

Федеральным законом 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ были внесены изменения в УПК РФ, которые разделили научных деятелей и практиков на два лагеря. Предмет данных дискуссий – вступившая в законную силу ст. 189[1] УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи» (далее – ВКС).

О целесообразности использования систем ВКС в ходе уголовного судопроизводства высказывались многие ученые-процессуалисты, обосновывая это рядом положительных моментов. Так, например, Е. А. Архипова в своем диссертационном исследовании в пользу применения ВКС отмечала такие моменты как: сокращение времени и материальных затрат, усиление безопасности, предупреждение противодействия уголовному преследованию, мобильность, эффективность проведения следственных действий за счет контролируемости за ним лица, ведущего производство по делу и другие [2, с. 158].

Надо отметить, что несмотря на непродолжительность применения ст. 189[1] УПК РФ (около одного года) у практиков уже сложилось определенное положительное впечатление о возможности применения ВКС при производстве следственных действий, что подтверждается проведенными отдельными исследованиями ученых [4, с. 101]. Вместе с тем обнаружились и проблемы право-

[1] © Барабанова А. А., 2023.

применения. Так, например, в специальной литературе отмечаются следующие недостатки: не установлен срок исполнения письменного поручения следователя (дознавателя), не перечислены случаи в рамках которых следственные действия с применением систем видео-конференц-связи будут признаны необходимыми, не урегулирована ситуация в случае отказа допрашиваемого лица (в том числе несовершеннолетнего, его законного представителя) от проведения видеозаписи в ходе следственного действия с использованием системы видео-конференц-связи и другие [3, с. 306].

Анализируя ст. 189[1] УПК РФ, мы видим, что законодатель, следуя тенденциям развития информационного общества, попытался с точки зрения права, урегулировать и совершенствовать применение научно-технических достижений в ходе проведения одного из самых распространенных следственных действий, а именно допроса. Однако, чтобы новелла УПК РФ стала более эффективной и применимой на практике, должен быть выработан четкий механизм процессуального порядка проведения следственного действия с применение систем ВКС.

В соответствии со ст. 189[1] УПК РФ следователь (дознаватель) вправе провести допрос путем использования систем ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии *технической возможности*, соблюдая при этом требования гл. 26 УПК РФ и ст. 164 «Общие правила производства следственных действий».

Возникает несколько вопросов: что имел в виду законодатель, указывая в статье такое условие как «наличие технической возможности»? Кто должен устанавливать соответствующую «техническую возможность» в ходе допроса с применением ВКС? Должен ли на следственном действии быть специалист для технического сопровождения проведения следственного действия?

По нашему мнению, если рассматривать проведение допроса применительно к деятельности органов предварительного расследования системы органов внутренних дел Российской Федерации, то при проведении допроса необходимо применять сервис ВКС единой системы информационно-аналитического обеспечения МВД России (СВКС-м). Использование таких каналов связи будет являться гарантом защищенности и результатов следственного действия и прав его участников. Однако, не во всех подразделениях следствия и дознания системы ОВД есть техническая возможность использования СВКС-м. Отсутствие подобных технических возможностей в ряде регионов России может ограничивать отдельные подразделения органов предварительного расследования в проведении допроса в рассматриваемом формате. Безусловно, подобная ситуация не является критической и не будет препятствием для дальнейшего производства по уголовному делу. Законодатель предусматривает возможность допроса какого-либо участника уголовного дела, находящегося в ином регионе (месте), отличном от места производства предварительного расследования, по отдельному поручению следователя (дознавателя), проводившего расследование. В данном случае мы подчеркиваем, что важно установить наличие технической возможности в том подразделении МВД России, куда было направлено поручение на проведение допроса. Кроме того, мы полагаем, что устанавливать следу-

ет не только наличие технических возможностей следственного подразделения (подразделения дознания), но и *качество* (выд. авт.) тех технических средств, которые предполагается использовать при проведении следственного действия, поскольку нельзя игнорировать проблему обеспечения подразделений системы ОВД современной высокотехнологичной техникой.

Обоснуем свое мнение. При проведении допроса в дистанционном режиме целесообразно, чтобы трансляция была организована таким образом, чтобы был виден (в том числе на видеозаписи) не только допрашиваемый, а все помещение, где проходит допрос, все лица, присутствующие при допросе в этом помещении. Это, на взгляд автора, обязательное условие проведение допроса в дистанционном режиме, поскольку при отсутствии подобного визуального наблюдения происходящего могут появиться основания для вывода о возможном воздействии на допрашиваемого со стороны каких-либо лиц, находящихся в помещении, где проводится допрос, и полученные доказательства в виде показаний могут быть признаны недействительными. Чтобы исключить подобные ситуации, высказанная рекомендация о необходимости визуального наблюдения за всем помещением, где проводится допрос, выходит за пределы тактического приема проведения допроса, и становится обязательным элементом процессуального порядка проведения допроса с использованием систем ВКС. На качественные характеристики технических средств (возможность полностью демонстрировать на экране помещение, в котором проводится допрос, обеспечивая качество изображения и звука) должен обратить внимание следователь, прежде чем он примет решение о проведении допроса с использованием ВКС. В противном случае ценность подобного следственного действия и его результаты будет ничтожна, если не утрачена вовсе. Однако хорошее качество изображения и звука может быть гарантированно только высокотехнологичной техникой (например, высокое разрешение камеры и чувствительность микрофона), что не всегда имеется в практических подразделениях органов внутренних дел. В целом надо отметить, законодатель не ограничивает субъекта расследования в принятии решения о проведении допроса с использованием систем ВКС, устанавливая его право на принятие подобного решения. Следователь процессуально самостоятелен в вопросах определения целесообразности и необходимости производства следственных действий при сборе доказательств. Однако учитывая особенность проведения следственного действия с применением ВКС целесообразно было бы в тексте закона указать не только на условие его проведения (наличие технической возможности), но и на фактические основания. Полагаем, что к фактическим основаниям производства дистанционного допроса могут относиться следующие положения: невозможность непосредственного прибытия лица в орган, проводящий расследование по уголовному делу по состоянию здоровья, либо иным уважительным причинам (должно быть подтверждено документально); обеспечение безопасности допрашиваемого лица; необходимость соблюдения сроков предварительного расследования, а также избежание излишних материальных затрат при производстве по уголовному делу и другие. Например, законодатель Республики Казахстан в ст. 123 «Особенности допроса с использованием научно-технических средств в режиме видеосвя-

зи (дистанционный допрос)» перечислил основания проведения данного следственного действия. Полагаем что подобное регулирование процессуального порядка допроса с применением ВКС целесообразно взять на вооружение и российскому законодателю.

Помимо фактического основания производства допроса (как и иных следственных действий) с применением систем ВКС необходимо установить и юридическое основание для его производства. Мы имеем в виду необходимость составления постановления о проведении допроса в рассматриваемом формате. Именно в постановлении следователь должен указать: причины, обосновывающие проведение данного вида следственного действия; наличие технической возможности у того органа предварительного расследования, которое будет взаимодействовать со следователем, проводившим допрос; должны указываться все участники следственного действия, которые будут в нем участвовать (защитник, законный представитель, специалист и т. д.); должны указываться соответствующие документы, подтверждающие все необходимые условия для проведения следственного действия с применением ВКС. Можно предположить, что и иные обстоятельства, имеющие значение для оценки результатов следственного действия, проводимого с использованием ВКС, как допустимого, также должны найти отражение в постановлении. Необходимость вынесения подобного постановления обусловлена тем, что многие вопросы, которые могут возникнуть у разных участников уголовного процесса (защитник, прокурор, судья и др.), – найдут свое разрешение именно в данном постановлении.

Полагаем, что высказанные в статье предложения будут способствовать не только научной дискуссии по рассматриваемому вопросу, но могут использоваться практическими сотрудниками подразделений органов предварительного расследования без каких-либо дополнений в тексте ст. 189^1 УПК РФ. Вынесение мотивированного и обоснованного постановления о необходимости проведения следственных действий (допроса) с применением систем ВКС не противоречит нормам УПК РФ и является процессуальным решением, в котором обосновывается целесообразность и возможность проведения допроса с применением систем ВКС на стадии предварительного расследования.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // НПП «Гарант-сервис». URL: http:// www.garant.ru.

2. Архипова Е. А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

3. Кожич И. С. Следственные действия путем использования систем видеоконференц-связи // Молодой ученый. 2022. № 20 (415). С. 306–307.

4. Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видеоконференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. №. 1. С. 98–105.

Буй Тхиен Тхыонг[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ПРОКУРОРОМ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ВЬЕТНАМА)

Говоря о наиболее распространенной мере пресечения, которой является подписка о невыезде, следует сказать, что во Вьетнаме она именуется так называемой «сдерживающей мерой» и может быть применена к обвиняемым и подсудимым, имеющим четкое место жительства и регистрацию, в целях обеспечения их явки по вызову не только следственного органа и суда, но и прокурора.

В соответствии с п. 3 ст. 123 УПК СРВ право на применения подписки о невыезде имеют:

1. Руководители следственных органов всех уровней и его заместители.
2. Генеральные прокуроры народных прокуратур и их заместители, прокуроры военных прокуратур всех уровней и их заместители.
3. Председатель народного суда и его заместители, председатель военных судов всех уровней и его заместители.
4. Начальник пограничной службы.

Следует отметить, что, когда руководители следственных органов всех уровней и их заместители применяют данную меру, они должны согласовать ее применение с прокуратурой того же уровня.

Данная мера применяется только к обвиняемому или подсудимому, впервые совершившему преступление небольшой тяжести, имеющему четкое место жительства, позицию искреннего раскаяния. В тех случаях, когда обвиняемый или подсудимый не был заключен под стражу либо был заключен под стражу, но освобождался следственным органом, прокуратурой или судом при наличии достаточных оснований полагать, что он не скроется, не создаст препятствий осуществлению предварительного расследования, а также суду в ходе дальнейшего рассмотрения уголовного дела по существу.

В России, как показывает практика, наиболее часто применяемой является мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении [4]. В отличие от Вьетнама, где применять данную меру пресечения может также и прокурор, в России правом ее применения обладают только следователь, дознаватель или суд. Таким образом, прокурор исключен из числа участников уголовного процесса, полномочных на ее применение. В этом и заключается существенная разница между УПК РФ и УПК СРВ.

Интересны также вопросы применения залога, как в России, так и во Вьетнаме. В частности, согласно ч. 1 ст. 106 УПК РФ залог состоит во внесении или

[1] © Буй Тхиен Тхыонг, 2023.

в передаче подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства – в суд недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу. Залог может быть избран в любой момент производства по уголовному делу.

Порядок применения залога в России радикально отличается от теории и практики, апробированной во Вьетнаме. При необходимости следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление о возбуждении ходатайства об избрания в качестве меры пресечения залога, в котором излагаются мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в залоге и невозможно избрание иной меры пресечения, и передает его в суд.

Особо следует подчеркнуть, что согласно ч. 1 ст. 22 УПК СРВ залог является альтернативой применения такой меры пресечения, как заключение под стражу. Исходя из характера и степени общественной опасности деяний, личности и имущественного положения обвиняемых или подсудимых, следственный орган, прокуратура, суд могут принять решение о внесении ими или их родственниками денежных средств, в целях обеспечения их явки к следователю, прокурору и в суд. Следовательно, при необходимости следователь, прокурор и суд могут вынести соответствующее постановление.

В соответствии с положениями пункта 1 ст. 22 Совместного циркуляра 04/2018/TTLT-viện kiểm sát TC-BCA-BQP [1] в случае принятия следственным органом решения о разрешении обвиняемому или его родственникам внесения денежных средств в качестве обеспечения незамедлительно после вынесения постановления о применении меры пресечения в виде залога следователь направляет к прокурору письменный запрос о применении залога с четким указанием причин, приложением доказательств и документов для рассмотрения и утверждения. В трехдневный срок со дня получения запроса следователя, прокурор того же уровня должен вынести решение о его утверждении или об отказе либо направить в следственный орган письменное представление о дополнении доказательств и документов в его обоснование.

В случае нарушения обвиняемым или подсудимым обязательств по залогу, следователь, проводящий расследование, передает письменный запрос об отмене залога с четким указанием причин, и приложением документов, удостоверяющих личность обвиняемого, прокурору для утверждения. При этом следователь письменно запрашивает разрешение на заключение данного лица под стражу у прокурора. Срок содержания под стражей в этом случае не должен превышать срока предварительного расследования. В случаях, когда прокурор сам обнаружит, что обвиняемый нарушил обязательства залога, он направляет к следователю письменное представление об отмене залога и применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Таким образом, мы описали сложность применения залога, как меры пресечения во Вьетнаме, и определили важные аспекты взаимодействия следователя и прокурора при его применении, доказав существенные отличия от УПК РФ.

Далее уделим внимание самой строгой мере пресечения, как в России, так и во Вьетнаме. Заключение под стражу является мерой пресечения, при применении которой лицо, изолируется от общества на определенный период времени и ограничивается его право на свободу передвижения.

В России решение о применении в отношении подозреваемого и обвиняемого меру пресечения в виде заключения под стражу принимает исключительно суд. Однако, во Вьетнаме следователь и прокурор правомочны выносить постановления о заключении обвиняемого под стражу, но при этом прокурор осуществляет право преследования и надзора за применением этих мер следователем [3, с. 129]. После вынесения постановления о заключении обвиняемого под стражу следователь обязан направить его в органы прокуратуры для рассмотрения и утверждения. При наличии достаточных оснований в установленный законом срок прокурор обязан вынести постановление о его ратификации и направить следователю для исполнения. При недостаточности оснований прокурор выносит постановление об отказе в утверждении данного постановления или о дополнении материалов.

В период временного содержания под стражей, если следователь считает, что отпала необходимость в данной мере пересечения, он обязан ходатайствовать перед прокурором о ее отмене или применения иных мер пресечения в случае необходимости (ч. 7 ст. 173 УПК СРВ). В случае признания необходимым продления срока временного содержания под стражей не менее чем за 10 суток до истечения установленного законом срока, следователь обращается к прокурору с письменным представлением о продлении срока содержания под стражей (ч. 2 ст. 173 УПК СРВ). При наличии оснований прокурор выносит постановление о продлении срока и направляет его следователю для исполнения, при недостаточности оснований – уведомляет следователя о том, чтобы последний освободил лицо, содержащееся под стражей.

Осуществляя прокурорский надзор, прокурор должен внимательно следить за применением следователем данной меры пресечения, продления срока содержания под стражей, устранять допущенные нарушения, а в случае установления отсутствия оснований для содержания лица под стражей прокурор выносит постановление об отмене данной меры пресечения или замене ее иными более мягкими мерами пресечения [2, с. 68]. В случае вынесения прокурором постановления о содержании обвиняемого под стражей он обязан направить данное постановление в следственные органы для исполнения.

Основываясь на всем вышеизложенном, представляется целесообразным и обоснованным сделать некоторые выводы по вопросам взаимодействия следователя с прокурором при применении мер пресечения в сравнении уголовно-процессуальных законов Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам:

1. Процедура привлечения в качестве обвиняемого во Вьетнаме в целом схожа с аналогичным порядком производства данного процессуального дей-

ствия в России. Однако, прокурор во Вьетнаме также имеет право на вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого в случае, когда прокурор уже выдвинул требование на привлечения в качестве обвиняемого, но следователь этого не сделал. При осуществлении прокурорского надзора прокурор также вправе отменить постановление следователя о привлечении в качестве обвиняемого, изменить или дополнить его, если обнаружит что оно вынесено без законных оснований, а также требовать от следователя дополнения документов и доказательств, связанных с привлечением лица к уголовной ответственности.

2. Подписка о невыезде во Вьетнаме является сдерживающей мерой, которая может быть применена не только следователем и судом, но и прокурором. При этом установлено, что в случаях, когда руководители следственных органов всех уровней и их заместители применяют данную меру, они должны согласовать данное процессуальное решение с прокуратурой того же уровня.

3. В России решение о применении в отношении подозреваемого и обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу принимает исключительно суд; во Вьетнаме следователь и прокурор правомочны выносить постановления о заключении обвиняемого под стражей, и при этом прокурор осуществляет право преследования и надзора за применением этих мер следователем.

Список литературы

1. Thông tư liên tịch số 04/2018/TTLT-VKSNDTC-BCA-BQP từ ngày 19/10/2018 Quy định về phối hợp giữa cơ quan điều tra và viện kiểm sát trong việc thực hiện một số quy định của bộ luật tố tụng hình sự. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thu-tuc-To-tung/Thong-tu-lien-tich-04-2018.

2. Trần Thế Linh. Kiểm sát tạm giữ, tạm giam và thi hành án hình sự (Trên cơ sở số liệu thực tiễn tại địa bàn Thủ đô Hà Nội), Tạp chí Cảnh sát nhân dân, Hà Nội, số 5/2021. Trang 68

3. Triệu Văn Mẫn. Biện pháp tạm giam trong luật tố tụng hình sự Việt Nam (trên cơ sở nghiên cứu thực tiễn địa bàn tỉnh Bắc Kạn. Luận án tiến sỹ luật học. Hà Nội, 2019, trang 129.

4. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_66/activity.

Воронина Н. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРАВО ПОТЕРПЕВШЕГО НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ: ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ХОДЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Право потерпевшего на доступ к правосудию реализуется в ходе досудебного уголовного производства в целом ряде аспектов, одним из которых выступает право на участие в доказывании по уголовным делам. Несмотря на значительное количество работ, посвященных участию данного субъекта в собирании доказательств, представленная тема до сих пор пользуется популярностью в научных кругах.

Значимость стадии предварительного расследования для реализации потерпевшим доступа к правосудию очевидна. Так, Л. Н. Масленникова справедливо подчеркивает: «… досудебное производство – начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию» [3, с.93].

Как известно, одной из основных задач стадии предварительного расследования является получение доказательственной базы, необходимой для подтверждения обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, что чаще всего реализуется в результате производства следственных действий. Участие потерпевший в следственных действиях, по нашему мнению, является одним из проявлений его права на доступ к правосудию. Однако есть и другие способы собирания доказательств, в связи с чем считаем целесообразным проанализировать деятельность потерпевшего по сбору и предоставлению имеющихся у него предметов и документов следователю, дознавателю.

В виду того, что на стадии предварительного расследования необходимо предельно результативно совершать действия, которые позволят полно восстановить «картину» совершенного преступления, законодатель наделил потерпевшего правом предоставлять доказательства. Так, ч. 2 ст. 42 УПК РФ гласит: «потерпевший вправе представлять доказательства». Из законодательной формулировки следует, что потерпевший имеет право представлять легитимные доказательства, которые в дальнейшем оцениваются, проверяются уполномоченными на то органами (следователем, судом). Полагаем, что формулировка

[1] © Воронина Н. А., 2023.

статьи является некорректной, так как возникает вопрос: «доказательства ли предоставляет потерпевший?». Некоторые ученые выступают против того, что потерпевший вправе «собирать доказательства» [1, с. 116].

Ссылаясь на ч. 1 ст. 74 УПК РФ, доказательствами признают всевозможные сведения, руководствуясь которыми, дознаватель, следователь, а также суд, прокурор, определяют наличие или отсутствие обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Для признания тех или иных сведений в качестве доказательства они должны быть получены надлежащим субъектом, а также в надлежащем порядке и зафиксированы в надлежащей процессуальной форме.

Обратимся к ч. 2 ст. 86 УПК РФ, указывающей на то, что потерпевший, а также гражданский истец и их представители имеют право собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. При этом совершенно очевидно, что право собирания предметов и документов потерпевшим не может быть реализовано при помощи производства им следственных действий.

На наш взгляд, справедливо подчеркнул С. И. Захарцев, что «наличие у потерпевшего права предоставлять предметы и (или) документы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств предполагает возложение на следователя (дознавателя и др.) обязанности получать и приобщать к уголовному делу представленные потерпевшим объекты» [2, с. 165].

Исходя из этого, следует, что потерпевший не наделен правом признавать полученные им сведения доказательствами, имеющими отношение к расследуемому событию. По этой причине положение, свидетельствующее о том, потерпевший имеет возможность обеспечивать следователя, дознавателя доказательствами, следует рассматривать формально. Этот вывод исходит из того, что потерпевший предоставляет не доказательства, а предметы и документы, которые в последующем будут признаны таковыми лицом, ведущим расследование по уголовному делу. Эту точку зрения разделяет Д. П. Чекулаев, который отмечает: «Нельзя согласиться с мнением, что получение и представление доказательств невластными участниками уголовного процесса правомерно рассматривать, как способ собирания доказательств» [4, с. 172].

Обратимся к правоприменительной практике.

Так, из материалов уголовного дела № 12001451120004… отделения дознания по району Покровское-Стрешнево г. Москвы по факту тайного хищения чужого имущества (ч. 1 ст. 158 УК РФ «Кража») следует: представитель потерпевшего ООО «Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия» – Д. Н. Петрушин в ходе допроса заявил ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела компакт – диска с видеозаписью с камер видеонаблюдения из торгового зала.

Дознаватель, ведущий расследование по данному уголовному делу, ходатайство удовлетворил и приобщил данный компакт-диск в качестве вещественного доказательства к материалам уголовного дела № 12001451120004… [5].

Данный пример наглядно демонстрирует, что представитель потерпевшего предоставил дознавателю не доказательство, а всего лишь предмет, имеющий значение для уголовного дела. Ведь доказательством этот предмет становится

после совершения ряда следственных и иных процессуальных действий уполномоченным на то лицом. Также считаем верным отметить, что сведения, полученные от потерпевшего, подлежат правовой оценке, относительно их достоверности, относимости и достаточности, что напрямую относится к деятельности лица, ведущего расследование по уголовному делу.

На наш взгляд, в целях ликвидации субъективно ненадуманной, а объективно существующей проблемы, считаем наиболее удачным изложением ч. 2 ст. 86 УПК РФ в следующей редакции: «потерпевший, гражданский истец и их представители вправе собирать и представлять письменные документы, предметы, аудио и видеозаписи для приобщения их к уголовному делу с последующей их оценкой следователем, дознавателем с точки зрения: относимости, допустимости, достоверности».

Думается, что предложенные нами новации по совершенствованию процессуального статуса потерпевшего, связанные с расширением объема его прав на стадии предварительного расследования, выступят одной из основных гарантий реализации потерпевшим своего конституционного права на доступ к правосудию.

Список литературы

1. Зайцев О. А., Смирнов С. В. Подозреваемый в уголовном процессе : нормативно-правовые основы участия подозреваемрнр в уголовном процессе, понятие и процессуальный статус подозреваемого, проблемы обеспечеения прав и закономерных интересов подозреваемого. М. : Экзамен, 2005.

2. Уголовно-процессуальное право : учебник / И. А. Антонов [и др.] ; под общ. ред. В. И. Рохлина. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

3. Масленникова Л. Н. Обеспечение потерпевшему от преступления доступа к правосудию в условиях цифровых технологий // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 93–98.

4. Чекулаев Д. П. Потерпевший в уголовном судопроизводстве: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2005.

5. Материалы из архива отделения дознания ОМВД России по району Покровское-Стрешнево г. Москвы.

Горбатых И. М.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Есина А. С.,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

УПК РФ определен процессуальный порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, который является гарантом соблюдения прав и создает условия для получения достоверных выводов по делу.

Так, установленный УПК РФ судебный порядок избрания домашнего ареста реализуется в трех формах:

Во-первых, домашний арест избирается судом по ходатайству органа предварительного расследования: следователя с согласия руководителя следственного органа, а также дознавателя с согласия прокурора (ч. 3 ст. 108 УПК РФ); во-вторых, домашний арест может избираться судом при рассмотрении ходатайства об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу по инициативе стороны защиты или суда (ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ), в-третьих, домашний арест может быть избран в ходе судебного разбирательства судом по собственной инициативе на судебной стадии процесса (ч. 3 ст. 247, ч. 1 ст. 255, п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

В соответствии с ч. 3 ст. 107, ч. 4 ст. 108 УПК РФ, постановление о возбуждении ходатайства об избрании домашнего ареста подлежит рассмотрению единолично судьей с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого. Подозреваемый, задержанный в порядке, установленном ст.ст. 91–92 УПК РФ, доставляется в судебное заседание.

Вместе с тем, изучением материалов уголовных дел установлено, что указанный перечень участников судебного заседания не является исчерпывающим. Так, при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста принимали участие лица, их возбудившие (следователь, дознаватель, руководитель следственного органа). По 20 % уголовных дел в судебном заседании допрашивались лица, проживающие совместно с обвиняемым (подозреваемым), что обусловлено необходимостью уточнения условий приме-

[1] © Горбатых И. М., 2023.

нения домашнего ареста и реализацией указанными лицами права обжалования избранной меры пресечения [2]. По 5 % уголовных дел в судебном заседании допрашивались свидетели и иные лица.

Следовательно, круг лиц, участвующих в рассмотрении ходатайства об избрании домашнего ареста, фактически гораздо шире, чем указано в ч. 3 ст. 107, ч. 4 ст. 108 УПК РФ. При этом, указанные лица могут находиться на значительном удалении от места рассмотрения ходатайства об избрании домашнего ареста.

В связи с чем, представляется актуальным высказанное в научной литературе мнение о целесообразности введения практики рассмотрения ходатайств об избрании мер пресечения с использованием видео-конференц-связи (далее – ВКС) [3, с. 116; 5, с. 121]. Следует отметить, что законодательно такая процедура никак не урегулирована.

Несмотря на указанное обстоятельство, согласно статистическим данным, представленным на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, отмечается тенденция увеличения количества рассмотренных судами первой инстанции уголовных дел и материалов об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу с использованием ВКС. Так, в 2021 г. рассмотрено 12,9 тыс. уголовных дел и 4,5 тыс. материалов об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, в 2020 г. – 15,8 тыс. дел и 9,6 тыс. материалов, в 2019 г. – 7,3 тыс. дел и 688 материалов, в 2018 г. – 6,4 тыс. дел и 604 материала, в 2017 г. – 5,7 тыс. дел и 816 материалов [6].

Рассматривая ходатайства об избрани меры пресечения в виде заключения под стражу, суды используют подсистему ВКС государственной автоматизированной системы «Правосудие» (далее – ВКС ГАС «Правосудие») и руководствуются положениями ч. 4 ст. 240, ст. 278.1, ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ.

Например, 27 июня 2018 г. Орловским областным судом в режиме ВКС рассмотрена апелляционная жалоба адвоката В. А. Алиева в интересах А. Н. Пролубникова на постановление Железнодорожного районного суда г. Орла от 14 июня 2018 г. об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В удовлетворении ходатайства заместителя руководителя следственного органа об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении А. Н. Пролубникова отказано, судом избран залог. Обвиняемому была предоставлена возможность высказаться в дистанционном формате [1].

На наш взгляд, внедрение новой модели избрания домашнего ареста с использованием программы ВКС упростит соответствующие процедуры, сократит процессуальные сроки, время подготовки ходатайств и затраты государства, позволит отказаться от доставки подозреваемого или обвиняемого в зал судебного заседания для рассмотрения ходатайства по существу, расширит круг лиц, участвующих в рассмотрения вопроса об избрании меры пресечения.

Следует отметить, что первые шаги в данном направлении уже сделаны: Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ легализована процедура проведения отдельных следственных действий в дистанционном формате. Первый опыт проведения таких следственных действий уже наработан.

По итогам работы за январь – август 2022 г. положения ст. 189.1 УПК РФ применялись следователями органов внутренних дел при расследовании 139 уголовных дел, по которым проведено 213 следственных действий, в том числе 55 допросов, 148 очных ставок, 13 предъявлений лиц для опознания.

Например, по уголовному делу № 11701050006000174, возбужденному МО МВД России «Лесозаводский» УМВД России по Приморскому краю по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, 1 апреля 2022 г. проведен допрос представителя потерпевшего Н. В. Андрияшкиной, которая проживает в г. Анапе и длительное время не имела возможности прибыть в Приморский край для проведения следственных действий с ее участием.

11 февраля 2022 г., 17 марта 2022 г. и 5 марта 2022 г. по уголовному делу № 12101140014000075, возбужденному 27 апреля 2021 г. Следственной частью СУ УМВД России по г. Белгороду по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, в отношении С. Е. С., В. Д. В. и др., проведены очные ставки между обвиняемым В. Д. В., содержащимся в СИЗО–3 УФСИН России по Белгородской области, и свидетелями В. И., В. А. В., М. С. В., проживающими в Люберецком городском округе Московской области. Для участия в следственном действии свидетели по поручению следователя были доставлены в Люберецкий городской суд Московской области, где проведение следственного действия обеспечивалось путем подключения к подсистеме ВКС ГАС «Правосудие» с дополнительной фиксацией на стационарную видеокамеру.

Вместе с тем, анализируя процессуальный порядок рассмотрения ходатайств об избрании домашнего ареста в режиме ВКС обнаружилось 2 проблемы:

Во-первых, действующими редакциями ст.ст. 107 и 108 УПК РФ дистанционный формат рассмотрения судом ходатайств об избрании меры домашнего ареста не предусмотрен; во-вторых, требуется проведение дополнительных мероприятий по совершенствованию технического взаимодействия.

Так, ВКС ГАС «Правосудие» оборудованы только помещения судов и учреждений ФСИН России, указанная система не интегрирована с ведомственными каналами связи других органов уголовной юстиции. При таких обстоятельствах сотрудники органов предварительного расследования по устной договоренности фактически пользуются оборудованием, принадлежащим Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации.

Например, СУ УМВД России по Астраханской области по уголовному делу № 1210112003000028 по обвинению Г. Н. А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, проведена очная ставка между обвиняемой Г. Н. А. и свидетелем Г. Э. Г., содержащимся в ИК-11 УФСИН России по Краснодарскому краю. Для участия в следственном действии свидетель Г. Э. Г по поручению следователя был доставлен в Советский районный суд г. Астрахани.

Таким образом, расширение сферы применения дистанционных технологий при избрании меры пресечения и проведении следственных действий – это перспективное направление развития в деятельности органов уголовной юстиции. В связи с чем, считаем необходимым:

1) дополнить содержание ст.ст. 107–108, 189.1, 278.1 УПК РФ положениями, предусматривающими возможность рассмотрения ходатайств об избрании домашнего ареста в дистанционном формате;

2) привести в соответствие регламенты технического взаимодействия между всеми органами уголовной юстиции.

Список литературы

1. Апелляционное постановление от 27 июня 2018 г. № 22К-795/2018 // Официальный сайт Орловского областного суда. URL: https://oblsud-orl.sudrf.ru

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/.

3. Вастьянова О. Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Иркутск, 2022. 206 с.

4. Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 120–122.

5. Качалова О. В. Уголовно-процессуальные проблемы информатизации современного уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 9.

6. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru.

Давыдовская М. В.[1],
адъюнкт кафедры управления органами
расследования преступлений
Академии управления МВД России

Научный руководитель:
Победкин А. В.,
начальник кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор

О КОНСТИТУЦИОННОМ ОГРАНИЧЕНИИ ОБЯЗАННОСТИ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Права и свободы человека признаются высшей ценностью (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Каждый гражданин обладает неотъемлемым правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23 Конституции). Указанные конституционные положения определяют и содержание ряда норм действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Публичное начало уголовного судопроизводства предполагает не только обеспечение общественных интересов, но и удовлетворение социальной потребности, направленной на обеспечение защиты прав и законных интересов личности, находящейся в уголовно-процессуальных правоотношениях [6, с. 146–147]. Социальная потребность состоит не только в установлении и наказании преступников, но и в надежности обеспечения процессуальными гарантиями всех участников процесса [7, с. 221].

Между тем, полностью исключить ограничение предусмотренных законодательством прав граждан все же не представляется возможным. В ряде случаев решение задач уголовного судопроизводства достижимо лишь путем их ограничения.

При расследовании преступлений одним из основных способов собирания доказательств являются следственные действия (ч. 1 ст. 86 УПК). Именно при производстве следственных действий, несмотря на отсутствие в УПК их определения [5, с. 3] и перечня, устанавливаются значимые для уголовного дела обстоятельства, происходит не только реализация прав граждан, но и в той, или иной мере допускается вторжение в их жизнь, становится уязвимой информация о частной жизни, личной и семейной тайне, в связи с чем нормативным регулированием должны быть четко очерчены пределы указанных ограничений [11, с. 316].

К гарантиям обеспечения прав в уголовном судопроизводстве законодатель подошел строго, закрепляя среди принципов уголовного процесса норму, обязывающую суд, прокурора, следователя, дознавателя не только разъяснять участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответствен-

[1] © Давыдовская М. В, 2023.

ность, но и предоставлять возможность для осуществления этих прав (ст. 11 УПК). В ч. 1^1 ст. 144 УПК указывая на необходимость разъяснения и обеспечения прав участникам, привлекаемым для производства процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела, законодатель обращает внимание на необходимость реализации конституционного положения, предоставляющего право отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен исчерпывающим перечнем, закрепленным в п. 4 ст. 5 УПК. При этом какие именно производимые процессуальные действия требуют разъяснения положений ст. 51 Конституции Российской Федерации в УПК РФ не раскрывается.

Применительно к производству следственных действий в ч. 5 ст. 164 УПК РФ среди правил, именуемых законодателем общими, нашло отражение лишь положение о разъяснении прав уже вовлеченным в уголовное судопроизводство участникам, указанным в гл. 6–8 УПК РФ. Сам же общий порядок разъяснения прав всем привлеченным участникам в ч. 5 ст. 164 УПК РФ не урегулирован. О разъяснении прав участникам, чей процессуальный статус на момент производства следственного действия либо определен недостаточно полно, либо не определен вообще[1, с. 19; 10, с. 206–207], законодатель умолчал, как и оставил без внимания в отличие от ч. 1^1 ст. 144 УПК РФ регламентацию среди общих правил производства следственных действий, являющихся частью процессуальных (п. 32 ч. 5 УПК РФ), предписаний, направленных на обеспечение и соблюдение конституционных положений, позволяющих отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и своих близких родственников.

Стоит отметить, что положения ст. 51 Конституции Российской Федерации сформулированы, как общее право любого лица. В действующем УПК РФ право воспользоваться указанным конституционным положением нашло отражение в разделе 2 только среди прав, предоставленных потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, свидетелю (п. 3 ч. 2 ст. 42, п. 7 ч. 4 ст. 44, п. 4 ч. 2 ст. 54, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ) и именуется в законе «свидетельским иммунитетом» (п. 40 ст. 5 УПК РФ). Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации перечень этих участников был расширен за счет предоставления данного права подозреваемому и обвиняемому [8], которые и так не несли ответственность за отказ от дачи показаний. Однако наличие представленного права, не исключает возможности производства с их участием различных процессуальных действий, таких как осмотр места происшествия, опознание, получение образцов для сравнительного исследования, использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей, с целью получения доказательств по уголовному делу, что не является нарушением положений ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации [3]. При этом в законодательстве отсутствует ответ на вопрос о перечне процессуальных действий, требующих обязательного разъяснения положений ст. 51 Конституции Российской Федерации и условиях, позволяющих реализовать представленное Конституцией право.

Обратим внимание, что среди ученых отсутствует единое мнение относительно перечня следственных действий, требующих обязательного разъяснения

положений, предоставляющих право отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, указанных в п. 4 ст. 5 УПК РФ. Так, И. В. Смолькова обращает внимание на то, что положения ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации могут быть реализованы исключительно при производстве допроса соответствующих участников уголовного судопроизводства, поскольку только указанное следственное действие охватывается термином «свидетельствовать» [9, с. 56]. В свою очередь, В. В. Николюк и В. В. Кальницкий указывают на то, что не только при допросах, но и получении объяснений, составлении протокола явки с повинной, при производстве очной ставки, предъявлении лица для опознания требуется разъяснения ст. 51 Конституции Российской Федерации [2, с. 25–30]. А. В. Победкин отмечает, что по смыслу ст. 51 Конституции Российской Федерации понятием «свидетельствование» охватываются любые виды сообщений данные в ходе уголовного судопроизводства, как при производстве допросов, так и при производстве иных следственных действий, в связи с чем указанное конституционное положение распространяется на все случаи сообщения информации при производстве всех без исключения следственных действий [4, с. 280].

Не вступая в дискуссию с авторами указанных позиций отметим что, действительно, не все регламентируемые в УПК следственные действия предполагают дачу показаний участниками при их производстве (только допрос и очная ставка), однако в отдельных случаях указанное обстоятельство не лишает их возможности в сообщении устной, или письменной информации в виде сообщений, пояснений, заявлений по существу проводимого действия. При этом заранее предвидеть объем и содержание такой информации не представляется возможным. Так, в качестве примера следует обратить внимание, что при производстве обыска в жилище, участвующее лицо может дать разъяснение о принадлежности, обнаруженных предметов, документов; в ходе осмотра места происшествия сообщить информацию об обстоятельствах, подлежащих доказыванию; по результатам осмотра и прослушивания фонограммы указать на лиц, чьи голоса зафиксированы на прослушиваемой записи; в ходе опознания заявить о причастности опознаваемого к совершению иного преступления и т. д. Сообщенная при производстве следственного действия информация подлежит занесению в протокол (ч. 4 ст. 166 УПК РФ). Между тем сообщения, пояснения, заявления, нашедшие отражение в протоколе проводимого следственного действия, могут содержать сведения против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, что при отсутствии разъяснения положений ст. 51 Конституции Российской Федерации, ограничивает права участников и ставит под сомнение допустимость использования представленной информации в качестве доказательств по уголовному делу.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что требование о разъяснении положений ст. 51 Конституции Российской Федерации должно найти отражение среди общих правил производства следственных действий, и применяться в случаях передачи участниками вербальной (устной, или письменной) информации.

Список литературы

1. Астафьев Ю. В. Нормативные пробелы обеспечения законных интересов участников стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: сборник научных статей IV-й Международной научно-практической конференции, Курск, 16–18 апреля 2015 г. Курск : Университетская книга, 2015. С. 16–24.

2. Николюк В. В., Кальницкий В. В. Применение статьи 51 Конституции Российской Федерации в уголовном судопроизводстве // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства : избранные труды, Омск, 7 мая 2016 г. Омск : Омская академия МВД России, 2016. С. 25–30.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2004 г. № 448-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 46 и пункта 3 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52612/.

4. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005.

5. Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия : монография. М. : Юрлитинформ, 2016.

6. Победкин А. В. Публичность, которую мы потеряли (размышления в связи со 150-летием устава уголовного судопроизводства) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 143–150.

7. Победкин А. В. Уголовно-процессуальный кодекс: текст и народ // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : сборник материалов 3-й Международной конференции, Уфа, 7 апреля 2022 г. / под общей ред. А. Ю. Терехова. Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 218–225.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70262214/.

9. Смолькова И. В. Пределы действия части 1 статьи 51 Конституции Российской Федерации в уголовном судопроизводстве // Академический юридический журнал. 2018. № 3 (73). С. 48–56.

10. Смолькова, И. В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 205–210.

11. Шейфер С. А. Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. Куйбышев, 1981.

Демичева Т. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Земскова А. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Осмотр места происшествия – одно из важнейших первоначальных следственных действий, целью которого является выяснение обстановки места происшествия, обнаружение предметов и документов, которые могут являться в дальнейшем вещественными доказательствами, а также установление иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [1, с. 129].

В условиях активного развития информационных технологий, цифровизации правовой сферы необходимо отметить перспективы использования новых технологий в уголовном судопроизводстве с целью оптимизации тактики производства некоторых следственных действий.

Интересен вопрос использования беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) в рамках производства осмотра места происшествия. В соответствии со ст. 176 УПК РФ осмотр может быть осуществлен с целью исследования места происшествия, участка местности, жилища или иного помещения, а также возможен осмотр предметов и документов. Представляет особый интерес вопрос использования БПЛА при осмотре места происшествия и местности.

Нередки случаи, когда требуется осмотр больших участков местности, например, при необходимости осмотра места дорожно-транспортного происшествия, мест техногенных происшествий или места экологического преступления. По нашему мнению, использование БПЛА возможно с целью фиксации всех подробностей места, подлежащего осмотру, что положительно скажется на сроках и качестве производства данного следственного действия. Однако, необходимо рассмотреть правовые и технические особенности их использования.

В криминалистике используются различные методы аэросъемки. В случае необходимости осмотра больших участков местности разделяют на пилотируемую и беспилотную аэросъемку [5, с. 17]. Аэросъемка, в которой управление летательным аппаратом осуществляется без участия пилота, т. е. лицо управляющее техникой находится непосредственно на земле, называется – беспилот-

[1] © Демичева Т. С., 2023.

ной. Беспилотные летательные аппараты в соответствии с нормами Воздушного кодекса Российской Федерации представляют собой воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящегося вне борта такого воздушного судна (внешний пилот). К беспилотным летательным аппаратам относятся дроны, квадрокоптеры, мультикоптеры и другие устройства, отличающиеся друг от друга некоторыми техническими характеристиками, однако объединяет их возможность дистанционного управления в воздухе.

В настоящее время появилась альтернатива, позволяющая использовать технические средства при производстве следственных действий по аналогии с видео-конференц-связью.

Как было отмечено ранее, эффективно использование БПЛА при осмотре места дорожно-транспортного происшествия на больших участках местности. Использование лишь фотофиксации не позволит в полной мере отразить обстановку места происшествия, что может в дальнейшем создать сложности при оценке доказательств. Существуют ситуации, когда проведение осмотра места происшествия невозможно в силу опасности нахождения на территории лица, осуществляющего следственное действие, например, при осмотре места пожара, когда возможно обрушение сгоревших конструкций. В таком случае использование БПЛА для определения, например, очага пожара становится необходимым.

Использование данных, полученных с БПЛА, сводится не только к видео- или фотофиксации обстановки места происшествия, но также и к возможности составления 3D-модели, позволяющей детально отразить все детали осматриваемой местности.

В данном случае некоторыми учеными выдвигаются предположения о дополнении следственного действия осмотр места происшествия интерактивным осмотром места происшествия.

И. И. Колесников и А. А. Бульбачева предлагают рассмотреть возможность внедрения интерактивного осмотра места происшествия в случае совершения происшествий, имеющих большой общественный резонанс, в ситуации невозможности доступа специалиста или некоторых участников СОГ к месту происшествия (например, в Северных зонах, когда поселения находятся на больших расстояниях друг от друга).

Также авторы указывают, что подобный вид осмотра поможет привлечь к участию и потерпевшего, находящегося в медицинском учреждении, но способного в дистанционном режиме указать на возможные места нахождения орудий преступления и иную необходимую информацию [4, с. 87]. Однако есть вероятность, что при таком виде осмотра будут появляться новые (виртуальные) участники осмотра. По мнению И. И. Колесникова данный вид осмотра возможен посредством сервиса видео-конференц-связи МВД России (СВКС-м).

Интересен вопрос использования результатов, полученных с помощью БПЛА, в качестве доказательств. В соответствии с ч. 6 ст. 164 УПК РФ при производстве осмотра места происшествия возможно использование технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

С. Е. Кузнецов относит БПЛА к категории технико-криминалистических средств как средство фиксации криминалистически-значимой информации [5, с. 16–19]. В то же время существуют и БПЛА, позволяющие использовать средства определения тепловых излучений (тепловизоры), они помогают обнаружить предметы или живые объекты, в связи с чем БПЛА могут также быть и средствами обнаружения. Предполагается возможным дополнить нормы УПК РФ, указав возможность использования научно-технических средств при производстве следственных действий. Однако для подобного законодательного закрепления необходима разработка соответствующих регламентов, в которых отражались бы допустимые технические характеристики используемых средств, сфера применения, а также сроки эксплуатации и другие данные, позволяющие в дальнейшем решить вопрос допустимости доказательств с использованием научно-технических средств.

Безусловно, законодатель не в праве предусмотреть и закрепить все возможности использования информационных технологий в процессе расследования. Как справедливо отметил Г. И. Грамович, в законе нельзя указывать конкретный перечень технических средств, так как это создаст проблемы для использования на практике новых технических средств, которые могут быть разработаны со временем [3, с. 32].

Похожего мнения придерживается и В. Г. Болычев, который предлагает выделить критерии допустимости научно-технических средств, таких как: законность, научность и этичность, а также закрепить соответствующие критерии в нормах УПК РФ [2, с. 22]. По мнению автора, это позволит избежать необходимости постоянного дополнения и изменения норм УПК РФ в части использования научно-технических средств, что позволит в будущем внедрять новые средства в уголовно-процессуальную деятельность, соответствующих разработанным критериям.

Реализация подобного предложения нашла свое отражение в нормах Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. В ч. 3 ст. 126 УПК Республики Казахстан предусмотрены условия допустимости использования научно-технических средств. К таким условиям относятся: законность; научная состоятельность; безопасность; обеспечение эффективности производства по уголовному делу.

Законодатель также определяет необходимость участия понятых при производстве некоторых следственных действий. В случае, указанном в п. 3 ст. 170 УПК РФ следователь вправе применить технические средства фиксации хода и результатов следственного действия. В таком случае важен вопрос допустимости использования в данной ситуации БПЛА.

Таким образом, для решения поставленных задач требуется разработка рекомендаций и регламентов, определяющих как порядок использования беспилотных летательных аппаратов в правоохранительной деятельности, так и их характеристики, что в дальнейшем позволит выработать критерии допустимости использования научно-технических средств при производстве следственных действий.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г. П. Химичева [и др.] ; под ред. Г. П. Химичевой, О. В. Химичевой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити : Закон и право, 2004.

2. Болычев В. Г. Применение научно-технических средств в процессуально-тактической деятельности следователя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2012.

3. Грамович Г. И. Основы криминалистической техники. Минск, 1981.

4. Колесников И. И., Бульбачева А. А. Инновационный подход к проведению осмотра места происшествия с использованием передовых технологий // Академическая мысль № 4. 2018. С. 85–88.

5. Кузнецов С. Е. Криминалистическая аэросъемка // Российский следователь. 2019. № 3. С. 16–19.

Денисова М. Д.[1],
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО: СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ ИЛИ МЕРА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ?

Дискуссия ученых-процессуалистов относительно правовой природы института наложения ареста на имущество не теряет актуальности на протяжении многих лет. Неоднозначность мнений, имеющихся в юридической науке, обусловлена законодательной трансформацией института наложения ареста на имущество в уголовном процессе: от средства обеспечения иска до меры процессуального принуждения.

В УПК РФ имеется гл. 14, которая включает в себя 3 статьи, устанавливающая правовую основу и процессуальный порядок процедуры наложения ареста на имущество.

Упомянутый институт за период своего существования подвергся многим изменениям и дополнениям, следовательно, имеет достаточную правовую регламентацию и каких-либо разногласий касаемо его правовой природы, казалось бы, быть не должно.

Однако следует обратить внимание на некоторые нормы УПК РФ, которые подогревают дискуссию о том, чем же в настоящее время является наложение ареста на имущество.

К таковым, по нашему мнению, относятся:

– ч. 5 ст. 165 УПК РФ, которая регламентирует наложение ареста на имущество в случаях, не терпящих отлагательства, наряду со следственными действиями, такими как обыск, выемка и т. д.;

– ч. 1 ст. 115 УПК РФ – носит отсылочный характер относительно вопроса рассмотрения ходатайства судом о наложении ареста на имущество, а именно ч. 1 ст. 115 отсылает к нормам ст. 165 УПК РФ, в которой регламентирован порядок получения судебного разрешения при производстве именно следственных действий;

– ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, регламентирующая порядок участия понятых при производстве следственных действий, к которым относит и наложение ареста на имущество;

---

[1] © Денисова М. Д., 2023.

– ч. 8 ст. 115 УПК РФ – тоже носит отсылочный характер в части, касающейся порядка и процедуры составления протокола о наложении ареста на имущество, а именно отсылает к нормам ст.ст. 166 и 167 УПК РФ, которые регламентируют порядок составления протокола при производстве следственного действия.

Все вышеперечисленное вводит в заблуждение многих ученых-процессуалистов, относительно правовой природы рассматриваемого института. Приведенные нами нормы УПК РФ следует считать недостатками правовой регламентации института наложения ареста на имущество, но никак не аргументами в подтверждение того, что наложение ареста на имущество является следственным действием.

Обратившись к истории, мы видим, что указанные недостатки берут свои истоки в УПК РСФСР 1960 г. [1], в котором основания ареста на имущество были предусмотрены в одной главе с обыском и выемкой (гл. 14). Статья 176 УПК РСФСР 1960 г., кроме наложения ареста на имущество, регламентировала правила составления протокола при производстве обыска, выемки. В этой статье в части, касающейся содержания протокола, была отсылка к нормам ст.ст. 141–142 данного Кодекса, которые регламентировали составление протокола при производстве следственных действий.

Придерживаясь проведенного анализа законодательства, мы приходим к выводу, что при подготовке проекта действующего УПК РФ, некоторые положения были заимствованы из ранее действовавших нормативных правовых актов, без должной переработки.

Это, в свою очередь, и породило не совсем правильную точку зрения относительно правовой природы рассматриваемого нами института.

Так, В. А. Ионов, относя наложение ареста на имущество к средствам получения доказательств по уголовному делу, обосновывает свою позицию тем, что порядок составления протокола ареста на имущество идентичен порядку составления протокола следственных действий [2, с. 10]. Как мы уже упоминали, ранее нормы, регламентирующие порядок составления протокола, являются законодательной недоработкой и нецелесообразно ввиду подобных недоработок относить наложение ареста на имущество к числу следственных действий.

В. Н. Галузо и Р. Х Якупов относят наложение ареста на имущество к принудительным следственным действиям. Упомянутые авторы убеждены, что при его производстве поисково-познавательные цели могут выражаться в обнаружении имущества, приобретенного преступным путем [3, с. 362]. С упомянутой позицией мы согласиться не можем, поскольку в ходе изучения уголовных дел нами было обнаружено, что в большинстве случаев следователь либо дознаватель заблаговременно изымает имущество, которое планирует подвергнуть аресту в ходе обыска, выемки, осмотра места происшествия. Далее производит оценку имущества и в ходатайстве в суд прописывает конкретное имущество и его стоимость. Следовательно, следователем либо дознавателем заранее проводятся следственные, либо процессуальные действия, направленные на установление законности приобретения имущества.

Рассматриваемый вопрос являлся предметом исследования и С. Б. Россинского, в ходе которого он приходит к выводу, что относить наложение ареста на имущество к числу следственных действий ошибочно. Сергей Борисович обосновывает свою позицию, тем, что рассматриваемый институт не направлен на установление новых сведений, имеющих значение для уголовного дела, не связан с получением доказательственной информации. По справедливому мнению С. Б. Россинского, наложение ареста на имущество носит чисто обеспечительный характер [4, с. 16].

В ходе проведения исследования нами был проанкетирован ряд сотрудников подразделений органов внутренних дел и других правоохранительных органов, из которых 99 % респондентов, считают наложение ареста на имущество мерой процессуального принуждения и лишь 1 % – относит наложение ареста на имущество к следственному действию (при подготовке статьи проанкетировано 44 респондента (следователи, дознаватели органов внутренних дел, судьи, сотрудники прокуратуры Российской Федерации). Исследование проводилось в Орловской области в июне – октябре 2022 г.).

По итогам исследования мы придерживаемся точки зрения, в соответствии с которой наложение ареста на имущество является самостоятельной мерой процессуального принуждения, которое имеет ряд признаков, отличающих его от следственных действий.

К таковым признакам мы относим:

а) рассматриваемый институт имеет своей целью обеспечение имущественных взысканий, обозначенных в ч. 1 ст. 115 УПК РФ, а главным предназначением следственных действий является собирание доказательств по уголовному делу;

б) в протоколе наложения ареста на имущество не содержатся сведения, которые составляют предмет доказывания по уголовному делу;

в) наложение ареста на имущество возможно на любой стадии производства по уголовному делу (в том числе в судебном разбирательстве), а следственные действия могут проводиться только на досудебном этапе;

г) из содержания п. 3.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ мы видим, что изначально обнаруживается имущество в ходе проведения следственных действий, а уже в последующем на него может быть наложен арест;

д) возмещение имущественного вреда вследствие незаконного применения к лицу наложения ареста на имущество регламентируется гл. 18 УПК РФ, а возмещение вреда, причиненного в ходе проведения следственных действий, происходит в соответствии с нормами гражданского законодательства;

е) ч. 5 ст. 115.1 УПК РФ разрешает действие наложенных ограничений по приостановленному уголовному делу, в свою очередь производство следственных действий по приостановленному уголовному делу невозможно;

ж) наложение ареста на имущество допускается в отношении лиц, не обладающих процессуальным статусом по уголовному делу.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что наложение ареста на имущество в уголовном процессе следует понимать, как самостоятельную меру процессуального принуждения, сущность которой заключается в ограни-

чении конституционных прав собственника, связанных с владением, распоряжением и пользованием имуществом.

Также хотелось бы отметить, что законодателю следовало бы нормы, тем или иным образом затрагивающие институт наложения ареста на имущество, сгруппировать в гл. 14 УПК РФ, поскольку это поможет исключить ряд вопросов касаемо правовой природы рассматриваемой меры.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/3975252/.

2. Ионов В. А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях : автореферат дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020.

3. Галузо В. Н., Якупов Р. Х. Уголовный процесс : учебник. 7-е изд. М. : Теис, 2013.

4. Россинский С. Б. Следственные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела // Российский следователь. 2014. № 23. С. 12–17.

Ендольцева А. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ РАССМОТРЕНИЮ ОБРАЩЕНИЙ, ПОСТУПИВШИХ В СУД НА ЭТАПЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Институт судебного контроля в досудебном производстве по уголовному делу является одним из важнейших способов обеспечения прав и свобод, а также законных интересов участников уголовного судопроизводства [6, с. 57]. Законодатель идет по пути укрепления процессуального положения рассматриваемого института, предоставляя суду новые полномочия в рамках судебно-контрольной деятельности, предусмотренной ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Одним из последних таких изменений УПК РФ стало установление и продление срока применения залога (Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ).

В отличие от других форм контроля и надзора, судебный контроль обладает свойством процедурности (осуществляется в установленной законом уголовно-процессуальной форме). Его реализация происходит в рамках судебного заседания (судебно-контрольной процедуры). Например, судебно-контрольные процедуры по рассмотрению и разрешению судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий (ст. 108 УПК РФ); по рассмотрению жалоб, поступающих в суд в ходе досудебного производства по уголовному делу (ст. 125 УПК РФ); по получению разрешения суда на производство следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан (ст. 165 УПК РФ) и др. Выделенные нами процедуры более или менее подробно регламентированы в соответствующих статьях уголовно-процессуального закона.

Однако для того, того чтобы судебное заседание по решению вопроса в рамках того или иного вида судебного контроля в досудебном производстве состоялось, судья должен осуществить подготовительную деятельность, предшествующую рассмотрению в поступившего обращения в судебном заседании.

В настоящее время подготовительная деятельность, предшествующая судебному заседанию в досудебных стадиях, не имеет под собой правовой осно-

[1] © Ендольцева А. А., 2023.

вы, о чем обоснованно отмечается в научной литературе [4, с. 3]. А ведь без нее, как мы полагаем, невозможно назначить и провести судебное заседание.

В рамках такой подготовительной деятельности происходит решение вопроса о подсудности; извещение заинтересованных лиц о дате, времени и месте судебного заседания и их праве участвовать в нем; ознакомление заинтересованных лиц с материалами, поступившими в суд; истребование судом по запросу или ходатайству сторон дополнительных материалов; вынесение решения о назначении судебного заседания или иного решения с отражением в постановлении всех необходимых вопросов.

В настоящее время практика по вопросам подготовительной части судебного заседания в досудебном производстве не одинакова. Так, например, из трех названных выше судебно-контрольных процедур подготовительная деятельность при рассмотрении обращений частично раскрыта только по вопросу рассмотрения и разрешения судьей жалоб (ст. 125 УПК РФ). Однако это сделал не законодатель, рекомендации судам по данному вопросу представлены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 [1] (в отличие от постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 [2]).

Верховный Суд Российской Федерации в постановлении № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» рекомендует судьям в ходе предварительной подготовки к судебному заседанию выяснять, подсудна ли жалоба данному суду, подана ли она надлежащим лицом, имеется ли предмет обжалования в соответствии со ст. 125 УПК РФ, содержит ли жалоба необходимые сведения для ее рассмотрения (п. 7 Постановления). Кроме того, следует выяснять, не воспользовался ли заявитель правом, предусмотренным ст. 124 УПК РФ, и не имеется ли решения об удовлетворении такой жалобы (п. 8 Постановления). Судьям также рекомендовано выяснять, не завершено ли предварительное расследование по уголовному делу (п. 9 Постановления).

В этом постановлении говорится о необходимости своевременного извещения о месте, дате и времени судебного заседания заявителя, его защитника, представителя (законного представителя), прокурора, участие которого является обязательным, руководителя следственного органа, следователя, осуществляющего расследование по делу, по которому принесена жалоба. В постановлении (п. 10) сказано также о том, что подлежат извещению иные лица, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением.

Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 «если лицо, заявившее ходатайство, содержится под стражей …, судье надлежит принять меры, обеспечивающие его участие в судебном заседании, поскольку на основании ч. 4 ст. 125 УПК РФ заявитель обладает правом обосновать свою жалобу, а в заключении – выступить с репликой».

При изучении материалов судебной практики мы обнаружили случаи, когда это право не соблюдалось. Например, К., содержащийся под стражей, подал апелляционную жалобу, указав, что, несмотря на его ходатайство об участии

в судебном заседании посредством видео-конференц-связи судья рассмотрел жалобу в его отсутствие. Обосновал судья невозможность участия К. в судебном заседании отсутствием связи с исправительным учреждением, в котором содержится последний. Суд апелляционной инстанции отменил решение нижестоящего суда, признав принятые районным судом меры по обеспечению Копырова в судебном заседании ненадлежащими и неисчерпывающими [3].

Считаем, что в анализируемом выше случае, судья мог отложить судебное заседание с целью обеспечения участия в нем заинтересованного лица, тем более, что Пленум в абз. 4 п. 10 анализируемого постановления упоминает о возможности судьи вынести постановление об отложении судебного заседания по жалобе ввиду неявки заявителя по уважительным причинам и настаивающем на рассмотрении жалобы с его участием. Считаем, что возможность отложения судебного заседания по рассмотрению жалобы с целью обеспечения явки заинтересованного лица должна быть закреплена в самом уголовно-процессуальном кодексе.

В любом случае о принятом решении должен быть уведомлен заявитель, направивший жалобу в суд.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что подготовительная деятельность, предшествующая рассмотрению в суде обращений, в рамках судебного контроля в досудебном производстве по уголовному делу нуждается в правовой регламентации. Считаем, что она должна быть единой для всех судебно-контрольных процедур, в связи с чем в ст.ст. 108, 125, 165 УПК РФ и статьях, регламентирующих иные процедуры, закрепить отсылку к гл. 33, 35 УПК РФ. Однако для того, чтобы не загружать уголовно-процессуальный закон нормами судебного делопроизводства, что обоснованно критикуется учеными [5, с. 49], на наш взгляд, целесообразно издание отдельного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам подготовительной деятельности судьи, предшествующей рассмотрению в судебном заседании поступивших обращений в рамках судебного контроля в досудебном производстве, с указанием особенностей такой деятельности применительно к имеющимся в УПК РФ процедурам судебного контроля.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 28.06.2022) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск. № 4851.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Российская газета. Федеральный выпуск. № 138.

3. Апелляционное постановление Московского городского суда от 7 сентября 2020 г. по делу № 10-16244/2020 // Официальный сайт Московского город-

ского суда. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zyuzinskij/services/cases/criminal-materials/details/4125f598-6108-49a0-9fd3-34a1addb69af?respondent=Копыров.

4. Крипиневич С. С. Институт подготовки к судебному заседанию и формы его реализации в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Ульяновск, 2019.

5. Россинский С. Б. О проникновении в Уголовно-процессуальный кодекс правил следственного делопроизводства // Правда и закон. 2022. № 3 (21). С. 43–50.

6. Химичева Г. П., Химичева О. В., Мичурина О. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : учебное пособие для вузов. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2002.

Жусипбекова А. М.[1],
адъюнкт факультета по подготовке
научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России

Научный руководитель:
Россинский С. Б.,
профессор кафедры управления органами
расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, доцент

СУБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Доктриной уголовно-процессуального права назван круг лиц и органов, осуществляющих деятельность по уголовно-процессуальному доказыванию в каждом из его структурных элементов. В своем большинстве ученые-процессуалисты сводятся во взглядах, что к субъектам доказывания относятся две группы участников уголовно-процессуальных отношений: к первой группе относятся те субъекты, для которых доказывание есть обязанность (прокурор, начальник следственного отдела, следователь, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель); ко второй – субъекты, для которых доказывание есть право в силу собственного или представляемого правового интереса в уголовном деле (адвокат (защитник и представитель); частный обвинитель; потерпевший, обвиняемый, подозреваемый, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители) [1, с. 494; 2, с. 222; 3, с. 229].

При этом объем их участия не равнозначен: первая группа субъектов осуществляют деятельность по доказыванию, проходя все ее этапы на постоянной основе с целью установления истинного знания об обстоятельствах, при которых было совершено преступление, ставшего объектом правового познания. Вторая группа – содействует решению задач доказывания эпизодически, т. е. на определенном его этапе, например, при собирании доказательств или их проверке.

Рассматривая классическую структуру доказывания «собирание – проверка – оценка доказательств», возникает ощущение, что данная структура не в полной мере отражает сущность доказывания. Поэтому многие ученые-процессуалисты, наряду с собиранием, проверкой и оценкой доказательств, включают в структуру доказывания и некоторые другие элементы, в том числе так называемое исследование доказательств [4, с. 116].

Перечисленные выше субъекты при уголовно-процессуальном доказывании, осуществляют исследование доказательств как деятельность в рамках самостоятельного структурного элемента доказывания в досудебном производстве по уголовному делу.

---

[1] © Жусипбекова А. М., 2023.

Например, исследование доказательств осуществляется по найденным, обнаруженным, находящимся в распоряжении следователя, дознавателя доказательствам, т. е. после их собирания. Вместе с тем нельзя исключать объективно существующую возможность исследования доказательств одновременно с их накоплением (собиранием), в частности фиксацией в протоколе соответствующего следственного действия. Ярким примером является доказательства, которые оказываются в распоряжении дознавателя, следователя в виде готовых информационных продуктов (предметов или документов), приобщающихся к материалам уголовного дела специальным решением и требующих предварительного их осмотра.

Исследование доказательств как познание доказательственной информации предшествует их оценке, ибо только таким путем может формироваться суждение о ценности этой информации для уголовного дела и путях ее использования по назначению [5, с. 82].

Исследование доказательств, будучи встроенным в общую структуру доказывания и являясь самостоятельным структурным элементом процесса доказывания, заключается в возможности субъекта доказывания надлежащим образом воспринять и изучить отдельные средства доказывания. К примеру, личное прочтение дознавателем или следователем материалов уголовного дела, а также исследования доказательств заинтересованными участниками уголовного судопроизводства: подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и т. д. посредством ознакомления с протоколами следственных действий, а по окончании предварительного расследования – со всеми материалами уголовного дела [6, с. 53].

Исследование доказательств как совокупность мыслительной и практической деятельности субъектов доказывания по восприятию, изучению и рассмотрению доказательств, собранных или собираемых по уголовному делу предполагает осуществление данной деятельности не только вышеперечисленными субъектами, но и иными участниками уголовно-процессуальных правоотношений.

Например, в целях достижения истины по делу законом предоставлено право привлекать к исследованию доказательства эксперта (ст. 57 УПК РФ), специалиста (ст. 58 УПК РФ), которые свои суждения (выводы) об исследуемых объектах (сведениях) выражают в различных процессуальных документах. Так, эксперт свои выводы сообщает в заключении эксперта или в протоколе его допроса; специалист – в протоколе того следственного действия, в производстве которого он принимал участие, т. е. в соответствии с заданием следователя для оказания ему помощи в расследовании преступлений.

Однако, объем полномочий субъектов по исследованию доказательств не одинаков. Например, потерпевший обладает более широкими правами по исследованию доказательств, чем свидетель, ибо он вправе не только давать показания, но и высказывать свои оценочные суждения по поводу возникновения доказательственной информации и ее использования в качестве доказательств. Процессуальное положение эксперта шире, чем специалиста. И тот, и другой при исследовании используют в равной мере специальные знания, од-

нако выводы эксперта являются самостоятельным источником доказательств, а суждения специалиста такого значения не имеют. Если эксперт на основании проведенного исследования дает соответствующее заключение, то специалист такими правами не обладает.

Также, сравнивая процессуальные полномочия субъектов исследования доказательств, наделенных этой обязанностью законодательно, с другими субъектами, очевидно, что субъекты, обладающие правом доказывания, наделены не в полном объеме процессуальными полномочиями по исследованию доказательств. К примеру, такие участники как потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый, защитник обвиняемого, гражданский истец, граждански ответчик и другие субъекты. Участвуя в исследовании доказательств, они никаких решений не принимают, а лишь сообщают следователю свои суждения о возможных путях разрешения каких-то вопросов по уголовному делу. Не обладая большими процессуальными возможностями и полномочиями по исследованию доказательств, указанные субъекты, тем не менее, принимают довольно активное участие в установлении объективной истины по делу.

Объективно в уголовном судопроизводстве доказыванием, в том числе и исследованием доказательств в той или иной мере, занимаются все участники уголовного процесса [7, с. 39; 8, с. 17], которые наделены законом процессуальными правами и обязанностями, участвуют в уголовно-процессуальной деятельности, вступают при этом в определенные уголовно-процессуальные правоотношения и выполняют самостоятельно или способствуют выполнению компетентными органами функций по доказыванию и исследованию доказательств. Степень участия в каждом из этапов доказывания (собирания, исследовании, проверки и оценки) определяется процессуальным положением каждого субъекта. Для одних доказывание, в том числе и исследование доказательств, является их процессуальной обязанностью. Для других – это их процессуальное право.

Таким образом, учитывая сущность исследования доказательств как одного из структурных элементов процесса доказывания, заключающуюся в познавательной и практической деятельности по изучению и рассмотрению доказательств путем их прочтения, наблюдения, сравнения, измерения, описания и т.п. мы пришли к убеждению, что всех субъектов уголовно-процессуальной деятельности, принимающих участие в исследовании доказательств в досудебном производстве по уголовному делу, можно в соответствии с их правомочиями подразделить на:

1. Субъектов, исследующих доказательства в силу их полномочий по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

2. Субъектов, исследующих доказательства в силу задания (требования) следователя.

3. Субъектов, исследующих доказательства в силу реализации своего права на это.

4. Субъектов, исследующих доказательства в силу своих полномочий по защите интересов подозреваемого, обвиняемого.

5. Иных субъектов, исследующих доказательства.

Резюмируя вышеизложенное, считаем, что в исследовании доказательств как одном из этапов уголовно-процессуального доказывания в досудебном производстве по уголовному делу принимают участие все участники уголовного процесса. Объем такого участия различен: одни осуществляют деятельность по доказыванию, другие проходя все ее этапы на постоянной основе с целью установления истинного знания об обстоятельствах, при которых было совершено преступление, ставшего объектом правового познания; другие содействует решению задач доказывания эпизодически, т. е. на определенном его этапе, например при собирании доказательств или их проверке.

Список литературы

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юридическая литература, 1973.

2. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1978.

3. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1995.

4. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография. М. : Норма, 2021.

5. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : Норма, 2007.

6. Россинский С. Б. О собирании, формировании, исследовании и использовании доказательств в уголовном процессе (продолжая дело профессора С. А. Шейфера) // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. №. 4. С. 49–57.

7. Советский уголовный процесс: Особенная часть : учебник для вузов МВД СССР / Ю. Н. Белозеров [и др.] ; под общ. ред. Б. А. Викторова, В. Е. Чугунова. М. : Академия МВД СССР, 1976.

8. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : научно-практическое пособие. М. : Проспект, 2000.

Каримов Б. А.[1],
аспирант Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации

Научный руководитель:
Россинский С. Б.,
профессор кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЗЪЯТИЯ И ОСМОТРА НОСИТЕЛЕЙ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Развитие современного общества ведет к формированию мирового информационного пространства, основанного на развитии глобальных информационно-телекоммуникационных систем. На сегодняшний день наблюдается и анализируется тенденция к увеличению преступлений, совершаемых с использованием носителей цифровой информации и средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей. Кроме того, отличительной чертой вышеуказанной категории преступлений, совершаемых с использованием носителей цифровой информации и средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей является высокая латентность.

В середине XX в. были созданы первые носители цифровой информации, развитие технологий позволило расширить виды, к которым относятся магнитные носители информации (магнитные ленты и диски), дискеты (гибкий магнитный диск), оптические накопители, флеш-накопители, и другие. В свою очередь, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет появилась в 1969 г. В связи с этим возникла проблема в формулировании понятия «информационные технологии», которое было дано в коллективном труде «Развитие определений «информатика» и «информационные технологии» под руководством И. А. Мизина. По мнению авторов вышеназванного труда «информационные технологии» как понятийная категория свое развитие получила в конце 70-х гг. XX в. и была обусловлена научно-техническим прогрессом и, соответственно, началом активного использования технических средств в практической деятельности человека в целом, которая продолжается присутствовать в жизни каждого [2, с. 4–12].

На сегодняшний день широкое распространение получают технологии беспроводной передачи информации с использованием носителей цифровой информации, работы с большими объемами электронных данных, биометрической идентификации, электронных платежей системы *PayPass*, искусственного интеллекта, блокчейн-технологии и др. Цифровые данные становятся новым

[1] © Каримов Б. А., 2023.

экономическим активом, а научно-технологический фактор является определяющим в социально-экономическом развитии страны и будущего мира.

Актуальность данного вопроса освещена в труде С. Б. Россинского «Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств», в которой по мнению автора тенденция развития уголовного судопроизводства, обусловлена научно-техническим прогрессом, в связи с чем возникает необходимость новых способов фиксации информации и определения юридического статуса цифровых носителей информации. С. Б. Россинским неоднократно отмечалось на деструктивные правовые конструкции и ошибочно распространенной следственной практики, выраженной в признании вещественными доказательствами материалов дополнительной фиксации (аудио-; видеозаписей), которые могут расцениваться лишь как наглядные приложения к протоколам следственных действий, в соответствии с ч. 8 ст. 166 УПК РФ [5, с. 229–230, 329].

В дальнейшем с введением УПК РФ, пришедшего на смену УПК РСФСР 1960 г. [1], особенности и порядок изъятия носителей цифровой информации при обыске, выемке, осмотре места происшествия были предметом постоянных споров и обсуждений, данная тема остается дискуссионной по настоящее время. С развитием информационных технологий изменяется повседневная жизнь, и чем больше развивались цифровые технологии, тем острее были эти споры и обсуждения.

До появления ст. 164.1 УПК РФ – Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533 «О внесении изменений в ст.ст. 76-1 и 145-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» изначальные редакции ст. 176 УПК РФ – Основания производства осмотра, ст. 177 УПК РФ – Порядок производства осмотра, ст. 182 УПК РФ – Основания и порядок производства обыска, ст. 183 УПК РФ – Основания и порядок производства выемки предусматривали только единственный вариант действий. В случае, если при производстве осмотра места происшествия, обыска или выемки следователь сталкивался с носителями цифровой информации, на которых содержалась сведения представляющих интерес для следствия, то предусматривало только одно действие – изъятие, альтернативного варианта не существовало, вне зависимости от технического устройства. Обнаружив носитель цифровой информации, имеющий существенное значение для уголовного дела, следователь был обязан изъять данный предмет, надлежащим образом упаковать, исключив доступ к изъятому объекту без нарушения целостности упаковки. После проведения осмотра предметов должен был принять решение по дальнейшей судьбе изъятых предметов [3, с. 110].

С введением ст. 164.1 УПК РФ в части изъятия носителей цифровой информации позволило следователю изымать информацию с носителей цифровой информации, фактически не изымая его, т. е. применение копирования информации. На практике данный порядок изъятия цифровой информации применяется крайне редко. Для достижения объективности и всесторонности при рас-

следовании преступления возникает необходимость в изъятии самих носителей цифровой информации, которые содержат в себе информацию, представляющую интерес для предварительного следствия. Иное изъятие информации с цифровых устройств в виде копирования информации на отдельный носитель цифровой информации фактически не применяется. Данная практика сложилась в виду того, что неопределенный круг «заинтересованных лиц» могут предпринять попытки к уничтожению или изменению цифровой информации, которая содержалась на первичных носителях цифровой информации, либо осуществить последующий удаленный доступ к носителю цифровой информации, представляющей интерес для следствия и видоизменить содержание в случае наличия телекоммуникационной сети Интернет. Хотим отметить, что, с практической точки зрения, копирование информации может занять длительное время, поэтому в данном случае более рациональнее изъять сам объект, нежели информацию с него. Для более подробного анализа и осмотра информации, содержащейся на носителях цифровой информации, необходимо больше времени и специальные познания. При надобности рассматривается вопрос о назначении технической или иной судебной экспертизы.

Учитывая охват распространения киберпреступлений, разнообразие методов их совершения, отсутствие единых алгоритмов выявления и раскрытия, высокий уровень латентности, ошибочно распространенной следственной практики, добиться кардинального улучшения ситуации мерами исключительно организационного и оперативно-разыскного характера не представляется возможным, в связи с чем одним из важнейших направлений реализации государственной политики в сфере противодействия с высокотехнологичными преступлениям является совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Вышесказанное касается ключевых вопросов собирания доказательств на носителях цифровой информации, включая цифровые следы преступлений, электронные документы, а также возможность дистанционного участия в уголовном судопроизводстве.

Необходимо обратить внимание на недостатки правовой регламентации процессуального порядка получения доказательственной информации на носителях цифровой информации, что отражается на качестве расследования уголовных дел, правильности процессуального сбора и оформления доказательств в виде информации на носителях цифровой информации. Кроме того, сложилась неоднозначная и противоречивая практика применения, недостаток научно-обоснованных рекомендаций относительно порядка проверки и использования информации на носителях цифровой информации, в связи с чем негативно сказываются при решении задач уголовного судопроизводства.

Имеем точку зрения о необходимости выделения нового вида обыска (изъятия, выемки) - обыска с носителей цифровой информации. На наш взгляд, такой обыск может осуществляться в двух формах:

1) обыск носителя цифровой информации членами следственно-оперативной группой, находящимися в месте, где она расположена;

2) удаленный (дистанционный) обыск носителей цифровой информации.

Придерживаемся мнения и позиции А. Н. Иванова, который предлагает выделить удаленный (дистанционный) обыск всей компьютерной системы или ее отдельных частей [4, с. 75] Считаем, что в ситуации, когда проводить обыск в обычном порядке нецелесообразно в связи с возможной утратой или изменением информации представляющий интерес для следствия, в данном случае необходимо рассмотреть вопрос об обеспечении явки владельца, далее участвующим лицам (лицу, у которого производится обыск, понятым и др.) разъясняются их права, ответственность, а также порядок производства обыска, их предупреждают о применении технических средств, обыскиваемому предъявляется постановление о производстве обыска и предлагается выдать интересующие следствие документы, хранящиеся в электронном виде на его компьютере – носителе цифровой информации. Естественно, за компьютер обыскиваемое лицо не пускают, ему лишь можно предложить назвать исходные данные (MAC, IP-адреса) своего компьютера, пароль доступа к информации, актуальные сервера с хранилищами, к которым возможно осуществить удаленный доступ. Непосредственно изъятие сведений с носителей цифровой информации должен производить специалист, привлеченный к участию в следственных действиях.

Полагаем, что изъятие цифровой информации и «удаленный» обыск носителей цифровой информации должен идти как дополнение к основному обыску или выемке.

К примеру, С. Б. Россинский указывает на достаточно сильное усложнение законодателем в 2018 г. порядка проведения следственных действий, сопряженных с изъятием носителей цифровой информации и информации с них [6, с. 76].

Хотелось бы отметить проблему при невозможности доступа к носителям цифровой информации, хранящихся на «облачном хранилище» («облачных серверах»), проводя «дистанционно (удаленное) изъятие информации при помощи копирования данной информации, которая представляет интерес для предварительного следствия с привлечение специалистов, которые будут использовать специализированные программные обеспечения для фиксации следов преступления и изъятия, которые имеют существенное доказательственное значение. В настоящее время отсутствует процессуальный порядок «дистанционного» обыска, в том числе с «облачного хранилища» при помощи программных обеспечений, который осуществляют фиксацию следов преступления.

Сказанное, обусловливает необходимость конкретизации самого процессуального определения изъятия и осмотра, в том числе «удаленного» (дистанционного), а также процессуального порядка получения, оценки и использования информации с носителей цифровой информации в уголовном судопроизводстве.

Полагаем, что изложенные доводы позволят достичь значительного прогресса по использованию носителей цифровой информации в доказывании в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/3975252/.

2. Развитие определений «информатика» и «информационные технологии» / И. А. Мизин [и др.] ; под ред. И. А. Мизина. М. : ИПИ АН СССР, 1991. С. 4–12.

3. Гаврилин Ю. В., Победкин А .В. Собирание доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование процессуальной формы // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47).

4. Иванов А. Н. Удаленное исследование компьютерной информации: уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. № 2.

5. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 229–230.

6. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9.

Коновалова Е. А.[1],
адъюнкт факультета
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Есина А. С.,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ

Расследование преступлений, совершенных организованными группами (далее – ОГ), считается сложным процессом с точки зрения доказывания характерных для данной категории преступлений признаков – устойчивости и организованности, выявление и доказывание которых требует от субъекта расследования определенных навыков и опыта. Большое значение на всех этапах предварительного расследования преступлений данной категории имеет правильная организация работы: планирование следственных действий, определение целей их производства и выбор оптимальной тактики, вплоть до определения времени суток их проведения.

Например, обыск в жилище. Говоря о выборе оптимального момента производства обыска, по уголовным делам о преступлениях, совершенных в составе ОГ, следует отметить, что в основном обыски проводятся у всех членов группы в один день, ранним утром на первоначальном этапе расследования, а само производство следственного действия носит рабочее название «реализация», поскольку фактическим основанием для производства обыска служат, как правило, материалы оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД). Именно реализация материалов ОРД используется в обосновании производства обыска при расследовании преступлений данной категории.

Стоит обратить внимание на исследование, в котором учеными была установлена зависимость результативности обыска от того на каком этапе расследования он проводился. Наиболее результативными оказались обыски, которые проводились в день возбуждения уголовного дела, а наименее – в течение 10 дней с момента возбуждения [1, с. 22].

Опыт работы по расследованию преступлений, совершенных ОГ, позволяет автору сделать вывод о том, что если организованная группа задержана в момент совершения ею преступления, то обыски необходимо проводить безотлагательно, а если уголовное дело возбуждается в условиях неочевидности, то ко-

[1] © Коновалова Е. А., 2023.

личество дней, прошедших с момента возбуждения уголовного дела до «реализации», никак не влияет на результативность следственного действия.

Целью производства обыска по делам данной категории является обнаружения и изъятие предметов, относящихся к конкретному виду преступления. Так, по делам о незаконном сбыте наркотических средств необходимо искать упаковку, весы и другие предметы, свидетельствующие о совершении данного преступления. По делам о краже, в первую очередь принимаются меры к установлению похищенного имущества, по делам о разбойных нападениях, совершенных с применением оружия, следует искать оружие.

Как видим, перечень искомых предметов по разным категориям преступлений будет различен, однако, есть кое-что и общее, что может свидетельствовать о совершении преступлений именно организованной группой. Так, при обыске необходимо изымать все средства связи, в том числе сим-карты, технические средства совершения преступления (электронные ключи, средства создания дубликатов ключей, средства подавления GPRS-сигнала), средства конспирации (одежда, перчатки, маски, дубликаты гос. рег. знаков на автомобили), документы подтверждающие факт знакомства и тесного общения членов группы между собой (общие фотографии, подарки с подписями, письма), блокноты, записные книжки, содержащие сведения о распределении денежных средств внутри группы, банковские карточки, особенно если они оформлены на третьих лиц.

Еще одной немаловажной целью проведения обыска у подозреваемых (обвиняемых) по делам о преступлениях, совершенных организованными группами, является обнаружение крупных сумм денежных средств, дорогостоящих предметов и драгоценностей, т. е. обнаружение такого имущества, которое могло быть получено преступным путем и на которое впоследствии может быть наложен арест. Обнаружение вышеуказанных предметов имеет важное доказательственное значение, а внезапное и одновременное проведение обысков у участников организованной группы зачастую деморализует ее членов, что может благотворно сказаться на сотрудничестве некоторых подозреваемых (обвиняемых) с правоохранительными органами.

После проведения обысковых мероприятий все изъятые предметы осматриваются и, при наличии определенных признаков (ст. 81 УПК РФ), принимается решение о признании их в качестве вещественных доказательств или делается вывод об отсутствии их значения для уголовного дела. В любом случае следователю надлежит определить место нахождения этих предметов до суда (например, камера хранения СО или отдача на хранение определенным лицам). Представляется, что высказанные рекомендации могут быть полезны для правоприменителей.

Отдельно стоит остановиться на тактике проведения такого следственного действия как осмотр мобильного телефона.

Мобильное устройство – это кладезь информации о его владельце, так:

– приложение «мобильный банк» позволяет узнать о движении денежных средств, в том числе и внутри преступной группы, что позволяет установить скупщиков похищенного;

– фитнес-приложения позволяют получить информацию не только о пройденных расстояниях, но и о точном местонахождении пользователя в определенное время, к примеру, на месте совершения преступления с указанием географических координат. Аналогичную информацию о перемещениях можно получить из приложения «навигатор»;

– приложение «умный дом» позволяет удаленно просмотреть видеозаписи, с камер установленных в жилище;

– приложение «родительский контроль» нередко устанавливается супругами на телефон, что впоследствии позволяет получить информацию с камеры и микрофона телефона;

– приложение записи телефонных разговоров также бывает весьма полезным при доказывании организованности преступной группы;

– телефонная книга позволяет установить связи конкретного лица, клички, прозвища членов группы и иные контакты;

– СМС-сообщения и мессенджеры содержат переписку, которая может содержать сведения о плане, подготовке к преступлению, командах на месте преступления и другую, не менее значимую информацию для уголовного дела. К примеру, в переписке по средствам мессенджера *WhatsApp* по уголовному делу № 11901280009000994, расследуемого СЧ по РОПД СУ УМВД России по Тверской области, были выявлены аудиосообщения, в которых члены организованной группы высказывали намерение применить оружие при совершении нападения;

– история браузера позволяет посмотреть сайты, которые посещались. На практике именно подобная информация помогает установить пути сбыта похищенного имущества, ломбарды, куда сдается золото, гостиницы, где останавливались члены организованной группы перед совершением преступления;

– в разделе галерея можно найти фотографии членов организованной группы, фото похищенного, фото документов, имеющих значение для уголовного дела, фото оружия, иногда видеозаписи противоправных или преступных действий.

Надо заметить, что члены преступных групп понимают (или предполагают) тот объем информации, который могут получить органы предварительного расследования, используя указанные источники. Как правило, они принимают определенные меры противодействия. К примеру, в ходе преступления используются так называемые «рабочие трубки», а личные мобильные телефоны передаются родственникам или близким лицам, с целью обеспечить себе алиби. Также предпринимаются попытки к уничтожению информации в телефонах при задержании или обыске. К примеру, по уголовному делу № 117012800 01001287, расследуемого СЧ по РОПД СУ УМВД России по Тверской области, по обвинению организованной группы, возглавляемой П., члены организованной группы при задержании в первую очередь предприняли попытки уничтожить информацию из находящихся при них мобильных телефонов.

В 2018 г. Конституционный Суд Российской Федерации вынес определение, в котором указал, что проведение осмотра и экспертизы для получения инфор-

мации из электронной памяти абонентских устройств, изъятых в установленном порядке, не требует судебного решения.

Несмотря на правовую позицию судебных органов России, в научных кругах продолжается дискуссия о нарушении конституционных прав личности путем осмотра мобильного телефона. По мнению С. А. Грачева [2], анализ электронной памяти абонентского устройства, в том числе и изучение информации из приложений должно проводиться только с санкции суда, а в случаях, не терпящих отлагательства, без судебного решения, с последующим уведомлением суда о проведенных мероприятиях и полученных сведениях.

На наш взгляд, предложенный порядок не является оправданным, так как следователем исследуются не обстоятельства частной жизни лица, а исключительно его причастность к совершению преступления. Следователь в принципе не имеет права разглашать сведения о частной жизни лица, которые стали ему известны в ходе расследования, о чем предусмотрена соответствующая ответственность. Кроме того, память мобильного телефона является неотделимой от носителя и должна осматриваться в совокупности с носителем. Если придерживаться позиции С. А. Грачева, то можно дойти до того, что каждое действие следователя необходимо будет санкционировать в суде. К примеру, изъятые в ходе обыска в жилище какие-либо документы могут содержать личную, коммерческую и иную тайну, в связи с чем, следователю снова придется обращаться в суд для их осмотра? То же самое будет касаться навигатора и регистраторов. Таким образом, следователю придется обращаться в суд за разрешением чуть ли не каждого своего действия при расследовании преступлений, что является в корне неверным.

После проведения комплекса неотложных следственных и процессуальных действий целесообразно приступить к работе с лицами, совершившими преступление. Наиболее полную информацию об организованной группе можно получить в ходе допросов подозреваемых (обвиняемых), получить так называемый взгляд на группу «изнутри». Когда подобные допросы проводятся на первоначальном этапе расследования, то допрашиваемые, как правило, склонны давать правдивые показания. Подобная тактика хорошо себя зарекомендовала при допросе второстепенных участников организованной группы, которые обескуражены внезапностью задержания и, рассчитывая на снисхождение к ним, готовы сотрудничать со следствием.

Как правило, после получения признательных показаний, целесообразно провести проверку показаний на месте с участием подозреваемого. В соответствии со ст. 194 УПК РФ ранее допрошенное лицо в ходе проведения проверки показаний на месте, помимо иных действий, может указывать на предметы, документы и следы, имеющие значение для уголовного дела. Однако процессуальный порядок проведения данного следственного действия не закрепляет порядок действий должностного лица при обнаружении предметов, документов и следов, имеющих значение для уголовного дела (ч. 2 ст. 194 УПК РФ). Возникает вопрос: каким образом следует фиксировать факт обнаружения «новых» следов, предметов или объектов? Очевидность того, что обнаружение новых предметов и объектов в ходе следственного действия должно быть отражено

в протоколе этого следственного действия не разделяется многими учеными и практиками.

В науке уголовно-процессуального права существуют различные мнения относительно заявленной проблемы. Так, М. А. Фомин полагает, что изъятие объектов должно осуществляться путем производства выемки или осмотра места происшествия непосредственно после проведения проверки показаний на месте [4, с. 233]. В свою очередь О. В. Поликашина считает, что производство проверки показаний на месте следует приостановить, провести изъятие обнаруженных объектов с составлением соответствующего протокола (осмотра или выемки), после чего возобновить проверку показаний не месте [3, с. 10–13].

Отметим, что все вышеописанные способы не противоречат УПК РФ, однако некоторые из предложенных влекут необходимость проведения дополнительных следственных действий, что усложняет процесс расследования и требует дополнительных временных затрат. Кроме того, проведение изъятия предметов, документов и следов по окончанию проверки показаний на месте, несет риск утраты или уничтожения данных объектов, особенно при проведении проверки показаний на значительной по расстоянию территории.

Для оптимизации порядка проведения проверки показаний на месте следует более четко урегулировать процессуальный порядок данного следственного действия. С этой целью предлагается ч. 5 ст. 194 УК РФ изложить следующим образом: «Предметы, документы и следы, имеющие значение для уголовного дела, обнаруженные в ходе проведения проверки показаний на месте, должны быть предъявлены участникам следственного действия, изъяты, упакованы, опечатаны, заверены подписью следователя и иных участников следственного действия и отражены в протоколе».

В данной статье были рассмотрены лишь некоторые следственные действия и те проблемные вопросы, которые возникают в ходе их производства при расследовании преступлений, совершенных организованными группами. Надеемся, что позиция автора, послужит основанием к развитию научной дискуссии по отдельным вопросам, а сформулированные рекомендации окажутся полезными для сотрудников следственных подразделений.

Список литературы

1. Бахин В. П., Кузьмичев В. С., Лукьянчиков Е. Д. Тактика использования внезапности в раскрытии преступлений органами внутренних дел : учебное пособие. Киев : Киевская высшая школа МВД СССР, 1990.

2. Грачев С. А. Конституционные права личности при осмотре мобильного устройства: коллизия толкований в правовых позициях высших судебных инстанций России требует законодательного разрешения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (94). С. 134–145.

3. Поликашина О. В. Проверка показаний на месте актуальные вопросы производства // Российский следователь. 2015. № 23. С. 10–13.

4. Фомин М. А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство) : учебно-практическое пособие. М. : Юрлитинформ, 2004.

Сиворакша В. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ендольцева А. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОДЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В условиях постоянного совершенствования способов преступной деятельности, нехватки кадров в правоохранительных органах, увеличения нагрузки на следователей, дознавателей и судебные органы, возникающие на практике проблемы требуют их законодательного урегулирования с учетом современных реалий, отвечающего предписаниям принципов уголовного судопроизводства. Процессуальная деятельность правоприменителя, особенно если она связана с применением мер принуждения и характеризуется вмешательством в круг провозглашенных Конституцией государства прав и законных интересов человека и гражданина, всегда ограничивается сроками, что в полной мере соответствует назначению уголовного производства, регламентированному в ст. 6 УПК РФ. Без установления конкретных сроков деятельность правоохранительных органов перестанет должным образом выполнять свою функцию защиты и охраны прав и свобод граждан и организаций.

Поскольку должностное лицо, осуществляющее расследование уголовных дел или производящее проверку сообщения о преступлении, в своей работе ограничено временными рамками, необходимость проведения дополнительных процессуальных действий влечет за собой возникновение процедуры продления первоначально установленных сроков, при которой правоприменитель сталкивается с рядом вопросов, представляющих интерес для изучения.

Зачастую уже на этапе проверки сообщения о преступлении возникает необходимость в продлении срока ее проведения, а вынесенное перед руководителем следственного органа или прокурором постановление носит формальный характер и не отвечает требованиям, установленным законом, что в большинстве случаев приводит к нарушению прав и интересов заявителя. Напротив, быстрое принятие решения о возбуждении уголовного дела без должного установления всех имеющих значение на данном этапе обстоятельств, также может

[1] © Сиворакша В. В., 2023.

повлечь за собой неблагоприятные последствия для участников уголовного процесса, в том числе репутационные потери физических и юридических лиц.

Данная проблема изучалась А. Е. Урывковой, которая предложила расширить перечень оснований, позволяющих продлевать проверку сообщения о преступлении в срок до тридцати суток, ввиду очевидных различий в процессуальных действиях в отношении разного рода преступлений, уделяя особое внимание длительности производства судебных экспертиз, которые предполагают затраты существенно большего количества времени [1, с. 120–133]. Автор акцентирует внимание на необходимости исключения первоначально установленного трехдневного срока проведения проверки, поскольку на практике редки случаи принятия процессуального решения в столь короткое время, за исключением раскрытия преступлений по горячим следам.

Кроме того, требует изучения устоявшаяся практика вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с указанием не предусмотренного законом основания «ввиду истечения срока проведения проверки» и дальнейшим вынесением руководителем следственного органа либо прокурором постановления об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Такие «негласные правила» стали следствием имеющегося «пробела» в законодательстве, который с течением времени и увеличением количества обрабатываемой информации, усложнением способов совершения преступлений и ввиду иных причин становится все более очевидным. Данную проблему освещали в своих работах и другие авторы, такие как К. С. Частнов, С. А. Грачев, И. В. Стуконог, предложив внести УПК РФ норму, позволяющую производить проверку в разумный срок [2, с. 183–187].

Согласившись с мнением выше указанных авторов, следует также отметить, что определенные виды преступлений изначально требуют регламентации существенно бóльших сроков проведения проверки и расследования, чем установленные законом, с учетом специфики совершаемых деяний. Поэтому представляется актуальной необходимость пересмотра сроков проведения проверки сообщения о преступлении и предварительного расследования, обусловленная особенностями процессуальных действий, проводимых в рамках выяснения обстоятельств совершения и расследования определенных категорий преступлений, например, совершенных в сфере экономики, которые изначально предполагают анализ большого количества документации, проведение осмотра электронных носителей информации и компьютерной техники, банковских выписок по расчетным счетам и многое другое. Виды преступных деяний, количество эпизодов, лиц, их совершивших, специфичные способы совершения преступлений, длительный характер совершаемых преступных действий и т. д. – все это является факторами, влияющими на сроки проверки сообщения о преступлении и расследования уголовных дел, которые нельзя не принимать во внимание.

Также мы поддерживаем точку зрения М. Д. Сысоева, который полагает, что сроки предварительного следствия «не должны устанавливаться для того, чтобы стимулировать следователя закончить расследование быстрее, поскольку уголовное дело должно расследоваться в разумный срок, который действительно необходим для установления всех обстоятельств, подлежащих доказыва-

нию» [3, с. 418–423]. Данное высказывание применимо и к срокам проведения проверки сообщения о преступлении, дознания, а также к срокам мер процессуального принуждения. Кроме того, устоявшаяся на практике и регламентированная ведомственными нормативными актами процедура продления вышеуказанных установленных законом сроков по своей сути является инструментом для реализации поставленных целей – ускорение процесса расследования, увеличение количества уголовных дел, направленных в суд, усиление контроля за ходом расследования. Сами по себе перечисленные выше предполагаемые результаты видятся нам положительными и, несомненно, нацелены на обеспечение прав и интересов участников уголовного судопроизводства. Но, вместе с тем, они же зачастую приводят к ухудшению качества расследования уголовных дел, а иногда и к случаям служебного подлога со стороны должностных лиц при проведении следственных действий «задним числом», чтобы избежать процедуры продления срока расследования уголовного дела [4, с. 191–196]. «Гонка» за первое место среди подразделений в субъектах России, стремление направить больше уголовных дел в суд, не разобравшись в деталях, не установив соучастников совершения преступлений, других возможных потерпевших и многие другие факты, которые позволили бы всесторонне разобраться в расследуемом событии – все это порождает чрезмерное усиление контроля при продлении процессуальных сроков и существенно сужает установленные ст. 38 УПК РФ полномочия следователя, в соответствии с которыми он может самостоятельно направлять ход расследования.

Формулировка и содержание самого ходатайства о продлении срока предварительного следствия также имеет существенное значение, поскольку при его составлении необходимо соблюдать баланс между необходимостью сохранения тайны следствия с учетом планируемых действий, обуславливающих вынесение такого ходатайства, и необходимостью соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Не секрет, что в ряде случаев продление процессуальных сроков осуществляется необоснованно, и связано это с неумелой организацией процесса расследования, что, несомненно, нарушает права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

По мнению М. Д. Сысоева [3], деятельность следователя должна быть направлена только на получение доказательств в ходе расследования дела, а процедура продления процессуальных сроков отвлекает его от данного процесса. В связи с чем автором предлагается исключить из УПК РФ норму, регламентирующую первоначально установленный в два месяца срок предварительного следствия, и начинать исчисление такого срока с момента предъявления лицу обвинения или уведомления о подозрении.

Согласившись с позицией М. Д. Сысоева по данному вопросу относительно важности проведения следственных и иных процессуальных действий, направленных на установление истины, и необходимости максимального упрощения процедуры продления процессуальных сроков, стоит отметить, что неограниченный срок проведения проверки и расследования уголовных дел может привести к злоупотреблению со стороны должностных лиц и, как след-

ствие, к нарушению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Описанные выше проблемы не являются исчерпывающими, но в совокупности «задают тон» дальнейшим направлениям для исследования возможных путей их решения, поскольку вопрос применения законодательства в рамках продления процессуальных сроков затрагивает не только интересы должностных лиц, которые эти законы применяют, но и других участников уголовного судопроизводства, чьи права и законные интересы затрагиваются в процессе расследования уголовного дела.

Список литературы

1. Урывкова А. Е. Некоторые проблемы правового регулирования процессуальных сроков в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. № 4. 2021. Т. 2. С. 120–133.

2. Стуконог И. В. Соблюдение разумных сроков на стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 183–187.

3. Сысоев М. Д. Продление сроков следствия, как фактор, ограничивающий процессуальную самостоятельность следователя // Будущее науки-2020 : сборник научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции: в 5 т. 2020. С. 418–423.

4. Мичурина О. В. Оценка эффективности процедур продления сроков предварительного следствия и дознания // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 191–196.

Степаков Д. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ОЦЕНКА СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Говоря о возможности оценки показаний сотрудников полиции или сотрудников органов внутренних дел, необходимо сделать некоторое уточнение. Вести речь об их показаниях именно, как самостоятельном виде доказательств недопустимо, поскольку такого вида доказательств в строго нормативном смысле существовать не может, как не может и существовать процессуального статуса – «сотрудника полиции» или «сотрудника органов внутренних дел».

Потенциальная необходимость придания сотрудникам органов внутренних дел статуса отдельного участника уголовного судопроизводства продиктована очевидной возможностью приобретения в таком случае соответствующих прав, обязанностей и гарантий, что вполне может способствовать повышению допустимости показаний таких субъектов. Вряд ли кто-то возразит тезису о том, что наличие у обвиняемого или, например, потерпевшего такого статуса положительно влияет на допустимость его показаний и на процессе доказывания в целом.

Исходя из существующих реалий, в настоящей статье мы будем рассматривать вопрос оценки именно свидетельских показаний лиц, обладающих административно-правовым статусом сотрудника органов внутренних дел. Оценку показаний сотрудников органов внутренних дел, на наш взгляд, целесообразно разграничить на два «направления»: показания должностного лица, проводившего какие-либо следственные или процессуальные действия, и показания сотрудника, который является непосредственным очевидцем преступления, как и любой другой свидетель. Данное утверждение ни в коем случае не призвано противоречить положениям ч. 2 ст. 67 УПК РФ, оно лишь основано на правоприменительной практике, когда в том числе суды особенно критично относятся к показаниям сотрудников полиции по обстоятельствам проведения ими следственных действий.

Верховный Суд Российской Федерации считает, что «по смыслу закона работник полиции может быть допрошен в суде только по обстоятельствам проведения того или иного следственного или процессуального действия при ре-

[1] © Степаков Д. А., 2023.

шении вопроса о допустимости доказательства, а не в целях выяснения содержания показаний допрошенного лица, поэтому показания этой категории свидетелей относительно сведений, о которых стало известно из их бесед либо во время допроса подозреваемого (обвиняемого), свидетеля, не могут быть использованы в качестве доказательств виновности осужденного» [6].

Данное утверждение зиждется в том числе и на правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации [5], обосновано противоречием практики допросов в том числе дознавателя о содержании показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым положениям п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, согласно которым указанные показания, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, относятся к недопустимым. Ни в коем случае не вступая в полемику с позициями судебных органов, предложим учесть, что свидетельские показания сотрудников органов внутренних дел (в том числе следователей и дознавателей) не являются показаниями допрошенных ими в ходе предварительного расследования подозреваемых или обвиняемых, поэтому их допустимость, вероятно, не может определяться участием адвоката.

В развитие данной точки зрения Т. М. Червонная и Н. Ю. Волосова считают, что приведенные требования следует распространить и на показания других участников производства по уголовному делу, если они ходатайствовали об участии адвоката [9, с. 58]. В данном случае возможно увидеть стремление дополнить существующие правила оценки доказательств, выраженное в необходимости отнесения к недопустимым доказательствам, в том числе показаний дознавателя о содержании показаний подозреваемого, данных им в ходе расследования уголовного дела. Вместе с тем, на практике использование в доказывании по уголовному делу свидетельских показаний сотрудников органов внутренних дел по обстоятельствам допроса подозреваемого может способствовать сохранению информации о преступлении, которая в противном случае может быть утрачена. Допрос (в том числе в судебном заседании) лица, расследовавшего уголовное дело, о содержании показаний подозреваемого (обвиняемого) может быть одним из способов оценки последних с точки зрения относимости, допустимости и достоверности. Е. В. Ветрила утверждает, что формально отсутствуют какие-либо ограничения на допрос должностного лица, производившего расследование уголовного дела [3].

Необходимо отметить, что рассматриваемая категория свидетельских показаний гораздо шире только показаний об обстоятельствах проведения следственных или процессуальных действий. Распространены ситуации, при которых сотрудники полиции являются непосредственными очевидцами преступлений, в том числе связанных с применением насилия в отношении их коллег, использованием поддельных документов, уголовно наказуемым нарушением Правил дорожного движения, когда свидетельские показания таких сотрудников просто необходимы процессу доказывания. Но и в этом случае наблюдается скептическое отношение к таким показаниям, которое объясняется естественной заинтересованностью сотрудника в исходе дела.

В уголовных делах о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ст. 264.1, 327 УК РФ, находящихся в производстве дознавателей УМВД России по городскому округу Коломна, свидетельские показания сотрудников полиции имеют ключевой доказательственное значение и применяются в доказывании по всем указанным уголовным делам. В ходе подготовки настоящей статьи проводилось интервьюирование сотрудников УМВД России по городскому округу Коломна, а также адвокатов. 85 % респондентов положительно высказались о равнозначном доказательственном значении свидетельских показаний сотрудников органов внутренних дел и согласились с утверждением об отсутствии необходимости применения к данным показаниям особенной процедуры оценки. Остальные респонденты, большинство из которых является представителями адвокатского сообщества, поддерживают точку зрения о заблаговременной недопустимости показаний сотрудников органов внутренних дел, в том числе полиции.

Отметим, что в рамках существующей уголовно-процессуальной формы оценки доказательств вполне возможно установить «доброкачественность» показаний сотрудников органов внутренних дел. В качестве иллюстрации данного тезиса возможно привести апелляционное постановление Алтайского краевого суда по жалобам осужденного по ч. 1 ст. 318 УК РФ и его адвокатов, которые среди прочих доводов указывали в жалобе на необходимость критической оценки показаний свидетелей, являющихся сотрудниками полиции, которые по словам одного из адвокатов были заинтересованы в исходе дела. При этом суд апелляционной инстанции обратил внимание на то, что противоречия в показаниях свидетелей устранены в судебном заседании и получили справедливую оценку в приговоре [2]. Мы видим один из многих примеров успешного применения судом стандартной процедуры оценки доказательств, когда именно она, а не заранее установленные критерии, устанавливает их допустимость. Также важно, что в приведенном случае свидетельские показания сотрудников органов внутренних дел дошли до суда апелляционной инстанции, пройдя оценки на предыдущих этапах уголовного судопроизводства, что также говорит об эффективности существующей модели.

На наш взгляд, стремления «внедрить» в правоприменительную практику, а в некоторых случаях и в уголовно-процессуальное законодательство особенные правила оценки тех или иных доказательств прямо противоречит положениям ч. 2 ст. 17 УПК РФ. Любая попытка сделать оценку доказательств индивидуальной по отношению к тому или иному доказательству перечеркнет ключевую особенность этой процедуры – его свободу, которая несмотря на присущую ей субъективную природу (если не брать во внимание достижения искусственного интеллекта) обеспечивает формирование надежной доказательной базы. Формализация оценки доказательств заведомо дискредитирует эту оценку, сделает ее бессмысленной: зачем оценивать доказательство, если заранее известна его «доброкачественность»? Существующие правила оценки доказательств, в идеале, предназначены обеспечить «доброкачественность» любого доказательства, в том числе и рассматриваемой категории (если возможно выделить таковую) показаний. Когда происходит применение общих правил оценки доказательств на конкретной стадии уголовного судопроизвод-

ства и в отношении конкретного доказательства – тогда мы и наблюдаем особенность такой оценки, которая применима абсолютно к каждому доказательству. В этой связи свидетельские показания сотрудников органов внутренних дел не нуждаются в применении к ним особенной процедуры оценки.

Не исключаем наличие необходимости, по аналогии со свидетельским иммунитетом адвоката или судьи, нормативно предусмотреть возможность отказа сотрудника органов внутренних дел от дачи показаний, если речь идет о показаниях следователя или дознавателя по обстоятельствам уголовного дела, которое он расследовал. Если же сотрудник указанным иммунитетом не воспользовался и дает показания, то они подлежат оценке по общим правилам. Признание таких показаний недопустимыми вполне может быть осуществлено в ходе применения «стандартной» процедуры их оценки, в том числе и в ходе судебного разбирательства. Появление же нормативного предписания правоприменителю о признании указанных доказательств недопустимыми повышает риск лишения процесса доказывания важных доказательств.

Наряду с тенденцией, выраженной в весьма критичном отношении к показаниям сотрудников органов внутренних дел, наблюдается и противоположное течение, суть которого заключается в придании таким показаниям заведомой «доброкачественности», которую иногда даже называют «презумпцией доверия» к ним. И это тоже вопросы оценки показаний, которые могут и должны разрешаться в ходе применения установленной УПК РФ процедуры, когда надлежащие субъекты оценивают их по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. «С точки зрения доказательственного права не имеется никаких преимуществ при оценке судом показаний и иных данных, предоставленных сотрудниками полиции по сравнению с другими участниками процесса» [8, с. 128].

Определенный интерес в свете рассматриваемой темы представляет и зарубежный опыт. Общей тенденцией развития института оценки доказательств в общемировой практике, в свете рассматриваемой темы, является отсутствие обособленной формализованной процедуры оценки показаний сотрудников правоохранительных органов. Отмечается огромная роль суда в оценке доказательств. При этом, в некоторых странах наблюдается вышеупомянутая неписанная «презумпция доверия» к сотрудникам полиции.

В частности, в США «полиция пользуется доверием благодаря своему воспринимаемому авторитету и клятве защищать общество и служить ему. Присяжные в большинстве случаев верят сотрудникам правоохранительных органов, даже когда их показания граничат с абсурдом» [4]. При этом из содержания статьи следует, что суд вполне способен уличить полицейского во лжи, применив к его показаниям существующие механизмы оценки, когда его показания могут быть признаны «дискредитированными».

Уголовный процесс Швейцарии [7, с. 201] следует принципу свободной оценки доказательств, заведомо не устанавливая каких-либо преимуществ для того или иного доказательства, в том числе и для показаний полицейских. Примечательно, что ст. 170 УПК Швейцарии предусмотрено право лица на отказ

от дачи свидетельских показаний по вопросам, связанным со служебной тайной, когда «сотрудники органов власти вправе отказаться от дачи свидетельских показаний о тайнах, которые им доверены в официальном качестве или которые стали им известны при исполнении своих обязанностей *ex officio*» [7, с. 749].

В ФРГ к показаниям полицейских относятся также, как к показаниям иных свидетелей: «полицейские являются для них свидетелями, как и все остальные. Климке регулярно проводит судебные разбирательства по делам о преступлениях, связанных с наркотиками. При этом по словам Климке, бывает, что сотрудники полиции говорят неправду: «Часто из якобы более высоких побуждений, например, из-за того, что они хотят защитить информатора». Но это часто можно выяснить «путем некоторого уточнения» [1]. В данном случае мы наблюдаем указание на способность суда к выявлению ложности показаний сотрудника полиции с применением «обычной» процедуры оценки.

Общественный интерес к данное теме, очевидно, объясняется широко обсуждаемой в научных кругах необходимостью введения особенной процедуры или особенных правил оценки показаний, которые дают именно сотрудники органов внутренних дел в статусе свидетеля в ходе расследования уголовных дел. На наш взгляд это связано в том числе с повышенным вниманием общества к персоне сотрудника полиции или органа внутренних дел в принципе, которое нашло выражение в том числе во введении в УК РФ нормы, предусматривающей одним из обстоятельств, отягчающих наказание, совершение преступления сотрудником органов внутренних дел.

Возникает логичный вопрос: почему именно показания полицейских, а не сотрудников других правоохранительных органов привлекают внимание широкой общественности? На наш взгляд, ответ кроется в преимущественной роли органов внутренних в раскрытии и расследовании преступлений. Согласно Краткой характеристике состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 г., 93,2 % всех зарегистрированных преступлений выявляется сотрудниками органов внутренних дел.

Кроме этого, некоторые авторы справедливо полагают, что стремление стороны защиты к опровержению доказательств находит свое выражение в заявлениях о незаконности их получения [3, с. 38], что в полной мере относится и к показаниям сотрудников органов внутренних дел. Причина стремления к опровержению именно рассматриваемой категории показаний, по нашему мнению, кроется в большом доказательственном значении этих обвинительных доказательств. Естественно, что признание таких доказательств недопустимыми может способствовать, в определенных случаях, даже оправданию преступника.

В заключение отметим, что рассуждать об оценке свидетельских показаний сотрудника органов внутренних дел необходимо с точки зрения необходимости выполнения правоприменителем требований ст. 73 УПК РФ. Главная задача оценки доказательств – их сохранение в «арсенале» доказывания на всем протяжении производства по делу. Чем быстрее и качественнее будет установлена недопустимость доказательства, тем быстрее следователь, дознаватель или суд будут принимать меры к поиску и собиранию другого доказательства. Важность оценки рассматриваемой категории показаний состоит исключительно

в их значении для процесса доказывания по конкретному уголовному делу. Оценка таких показаний, как и любых других доказательств должна выполнять задачу их качественного сохранения в уголовном деле, либо своевременного исключения из процесса доказывания.

Список литературы

1. Кауфманн А. Показания сотрудников полиции: «лучшие свидетели»? // Сайт «Legal Tribune Online». URL: https://www.lto.de/recht/justiz/j/polizeibeamte-zeugen-strafverfahren-aussagen-besonders-zuverlaessig.

2. Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции Алтайского краевого суда от 22 мая 2020 г. № 22-1240/2020 // Официальный сайт «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru.

3. Ветрила Е. В. Допрос должностных лиц, ведущих процесс, в качестве свидетелей по уголовному делу // Государство и право в XXI в. 2015. № 1. С. 38–42

4. Флойд Дж. Дискредитированные показания полиции // Сайт «John T. Floyd. Law firm». URL: https://www.johntfloyd.com/discredited-police-testimony.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 44 «По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru.

6. Определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. по делу № 6-УД21-А1 // ЮИС «Легаласт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». URL: https://legalacts.ru.

7. Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. М. : НИПКЦ Восход-А, 2016. 21 с.

8. Цоколова О. И. К вопросу о презумпции доверия полиции // Научный портал МВД России. 2019. № 1. С. 126–129.

9. Червонная Т. М. Волосова Н. Ю. О возможности допроса дознавателей и следователей в качестве свидетелей по уголовным делам // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 57–59.

Фарафонова О. А.[1],
адъюнкт факультета по подготовке
научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России

Научный руководитель:
Россинский С. Б.,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, доцент

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

С момента введения в УПК РФ ст. 278.1, предусматривающей возможность проведения допроса свидетеля, находящегося в помещении другого суда, путем использования систем видео-конференц-связи, предугадывались намерения законодателя на расширение области внедрения видео-конференц-связи в уголовное судопроизводство.

И действительно, спустя 20 лет, законодатель, оценив эффективность технологии, апробированной в ходе производства в первой инстанции, апелляционного, кассационного и надзорного производства, принимает решение расширить область применения видео-конференц-связи и на досудебную стадию. Так, Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ в УПК РФ была введена ст. 189.1, в которой, наряду с допросом и очной ставкой, законодатель предусмотрел возможность проведения и предъявления для опознания путем использования систем видео-конференц-связи.

Интересен следующий вопрос: почему законодатель решил предусмотреть возможность проведения такого следственного действия, как предъявление для опознания в дистанционном режиме? Ведь по своей сути, в отличие от допроса и очной ставки, предъявление не является чисто вербальным следственным действием. Полагаем, логика была следующей: учитывая то, что данное следственное действие является комплексным и обладает достаточно большим «вербальным присутствием», а также помещено в одну главу УПК РФ с допросом и очной ставкой, можно сделать вывод о возможности его проведения с использованием видео-конференц-связи.

У данной процедуры есть практическая выгода – значительное сокращение временных затрат и экономия материальных ресурсов участников уголовного судопроизводства, но как справедливо отмечает А. В. Победкин, «осторожного отношения требуют предложения и законодательные решения в части использования информационно-телекоммуникационных технологий, особенно, дистанционных, при производстве процессуальных действий, требующих обеспе-

[1] © Фарафонова О. А., 2023.

чения процессуальных гарантий прав и законных интересов участников процесса» [1, с. 78].

Во-первых, необходимо отметить, что возникает большое количество вопросов относительно того, каким образом дистанционно предъявлять для опознания предмет и есть ли вообще в этом смысл? Ведь опознать предмет по каким-либо мелким существенным признакам будет затруднительно, учитывая тот уровень технического обеспечения, которым на данный момент оснащены территориальные органы. В своем подавляющем большинстве они не способны обеспечить хорошее качество передаваемого изображения.

Адвокат А. А. Новиков задается вопросом: «Каким образом дистанционно будет предъявляться в соответствии со ст. 193 УПК для опознания документ или подпись в нем? Как опознающий будет определять опознаваемого по мельчайшим чертам лица или голосу?» [2].

Считаем, что в подобных случаях целесообразно направить поручение о проведении данного следственного действия в очном формате, если предметы и опознающее лицо находятся в одном месте. Если же опознающий и предметы, которые необходимо опознать, территориально отдалены друг от друга, целесообразно проводить предъявление по фотографии.

Кроме того, каким образом опознающий сможет опознать лицо по характерным признакам, которые из-за ненадлежащего качества изображения, могут быть вообще неразличимы?

Но даже если решить проблемы с технической стороной данной процедуры, то открытым остается вопрос обеспечения и соблюдения прав опознающего и опознаваемого.

Рассмотрим две существующие в практике ситуации: опознающее лицо и лицо опознаваемое (опознаваемый предмет) оба находятся не по месту производства предварительного следствия; опознающий находится по месту проведения предварительного следствия либо в ином месте, территориально отдаленном от опознаваемого (лица либо предмета).

1. Опознающий и опознаваемый (лицо либо объект) находятся в месте, территориально отдаленном от места проведения предварительного следствия.

В ситуации, когда опознающий и опознаваемый находятся не по месту производства предварительного следствия, возникает вопрос: есть ли вообще необходимость прибегать к использованию систем видео-конференц-связи? Вероятно, целесообразнее направить поручение о производстве следственного действия, ведь иначе следователь, в производстве которого находится уголовное дело, не сможет всецело проконтролировать ход производства предъявления для опознания, а главное – проследить за тем, чтобы соблюдались все необходимые требования, которые являются процессуальными гарантиями обеспечения прав как опознающего, так и опознаваемого (был ли исключен визуальный контакт этих лиц до проведения следственного действия, не было ли подсказок опознающему вне зоны видимости видеокамеры и т. д.). А ведь именно на следователе, в производстве которого находится уголовное дело, лежит ответственность за его проведение.

2. В тех случаях, когда опознающий находится по месту проведения предварительного расследования, либо в ином месте, отдаленном от опознаваемого, применение видео-конференц-связи представляется необходимым.

В этой ситуации именно тот следователь, который направляет поручение о производстве следственного действия, должен разъяснить права, обязанности и порядок проведения опознания, а также предупредить об ответственности опознающего. Отметим, что происходить это должно в присутствии двух понятых и следователя (в случае, если опознающий находится не по месту производства предварительного следствия). После этого та же самая процедура происходит и в отношении опознаваемого лица так же в присутствии двух понятых и следователя, исполняющего поручение. Только после этого происходит подключение к сеансу видео-конференц-связи.

Не стоит забывать и о возможности проведения данного следственного действия в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Здесь целесообразно вести речь об одностороннем сеансе видеоконференц-связи, когда опознаваемое лицо не может видеть опознающего.

Дискуссионным по сей день остается вопрос, касающийся местонахождения защитника или законного представителя опознаваемого. В том случае, если эти лица будут находиться с опознаваемым лицом, то они не смогут анализировать законность проведения следственного действия, а значит, не в полной мере смогут защитить его права. В том случае, если они будут располагаться по месту нахождения опознающего, то в последующем смогут раскрыть его личность опознаваемому, что негативно скажется на его правах. особенно интересен этот вопрос при проведении предъявления для опознания в дистанционном формате.

Интересен тот факт, что законодатель закрепил требование об обязательной видеозаписи хода следственного действия. Это требование должно было компенсировать те упущения процессуальных гарантий прав участников, реализация которых может быть затруднена при проведении опознания посредством видео-конференц-связи. Но так ли это на самом деле?

Исходя из закона, обязательна запись лишь самой видеосвязи. Таким образом, то, что происходит за пределами объектива, будет попросту скрыто от других участников следственного действия. Ведь нельзя исключить случаи «невыгодных» стороне показаний или действий. Как тогда быть со случаями обрыва связи якобы по техническим причинам, когда при повторном сеансе подключения к видео-конференц-связи лицо кардинально меняет свою линию поведения на более удобную и выгодную?

Полагаем, что необходимо производить видеозапись таким образом, чтобы она охватывала место нахождения участника полностью, возможно с нескольких ракурсов для полной видимости обстановки, окружающей лицо. Видеозапись должна производиться непрерывно, без остановки даже в моменты обрыва связи. Следователю необходимо в таких случаях делать на камеру замечания относительно времени начала помех и времени, когда сеанс видео-конференц-связи будет восстановлен.

Статья 189.1 УПК РФ положила конец научным дискуссиям о самой возможности дистанционного производства следственных действий [3, с. 101]. Но отме-

тим все же, что данная статья не является совершенной. Возникает множество вопросов как по поводу порядка организации и проведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания посредством видео-конференц-связи, так и по поводу обеспечения прав участников. Не удивительно, что больше всего вопросов вызывает именно предъявление для опознания. Происходит это в силу того, что даже при производстве данного следственного действия в классическом, не дистанционном формате, оно требует более тщательной подготовки и в организационном является наиболее сложным, нежели допрос или очная ставка.

На дистанционный режим проведения следственных действий распространяется перечень прав участников, предусмотренный статьями УПК РФ, для проведения следственных действий в классическом, не дистанционном формате. Но «заложенный в них позитивный замысел невольно упирается в реалии правоприменительной практики, что во многом делает их не более чем пустой формальностью или просто превращает в профанацию» [4, с. 134].

Переход уголовного судопроизводства к цифровой форме совершения процессуальных действий должен сопровождаться созданием целостной системы процессуальных гарантий.

Список литературы

1. Победкин А. В. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве: рамочность процессуальных гарантий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 77–85.

2. Следственные действия в режиме ВКС // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. URL: https://fparf.ru/news/fpa/sledstvennye-deystviya-v-rezhime-vks/.

3. Плахота К. С. Использование следоваетлем (дознавателем) ВКС при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 95–102.

4. Россинский С. Б. О практике реализации уголовно-процессуального принципа охраны прав и свобод человека и гражданина при производстве следственных действий // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8. С. 133–141.

Яковлева К. Ю.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сумин А. А.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, СОДЕРЖАЩИХ ЭЛЕКТРОННУЮ ИНФОРМАЦИЮ

Статья 85 УПК РФ определила структуру доказывания, как совокупность трех элементов: собирание, проверка и оценка доказательств. Автором научной статьи рассмотрены доказательства, которые содержат электронную информацию. Примерами являются электронные документы, электронная информация сети Интернет. В свою очередь, проверка доказательств состоит в сопоставлении проверяемого доказательства с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установление их источников, а также в получении иных доказательств, которые подтверждают или опровергают проверяемое доказательство (ст. 87 УПК РФ). Логико-структурный анализ позволяет сделать вывод о том, что данный элемент доказывания, в сущности, состоит в проверке такого свойства доказательств, как достоверность, устранении противоречий между проверяемым и ранее проверенными доказательствами и в установлении источников доказательств.

Что касается проверки достоверности доказательств, то в теоретическом и правовом аспектах какие-либо существенные процессуальные проблемы исследователями не выявляются, что объясняется, в частности, преимущественно субъективным характером выводов о соответствии проверяемого доказательства уже проверенным ранее доказательствам. В. С. Черкасов указывает, что «особенность отражения электронной информации не является основанием для априорного скептического отношения к достоверности электронной информации, так как аппаратно-программные средства функционируют по алгоритмам. Электронная информация используется для проверки других доказательств. Суд не подвергает сомнению достоверность электронной информации даже в случаях, когда электронная информация была скопирована и предоставлена участникам уголовного судопроизводства» [1, с. 20–21]. Относительно установления источников доказательств ситуация может характеризоваться как достаточно дискуссионная. Причиной такого положения является отсутствие

[1] © Яковлева К. Ю., 2023.

единства взглядов ученых-процессуалистов на содержание понятия «источник доказательства» и правового определения этого понятия.

По мнению Р. С. Белкина, «достоверным или вероятным может быть только источник доказательств, тот источник, из которого получаем сведения о существовании доказательств и их содержании. Проверка доказательств – это проверка достоверности его существования и достоверности наших сведений о его содержании» [2, с. 59]. Соглашаясь с данной позицией, предлагаем определять достоверность доказательств по источнику доказательств. Таким образом, объективно возникла правовая неопределенность в вопросе о том, что же конкретно должен выяснять правоприменитель в рамках требования рассматриваемой нормы УПК РФ об установлении источника доказательств.

Заключительный элемент структуры доказывания – оценка доказательств, как это установила ст. 87 УПК РФ, включает установление наличия у каждого отдельного доказательства свойств относимости, достоверности и допустимости и достаточности всей совокупности всех доказательств для решения основного вопроса уголовного дела – о доказанности виновности обвиняемого в совершении инкриминированного ему преступления. Взаимосвязанный логический анализ положений ст.ст 86–87 УПК РФ приводит к выводу о наличии общих элементов, входящих в объект проверки и объект оценки доказательств. Прежде всего, это относится к свойству достоверности каждого доказательства.

Обратимся далее к проверке и оценке свойства допустимости каждого доказательства. Здесь необходимо иметь в виду два фактора. Во-первых, по смыслу ст. 75 УПК РФ, доказательство считается допустимым, если оно получено с соблюдением установленного законом процессуального порядка собирания доказательств. Во-вторых, доказательство может рассматриваться, как обладающее свойством допустимости, если оно обладает свойством относимости.

В аспекте темы данной статьи автор полагает остановиться подробнее на анализе первого тезиса. Устоявшимся в теории уголовно-процессуального права считается положение о том, что доказательство обладает свойством допустимости, если оно получено:

1) надлежащим (из числа перечисленных в ч. 1 ст. 86 УПК РФ) субъектом собирания доказательств;

2) из надлежащего источника;

3) с соблюдением процессуальной формы следственного или иного процессуального действия, в результате производства которого было получено конкретное доказательство.

Относительно первого условия допустимости доказательства существенных правовых проблем, как правило, не возникает. Можно лишь отметить некоторую дискуссионность вопроса о том, можно ли включать в понятие «надлежащего субъекта» собирания доказательств тех участников уголовного судопроизводства, которые указаны в чч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ, однако подробный анализ этого вопроса выходит за пределы темы настоящей статьи. С учетом ранее приведенного нами довода о теоретической и правовой неопределенности понятия «источник доказательства» проведение анализа второго условия допустимости доказательства представляется нецелесообразным. Вместе с тем, еще

раз акцентируем внимание на том обстоятельстве, что проверка доказательства требует установление его источника, и оценка доказательства включает оценку, в частности, допустимости доказательства, одним из условий которого большинство теоретиков считает наличие «надлежащего источника» [3, с. 153]. Кроме того, устанавливая процессуальную форму следственных действий, направленных на собирание (получение) доказательств, соответствующие процессуальные нормы прямо указывают надлежащих субъектов названного собирания или подразумевают, что надлежащими субъектами являются государственные органы и должностные лица, перечисленные в ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Таким образом, можно констатировать наличие общего предмета проверки и оценки доказательств. Устанавливая процессуальную форму следственных действий, направленных на собирание (получение) доказательств, содержащих электронную информацию, соответствующие процессуальные нормы прямо указывают надлежащих субъектов названного собирания или подразумевают, кто является надлежащими субъектами. Что касается третьего условия, то здесь можно отметить следующее. Представляется, что установление факта собирания доказательств, содержащих электронную информацию, с соблюдением процессуальной формы, установленной для производства соответствующих следственных и иных процессуальных действий, все же носит в большей степени проверочный, нежели оценочный характер, поскольку в основу вывода полагается сопоставление (сравнение) реального порядка производства указанных действий с предписаниями закона, а не внутреннее убеждение, а последнее представляет собой правило оценки доказательств.

Обобщая изложенное, автор статьи полагает логичным считать предметами проверки наличие свойств относимости, достоверности и допустимости каждого отдельно взятого доказательства, содержащего электронную информацию, а предметом оценки – достаточность всей совокупности уже проверенных доказательств для решения основного вопроса уголовного дела. В случае принятия данного вывода теорией уголовно-процессуального права и законодателем потребуется адекватное изменение соответствующих норм УПК России.

Список литературы

1. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск, 2022.

2. Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств: Сущность и методы. М. : Наука, 1966.

3. Химичева О. В., Сумин А. А. О понятии «источник доказательства» в уголовном процессе России // «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» : сборник материалов Международной научно-практической конференции (Орел, 6–7 октября 2022 г.) : [к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ] : в двух частях. Часть 2. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022. С. 152–157.

Ярмизин М. В.[1],
соискатель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ендольцева А. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ДОКАЗЫВАНИЕ ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПУТЕМ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Окончание предварительного расследования представляет собой заключительный этап досудебного производства, на котором доказательства располагаются в определенной последовательности, оценивается как каждое отдельное доказательство, так и их совокупность, в результате чего уголовное дело прекращается или направляется прокурору для последующей передачи в суд с целью его дальнейшего рассмотрения и разрешения.

Прекращение уголовного дела – это форма окончания предварительного расследования, в рамках которой происходит оценка доказательств, собранных и проверенных по уголовному делу, на предмет их относимости, допустимости, достоверности и достаточности для того, чтобы по уголовному делу было принято законное, обоснованное и мотивированное решение о том, что производство по делу продолжаться не будет, а уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения завершатся.

Таким образом, прекращение уголовного дела является одной из равнозначных форм окончания предварительного расследования. Это вытекает из содержания ч. 2 ст. 6 «Назначение уголовного судопроизводства» УПК РФ, где указано, что «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Хотя само по себе слово «прекращение» означает, что определенное действие оканчивается одномоментно, в уголовном судопроизводстве для принятия соответствующего решения требуется осуществить целый ряд подготовительных действий, причем в том числе в сфере доказывания, связанных с надлежащим оформлением соответствующего процессуального решения.

Прежде всего проблемным видится вопрос относительно того, является ли перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, общим для окончания предварительного расследования в любой из форм [3, с. 80;

---

[1] © Ярмизин М. В., 2023.

7, с. 77; 8, с. 61], или при прекращении уголовного дела требуется устанавливать дополнительные обстоятельства, подтверждающие наличие того либо иного основания для прекращения уголовного дела [1, с. 452; 6, с. 63].

В качестве обоснования вывода по данному вопросу следует, на наш взгляд, использовать содержание ст. 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию», где в перечне обстоятельств в числе прочих указаны и обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния (п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Такие обстоятельства установлены в гл. 8 УК РФ (необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения). Кроме того, в гл. 11 УК РФ указаны обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности (деятельное раскаяние; примирение с потерпевшим; истечение сроков давности).

Естественно, что вышеперечисленные обстоятельства, вызывающие прекращение уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, подлежат доказыванию в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом. Вместе с тем это – лишь частный случай, который, впрочем, подтверждает общее правило о том, что наряду с общими обстоятельствами, подлежащими установлению для того, чтобы деяние было признано преступлением и осужден конкретный человек, необходимо устанавливать и обстоятельства, которые либо однозначно не дают этого сделать, либо предоставляют альтернативу. Кроме того, доказывание обстоятельств, которые вызывают необходимость или возможность прекращения уголовного дела, свидетельствуют об отсутствии у органов и должностных лиц досудебного производства обвинительной направленности, стремления во что бы то ни стало направить уголовное дело в суд.

В этой связи актуальным является вопрос о том, каким образом могут быть классифицированы основания для прекращения уголовного дела.

В настоящее время общепризнанным является мнение, согласно которому основания для прекращения уголовного дела подразделяются на реабилитирующие и нереабилитирующие [2, с. 69; 5, с. 29–30; 9, с. 70–72].

Оригинальную точку зрения высказал А. Я. Дубинский, указав, что имеется еще третья группа оснований – когда компетентные государственные органы по этому же факту ранее уже приняли решение, и это решение не было отменено в установленном законом порядке [4, с. 45–46].

Действительно, такие ситуации встречаются, и они прямо прописаны в законе (наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению – п. 4 ч. 1 ст. 27; наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела – п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), однако если лицо, несмотря на такие ранее принятые решения, все же подверглось уголовному преследованию, то основание, по которому дело прекращено, является реабилитирующим, а лицо

приобретает право на реабилитацию и возмещение вреда. Следовательно, эти основания также сводятся к реабилитирующим.

Хотя прекращение уголовного дела общепризнанно и является результатом ранее проведенного тщательного предварительного расследования, доказывание соответствующих оснований должно происходить и ранее, на различных этапах досудебного производства. Самый ранний этап, на котором может встать данный вопрос, наступает сразу же после возбуждения уголовного дела.

В ч. 4 ст. 146 УК РФ «Возбуждение уголовного дела публичного обвинения» установлена обязательность направления прокурору копии соответствующего постановления. Проверка, которая производится прокурором, ограничена 24-часовым сроком и включает в себя изучение поступивших материалов. Если в результате проверки прокурор придет к выводу, что постановление о возбуждении уголовного дела не соответствует требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ, то он своим постановлением отменяет его и возвращает материалы следователю или дознавателю.

В данном случае основным является временной фактор, ведь законодатель признал, что по истечении указанных 24 часов, если прокурор не вынес постановление, отменяющее постановление о возбуждении уголовного дела, то свои полномочия по отмене он утратил.

Данный 24-часовой срок является окончательным и продлению не подлежит. Если прокурор в этот срок не уложился по любой причине, то он может использовать иные свои полномочия. Он вправе направить письменное требование следователю об устранении нарушений предварительного следствия, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, а также при производстве предварительного следствия (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Что же касается производства дознания, то здесь полномочия прокурора значительно шире. Он не только направляет дознавателю письменное требование, но вправе давать письменные и обязательные для исполнения указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (п. 4), отменять незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Естественно, что данные действия прокурора носят для дознавателя обязательный характер, тем более что прокурор в любом случае при поступлении к нему от дознавателя уголовного дела с обвинительным актом в числе прочих решений вправе прекратить уголовное дело (п. 3 ч. 1 ст. 226 УПК РФ).

Как и иные процессуальные решения, постановление о возбуждении уголовного дела должно быть основано на исследовании определенных доказательств, в результате чего устанавливаются основания для принятия данного процессуального решения.

Такое исследование должно сопровождать весь процесс доказывания в досудебном производстве по уголовному делу, органически сочетаясь с доказыванием иных обстоятельств, имеющих значение для принятия надлежащего итогового решения.

При этом нельзя заранее предположить, когда то либо иное основание возникнет, ведь обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, подлежат доказыванию на всех этапах предварительного расследования, но в каждом конкретном промежутке досудебного производства основное внимание может быть уделено доказыванию не всех без исключения обстоятельств, а некоторых из них (например, на первоначальном этапе, как правило, устанавливаются обстоятельства, характеризующие событие преступления, затем – обстоятельства, характеризующие характер и размер вреда, причиненного преступлением, затем – обстоятельства, подтверждающие виновность конкретного лица, и т. п.).

В этой связи следует признать, что наличие оснований для прекращения уголовного дела должно входить в состав версий, выдвигаемых и проверяемых следователем на протяжении всего досудебного производства по уголовному делу.

Несомненно, следователь, принимая решения, которые по своей сути являются реализацией уголовного преследования (задержание, признание лица подозреваемым по иным предусмотренным законом основаниям, привлечение в качестве обвиняемого и т. п.) должен сформировать в себе внутреннее убеждение в виновности этого лица. Однако такое убеждение должно, во-первых, быть основано на конкретных доказательствах, собранных и проверенных надлежащим образом, во-вторых, зависеть от этапа, на котором осуществляется уголовное преследование, и, в-третьих, не исключать того, что имеются или появятся основания для прекращения уголовного дела (как реабилитирующие, так и нереабилитирующие).

Естественно, квинтэссенцией доказывания при прекращении уголовного дела является этап окончания предварительного расследования, на котором следователь имеет в своем распоряжении весь объем доказательств, и установлены все обстоятельства, имеющие, по его мнению, значение для уголовного дела.

Особенностью деятельности на данном этапе является то, что она, как правило, состоит в оценке доказательств (ст. 88 УПК РФ). Однако, поскольку оценке подвергается определенная совокупность доказательств, а уголовное дело находится в распоряжении следователя, при необходимости он вправе обращаться и к иным элементам доказывания (собиранию – ст. 86, проверке – ст. 87 УПК РФ).

Причем это относится не только к доказательствам, подтверждающим основания для прекращения уголовного дела, но и к иным доказательствам, из числа подлежащих выявлению. Например, здесь может быть установлено, что преступление было совершено иным лицом, а не обвиняемым, что имели место гражданско-правовые, а не уголовно-правовые отношения.

Инициатива собирания новых доказательств может исходить как от самого следователя, так и от иных лиц. Так, следователь может дополнительно проверить наличие или отсутствие оснований для прекращения уголовного дела, находясь в состоянии «информационного равновесия», когда и те, и другие доказательства (например, об отсутствии в деянии состава преступления) равновелики и не позволяют вынести определенное решение, которое впоследствии будет признано законным и обоснованным. Конечно, здесь можно было бы сослаться

на положения принципа презумпции невиновности, согласно которому все неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 14 УПК РФ). Вместе с тем обратим внимание, что в данной норме речь идет именно о неустранимых сомнениях, тогда как во всех остальных случаях следователь обязан предпринять все возможные меры, направленные на выход из ситуации информационного равновесия (естественно, в рамках действующего законодательства).

Собирание новых доказательств также может происходить в связи с необходимостью разрешения ходатайств, поступивших на этапе окончания предварительного расследования, о дополнении материалов уголовного дела или о принятии решения о прекращении уголовного дела. Такие ходатайства могут поступать как в ситуациях, когда разрешается вопрос о направлении уголовного дела в суд, так и без привязки к конкретной форме окончания предварительного расследования. И в том, и в другом случае проверка доказательств осуществляется по общим правилам их собирания, а также посредством применения логических способов (анализ, синтез, сравнение).

Таким образом, доказывание, осуществляемое при прекращении уголовного дела в досудебном производстве, призвано установить, действительно ли уголовное дело подлежит прекращению, и если да, то по какому основанию это должно быть сделано.

Список литературы

1. Алексеев Н. С. Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе // Актуальные проблемы государства и права в период строительства коммунизма. 1967. С. 450–461.

2. Алексеев Н. С., Лукашевич В. З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л. : Ленинградский государственный университет, 1970.

3. Барабаш А. С. Предмет доказывания при прекращении уголовных дел в связи с применением мер административного взыскания // Проблемы укрепления социалистической законности в уголовном судопроизводстве. 1985. С. 76–84.

4. Дубинский А. Я. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования. Киев : Киевская высшая школа МВД СССР, 1975.

5. Казанджан М. А. Прекращение уголовного дела следователем органов внутренних дел. Ташкент : Ташкентская высшая школа МВД СССР, 1987.

6. Ларин А. М. Прекращение следователем уголовного дела в связи с привлечением лица к административной ответственности // Проблемы правосудия и уголовного права. 1978. С. 62–67.

7. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М. : Юридическая литература, 1976.

8. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань : Казанский государственный университет, 1973.

9. Шило Н. Я. Проблемы реабилитации на предварительном следствии. Ашхабад, 1981.

РАЗДЕЛ IV. ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ: НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ КУРСАНТОВ, СТУДЕНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ

Багомедова А. З.[1],
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ НА ЭТАПЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ИЛИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Окончание предварительного расследования в науке уголовного процесса исследовалось в нескольких формах реализации, одной из которых было прекращение уголовного дела или уголовного преследования. Его процессуальный порядок включает комплекс действий следователя и дознавателя, направленных на базовые составляющие уголовно-процессуальной деятельности, а именно: обеспечение законности и обоснованности принимаемого ими решения, а также предоставление дополнительных гарантий для осуществления прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Аргументировано это обосновано в монографии Г. П. Химичевой, О. В. Мичуриной и О. В. Химичевой, содержащей системное исследовании теоретических основ и проблем уголовно-процессуальной деятельности на этапе окончания уголовного дела его прекращением [3].

Принятие решения о прекращении производства можно назвать одним из ключевых в системе процессуальных решений, поскольку оно представляет собой отказ государственных органов от уголовного преследования и одновременно формой разрешения ими уголовного дела. Не по существу, конечно, но все же разрешения. Правовой анализ действий следователя и дознавателя, направленных на уголовно-процессуальное познание на данном этапе, позволило выявить имеющиеся на сегодняшний момент проблемы и предложить пути их решения. Итак, принятие решения об окончании предварительного расследования подразумевает под собой завершение всего процесса доказывания. Следователь и дознаватель, оценивая дальнейшую невозможность движения уголовного дела, приходят к выводу о завершении производства каких-либо следственных действий. В собирании, проверке и оценке доказательств уже нет никакой необходимости. Между тем, их познавательная деятельность еще пол-

[1] © Багомедова А. З., 2023.

ностью не завершена. Иначе, они не смогут прийти к выводу о наличии имеющихся оснований к прекращению уголовного дела или уголовного преследования, их правильному выбору и формулированию вывода об этом в итоговом процессуальном решении.

Помимо установления основания, от следователя и дознавателя требуется определение целого комплекса условий. Последние сопутствуют каждому основанию, могут периодически дублироваться, но в то же время иметь свои особенности. Их объем применительно к отдельным основаниям может быть меньше, к другим больше. Они тоже составляют содержание уголовно-процессуального познания следователя и дознавателя, в ином случае принять решение о прекращении было бы просто невозможно или даже незаконно. Для наглядности покажем это на нескольких основаниях.

К примеру, прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон по ст. 25 УПК РФ допустимо лишь по преступлениям небольшой и средней тяжести. Это должно быть установлено правильной квалификацией преступления и отнесением его к указанной категории. Немаловажное значение имеет, если преступление совершено подозреваемым (обвиняемым) впервые. Что тоже потребует не только мыслительной, но и практической деятельности по отражению данного факта в материалах уголовного дела. Кроме того, он должен примириться с потерпевшим и загладить причиненный ему вред. Статья 25 УПК РФ позволяет закончить досудебное производство на основе именно того, что стороны-антагонисты примирились. Относительно перечисленных условий не возникает проблем в практике их уголовно-процессуального познания, кроме, пожалуй, формы закрепления примирения, поскольку практическая его реализация весьма разнообразна. Отметим, что до тех пор, пока не закреплено в законе такое оформление, любая форма выражения примирения потерпевшего с подозреваемым (обвиняемым) может считаться допустимой, главное, чтобы она нашла подтверждение в материалах уголовного дела. Согласно ст. 25.1 УПК РФ уголовное дело или уголовное преследование в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа прекращается с выполнением аналогичных условий, за исключением лишь примирительного компонента. Мы могли бы и дальше продолжать перечисление условий, но в этом уже нет никакого смысла. По большому числу оснований часто требуемыми к установлению в уголовно-процессуальном познании являются именно: частота совершения преступления, его тяжесть и возмещенный ущерб. Они должны быть в таком качестве, как приведены выше. Есть отдельные исключения, к примеру, касающиеся деятельного раскаяния (ст. 28 УПК РФ). Таким образом, установление оснований и условий составляют основу всей познавательной деятельности органа предварительного расследования на рассматриваемом этапе.

Кроме того, следователю и дознавателю необходимо разрешить еще целый комплекс вопросов по уголовному делу, входящих в сферу его уголовно-процессуального познания, а именно: отменить меру пресечения, снять арест, наложенный на имущество, решить судьбу вещественных доказательств, сообщить о принятом решении участникам уголовного судопроизводства, рассмот-

реть их ходатайства и иных лиц, чьи интересы могли затрагиваться, принять другие меры.

Формулировка вывода об окончании предварительного расследования прекращением уголовного дела или уголовного преследования оформляется соответствующим постановлением. Правила ст. 213 УПК РФ в своем содержании отражают перечень структурных элементов, которые должны быть отражены в данном процессуальном документе. Особого внимания заслуживает согласие обвиняемого или потерпевшего, если оно требуется в установленных законодателем случаях. Так, по нереабилитирующим основаниям в качестве обязательного элемента фигурирует получение согласия подозреваемого (обвиняемого). В ситуациях, когда стороны решили разрешить возникшую проблему мирным путем – законодатель устанавливает согласие потерпевшего. Такие согласия не только должны быть получены, но также удостоверены в рамках познавательной деятельности, а также письменно зафиксированы. Процессуальная познавательная деятельность следователя или дознавателя в рамках окончания предварительного расследования для всех уголовных дел практически идентична. Исключение составляет лишь прекращение уголовного дела или уголовного преследования по ст. 25.1 УПК РФ, которое выражается в особом характере принимаемого решения уже не самим следователем или дознавателем.

При анализе всех законодательно установленных оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования прослеживается весьма неоднозначный подход законодателя, выраженный в разных субъектах, правомочных принимать такое решение. Если прекращение уголовного дела или уголовного преследования на досудебном этапе производится по основаниям ст.ст. 24–28.1 УПК РФ, то оно принимается либо следователем с согласия руководителя следственного органа, либо дознавателем с согласия прокурора. Если же оно прекращается на основе положений ст. 25.1 УПК РФ, то законодатель уполномочивает на то исключительно только суд. Таким образом, содержание уголовно-процессуального познания следователя и дознавателя при принятии решения по данному основанию несколько отличается от «стандартного».

Когда перечень оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования дополнился еще одним – в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, то представители научной доктрины восприняли это двояко. Некоторые исследователи ратовали за включение данного института, видя в нем прогрессивный момент. Другие восприняли его крайне негативно и подвергли конструктивной критике. Выскажем свою позицию. Справедливости ради стоит заметить, что любой новый правовой институт традиционно всегда имеет две стороны: положительную и отрицательную. Законодательные нововведения практически всегда сопровождаются проблемами в правоприменении, последовательное решение и устранение которых не оспоримо. Похвальна позиция законодателя в части попытки нахождения оптимального баланса между публичностью и диспозитивностью. Наше государство в таких нововведениях обращает внимание на личностные приоритеты, а именно на права человека. Так, подозреваемый или обвиняемый имеет возможность не получить судимость при наложении на него указанной санкцион-

ной уголовно-правовой меры. Это существенно для развития уголовного судопроизводства в сторону гуманизации и лишения его репрессивной направленности. И, действительно, какая польза только в том, что лицо приобретет судимость? Могут быть основания его преследовать, но это не всегда нужно и полезно обществу. Наказание является менее эффективным в сравнении с его альтернативой в виде заглаживания последствий своего деяния перед обществом. Тем самым, мы имеет на сегодняшний день своеобразный фильтр, который останавливает движение уголовных дел, избавляет суд от чрезмерной работы, а участников уголовного судопроизводства от недоказанных волнений за свою будущую судьбу.

Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации ежегодно публикует статистические данные о состоянии преступности. На основе статистической информации, в недавнем 2021 г. судебный штраф был назначен в отношении 36,7 тыс. уголовных дел, что на 35,6 % ниже показателя предыдущего 2020 г. В данный период назначение судебного штрафа было в отношении 56,8 тыс. уголовных дел (+8 % к 2019 г.), в 2019 г. – 52,5 тыс. уголовных дел [2]. Данные статистических сводок наглядно иллюстрируют практику применения данной меры, что говорит о ее востребованности и актуальности. Это подчеркнул в своем обзоре также Президиум Верховного Суда Российской Федерации, отметив последовательное ежегодное увеличение ее применения [1].

Имеется и обратная сторона медали в применении ст. 25.1 УПК РФ на практике. Отчасти это зависит от общей тенденции негативного отношения к институту прекращения, который отрицательно сказывается на показателях работы органов дознания и предварительного следствия, так как фактически показывает снижение эффективности их работы. Не секрет, что рост прекращенных уголовных дел по сравнению с предыдущим периодом является отрицательным показателем процессуальной деятельности. Вместе с тем, отдельные проблемы обусловлены противоречивой нормативной регламентацией, когда на лицо оказывается несогласованность норм. Поэтому в контексте данной статьи целесообразно отразить процессуальные особенности уровня познания следователя и дознавателя для их ходатайства перед судом о назначении судебного штрафа, чтобы выявить имеющиеся проблемы правоприменения.

В первую очередь следует обратить внимание на то, что следователь и дознаватель не принимают самостоятельного решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по данному основанию, они лишь ходатайствуют об этом перед судом. Это побуждает их к убедительности обоснования своих доводов перед судом. Отсюда уголовно-процессуальное познание направлено не только на установление требуемых оснований, но и такое их формулирование, чтобы ходатайство было удовлетворено. Тут недостаточно только установить и зафиксировать. Надо убедить суд в принятии требуемого решения, таким образом предоставить дополнительные материалы. Кроме того, к этому необходимо привлечь заинтересованных в исходе дела лиц. Их выводы, тоже должны быть убедительны перед судом.

Деятельность, которая состоит из уведомления заинтересованных лиц и получения их согласия направлена на то, чтобы на завершающем этапе расследо-

вания обеспечить возможность продолжения познавательной деятельности, т. е. эта деятельность осуществляется как для соблюдения прав и интересов участвующих лиц, так и для обеспечения достоверности выводов по уголовному делу. Так, одним из обязательных условий прекращения уголовного дела или уголовного преследования по ст. 25.1 УПК РФ является наличие согласия подозреваемого или обвиняемого. При отсутствии такого согласия у суда имеются все основания в отказе удовлетворения ходатайства. После вынесения ходатайства следователем или дознавателем, начинается этап его рассмотрения. Участие прокурора на данном этапе является обязательным. При этом, прокурор может не поддерживать представленное ходатайство, однако, применение ст. 76.2 УК РФ все равно имеет место быть. На стадии досудебного производства прокурор не имеет процессуальной возможности воспрепятствовать отмене уголовного преследования на основе вынесенного ходатайства, возникновение такого полномочия у прокурора происходит на судебных стадиях, что установлено законодателем в положениях ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ. Фактически прокурорский надзор в отношении следователя в контексте применения данной меры заменяется ведомственным, а именно руководителем следственного органа, что следует из норм ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ. Вынесение ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа может стать завершающим этапом в рамках рассмотрения конкретного уголовного дела, что означает окончание любой процессуальной деятельности в его отношении, но данный этап лишен прокурорского надзора.

Неявка прокурора на судебное заседание в случае, если на нем рассматривается назначение судебного штрафа также не является фактором, препятствующим рассмотрению представленного ходатайства. Рассматриваемая проблема ведет к прямому нарушению одного из главных принципов уголовного судопроизводства – состязательности сторон. Нарушение данного принципа обусловлено тем, что судебный орган может вернуть ходатайство руководителю следственного органа в случае наличия в нем законодательных нарушений или оснований для применения данной меры уголовно-правового характера. Фактически роль прокурора в данном процессе сводится к минимуму, так как возврат данного ходатайства осуществляется, минуя прокурора. Такой установленный законодателем процессуальный порядок впервые в истории уголовного процесса настолько значительно умаляет роль прокурора. При рассмотрении ходатайства судебным органом могут быть выявлены другие основания прекращения уголовного дела в связи с чем выносится отказ в его удовлетворении. В данном случае все материалы дела возвращаются руководителю следственного органа или прокурору.

Мы уже упоминали, что введение законодателем судебного штрафа в качестве уголовно-процессуального института породило немало дискуссий в научном сообществе. Подводя ей итог, хотелось бы констатировать, что она обусловлена многими причинами. В первую очередь, у нововведенного основания прослеживается явная конкуренцию с другими основаниями прекращения уголовного дела. Совершенно очевидно, что они все не должны быть скопированы с какого-то одного единого образца. Но, хотя бы, согласованность между ними

должна присутствовать. Признание вины в контексте применения данной меры уголовно-правового характера не требуется, как и согласие потерпевшего на возмещение ущерба. Фактически возместить причиненный ущерб может любое лицо, не только потерпевший, в том числе и юридическое. Единственным и необходимым условием применения данной меры является возмещение причиненного преступным деянием вреда. Отсутствие условия признания вины в рамках назначения судебного штрафа не раз становилось предметом споров ученых [4, с. 10]. Возникает парадоксальная ситуация: имеется ли возможность направления в суд ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования относительно лица, которые не признает свою вину? На практике традиционным является мнение, что без выяснения отношения обвиняемого к виновности, причем именно о признании им вины, принятие решения о прекращении уголовного дела судебным органом не представляется возможным.

В рамках настоящей статьи мы попытались затронуть отдельные проблемы содержательной стороны уголовно-процессуального познания на этапе прекращения уголовного дела или уголовного преследования, сделав отдельный акцент на принятии такого решения в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Это обусловлено имеющейся проблемностью данного правового института. Наиболее острым вопросом явилось отсутствие надлежащего прокурорского надзора. В связи с чем нам видится целесообразным законодательное закрепление обязательного участия прокурора в судебном заседании при рассмотрении судом ходатайства о применении судебного штрафа, что позволит разрешить пробелы в уголовно-процессуальном законе и восстановить баланс в рамках принципа состязательности сторон.

Список литературы

1. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32908.

2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669.

3. Химичева Г. П., Мичурина О. В., Химичева О. В. Окончание предварительного расследования прекращением уголовного дела : монография. Рязань : Узорочье, 2001. 229 с.

4. Ченцов В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа: теория, законодательство, правоприменение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2018.

Борисова Е. С.[1],
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Жамкова О. Е.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЖИЛИЩЕ КАК МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Одним из важнейших прав человека является право на неприкосновенность жилища, закрепленное в ст. 25 Конституции Российской Федерации. В практической деятельности сотрудников ОВД бывают случаи, когда без ограничения этого права невозможно собрать достаточные доказательства по уголовному делу. Именно для таких случаев, законодатель в УПК РФ приводит строго ограниченный перечень следственных действий, которые могут посягать на неприкосновенность жилища.

Жилище наравне с иными помещениями, предметами и документами участками местности может быть объектом осмотра. Как отмечает Е. Ю. Алонцева, производство осмотра в жилище сопряжено с вторжением в личную жизнь лиц, в нем проживающих, или его собственников и возможным ограничением их прав и законных интересов [1].

Осмотр жилища не допускается до возбуждения уголовного дела. Вместе с тем ситуация кардинально изменяется, если жилище становится местом происшествия. Уголовно-процессуальный закон не предусматривает особенностей осмотра жилища как места происшествия, за исключением того, что оно производится с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Жилище также может быть объектом обыска или выемки, которые производятся только на основании судебного решения или постановления следователя в случаях, не терпящих отлагательств, что допускается в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ. При этом лицу, как свидетельствует правоприменительная практика, которое использует помещение как жилище, необходимо сообщить, в какой из разрешенных законом 3 суток и в каком суде будет проходить это судебное санкционирование, чтобы он мог на нем присутствовать.

Чтобы понимать, какие случаи влекут за собой обязанность спрашивать согласие лиц или получать судебное разрешение, необходимо уяснить, что же такое жилище.

---

[1] © Борисова Е. С.,2023.

Различные нормативные акты по-разному формулируют это понятие. Стоит отметить, что УК РФ и УПК РФ дают определение именно термину «жилище», в отличии, например, от Жилищного кодекса Российской Федерации, где говорится исключительно о «жилом помещении».

Понятие, сформулированное в ст. 5 УПК РФ, звучит так: «жилище – индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания».

Понятие жилища содержится также и в УК РФ, но от понятия, сформулированного в УПК РФ, оно отличается практически одним словом – «предназначенное для проживания». И предполагает, что помещение должно специально строиться для будущего проживания и иметь статус жилого. Понятие же, сформулированное в УПК РФ, можно трактовать значительно шире. Интерпретируя позицию законодателя можно сделать вывод, что в каждом случае необходимости производства следственных действий в жилище должностное лицо обязано выяснить, использует ли его субъект для проживания или нет и если да, то получить судебного разрешение на его производство.

Сочетание законодательных норм и их интерпретация на практике вызывают существенные проблемы в правоприменительной деятельности.

Опрос практиков показал, что они при производстве следственных действий используют то понятие, которое сформулировано в примечании к ст. 139 УК РФ, и не пользуются понятием, данным в УПК РФ, предполагая, что жилище – это все-таки такое помещения, которое специально строилось для проживания лиц, а не любое строение, которые человек будет использовать для проживания.

Помимо следственных действий следователь уполномочен давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) в жилище, а именно производить обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. В соответствии со ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» мероприятия, ограничивающие право на неприкосновенность жилища, проводятся на основании судебного решения, независимо от того, гласными или негласными они являются. В данном законе нет ни определения «жилища», ни определения «жилого помещения». Возникает закономерный вопрос: каким понятием следует пользоваться в данном случае?

На законодательном уровне это вопрос не решен. Также этот пробел до сих пор является довольно спорным вопросом среди ученых. Мнения ученых разделились. Существует три основные позиции:

1. При определении режима производства ОРМ необходимо исходить из понятия жилое помещение. Поскольку в названии ОРМ речь идет не о жилище, а именно о помещении, которое может быть жилым или нежилым, то при определении, является ли помещения жилым, стоит руководствоваться нормами жилищного законодательства, непосредственно регулирующего этот вопрос, а именно, ст. 15 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ).

«Жилое помещение – изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам). Порядок признания помещения жилым и требования, которым должно отвечать жилое помещение, устанавливаются Правительством Российской Федерации в соответствии с ЖК РФ, другими федеральными законами».

2. Производство ОРМ должно проводиться в строгом соответствие с регламентацией понятия жилища, установленных нормами УПК РФ, так как поручение дается следователем, соответственно и определение «жилища» должно использоваться из УПК РФ. Однако следует учитывать, понятие «жилище», сформулированное в УПК РФ по своему объему шире, чем понятие «жилое помещение.

3. Определение «жилища» должно быть взято из УК РФ, а именно из примечания к ст. 139 УК РФ, которое было рассмотрено выше. По общему правилу, сотрудники в своей практической деятельности придерживаются именно этого мнения и действуют в рамках уголовного законодательства.

Таким образом, отсутствие единообразного подхода в понимании дефиниции «жилища» создает определенные трудности в расследовании, раскрытии и предотвращениями преступлений, в связи с чем можно сделать вывод о том, что правовое регулирование производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий в жилище нуждается в совершенствовании.

Список литературы

1. Алонцева Е. Ю. К вопросу об основаниях производства осмотра жилища // Российский следователь. 2015. № 21. С. 3.

Васеха М. С.[1],
курсант института-факультета подготовки
сотрудников для органов
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Подустова О. Л.,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ДОПРОСЕ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Допрос представляет собой следственное действие, проводимое в рамках практически каждого уголовного дела, и является одним из ключевых способов получения информации о интересуемом следователя событии, факте или происшествии. Организация данного следственного действия, правильное техническое оснащение и качество оформления результатов, посредством протоколирования, применения аудио- и видеозаписей, определяет достижение целей допроса. Технический прогресс не оставил без внимания и правоохранительные органы, с развитием различных технических устройств, которые помогают подкреплять доказательственную базу, возникает задача технического оснащения сотрудников предварительного расследования, а также использование ими последних технических достижений.

Основой деятельности следователя является УПК РФ, который определяет основные положения уголовного судопроизводства на различных стадиях процесса расследования по уголовному делу. В частности, в рамках данной статьи рассмотрим нормы, касающиеся возможности использования видео-конференц-связи при допросе на этапе досудебного производства, которые были введены в УПК РФ. До этого момента в правотворческой деятельности ряда ученых не раз вставал вопрос о введении данной нормы на законодательной основе. Основания внедрения данного способа проведения допроса имеет ряд преимуществ. Так, авторы выделяют следующие достоинства:

– экономия времени, причем как следователя, так и допрашиваемого лица, как следствие оперативность получения значимой для следствия информации;

– сокращение сроков предварительного расследования, особенно это касается случаев дальнего нахождения, проживания, командировочной работы допрашиваемых лиц;

– сокращение финансовых затрат, требуемых для проведения данного следственного действия;

[1] © Васеха М. С., 2023.

– обеспечение и поддержание безопасности допрашиваемых лиц, угрозы которых могут быть связаны с их процессуальным статусом;

– эффективность международного сотрудничества в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам.

Кроме того, важным моментом будет являться то, что данный способ может выступать дополнительным способом фиксации допроса, как следственного действия, что является немаловажным в современном уголовном судопроизводстве. Именно данные достоинства выделяют С. А. Новиков [3], Н. Н. Поплавская, Д. В. Поплавский [4].

Допрос, как и любое иное следственное действие подлежит обязательной фиксации, а именно протоколированию. Проведение видео-конференц-связи при допросе не является исключением. Оформление должно соответствовать законодательству Российской Федерации, для того, чтобы доказательство было признано допустимым и не подвергалось сомнению.

Удостоверение личности лица, которое допрашивается является неотъемлемой частью следственного действия, конечно, видео-конференц-связь усложняет данный процесс, но тем не менее данный этап остается обязательным. Так, на основании ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ следователь при необходимости применения системы видео-конференц-связи при допросе должен направить письменное поручение об организации следственного действия следователю (дознавателю) территориального органа по месту нахождения лица, которое необходимо допросить. Протокол допроса с использованием системы видео-конференц-связи должен содержать сведения о дате, месте и времени следователя и допрашиваемого лица. Согласно ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ следователь, которому отправляется поручение об организации допроса должен получить от подозреваемого, свидетеля, потерпевшего или иного участника уголовного судопроизводства, которое подлежит допросу подписку о разъяснении прав, обязанностей и ответственности за дачу заведомо ложных показаний или отказ от дачи показаний, а по окончании следственного действия запись об оглашении протокола следственного действия. Данные подписки в течение 24 ч с момента окончания допроса направляются следователю, в производстве которого находится уголовное дело и затем приобщаются к материалам, так же, как и запись видеоконференц-связи.

Несмотря на множество преимуществ проведения допроса с использованием видео-конференц-связи, данный способ имеет и определенные несовершенства. Живой контакт допрашиваемого лица со следователем естественно превосходит дистанционный, усложняется применение тактических приемов по установлению психологического контакта. Но несмотря на это, видеозапись самого процесса допроса имеет дополнительную возможность по анализу проведенного следственного действия, а именно изучение невербального поведения допрашиваемого, что позволяет определить, как его психологическую настроенность, так и возможность выявления предпосылок лжи.

Усложняется данный способ участием третьих лиц, при производстве допроса подозреваемых, обвиняемых, несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, а также отдельных случаев, при которых обязательно уча-

стие адвоката, психолога или педагога. При участии адвоката в допросе должна быть обеспечена возможность реализации права на свидание наедине, которое предусмотрено п. 3 ч. 4 ст. 46, п. 9 ч. 4 ст. 47 и п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

Еще одной трудностью, которая может возникнуть при использовании допроса и использованием видео-конференц-связи – это недостаточный уровень технического обеспечения видео-конференц-связи, поскольку технические устройства в первую очередь допрашиваемого лица должны соответствовать соответствующему качеству изображения, звука, скорости интернета.

Таким образом, использование видео-конференц-связи при допросе как способ его проведения в первую очередь не только упрощает процесс расследования, но и подтверждает достоверность доказательственной базы. Если протокол следственного действия, в данном случае допроса, может быть подвергнут незаконному воздействию путем порчи, дописки и пр., то электронная запись исключает данную возможность.

Кроме того, необходимо акцентировать внимание на том, что технические устройства, с помощью которых будет обеспечиваться видео-конференц-связь должны быть обеспеченны камерой, микрофоном, памятью, для восприятия и производства информации, а также канал связи, по которому будет проводиться допрос должен быть строго конфиденциален, а также обеспечивать качественную и непрерывную передачу информации.

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод о том, что проведение допроса с использованием видео-конференц-связи возможен и может иметь доказательственное значение в условиях соблюдения требований УПК РФ.

Список литературы

1. Плетникова М. С., Семенов Е. А. К вопросу использования видеоконференцсвязи при производстве допроса // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. №1. С. 25–28.

2. Семенов А. В. Использование систем видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве: положительные и негативные черты // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 5 (13). С. 25–32.

3. Новиков С. А. Допрос с использованием систем видео-конференц-связи: завтрашний день российского предварительного расследования // Российский следователь. 2014. № 1. С. 3.

4. Поплавская Н. Н., Поплавский Д. В. Видео-конференц-связь в уголовном процессе // Российский следователь. 2017. № 6. С. 17–20.

5. Родивилина В. А., Шаевич А. А. Оптимизация условий предварительного расследования посредством использования систем видео-конференц-связи // Пролог: журнал о праве. 2018. С. 28–35.

Галахов Д. В.[1],
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В последнее время нагрузка на судебные органы изрядно возросла. Из-за этого процесс самого судопроизводства, а также восстановления нарушенных прав для многих граждан является достаточно долгим, сложным и забюрократизированным. Поэтому доступность правосудия для заявителей, обвинителей, защитников и самого суда решается путем внедрения в судопроизводство новых информационных и коммуникационных технологий.

Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг. [1] своими положениями способствует выходу на новый уровень развития информационной среды, внедрению современных информационных технологий в процесс судопроизводства, улучшению технического оснащения судов, эффективному функционированию сайтов судов и государственных автоматизированных систем. Эксперты в области права делают ставку доступности правосудия на активное развитие современных информационных технологий. Их внедрение рассматривается как способ повышения эффективности правосудия в стране: ускорит судопроизводство, сократит нагрузку на персонал суда, снизит стоимость процедур, повысит уровень открытости судебной системы.

Не избежало такой модернизации и уголовное судопроизводство. Между тем, его досудебное производство пока значительно отстает в этом направлении. Причины этому мы постараемся изложить позже, а до этого определим нормативный генезис информационных технологий в судопроизводстве. Итак, цифровизация правосудия в Российской Федерации начиналась с принятием следующих фундаментальных нормативных источников (*рис. 1*).

В УПК РФ поэтапно вносятся изменения, обеспечивающие процессуально допустимые способы реализации информационных технологий, но в основном они касаются лишь судебных стадий. Это вполне объяснимо, ведь именно эта часть уголовного судопроизводства в первую очередь начала модернизироваться под современные реалии. Взять хотя бы использование систем видеоконференц-связи при производстве следственных и иных процессуальных действий. В суде они применились еще в 2010 г., а на предварительном расследовании нормативно закрепились только одиннадцать лет спустя. Многие другие

[1] © Галахов Д. В., 2023.

достижения информационных технологий тоже весьма уже успешны в судебном производстве (к примеру, электронные документы, вызов участников уголовного судопроизводства с помощью средств технических коммуникаций), они нашли закрепление в УПК РФ, подзаконных нормативных актах, но так и не дошли до досудебного производства по уголовным делам.

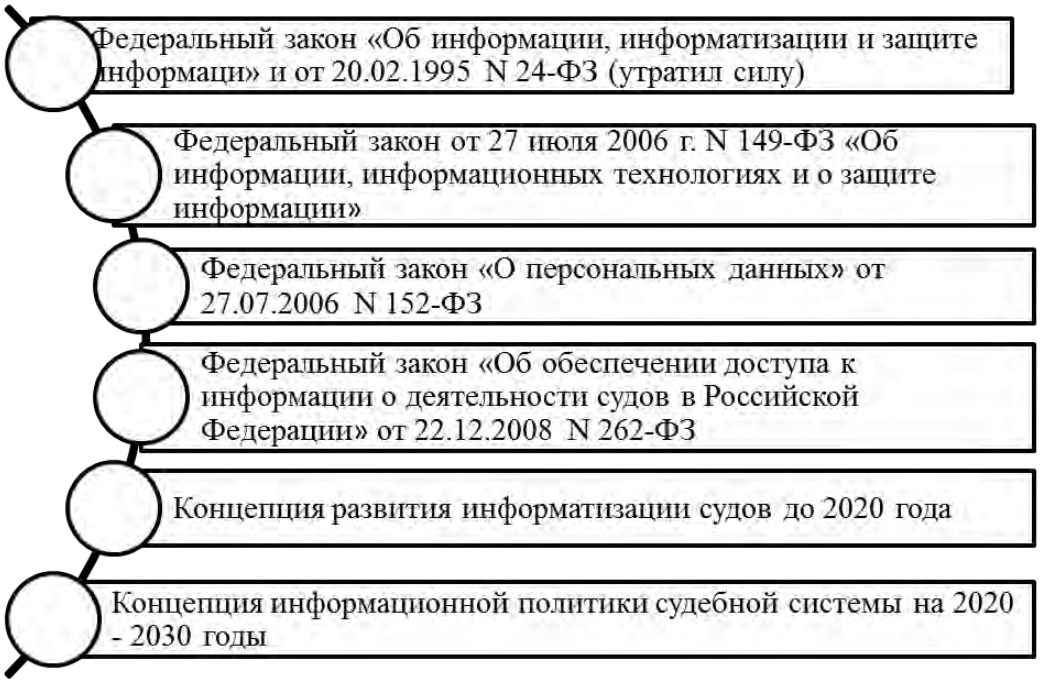

Рис. 1. Этапы цифровизации судопроизводства
в Российской Федерации

Мы не сомневаемся, что законодатель продолжит работать в этом направлении. Для того, чтобы уголовно-процессуальная сфера не отставала от научно-технического прогресса и современных требований жизни, целесообразно внесение ряда других нормативных дополнений, тем более, что потенциал для этого имеется. Только досудебная часть уголовного судопроизводства каждый раз будет отставать. И вполне объяснимо почему. Суд является ключевым участником, он вершит правосудие, признает виновным или невиновным, назначает и освобождает от наказания. Следователь и дознаватель выполняют в какой-то степени обслуживающую роль для него, собирая, проверяя и оценивая доказательства, выстраивая логику стороны обвинения и делая в итоговых процессуальных решениях лишь предварительные выводы. Осознаем также и то, что немаловажное значение в модернизации уголовного судопроизводства играет финансирование. Любой закон, вносящий процедурные коррективы в производство по уголовному делу, связанные с информационными технологиями, требует серьезного дополнительного финансового вложения из бюджета. Сдерживающим фактором является также необходимость привлечения новых квалифицированных кадров и переобучение старых с целью обеспечения сохранности полученной информации, содержащей сведения о персональных данных участников уголовного судопроизводства, банковской тайне и пр. По этой причине информационная политика судебной системы, включая суды по уголовным делам, постепенно готовится к выходу на новый уровень развития.

На сегодняшний день действует 23 суперсервиса, созданные на базе портала госуслуг. Приоритетным для участников судопроизводства является суперсервис «Правосудие». Для «внутреннего пользователя» в составе ГАС «Правосудие» действуют взаимосвязанные подсистемы, обеспечивающие автоматизацию документооборота, сбора, обработки и учета данных, рассылки нормативных и ведомственных актов, доступ к справочно-правовым базам федерального и местного законодательства. Для соблюдения требований информационной безопасности в составе ГАС «Правосудие» выделены три контура документооборота: защищенный, ведомственный и публичный. Сама архитектура системы спроектирована крупными блоками, включающих: судопроизводство, подача документов, движение дела, видео-конференц-связь.

Электронные системы планируется объединить в единый «суперсервис», запуск которого ожидается в 2024 г. под названием «Правосудие онлайн». В настоящее время отдельные составляющие суперсервиса уже активно тестируются и вводятся в эксплуатацию поэтапно:

– 2020 г. – запущен сервис, определяющий территориальную подсудность;

– 2021 г. – классификатор исковых требований и сервис расчета госпошлины;

– 2022 г. – реализована возможность удаленного участия в судебных процессах.

В 2024 г. в системе «Правосудие онлайн» будет реализована биометрическая аутентификация участников судебного процесса, уведомления участникам начнут приходить в личный кабинет на портале госуслуг. Более того, в суперсервисе будет реализована возможность получить доступ к материалам дела.

Таким образом, накоплен уже достаточный опыт использования цифровых технологий при формировании доказательственной базы, суды путем применения видео-конференц-связи осуществляют взаимодействие и допрос участников судопроизводства. Вместе с тем, в современных реалиях наиболее близко к полной цифровой трансформации оказалось арбитражное судопроизводство. Уголовный процесс минимально участвует в цифровизации, так как предполагает живое участие адвокатов, прокуроров, подлинную состязательность.

Кстати, у судейского сообщества в этом вопросе нет единогласия. По результатам проведенного нами интервьюирования одна часть судей считает необходимым дальнейшее расширение онлайн-формата по уголовным делам (52 % из числа опрошенных), другая против этого, аргументируя, что при рассмотрении уголовного дела по существу все-таки желательно очное присутствие всех участников судопроизводства (48 % из числа опрошенных). В какой-то степени нежелание последних обусловлено еще и ментальностью. Не готовы они к столь стремительному изменению привычного формата деятельности (с бумажного на электронный, с реального на дистанционный).

Справедливости ради следует заметить, что среди ученых тоже нет единообразия во мнении о модернизации уголовного судопроизводства. В научных пространствах активно обсуждаются новые потенциальные сферы интегрирования достижений научно-технического прогресса, в том числе в уголовное судопроизводство [3, с. 65–68; 5, с. 206]. Мы разделяем позицию Л. М. Масленниковой, что политическое значение цифровой трансформации судебного и досудебного производств по уголовным делам заключается в том, что без

цифровой трансформации государственного управления, без электронного взаимодействия государственных органов между собой и с населением в сфере уголовного процесса не возможна трансформация государства в целом, как государства развитого, отвечающего критериям современного государства [2, с. 36]. Исследователи солидарны в одном: подобная модернизация уголовного судопроизводства «должна происходить с безусловным сохранением всех имеющихся процессуальных гарантий законности (или даже их повышением)» [4, с. 109].

Развитие информационных технологий не просто изменило наше общество, но и внесло существенные коррективы во все сферы государственной деятельности. С появлением средств электронной коммуникации, других технических устройств, повсеместным использованием сети «Интернет» и электронного документооборота, отрицать это уже невозможно. Однако в российский уголовный процесс информационные технологии не так быстро и легко внедряются, как хотелось бы. Исследование практики правоприменения дает возможность выявить направления уголовно-процессуальной деятельности, в большей степени нуждающиеся в подобной оптимизации. В связи с этим, считаем необходимым обозначить следующие ключевые направления их развития в уголовном судопроизводстве: дистанционное принятие заявления о преступлении; дистанционная подача жалоб и ходатайств; уведомление участников уголовного судопроизводства с помощью средств технических коммуникаций; электронный документооборот, включая электронное уголовное дело; законодательное регулирование использования в доказывании электронных доказательств; дистанционное участие различных участников в производстве следственных и иных процессуальных действий; создание единой платформы «Доступ к правосудию», которая позволит объединить все процессуальные возможности, связанные с взаимодействием по уголовным делам.

Список литературы

1. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы : одобрена Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33.

2. Масленникова Л. Н. К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 34–36.

3. Мичурина О. В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства // Вестник Московского юридического института МВД России. № 3. 2020. С. 65–68.

4. Панфилов П. О. Изменение уголовно-процессуального закона, вызванное цифровизацией экономических отношений: реальность и потребность // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 106–109.

5. Федорович В. Ю., Химичева О. В., Андреев А. В. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 205–210.

Карпова М. В.[1],
курсант факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Золотухин Н. А.,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ И АНГЛИИ

Одним из важных факторов повышения эффективности уголовного судопроизводства является изучение и принятие зарубежного опыта в целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. В данной статье будет рассмотрен вопрос о том, какие правовые методы в процессе досудебного судопроизводства являются, на наш взгляд, более приемлемыми для осуществления наиболее эффективного досудебного судопроизводства, путем сравнительного анализа процессуального законодательства России и Англии.

Досудебное производство в Российской Федерации – это особо важная часть уголовного процесса, которая включает в себя период с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд. Данное досудебное производство проходит в два этапа: возбуждение уголовного дела и предварительное расследование.

УПК РФ конкретно определяет круг полномочий сотрудников, осуществляющих проверку сообщений о преступлениях. Часть следственных действий, такие как: личный обыск, выемка и обыск в жилище и ряд других, проводятся на иных стадиях уголовного процесса, после возбуждения уголовного дела. Бесспорно, что осмотр места происшествия, освидетельствование и назначение экспертизы, могут быть произведены до возбуждения уголовного дела, но в данном случае, необходимо отметить, что эти следственные действия не всегда в полном объеме дают правоохранительным органам полноценную и достаточную информацию по поводу совершенного преступления.

Также сотруднику необходимо истребовать и зафиксировать данные, имеющие значение для дела. Это положение закрепляет главенствующую роль конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, так как любое следственное действие так или иначе затрагивает интересы граждан. По нашему мнению, стоит обратить внимание на еще одно процессуальное действие, которое заключается в получении у потерпевшего, свидетеля

[1] © Карпова М. В., 2023.

и иных участников уголовного процесса объяснения. Полученные на стадии возбуждения уголовного дела в ходе получения объяснения сведения, не являются доказательством при дальнейшем расследования дела. Для того, чтобы данная информация приняла облик доказательств, необходимо, после возбуждения уголовного дела, в рамках ст. 189 УПК РФ, произвести следственное действие в виде допроса, т. е. еще раз получить зачастую те же самые сведение, но уже в рамках возбужденного уголовного дела. Показания, т. е. сведения, сообщенные на допросе, будут являться доказательством при проведении дальнейшего расследования. Поэтому, практика правоприменения норм, регулирующих порядок проверки сообщений о преступлениях, создает впечатление «формальности составления документов на этапе получения сообщения о преступлении и проводимой по нему проверки» [2]. Правильная оценка полученных доказательств в более короткие сроки и ограниченность возможностей по собиранию доказательств влияют на законность решения следователя в соответствии со ст. 145 УПК РФ о возбуждении уголовного дела, либо отказе в возбуждении уголовного дела, что в свою очередь существенным образом отражается на обеспечении прав, свобод и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство при принятии одного из указанных решений [3].

Поэтому стоит отметить, что данные мероприятия значительно замедляют и затрудняют производство по делу, в виду того, что у лица, совершившего преступление, появляется больше времени и возможностей скрыть следы своего противоправного поведения, что в значительной мере влияет на уровень раскрываемости преступлений.

Перейдем к следующей стадии досудебного производства – предварительному расследованию. В России стадия предварительного расследования складывается на основе действующего законодательства, а именно УПК РФ, где строго регламентированы общие условия, приостановление и возобновление предварительного расследования, а также порядок и формы осуществления всех процессуальных действий лиц, производящих предварительное расследование.

Рассматривая досудебное производство Англии или, как его еще называют, полицейское расследование, вообще не относится к уголовному процессу, что является важным отличием от досудебного производства России. В Англии досудебное производство рассматривается как: применение судом предварительных мер уголовно-процессуального характера, что в свою очередь не регламентируется процессуальным законом.

Традиционно признано считать, что начальной стадией всего уголовного судопроизводства является стадия возбуждения уголовного дела. Как уже было отмечено ранее, досудебное производство Англии не включает в себя стадию возбуждения уголовного дела, такой стадии в этой стране не существует в принципе. Можно предположить, что это связано с тем, что сотрудники полиции осуществляют деятельность по собиранию доказательственной базы о преступлении и лица, его совершившего всеми возможными методами, т. е. полиция в Англии собирает не доказательства, а лишь источники информации, которые послужат основой формирования доказательственной базы в суде. Такая отличительная черта, как отсутствие стадии возбуждения уголовного дела, говорит нам о том, что сотрудники правоохранительных органов Англии наде-

лены всем объемом полномочий по собиранию известной ему информации с момента, когда стало известно о совершенном преступлении.

Следующий момент, на который стоит обратить внимание, производя анализ английской системы предварительного расследования – это нормативно-правовое регулирование данной деятельности. Сравнивая стадию английского производства по уголовному делу с российской, можно заметить, что стадия предварительного расследования Англии не регламентируется уголовно-процессуальным законодательством, а является расследованием, которое конкретно не закреплено на законодательном уровне. На данной стадии в Англии, в соответствии с концепцией общегражданского обвинения, право уголовного преследования представляется любому физическому или юридическому лицу, т. е. кроме проведения следственных действий самими правоохранительными органами Англии, данное действие предоставляется всем участникам уголовного дела, путем использования услуг частного детектива или осуществлять предварительное расследования лично.

Проведенный сравнительный анализ ряда особенностей начального этапа производства по уголовному делу в Англии и России позволяет сделать вывод о том, что полномочия должностных лиц, которые осуществляют проверку поступившего сообщения о преступлении в России, необходимо расширить путем предоставления им права проводить следственные действия, позволяющие зафиксировать следы преступления на начальном этапе, ориентируясь на широкий круг полномочий, которые предоставлены правоохранительным органам Англии и которые применяются и регламентируются УПК РФ, но только уже на стадии предварительного расследования. Также, рассматривая вопрос регулирования предварительного расследования на законодательном уровне, стоит отметить, что более конкретное нормативно-правовое регулирования, которое представлено в Российской Федерации, является составной частью более грамотного и эффективного осуществления производства по уголовному делу

Безусловно, в судопроизводстве каждой страны есть свои пробелы, которые необходимо исправлять и совершенствовать, обмениваясь навыками, изучая особенности раскрытия и расследования преступлений в других государствах. При этом, совершенно очевидно, что необходимо перенимать положительные и качественные способы и средства расследования.

Список литературы

1. Полянский Н. Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юридическая литература, 1969. 399 с.

2. Алонцева Е. Ю., Порогин Г. С. Необходима ли стадия возбуждения уголовного дела? // Сборник научных трудов IX ежегодной Всероссийской конференции, 7 ноября 2019 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 426–430.

3. Алонцева Е. Ю. Оценка доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции 12 ноября 2021 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 183–185.

Кияева Е. Ю.[1],
слушатель института-факультета
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Прохорова Е. А.,
заместитель начальника кафедры
уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ УСЛОВИЯХ

На фоне последних новостей в стране и мире (целенаправленное повреждение «Северных потоков» – экспортного газопровода из России в Европу через Балтийское море [8], повреждение транспортной инфраструктуры [1], опасения о возможном высвобождении радиационной энергии и загрязнении территорий радиоактивными продуктами [7]) многократно возросла актуальность темы, связанной с осмотром места происшествия в чрезвычайных условиях.

Под чрезвычайными условиями понимается «исключительная, не предусмотренная особым ходом дел обстановка, вызванная чрезвычайными обстоятельствами какого-то рода и включающая в свое содержание различные отклонения от обычного порядка, проявляющиеся в многообразных формах в сферах государственной власти и управления, хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения, общественно-политической, охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, те или иные сочетания которых в совокупности затрагивают жизнедеятельность всего региона в целом и порождают аномальную ситуацию, требующую для своей нормализации применения чрезвычайных мер» [2, с. 13].

С возникновением чрезвычайных условий требуется особый подход к проведению различных следственных действий, в том числе осмотра места происшествия. Осмотр места происшествия является важным первоначальным следственным действием, «которое состоит в непосредственном изучении и фиксации следователем обстановки места происшествия, находящихся на нем следов и иных объектов в целях получения фактических данных, имеющих значение для дела» [4, с. 333].

Осмотр места происшествия в чрезвычайных условиях характеризуется, прежде всего, труднодоступностью, опасностью для жизни и здоровья участников процессуального действия, отсутствием у следователя специальных знаний и навыков работы под водой, в ущелье горы, в зоне радиации и т. д. Ввиду ука-

[1] ©Кияева Е. Ю., 2023.

занных обстоятельств непосредственное присутствие следователя на месте осмотра затруднительно, а в каких-то случаях просто невозможно.

Вышеизложенное указывает на необходимость привлечения лиц, обладающих специальными знаниями, участие которых в рассматриваемом следственном действии предлагается в двух вариантах:

1) проведение осмотра непосредственно специалистом, обладающим знаниями в области водолазной, альпинисткой и т. п. подготовки в целях проникновения к месту происшествия;

2) проведение осмотра следователем на расстоянии (дистанционно) с участием специалиста, имеющего знания в области управления специальными техническими средствами.

В предложенных вариантах непосредственное восприятие картины произошедшего субъектом прямого познания (следователем) будет заменено опосредованным, что вызывает вопрос о законности такого осмотра и допустимости полученных в результате его проведения доказательств.

Следует отметить, что законодатель в отношении отдельных следственных действий предусмотрел возникновение определенных обстоятельств, при которых следователь не принимает непосредственного участия, но получает полную информацию по действиям, проводимым лицом, обладающим специальными знаниями. Так, согласно ч. 4 ст. 179 УПК РФ при освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица, в таком случае следственное действие проводится врачом.

Допустимо ли данную норму применить как аналогию при осмотре места происшествия в чрезвычайных условиях, изменив субъект прямого познания – следователя на специалиста?

Возможность применения аналогии предусмотрена нормами различных отраслей российского права. В гражданском процессуальном кодексе законодатель счел необходимым предусмотреть применение аналогии. Согласно ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в РФ (аналогия права). Похожее правило имеет закрепление в ч. 4 ст. 2 КоАП РФ.

В то же время уголовно-процессуальное законодательство не дает прямого указания применять нормы права по аналогии, но одновременно не содержит соответствующего запрета.

Согласно определению Конституционного суда Российской Федерации от 9 июня 2022 г. № 1453-О, «…Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляя принцип законности при производстве по уголовному делу (ст. 7), не содержит – в отличие от Уголовного кодекса Российской Федерации (ч. 2 ст. 3) – запрета на применение закона по аналогии» [5].

Ведущие ученые-процессуалисты не только не видят препятствий, но и указывают на возможность и необходимость применения закона по аналогии.

По мнению А. В. Победкина, «применение закона по аналогии в уголовном производстве объективно необходимо, без этого юридического приема судопроизводство невозможно [6]».

Таким образом, разделяя в целом позицию о допустимости аналогии в уголовно-процессуальном регулировании, следует определить возможность ее применения в конкретной ситуации, исследуемой в настоящей статье.

Рассматриваемые следственные действия имеют определенное сходство, не случайно в криминалистической литературе освидетельствование отмечается как разновидность следственного (процессуального) осмотра [3, с. 391].

Также совпадающие признаки имеют проявление в следующем:

1) субъект проведения следственного действия – следователь;

2) наличие определенных условий, которые указывают на необходимость в привлечении лиц, обладающих специальными знаниями;

3) особенность проводимой работы – осмотр с целью обнаружения доказательственной информации;

4) результат работы имеет отражение в протоколе;

5) допускается проведение до возбуждения уголовного дела.

Несмотря на наличие совпадений, необходимо проанализировать и различия, которые выражаются в следующем: объектом осмотра при освидетельствовании является человек, объект осмотра места происшествия – определенный участок местности; имеется ограничение в фиксации результатов: при освидетельствовании лица, сопровождаемом обнажением, фотографирование, видеозапись и киносъемка проводится только с его согласия, при осмотре места происшествия, в большинстве случаев осуществляется фотофиксация, а в отдельных случаях – видеофиксация; при осмотре места происшествия круг участвующих лиц больше (понятые, сотрудники оперативных подразделений, лица, в отношении которых совершено преступное посягательство и т. д.), чем при производстве освидетельствования (закон даже не требует участия понятых); осмотр места происшествия по содержанию проводимых действий является более широким следственным действием, направленным не только на обнаружение и фиксацию, но и на изъятие доказательств, что не свойственно для освидетельствования.

Выявленные различия являются существенными и дают основание для вывода о том, что применение закона по аналогии в данном случае достаточно спорно. Однако выявленные сходства указанных следственных действий свидетельствуют о целесообразности введения в ст. 177 УПК РФ правила, допускающего при возникновении чрезвычайных условий проведение осмотра места происшествия специалистом самостоятельно, при этом законом должны быть предусмотрены обязательная фото- или видеофиксация (для формирования у следователя мысленного образа) и составление специалистом письменного описания обстановки места происшествия, которое будет выступать в виде приложения к протоколу.

Рассматривая вариант дистанционного осмотра места происшествия, необходимо исходить из того, что в целом УПК РФ допускает дистанционный фор-

мат проведения определенных следственных действий, но список таких действий четко ограничен – очная ставка, допрос, опознание (ст. 189.1 УПК РФ).

Принципиальное различие перечисленных действий и осмотра места происшествия проявляется в способе восприятия информации.

Восприятие при проведении допроса и очной ставки осуществляется со слов допрашиваемых лиц, т. е. на слух, в то время как осмотр места происшествия требует исключительно зрительного способа получения информации.

При опознании так же, как и при осмотре, предполагается зрительное (визуальное) восприятие, но целью такого восприятия является отождествление объекта по мысленному образу, который при осмотре места происшествия только начинает формироваться. Также стоит отметить, что перед проведением опознания опознающий подлежит допросу согласно ч. 2 ст. 193 УПК РФ, а это значит, что визуальному восприятию должно предшествовать восприятие на слух.

По причине указанного различия применение закона по аналогии в данном случае также является недопустимым.

В целом же, говоря о необходимости и возможности дистанционной формы осмотра, следует исходить из того, что уровень современных технических средств позволит реализовать проведение такого осмотра, в связи с чем перспективным видится вопрос, касающийся регламентации проведения осмотра в дистанционном формате.

Видео-конференц-связь при осмотре места происшествия подразумевается между специалистом, который будет непосредственно проводить осмотр и следователем, который будет выступать в роли опосредованного субъекта познания. В таком случае обязательным условием является применение видеосъемки в режиме реального времени для того, чтобы создать для следователя эффект присутствия. Специалист, осматривая место происшествия, сможет комментировать то, что будет отражаться в видеоинформации, в целях формирования у следователя полного мысленного образа обстановки произошедшего. После завершения специалистом осмотра материалы видеозаписи будут приобщаться к протоколу, что позволит изучить место происшествия повторно и проанализировать работу специалиста.

В местах повышенной труднодоступности (большая глубина под водой, зона сильного радиационного заражения) предлагается вариант осмотра места происшествия только с помощью технических средств (беспилотные летательные аппараты, иная фиксирующая техника), управляемых лицами, обладающими специальными знаниями, исключая прямое присутствие на месте произошедшего всех участников процессуального действия.

Проведение обоих предложенных вариантов дистанционного осмотра видится реальным на сегодняшний день, препятствие создает только отсутствие правовой регламентации.

Хочется отметить, что дистанционное проведение осмотра места происшествия не должно в полном объеме подменять собой традиционные требования к осмотру, но может выступать как вынужденная альтернатива, вызванная чрезвычайными условиями и обстоятельствами.

Подводя итоги вышесказанного, нам видится перспективным внести дополнение в ст. 189.1 УПК РФ, закрепив дистанционное проведение осмотра места происшествия в чрезвычайных условиях. Но изначально нужно сформулировать ряд определенных условий (труднодоступность, опасность и т. д.), которые будут указывать на необходимость и исключительность проведения осмотра места происшествия дистанционно. Помимо этого, требуется выделить правила, которые будут определять общие требования к использованию технических средств (использование только сертифицированной техники, получившей разрешение для работы при производстве следственных действий). Стоит указать и то, что данной техникой будет управлять лицо, обладающее специальными знаниями – специалист.

Список литературы

1. Глава Крыма сообщил об обрушении двух пролетов Крымского моста // Сайт RG.ru. URL: https://rg.ru/2022/10/08/reg-ufo/glava-kryma-soobshchil-ob-ob ushenii-dvuh-proletov-krymskogo-mosta.html.

2. Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (Правовое обеспечение, организация, методика) : монография. М. : Академия МВД России, 1994.

3. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2015.

4. Криминалистика. Полный курс : учебник для бакалавров / под общ. ред. А. Г. Филиппова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2012.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2022 г. № 1453-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гринцова Валерия Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей.4 статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/404854293/.

6. Победкин А. В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 66–77.

7. Продление конфликта на Украине может привести к ядерной войне между США и Россией // Сайт RG.ru. URL: https://rg.ru/2022/11/22/newsweek-prodlenie-konflikta-na-ukraine-mozhet-privesti-k-iadernoj-vojne-mezhdu-ssha-i-rossiej.html.

8. ФСБ возбудила дело об акте международного терроризма после повреждений «Северных потоков» // Сайт RG.ru. URL: https://rg.ru/2022/09/28/fsb-vozbudila-delo-ob-akte-mezhdunarodnogo-terrorizma-posle-povrezhdenij-severnyh-potokov.html.

Кривенцов Н. М.[1],
курсант института-факультета
подготовки сотрудников для органов
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Григорьева Н. В.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ

С развитием технологий появляются новые разработки, часть из которых может использоваться в качестве предмета и средств совершения преступления. Одной из таких разработок является блокчейн. На базе данной технологии создаются различные криптовалюты. Согласно рекомендациям *FATF*, криптовалюты – это разновидность виртуальных денег, обладающих следующими признаками:

1) децентрализованность;
2) конвертируемость;
3) распределенность;
4) применение математических принципов [2, с. 131].

Отсюда следует, что криптовалюта (виртуальный актив) – это децентрализованная конвертируемая валюта, которая защищена с помощью криптографических методов и основана на математических принципах. С помощью криптовалюты совершаются преступления, родовым объектом которых выступают общественные отношения, обеспечивающие материальное благополучие субъектов данных отношений; общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и порядок; общественные отношения, охраняющие интересы государственной службы или службы в органах муниципальных образований. Необходимо отметить тот факт, что на протяжении следующих лет злоумышленники буду использовать криптовалюту в преступных целях чаще, способствовать этому будут децентрализованные биржи и DeFi-проекты, которые набирают популярность и совершенствуются в ногу с развитием технологии блокчейн. В качестве подтверждения обозначенной позиции можно обратиться к данным *Chainalysis*: 2021 г. стал лидером по кражи средств с помощью децентрализованных бирж и *DeFi*-проектов. Также в 2021 г.у по сравнению с 2020 г. наблюдается рост таких преступлений, как кража. Стоит отметить, что

[1] © Кривенцов Н. М., 2023.

динамика роста незаконных транзакций является отрицательной: в 2021 г. доля незаконных транзакций достигла исторического минимума, связано это с легализацией криптовалюты во многих странах [3].

Учитывая особенности виртуальных активов, можно сказать, что они будут нередко использоваться при уклонении от уплаты налогов и (или) сборов (ст. 199 УК РФ), получении взятки (ст. 290 УК РФ) и даче взятки (ст. 291 УК РФ). В ходе доказывания по данным составам преступлений, как и другим составам, необходимо проводить следственные действия, заключающиеся в осмотре места преступления, обыске, а также допросе различных участников уголовного судопроизводства. Кроме того, в данном процессе должностным лица органов предварительного расследования понадобится помощь специалиста и эксперта, которым нужно грамотно поставить вопросы и при необходимости допросить.

Учитывая тот факт, что современная геополитическая обстановка способствует увеличению числа пользователей криптовалют, следовательно, количество преступлений, совершаемых с ее использованием, будет возрастать, что определяет необходимость повышения эффективности расследования данных составов преступлений. В процессе доказывания по данным преступлениям следует проводить следующие следственные действия: осмотр места происшествия, обыск, допрос подозреваемого (обвиняемого), а также действия, направленные на изъятие электронных носителей информации. Одним из обязательных признаков любого состава преступления является его субъект. В данном случае сложность состоит в том, что персональные данные интересуемого лица необходимы только для осуществления операций на централизованных биржах (*CEX*), в иных случаях предоставление персональных данных не требуется, следовательно, получить информацию, идентифицирующую владельца, будет невозможно. Именно поэтому источником информации о владельце виртуальных активов являются показания лица, технические устройства, полученные в ходе процессуальных действий. В связи с этим, наиболее важными следственными действиями, от которых зависит дальнейший ход расследования по данной группе преступлений, являются допрос и обыск. В ходе осмотра места происшествия и обыска стоит обращать внимание на наличие компьютерной техники, средств мобильной связи (наличие у последних доступа в интернет), электронных носителей информации. Согласно п. 3.1.9 ГОСТ 2.051–2013, под электронным носителем понимается материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники [1]. Исходя из этого следует, что к таким носителям относятся и *USB* флеш-накопители (в том числе аппаратные устройства, выполняющие функции хранения приватных ключей). При обнаружении предметов (компьютерных и мобильных устройств, электронных носителей информации), с помощью которых могло было быть совершено преступление, необходимо производить изъятие последних. Кроме того, согласно положениям ст. 164.1 УПК РФ, такие носители информации изымаются только с непосредственным участием специалиста. Конкретный перечень носителей законодателем не установлен, следовательно, любое устройство, обладающее вышеука-

занными признаками, необходимо изымать с участием специалиста. Для соблюдения принципа, закрепленного в ст. 6.1 УПК РФ, следователю необходимо эффективно использовать время, для этого ему следует знать перечень вопросов для каждого состава преступления, которые подлежат установлению во время проведения допроса. В связи с тем, что способ совершения данных преступлений схож, то некоторые из них будут универсальными по каждому расследуемому делу. В обязательном порядке необходимо задать следующие вопросы: наличие у допрашиваемого лица компьютерного или мобильного устройства (технические характеристики устройства); наличие доступа в интернет (наименование провайдера); способ осуществления транзакций (*CEX*/*DEX* биржа; наименование биржи); использовался ли специализированный криптовалютный кошелек, является ли допрашиваемое лицо его владельцем (стоит определить способ хранения криптовалюты: на аппаратном устройстве; на кастодиальном или некастодиальном кошельках). В случае, если виртуальные активы хранятся на некастодиальном кошельке, то следует установить наличие у допрашиваемого лица приватного ключа или секретной фразы (*SEED*-фразы); если на кастодиальном кошельке – наименование сервиса, который оказывает услуги хранения виртуальных активов). Специалист во время проведения допроса обычно не участвует, тем не менее, требуется его помощь при оценке информации, полученной в ходе данного следственного действия. Именно поэтому в ходе расследования следователю будет необходимо использовать помощь специалиста [4, с. 117].

Таким образом, при расследовании преступлений, связанных с использованием виртуальных активов, специалист является одним из главных участников проводимых процессуальных действий. Необходимо закрепить в ст. 168 УПК РФ обязательное участие специалиста в ходе проведения осмотра места происшествия, обыска, выемки по аналогии с ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ. Это обеспечит соблюдение принципа разумности срока уголовного судопроизводства, путем оптимизации проведения данных следственных действий. Так, специалист: знает особенности технологии блокчейн и криптовалют, следовательно, сможет найти необходимую информацию и правильно извлечь ее; имеет опыт по работе с аппаратными, кастодиальными или некастодиальными кошельками. При наличии возможности – восстановит доступ к последним; незаменим в процессе оценки полученной информации.

Список литературы

1. ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения» от 1 июня 2014 г. // Сайт Областного автономного учреждения «Ульяновскгосэкспертиза». URL: https://ulgosexp.ru/iles/documents/GOST-2.051-2013.pdf.

2. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 130–140.

3. Chainalysis: отчет по крипто преступлениям 2021 // Сайт «Финансы на vc.ru». URL: https://vc.ru/finance/251237-chainalysis-otchet-po-kripto-prestupleniyam-2021.

4. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / М. Ю. Бекетов [и др.] ; под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М. : Юнити-Дана, 2019.

Куксов В. А.[1],
курсант факультета подготовки
сотрудников для оперативных
подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Панфилов П. О.,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ДАННЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ УПК РФ был дополнен ч. 4.1 ст. 164. Этим же Федеральным законом была введена ст. 164.1, регламентирующая порядок и особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий, которая запрещает неправомерное изъятие, а также копирование у юридических лиц электронных носителей информации, за исключением случаев предусмотренных данной статьей.

Как отмечает П. О. Панфилов, введение ст. 164 и ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ было обусловлено неудовлетворительным влиянием на деловой климат Российской Федерации, что выступает следствием негативной оценки юридической и социальной эффективности уголовного процесса [4, с. 73–80].

Ранее в ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ содержались положения, регламентирующие копирование информации с электронных носителей информации, теперь же законодатель решил конкретизировать данную сферу деятельности в ходе изъятия электронных носителей, выделив отдельную статью в УПК РФ.

Стоит отметить, что законодатель в ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ предусматривает случаи, являющиеся исключением, при которых изъятие электронных (цифровых) носителей информации является допустимым. Некоторые исследователи пришли к заключению, что представленная законодательная новелла образовалась в разрез привычного единения норм уголовно-процессуального закона [6, с. 292–301].

Первым таким исключительным случаем законодатель предусматривает – «вынесение постановления о назначении судебной экспертизы электронного носителя информации», регламентированной гл. 27 УПК РФ. Логическая коллизия по данному вопросу очевидна: нецелесообразным будет выносить постановление о назначении судебной экспертизы электронного (цифрового) носите-

[1] © Куксов В. А., 2023.

ля информации до его изъятия, данную точку зрения можно обосновать введу следующих оснований:

1. В целях обеспечения равных прав участников уголовного судопроизводства в соответствии с ч. 3 ст. 195 и ст. 198 УПК РФ, лица должны быть ознакомлены с вынесенным постановлением о назначении судебной экспертизы электронного (цифрового) носителя информации, а также вправе заявлять дополнительные вопросы эксперту.

2. Так как в непосредственное распоряжение эксперту предоставляются материальные носители, в том числе и электронные (цифровые) носители информации для дачи заключения по определенной экспертизе, то эксперту необходимо знать его марку, вид, форму и другие индивидуальные и специфичные характеристики.

Вторым исключительным случаем законодатель предусматривает – «изъятие электронных носителей информации на основании судебного решения». Де-факто законодателем в данной норме прописывается обязательное изъятие должностным лицом электронного (цифрового) носителя информации. Остается открытым вопрос: при каких следственных действиях возможно изъятие электронного носителя информации, вследствие того, что многие следственные действия также производятся по судебному решению.

Третьим исключительным случаем законодатель предусматривает некомпетентность владельца физического носителя информации в распоряжении данного рода сведениями, вследствие чего представленный электронный (цифровой) носитель информации необходимо изъять. Также к третьей категории относится сведения, использование которой, а также утрата и повреждение информации при копировании ее в связи с заявлением специалиста, может повлечь за собой совершение новых преступных деяний.

П. О. Панфилов в своем исследовании отмечал, что в 2018 г. на Федеральном интернет-портале проектов нормативных правовых актов был предложен проект разработки по изменению данной нормы УПК РФ – изъятие электронного носителя информации только при наличии сведений о наличии на данном устройстве информации, необходимой для уголовного дела. Однако, как отмечал исследователь, представленное изменение не способно обеспечить решение задач доказывания [5, с. 108].

При составлении данной нормы законодателем не было учтено, что в ходе предварительного расследования, должностное лицо может лишь выдвинуть предположение о факте наличия на электронном (цифровом) носителе информации, использование которой может привести к негативным для общества последствиям. В данном случае упущение из внимания правил доказывания при производстве в порядке, предусмотренном УПК РФ может повлечь за собой невозможность использования данных сведений [2, с. 102–110]. В случае приведения уголовно-процессуального законодательства к единой процессуальной форме удастся избежать проблем, возникающих в практических структурных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, более детально осуществлять проверку доказательств по уголовному дела, а также обеспечить реализацию принципа равенства прав участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения» от 1 июня 2014 г. // Сайт Областного автономного учреждения «Ульяновскгосэкспертиза». URL: https://ulgosexp.ru/-files/documents/GOST-2.051-2013.pdf.

2. Алонцева Е. Ю. Процессуальная и организационная деятельность следователя при изъятии электронных носителей информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С. 102–110.

3. Балашова А. А. Электронные носителя информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2020.

4. Панфилов П. О. Благоприятный деловой климат как критерий эффективности уголовного судопроизводства в современной России // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 10 (167). С. 73–80.

5. Панфилов П. О. О совершенствовании порядка изъятия и приобщения в качестве доказательств предметов и документов по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 105–110.

6. Яковлева С. А., Шарова Д. В. Проблемы уголовно-процессуального регулирования изъятия электронных носителей информации // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 3 (23). С. 292–301.

7. В России зарегистрировали более 500 тыс. преступлений в цифровой среде в 2021 году // Сайт «Tass.ru». URL: https://tass.ru/obschestvo/14468125.

Кулакова Е. В.[1],
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ендольцева А. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ (ДОЗНАВАТЕЛЕМ) ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОПРОСА

В современных условиях такой процесс как цифровизация не есть новая тенденция. Цифровые технологии все чаще применяются в различных сферах общества. Так, в уголовном процессе прослеживается цифровизация производства некоторых следственных действий. Авторы справедливо отмечают, что уголовный процесс в целях более быстрого, качественного расследования преступлений и отправления правосудия должен неразрывно идти вместе с развитием научно-технического прогресса [3, с. 272].

В данной отрасли права было не мало дискуссий по вопросу применения следователем (дознавателем) дистанционных технологий при проведении допроса, ведь до 2021 г. указанное применение было предоставлено только суду в отношении свидетеля. Однако Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были внесены поправки, касающиеся применения видеоконференц-связи следователем (дознавателем) при проведении допроса, очной ставки, опознания. Эта поправка закреплена в ст. 189.1 УПК РФ. В соответствии с данной статьей следователь (дознаватель) имеет право провести допрос, очную ставку, опознание путем использования видео-конференц-связи.

Говоря о достоинствах ст. 189.1 УПК РФ, можно выделить следующее:

1. В статье не определен круг участников уголовного судопроизводства, в отношении которых возможно использование видео-конференц-связи при проведении допроса [2, с. 98].

2. Данное изменение, по нашему мнению, облегчит работу следователя (дознавателя), тем самым сократит сроки предварительного расследования. Так, например, следователь (дознаватель) может не покидать место предварительного расследования и провести допрос лица, ознакомленного с обстоятельствами уголовного дела, находящегося в другом субъекте Российской Федерации.

3. Следователь (дознаватель) обязан забрать подписку по месту нахождения лиц, в отношении которых производятся «дистанционные» следственные действия, о том, что им разъяснены права, обязанности и ответственность, порядок

[1] © Кулакова Е. В., 2023.

проведения следственного действия и оглашение протокола следственного действия. Также в подписке вносятся замечания и уточнения (при наличии) участников следственного действия. Подписка заверяется подписями участников и приобщается к протоколу соответствующего следственного действия.

4. Обязательность применения видеозаписи в ходе проведения следственных действий. Указанные выше два требования являются несомненными достоинствами, поскольку, если участник следственного действия подаст жалобу на следователя (дознавателя), например, о том, что им не были разъяснены права и обязанности или им задавали наводящие вопросы при допросе, то можно предоставить подписку лиц, участвующих в следственном действии и видеозапись проведения допроса.

5. Также закреплен срок направления в место предварительного расследования следователю (дознавателю) подписки и приобщенных к ней документов и материалов следственного действия, ордера адвоката лица, в случае если последний участвовал в следственном действии – в течение 24 ч. Данное положение обеспечивает реализацию принципа разумного срока.

Помимо достоинств, перечисленных выше, ст. 189.1 УПК РФ имеет ряд и недостатков. Так, например:

1. Ранее мы указали на неопределенность круга участников следственных действий, как достоинство. В свою очередь, ч. 3 ст. 173 УПК РФ устанавливает, что допрос обвиняемого проводится в порядке ст. 189 УПК РФ и с ее изъятиями. Как мы видим, отсутствует связь между названными статьями, что позволяет сделать вывод о том, что при проведении допроса обвиняемого невозможно использовать видео-конференц-связь.

Для того, чтобы исключить указанную неточность, нужно дополнить ч. 3 ст. 173 УПК РФ в следующей форме: «Допрос проводится в порядке, установленном статьями 189 и 189.1 настоящего Кодекса…».

2. Также не указан конкретный срок исполнения поручения следователем другого территориального органа МВД России, что существенно может затянуть предварительное расследование, как в случае с дознавателем этот срок указан. В абз. 4 п. 4 Письма ФССП России от 20 января 2022 г. № 00043/22/12934-ВВ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» говорится, что дознаватель, которому поручено проведение следственного действия путем использования видео-конференц-связи, исполняет данное поручение в указанный ч. 1 ст. 152 УПК РФ срок – не позднее 10 суток [1]. Из этого следует, что срок исполнения данного поручения дознавателем применяется по аналогии закона.

Можно дополнить ст. 189.1 УПК РФ в следующем виде: «Следователь (дознаватель), которому поручено производство следственного действия путем применения видео-конференц-связи, исполняет указанное поручение в срок, установленный ч. 1 ст. 152 УПК РФ». Либо установить иной срок. Мы считаем, что установление общего срока, указанного в ч. 1 ст. 152 УПК РФ, возможно снизит эффективность и необходимость дистанционного проведения следственных действий.

3. В ст. 189.1 УПК РФ, в отличие, например, от ст. 213 УПК Казахстана, ст. 197 УПК Таджикистана, ст. 110 УПК Молдавии, не перечисляются случаи, при которых следователю (дознавателю) предоставляется право проведения следственных действий путем использования видео-конференц-связи. Указанный недостаток, может способствовать развитию такого явления как злоупотребление правом. Необходимо, указать конкретные случаи для каждого участника следственного действия, при которых возможно реализовать данное право. Например, в отношении свидетеля, потерпевшего – для обеспечения их безопасности.

4. Также, если рассматривать ч. 4 ст. 213 УПК Казахстана, потерпевшему и свидетелю при проведении дистанционного допроса предоставлено право (по ходатайству) на изменение внешности и голоса, которые исключают его узнаваемость, в целях гарантии их личной безопасности.

5. Также не указано о качестве изображения и звука, что является не маловажным условием для применения дистанционных технологий.

6. По мнению А. Ю. Федюкиной, нельзя исключить факт, что технические средства могут выходить из строя, отключаться, связь может давать сбои, что негативно скажется на результатах производства следственного действия [4, с. 303].

Одной из особенностей ст. 189.1 УПК РФ является то, что проведение следственных действий путем использования следователем (дознавателем) видеоконференц-связи исключено в случаях: разглашения государственной или иной охраняемой законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности, указанные в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

По мнению члена Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Т. Проценко, введение новой статьи в уголовно-процессуальное законодательство, позволяющее проводить дистанционный допрос, является необходимостью, но должно применяться с ограничениями. Так, например, проведение дистанционного допроса подозреваемого (обвиняемого) должно быть только с согласия стороны защиты [5].

Статс-секретарь Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации К. Добрынин считает, что проведение допроса свидетеля в режиме онлайн является прогрессом [5].

А вот партнер *AVG Legal* А. Гавришев и вовсе не считает введение статьи какой-либо «новинкой», а лишь вызовет трудности при производстве следственных действий с использованием видео-конференц-связи.

Таким образом, введение новой статьи в УПК РФ положило основу новым дискуссиям среди юристов-правоведов. Мнения разделились на два лагеря: одни считают, что появление возможности использования дистанционных технологий соответствует современным реалиям в условиях цифровизации, а другие – что и вовсе нет никакой новизны и создаст лишь трудности. По нашему мнению, производство следственных действий в режиме онлайн есть новый шаг в годы цифровизации, оно имеет как и свои плюсы, так и минусы. Но вышеуказанные

нами недостатки лишь дело времени, которые можно искоренить, путем внесения уточнений и дополнений.

Список литературы

1. Письмо ФССП России от 20 января 2022 г. № 00043/22/12934-ВВ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc.

2. Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видеоконференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 98–105

3. Соломатина А. Г. Применение цифровых технологий при производстве отдельных следственных действий // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 269–272.

4. Федюкина А. Ю. Особенности проведения допроса путем использования систем видео-конференц-связи // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 300–303.

5. Введенные в УПК нормы серьезно нарушают право на защиту // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. URL: https://fparf.ru/news/fpa/vvedennye-v-upk-normy-serezno-narushayut-pravo-na-zashctu.

Маклакова А. А.[1],
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Григорьев В. Н.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ДОПРОСЕ ЗАДЕРЖАННОГО

Многочисленные исследования отечественных ученых-процессуалистов, а также бесконечные изменения уголовно-процессуального права российского законодательства свидетельствуют о несовершенстве и отсутствие налаженности в механизме применения уголовно-процессуальных норм. Одним из правовых институтов, рассмотрение которых вызывает немало дискуссионных вопросов, является задержание лица по подозрению в совершении преступления. Сущность неотложного следственного действия в виде задержания заключается в кратковременном лишении свободы заподозренного лица. Являясь также и мерой процессуального принуждения, задержание вместе с тем существенно ограничивает конституционные права и свободы подозреваемого, что, безусловно, отражается на ходе всего уголовного судопроизводства.

Допрос задержанного представляет собой процессуальное действие, цель которого – установить причастность заподозренного лица к совершенному преступлению, а также выяснить обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела.

Правдивые показания подозреваемого либо обвиняемого могут оказаться незаменимыми, и значительно ускоряют расследование, так как из них следствию становится известно о существовании других источников доказательств, на установление которых нет необходимости затрачивать силы, средства и время.

Предусмотренная ч. 2 ст. 46 УПК РФ обязанность должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, допросить подозреваемого в срок, не превышающий 24 ч с момента фактического задержания, ставит данное процессуальное действие в ряд важнейших этапов предварительного расследования. По отношению к должностному лицу уголовного судопроизводства законодатель определил жесткие временные рамки, в которые следователь или дознаватель обязан провести неотложные следственные действия, а также максимальное количество значимой для разрешения дела информации. Однако по отношению к допрашиваемому, обеспечение прав и свобод которого закреплены в Конституции РФ и является первостепенной задачей уголовного судо-

[1] © Маклакова А. А., 2023.

производства, установленный законодателем срок кажется более, чем достаточным. Кроме того, конституционные нормы предоставляют задержанном и право отказаться от дачи показаний. Формулировка «дача показаний» подразумевает под собой именно право, а не обязанность допрашиваемого. В связи с этим в уголовном кодексе одним из принципов является принцип презумпции невиновности. В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, не несет ответственности за отказ либо дачу ложных показаний, воспользовавшись своим правом на законных основаниях, поскольку его показания являются не только источником доказательств, но и средством защиты подозреваемого от возникшего подозрения и предъявленного обвинения.

И где гарантии, что заподозренное лицо будет готово к искреннему и конструктивному диалогу, и не воспользуется ст. 51 Конституции Российской Федерации, отказываясь отвечать на вопросы, либо не введет следствие в заблуждение, давая ложные показания? Не стоит забывать, что статус подозреваемого в совершении преступления (в том случае, если лицо задержано в порядке ст.ст. 91–92 УПК РФ) сам по себе является конфликтным: лицо пытается уклониться от ответственности, сообщая ложное алиби; стремится скрыть свою причастность к преступлению, пытаясь оговорить другого.

В этом случае возникает внутреннее противоречие допрашиваемого лица, результатом которого является эмоциональная напряженность. Кроме того, конфликтность допроса заключается еще и в том, что допрашиваемое лицо может сознательно «повести» следователя или дознавателя по ложному следу, а должностное лицо обязано установить истину, независимо от показаний допрашиваемого.

Решающую роль в допросе имеют признательные показания подозреваемого. Однако, учитывая, что предпосылками к проведению данного процессуального действия является применение мер процессуального принуждения, а в некоторых случаях – применение физической силы, психологическая атмосфера между подозреваемым и следователем (дознавателем) вряд ли способствует искреннему общению. Ранее нами при рассмотрении оснований задержания, предусмотренных ст. 91 УПК РФ, выдвигалось предположение о том, что лицо, на котором будут обнаружены явные следы преступления, не всегда оказывается виновным в совершении преступления, на месте которого он застигнут. В этом аспекте знание психологии должностным лицом, а также обеспечение его прав невероятно важно. Непрофессиональными действиями следователь (дознаватель) может не только получить ложные сведения, но пойти по неверному пути и упустить истинного виновника. Однако невинность лица, задержанного по основаниям, предусмотренным ст. 91 УПК РФ – это скорее исключение.

Неким «ограничителем», своеобразным сдерживающим фактором, рамками установленного законом поведения является обязанность должностного лица разъяснить допрашиваемому его права и обязанности допрашиваемому. Иными словами, следователь или дознаватель уведомляет лицо, что, совершая те или иные действия, он, т. е. подозреваемый, должен понимать, что за невыполнение

определенных обязательств законодательством регламентировано применение более строгой меры пресечения.

Говоря об эффективности проведения допроса, очевидно, что это т личностных и профессиональных качеств должностного лица, знания им определенных психологических приемов. «Допрос – большое искусство. Научиться вести допрос можно только на практике. Это, как всякое искусство, требует, с одной стороны, способностей, а с другой – опыта и умения».

Приступая к допросу, должностное лицо предварительного расследования должно быть максимально подготовлено настолько, насколько это возможно. Учитывая информацию о совершенном преступлении, квалификацию совершенного деяния, наличие либо отсутствие доказательств, прямо указывающих на причастность задержанного к преступлению, следователь или дознаватель применяет определенную методику, опираясь на имеющиеся данные.

Для этого и существует тактика проведения допроса, обладающая своей спецификой: все ли доказательства причастности допрашиваемого лица собраны; соответствует ли квалификация преступления совершенному деянию; какова характеризующая информация подозреваемого и т. д.

Анализ личности допрашиваемого лица, его индивидуальных особенностей, возраст, знание типа психологического темперамента личности, физиологических проявлений психологического состояния (повышение частоты пульса, побледнение или покраснение кожи, повышенное потоотделение) поможет спрогнозировать динамику поведения лица и использовать при проведении допроса. Установление психологического контакта должно стать первостепенной задачей следователя (дознавателя).

Важным психологическим приемом является установление доверия допрашиваемого лица к личности следователя (дознавателя). Умение выслушать, расположить к себе собеседника, находить верный тон в общении с учетом индивидуальных особенностей личности, а также общаться с подозреваемым вежливо, корректно и непредвзято, снять напряжение в общении помогает установить эмоциональный контакт с подозреваемым, воздействовать на сознание методом убеждения.

При проведении любого следственного действия, допроса в особенности, знание типов темперамента подозреваемого (обвиняемого) может «облегчить» следователю (дознавателю) направить общение в нужное русло, найти нужный подход к допрашиваемому лицу. Внимание сангвиника, характеризующегося сильной нервной системой, в целях получения следственно значимой информации целесообразно концентрировать внимание на решение поставленных задач, учитывая его невозможность нахождения в долгой изоляции. При общении с холериками важно учитывать его вспыльчивый и агрессивный характер, неумение сдерживать себя, агрессию, вспыльчивость и раздражительность.

Свойственная меланхолику излишняя эмоциональность, грусть и неспособность к решительным действиям может характеризовать людей данного типа исполнителями преступлений, доминантами которых выступают люди с иным темпераментом личности, например, флегматики. Данный тип характеризуется сильной нервной системой, отличающимся самообладанием и выдержкой. Как

правило, в новом окружении флегматики «замыкаются», отгораживаются, но в узком социальном кругу могут пойти на контакт.

Типы темперамента являются всего лишь частью психологических особенностей личности, однако, заслуживающие внимания следователя (дознавателя) при подготовке и проведения допроса.

Знание таких психологических свойств характера допрашиваемого, как общительность, агрессивность, скрытность, откровенность; общественной и трудовой деятельности лица; характеристика лица по месту работы и месту жительства; моральный облик и образ жизни, поведение в быту и на работе способствуют избранию определенной методики допроса.

Как правило, обозначенную информацию получают из материалов оперативно-разыскной деятельности, в ходе проведения отдельных следственных действий и иных источников.

Немаловажным аспектом является и знание следователем (дознавателем) невербального языка общения, составляющего большую часть передаваемой информации. Скрещенные руки/ноги, сжатые губы, непроизвольное подергивание лицевых мышц лица горят о его враждебном отношении, агрессии, нежелании идти на контакт. Чтобы расположить к себе собеседника следователь (дознаватель) должен следить за своим поведением: сидение прямо либо аналогично позе допрашиваемого, использование плавных движений, спокойной интонации.

Одним из психологических приемов, используемых органом предварительного расследования при проведении допроса – создание у допрашиваемого представления о необходимом количестве достоверной доказательственной базы, подтверждающем неоспоримую причастность лица к совершенному деянию. Умение убедить допрашиваемого в достаточном объеме необходимых доказательств является профессиональным качеством должностного лица. При этом предъявляя подозреваемому имеющиеся доказательства, необходимо делать это вежливо, корректно, не унижая при этом человеческое достоинство личности. Психологическим воздействием на допрашиваемого может быть и сообщение о внезапно возникших доказательствах, свидетельствующих о его причастности к преступлению. Цель такого воздействия заключается в том, чтобы, оповестив подозреваемого о якобы имеющихся доказательствах, должностное лицо методом принуждения воздействует на лицо, побуждая его к дальнейшему сотрудничеству и необходимости содействовать раскрытию преступления.

Так как в большинстве случаев информация о допрашиваемом отсутствует, например, при допросе лица, задержанного в порядке ст.ст. 91–92 УПК РФ, у следователей (дознавателей) нет возможности подготовиться к допросу. В этом случае знание психологических особенностей личности особенно велико.

Отдельное внимание заслуживает тема допроса несовершеннолетних подозреваемых, которые в силу своих умственных и психических особенностей не способны адекватно воспринимать ситуацию, а также наступившую ответственность за совершенное деяние. Раскрытие данной темы предполагается в следующей статье.

В заключение хотелось бы отметить, что отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве регламентации о том, как необходимо вести допрос, значительно затрудняет ведение данного следственного действия. Процедура допроса технически закреплена в уголовно-процессуальном кодексе, однако успешность проведения зависит только от профессиональных и личностных качеств сотрудника.

Список литературы

1. Голунский С. А., Рогинский Г. К. Техника и методика расследования преступлений / под ред. М. С. Строговича. Вып. 1–5. М. : Современное законодательство, 1934.

2. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей : монография. М. : Юрлитинформ, 2008.

3. Грицаев С. И., Влезько Д. А., Шевель Д. В. Использование психологических знание в расследовании преступлений : учебное пособие. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет, 2013.

4. Россинская Е. Р. Криминалистика: Вопросы и ответы : учебное пособие для образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России. М. : Закон и право : Юнити, 1999.

5. Романов В. В. Юридическая психология : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004.

6. Рябков Е. М. Психологические аспекты тактики следственных действий. Н. Новгород, 1996.

Максимов Н. Р.[1],
курсант международно-правового
факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Терехов М. Ю.,
заместитель начальника кафедры
уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Назначение уголовного судопроизводства, указанное в ст. 6 УПК РФ, декларирующее защиту личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования как одну из целей уголовного процесса, а также гласящее о том, что даже отказ от уголовного преследования лица отвечает назначению уголовного судопроизводства своим содержанием подталкивает правоприменителя к необходимости всесторонне, объективно исследовать обстоятельства совершенного общественно опасного деяния [6, с. 2] Исследование данных обстоятельств происходит путем осуществления познавательной деятельности по отношению к ним. Основной, но не единственной формой познания, закрепленной в законодательстве, является доказывание, сопровождающее все стадии уголовного процесса [4, с. 131]. Из этого утверждения следует вывод, вопросы доказывания являются определяющими для сущности и содержания уголовного судопроизводства, а процесс доказывания – строго регламентированной формой познания. Составляющими деятельности по доказыванию являются собирание, проверка и оценка доказательств, а субъектами данной деятельности, согласно классической доктрине уголовно-процессуального права – только участники, которые помимо осуществления вышеуказанной деятельности принимают на основании собранных доказательств властные решения, т. е. следователь, дознаватель, прокурор, суд. Подобного мнения придерживается, например, А. В. Кудрявцева [2, с. 175]. При этом критерии, позволяющие считать участника судопроизводства субъектом доказывания, сводятся не только к его праву принимать властные решения, т. е. его принадлежности к государственному аппарату. Так, С. А. Шейфер не относил защитника к числу субъектов доказывания, поскольку тот имел полномочия собирать лишь сведения, не обладающие до определенной поры процессуальной формой доказательств. Схожей позиции придерживается и законодатель, поскольку среди обстоятельств, подлежащих доказыванию, установленных ст. 73 УПК РФ имеется виновность лица, совершившего преступлению, однако, при этом отсутствует его невиновность

[1] © Максимов Н. Р., 2023.

[8, с. 78] При этом, данный факт не является пробелом в законодательстве, поскольку основывается на принципе презумпции невиновности, закрепленном в ст. 14, согласно которому обязанность доказывания, именуемая в статье бременем, лежит именно на стороне обвинения. Более того, подозреваемый или обвиняемый, т. е. основной участник со стороны защиты не обязан доказывать свою невиновность. Основываясь на вышеуказанных суждениях, следует вывод о том, что не только ученые-юристы, но и сам законодатель не относят участников со стороны защиты к субъектам доказательственной деятельности. Тем не менее, участникам судопроизводства со стороны защиты предоставлено право собирать и предоставлять предметы и документы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Наибольший интерес среди всех участников со стороны защиты вызывает деятельность защитника. Данный факт обусловлен тем, что активность подозреваемого или обвиняемого может быть ограничена как из-за его индивидуальных особенностей (отсутствие необходимых навыков либо образования), так и в силу самой сущности уголовного судопроизводства, в рамках которого могут создаваться препятствия для осуществления им своих прав, а также сам он может выступать объектом познавательной деятельности для органов предварительного расследования.

Права защитника в процессе доказывания закреплены в УПК РФ и Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и представляет собой право на сбор сведений, необходимых для оказания юридической помощи, в том числе посредством:

– получения предметов, документов и иных сведений;
– опроса лиц с их согласия;
– истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Под получением предметов, документов и иных сведений понимается переход данных объектов в распоряжение защитника. Основным условием их получения является добровольность передачи их владельцем защитнику. Также, Федеральной палатой адвокатов рекомендовано документальное оформление выдачи с указанием обстоятельств передачи, данных владельца и, как было ранее указано, подтверждения добровольности совершаемых действий. Саму передачу рекомендовано производить в присутствии не менее чем двух граждан. Не воспрещается производить фото- и видеосъемку процесса выдачи. После же получения объекта необходимо составить документ, в котором будет зафиксированы дата, место и время получения, сведения об участниках, основания, ход получения, результаты осмотра предмета и способ его упаковки, после чего указывается информация о применении фото-/аудио- или видеоаппаратуры, замечания участников (если таковые имеются), после чего участники подписывают документ о передаче. Важно отметить, что ФПА не рекомендует называть какой-либо документ, составляемый в ходе осуществления защитником своих полномочий «протоколом», указывая на то, что «составление такого процессуального документа предусмотрено по результатам производства процессуаль-

ных действий, проводимых следственными органами» [5]. Необходимо обратить внимание и на указанное в рекомендациях место документов, составленных адвокатом, в системе доказательств – иные документы, предусмотренные п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Опрос лиц с их согласия также является самостоятельным способом собирания доказательств защитником, порядок производства которого законодателем также не регламентирован. Рекомендациями ФПА РФ также предусмотрен порядок производства и документального оформления опроса. Проводиться данное действие может в виде ответов на вопросы, свободного рассказа и с комбинацией обоих методов. Оформлять акт опроса, по представлению ФПА РФ, следует с соблюдением требований, установленных ст.ст. 189–191 УПК РФ. Заслуживает внимания и позиция Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу. Так, в определении № 100-О указывается, что отсутствие процессуальной регламентации для какого-либо процессуального действия, коим и является в силу п. 32 ст. 5 УПК РФ опрос, не может служить препятствием для признания его результатов доказательствами, при этом в том же определении Конституционным Судом указано, что полученные защитником в ходе опроса сведения могут служить основанием для допроса следователем или дознавателем опрошенных лиц или производства с ними иных следственных действий [7]. Возвращаясь к Рекомендациям, они, в свою очередь, наоборот заостряют внимание на вопросе о возможности производства опроса лица, которое ранее уже было допрошено в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, который представляется возможным только если в ходе допросов не были выяснены все обстоятельства, имеющие значение для дела. При этом исходя из того, что пределы доказывания нормативно не закреплены, можно сделать вывод о том, что подобный опрос можно производить в любом случае.

Также самостоятельным способом собирания доказательств является истребование документов от органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и организаций. Истребование должно быть оформлено соответствующим запросом, при составлении которого допускается использование образцов документов адвокатского образования, при этом запрос должен быть мотивированным и, желательно, содержать сроки исполнения запроса.

Несмотря на достаточно большой объем средств для сбора доказательств, на практике сложилась ситуация, при которой должностные лица, производящие предварительное расследование, скептически относятся к полученным сведениям и не спешат приобщать их к уголовному делу в качестве доказательств [1, с. 2]. Помимо неопределенной, по сравнению с доказательствами, получаемыми стороной обвинения, правовой природой собираемых защитником сведений, в уголовном процессе существует и логическое противоречие касательно порядка приобщения доказательств защитника к уголовному делу. Проблема заключается в том, что собранные защитником доказательства не являются таковыми до момента их приобщения к уголовному делу, которое производится путем подачи ходатайства уполномоченному лицу, которым на стадии предварительного расследования, в рамках которой и происходит собира-

ние большей части доказательств, является следователь или дознаватель. Анализируя данный порядок, можно прийти к выводу о том, что в ходе производства предварительного расследования следователь или дознаватель могут отказывать защитнику в приобщении собранных им сведений к уголовному делу в качестве доказательств. Эффективность опосредованного участия защитника в процессе доказывания путем производства следователем или дознавателем процессуальных действий по ходатайству защитника также вызывает сомнения ввиду тех же причин, что и препятствуют реализации защитником своих прав на самостоятельное собирание доказательств.

На основе вышеописанного можно сделать вывод о том, что на текущий момент времени защитник не является самостоятельным участником процесса доказывания, а реализация им своих полномочий полностью зависит от представителей стороны обвинения – следователя или дознавателя, что ввиду противоположности функций сторон. Из данного факта следует, что в процессе доказывания, как минимум, на досудебной стадии производства участвует исключительно сторона обвинения, что нарушает ряд принципов уголовного судопроизводства, что влечет за собой рост числа обвинительных приговоров при рекордно низком числе оправдательных, и, как следствие, снижение доверия граждан к правоохранительным органам и судебной системе. Ввиду этого требуется внесение изменений в систему уголовного судопроизводства, одним из направлений которых будет изменение правового статуса защитника.

Как было указано в самом начале, общая цель всех участников уголовного судопроизводства – установление объективной истины относительно обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, однако достижение истины осуществляется путем противоборства сторон уголовного судопроизводства. Однако в «чистом виде» это невозможно ввиду процессуального неравенства сторон, ввиду чего сторонам необходима независимая сторона, деятельность которой обеспечивала бы реализацию надлежащим образом участниками своих прав и их от нарушения. Данное явление нашло свое отражение в принципе состязательности сторон, закрепленном в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации и ст. 15 УПК РФ. Стоит отметить, что принцип состязательности сторон в Конституции употребляется в одной норме с принципом равенства сторон, что говорит о неразрывной связи обеих принципов и что реализация одного из указанных принципов невозможна без реализации другого. Уголовно-процессуальный закон в ст. 15 конкретизирует принцип равенства, указывая на то, что стороны судопроизводства равноправны перед судом, а не в процессуальных правах, что невозможно в силу принадлежности одной стороны к органам государственной власти, а другой – к гражданскому обществу.

Следует повториться, что не подлежит сомнению тот факт, что уравнивание прав защитника и следователя попросту невозможно, однако, необходимо признать, что у защитника и сейчас имеется хоть и не сравнимый с «арсеналом» правовых средств следователя, но все же значительный перечень прав таких как опрос, истребование предметов и документов, при этом абсолютно не имеющий собственного порядка реализации. Порядок реализации защитником своих прав на данный момент носит рекомендательный, основанный на теоретических по-

ложениях уголовно-процессуальной науки и не закрепленный в законодательстве порядок, ввиду чего видится необходимым законодательная регламентация доказательственных процедур, производимых защитником. Данное изменение неизбежно повлечет за собой признание действий защитника процессуальными, как предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом, что приблизит правовой статус полученных сведений к статусу доказательств.

Немаловажным также является и вопрос о расширении полномочий адвоката. Так, некоторые ученые высказывают мнение о необходимости внедрения института «адвокатского расследования», который, несмотря на многочисленные дискуссии так и не был реализован в УПК РФ. Ряд исследователей считают, что адвокатское расследование должно являться отдельной формой предварительного расследования, производимой одновременно с дознанием или предварительным следствием [6, с. 2]. Подобная концепция потребовала бы значительных изменений в законодательстве, таких, как создание перечня процессуальных действий адвоката, форм процессуальных документов для закрепления их результатов, что неизбежно привело бы к возникновению правовых коллизий. Помимо этого, необходима и регламентация порядка начала и прекращения адвокатского расследования, а следовательно, и оснований для него, поскольку в противном случае, адвокат может начать действовать еще до начала предварительного расследования, причем в рамках своих расширившихся полномочий это позволило бы ему не только просто собирать доказательства опережая сторону обвинения, но и тем или иным образом скрывать их. Также вызывает вопрос порядок оборота и хранения доказательств между сторонами процесса, поскольку по общему правилу хранятся стороной обвинения, при этом защитник, собирающий в рамках своего расследования уже не сведения, а полноценные доказательства, бремя доказывания не несет, и, следовательно, предоставление доказательств - это его право, а не обязанность, а изъятие доказательств стороной обвинения вновь будет означать нарушение принципа равенства сторон.

На основании озвученных в данной статье тезисов и приведенных аргументов, следует сделать вывод о том, что законодателем защитник призван играть крайне важную роль в реализации целей уголовного судопроизводства. В теории, защитник должен содействовать органам предварительного расследования и суду в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию путем сбора сведений в рамках своих полномочий и тем самым, параллельно, выполнять свою основную функцию – защищать подозреваемого или обвиняемого от незаконного и необоснованного уголовного преследования. В действительности же осуществление защитником своих полномочий натыкается на ряд проблем. Во-первых, это отсутствие регламентации действий защитника законодателем, что влечет к возникновению проблем при признании результатов его деятельности доказательствами. Во-вторых, это тот факт, что полномочия по оценке собранных защитником сведений отнесены к компетенции его процессуального «противника» – следователя или дознавателя, что влечет за собой необоснованные отказы в признании тех или иных материалов доказательствами.

По мнению автора, при решении данной проблемы, помимо решения двух вышеуказанных вопросов, необходимо ориентироваться на принципы состязательности и равенства сторон в судопроизводстве, причем не на конституционный, а на их, по мнению ряда авторов, «усеченный» вариант, закрепленный в УПК РФ и провозглашающий равенство сторон только перед судом. На основании этого принципа необходимо усилить роль суда в досудебном производстве, возложив на него роль «модератора» в противостоянии защиты и обвинения. В рамках досудебного производства именно суду необходимо предоставить полномочия по разрешению споров между сторонами о признании результатов деятельности защитника доказательствами, рассмотрение ходатайств о производстве процессуальных, в том числе и следственных действий и иные ходатайства.

Список литературы

1. Мамедов Р. Я. Опрос лиц с их согласия защитником как способ собирания доказательств в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 161–164.

2. Кудрявцева, А. В. Теория доказывания в юридическом процессе. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2006.

3. Давлетов А. А. Адвокатское расследование: миф или реальность? // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 1. С. 71–77.

4. Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция», по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность» / под ред. А. М. Багмета, М. Х. Гельдибаева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

5. Методические рекомендации по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/methodical-recomm.

6. Сатдинов Л. В. Назначение уголовного судопроизводства – установление объективной истины // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 4 (42). С. 527–531.

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2006 г. № 100-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/-document/cons_doc_LAW_60927/.

8. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2009.

Порядина Е. А.[1],
курсант института-факультета подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Григорьева Н. В.,
доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ПОНИМАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Как известно, XXI в. считается временем активного разрабатывания и применения информационных технологий, а также всего того, что связано с ними.

В современном обществе, к сожалению, существует проблема, касающаяся определения понятий «информационные технологии», «электронные носители информации», «информатизация», «компьютеризация».

На данный момент во многих направлениях жизни деятельности людей широко применяются два основных понятия. «Компьютеризация» т. е. процесс активного внедрения в повседневную жизнь человека компьютеров и компьютерных устройств и «информатизация» – это более широкое понятие, чем компьютеризация. Оно представляет собой процесс овладения информацией как ресурсом обширных знаний, умений и навыков в целях создания информационного общества.

В последнее время подобного рода понятия используются и в правоприменительной практике. Так, например, в уголовном деле № 10-3/2017 Обской городской суд признал доказательства недопустимыми, указав следующее: «В дополнениях к апелляционной жалобе адвокат указывает, что в судебном заседании, при исследовании признанной в качестве вещественного доказательства по данному уголовному делу видеозаписи на флэш-карте в корпусе красного цвета с имеющимся на ней файлом с названием «№», было обнаружено отсутствие на ней файла с названием «№», а также отсутствие каких-либо других файлов. Фактически данное вещественное доказательство было утрачено. Полагает, что судом в основу постановления незаконно положена видеозапись на флэш-карте в корпусе черного цвета с зеленой полосой с крышкой черного цвета с записью файла с названием «№». Данную флэш-карту, в связи с утратой вещественного доказательства по делу, предоставил в судебное заседание потерпевший» [1].

---

[1] © Порядина Е. А., 2023.

В данном примере мы можем увидеть, что ввиду непонимания сотрудниками органов внутренних дел понятия «электронный носитель информации», а также незнания правил порядка использования и применения информационных технологий, возникают подобные ошибки со стороны лиц, принимающих участие в производстве следственных действий.

Необходимо дать понятие, что же такое «электронный носитель информации». В свою очередь, он представляет собой «устройство, конструктивно предназначенное для постоянного или временного хранения информации в виде, пригодном для использования в электронных вычислительных машинах, а также для ее передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [3, с. 46].

Также необходимо отметить, каким образом электронные носители информации используются в уголовном судопроизводстве. В соответствии со ст. 74 УПК РФ, доказательствами являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном законом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [4, с. 140].

Важнейшими признаками доказательств являются относимость, допустимость и достоверность. Соответственно, совокупность всех данных признаков должна составлять достаточное количество информации, необходимое следователю, дознавателю и иным должностным лицам, в целях всестороннего, объективного и полного расследования преступления.

Отсюда следует, что электронные носители информации также признаются доказательствами, в порядке ст. 186.1 УПК РФ. К сожалению, в уголовно-процессуальном законодательстве нет каких-либо конкретных сведений о том, к какому виду доказательств относятся электронные носители [5, с. 132].

Существует мнение, что электронные носители информации относятся к вещественным доказательствам. Так, например, некоторые ученые и специалисты предлагают рассматривать электронные доказательства как вещественные доказательства или как иные документы, что говорит о дуалистическом понимании правового регулирования электронных доказательств. Другие считают, что электронные доказательства – это отдельный и независимый вид доказательств, требующий особого внимания [2, с. 38].

В данном примере мы видим, что даже эта точка зрения не является какой-то конкретной, она носит двойственную форму, что вновь может поставить перед правоприменителями большое количество вопросов и проблем, требующих решений.

На практике принято считать, что электронные доказательства необходимы лишь при расследовании преступлений по экономической и информационной направленности. Тем не менее, данный вид доказательств необходим также и в расследовании преступлений, посягающих на личность, ее конституционные права и свободы, преступлений против собственности и т. д.

К примеру, нередко при расследовании уголовных дел изымаются материалы с камер видеонаблюдения, либо же происходит изъятие звонков (исходящих

и входящих). Соответственно, подобного рода процессы происходят с помощью применения электронных атрибутов (флеш-карты, жесткие диски, различные проводниковые носители).

Отсюда следует, что изъятие электронной информации должно осуществляться таким образом, чтобы были соблюдены все требования в рамках установленного законодательства. Безусловно, в такой момент доказательства должны сохранить все свои признаки и свойства. Процесс обязан быть публичным как для стороны защиты, так и для стороны обвинения. Конечно же, все вышеуказанные действия должны осуществляться с участием IT-специалиста, понятых и для наглядности возможно использование видеофиксации.

К сожалению, уголовно-процессуальное законодательство не дает конкретного определения понятия «электронный носитель информации», что приводит к большому количеству противоречий на практике. Именно поэтому считаем необходимым дополнить ст. 5 УПК РФ данным термином, в котором бы раскрывались все его признаки.

Не стоит забывать, что уголовно-процессуальное законодательство также предусматривает порядок производства следственных действий, который раскрывается в ст. 164 УПК РФ, также это ст. 164.1 УПК РФ «Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий». Действительно, данная норма помогает и способствует осуществлению уголовного расследования в соответствии с законом, стремясь не нарушать права ни одной из сторон. Тем не менее каким образом можно производить следственные действия с электронными носителями, не зная определения данного понятия и не понимая, что они из себя представляют?

Дополнительно предлагаем сформулировать в отдельную статью порядок использования и предоставления в суде электронных доказательств именно на информационных носителях. Важно понимать, что в настоящее время, в век информационных технологий, необходимо постепенно переходить от бумажных носителей к электронным.

Безусловно, стоит осознавать, что подобный способ может быть небезопасным, ввиду утечки информации, взлома личных данных, распространения конфиденциальных материалов, поэтому необходимо разработать такие методики, программы и механизмы, которые могли бы обеспечить полноценную защиту информации.

Хотелось бы отметить, что на данный момент уголовно-процессуальное законодательство не стоит на месте, оно постоянно старается идти в одну ногу вместе с развитием общества, которое, в свою очередь, совершенствуется с каждым днем все больше и больше. Наш век представляет собой период информационных технологий и новаторств, именно поэтому каждой отрасли права необходимо соответствовать этому уровню.

В настоящий момент в уголовно-процессуальном законодательстве есть несколько недоработок, пробелов, ошибок. Одна из таких сегодня и была рассмотрена, а именно проблема правопонимания понятия «электронный носитель информации» и его дальнейшей реализации на практике. Этот пробел в законе может показаться незначительным, но, тем не менее, эта ошибка может доста-

точно легко запутать следователя как при производстве следственных действий, так и в представлении электронных доказательств в суде. Именно для этого необходимо ввести в оборот данное понятие, определить его соответствующие признаки, свойства, порядок реализации и применения.

Список литературы

1. Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции Обского городского суда Новосибирской области от 17 марта 2017 г. по делу № 10-3/2017 // Официальный сайт «Судебные и нормативно-правовые акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru/regular/doc/kJ399kaCtlbC.

2. Балашова А. А. Соотношение понятий «вещественное доказательство» и «электронное доказательство» // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика (современные проблемы досудебного производства: уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные аспекты) : сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции (6 декабря 2019 г.). Рязань, 2019. С. 36–43.

3. Гаврилин Ю. В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 45–50.

4. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. К. Бобров [и др.] ; под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2014.

5. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / М. Ю. Бекетов [и др.] ; под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М. : Юнити-Дана, 2019.

Рахмистрюк П. В.[1],
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

РАЗУМНЫЙ СРОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ФИЛОСОФСКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ МИФ ИЛИ ГАРАНТИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства появился в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации в 2010 г. как результат правовой имплементации решений Европейского суда по правам человека. Данный институт был введен в целях оптимизации уголовного судопроизводства, повышения эффективности использования его средств и инструментария, доступных государственным органам и должностным лицам, а также в качестве способа борьбы с нарушениями процессуальных сроков. Вводя указанную норму в УПК РФ, законодатель определил ее место не просто в системе принципов, но и выделил как норму, призванную обеспечить реализацию назначения уголовного судопроизводства. Частью 1 ст. 6.1 УПК РФ установлено, что уголовное преследование на всех стадиях уголовного процесса должно быть подчинено принципу разумности. Вместе с тем, исходя из текста ч. 2 ст. 6.1 УПК РФ, следует, что на досудебных стадиях, государственные органы и должностные лица должны руководствоваться сроками, установленными УПК РФ. Это можно интерпретировать следующим образом. Если законодатель четко определяет сроки в которые должны быть проведены все процессуальные действия с момента фиксации информации о совершенном преступлении до момента направления уголовного дела в суд, определены основания для продления указанных сроков, а также основания для приостановления и возобновления производства по уголовному делу, должны ли государственные органы и должностные лица задумываться о соблюдении разумности срока в ходе осуществления своей повседневной служебной деятельности?

Подразумевается, что законодатель, определяя сроки для производства следственных и иных процессуальных действий, должен был учесть соблюдение их разумности. Таким образом, государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, выполняя полный объем процессуальных действий, необходимых по уголовному делу, и строго соблюдая сроки, установленные УПК РФ, обеспечивают права участников уголовного

[1] © Рахмистрюк П. В., 2023.

судопроизводства. Вместе с тем, если в одном случае следователь или дознаватель, проявив инициативу, провел все необходимые следственные и иные процессуальные действия и окончил производством уголовное дело в срок, существенно меньше допустимого УПК РФ, при этом обеспечив права всех участников, а в другом – расследуя уголовное дело аналогичной категории, не проявляя инициативы, также провел все необходимые процессуальные действия, но уже в больший срок, можем ли мы говорить о том, что во втором случае, требование разумности не было соблюдено в полном объеме и права участников оказались нарушены? Какой срок предварительного расследования, из приведенных ситуаций мы будем рассматривать как разумный? Существует ли эталон разумности или это всего лишь миф?

Традиционно под разумностью понимается то, что основано на разуме или здравом смысле. Что же касается уголовно-процессуального закона, то он не дает понятия ни разумности, ни разумного срока. Часть 3 ст. 6.1 УПК РФ лишь формулирует определенный перечень условий, которые необходимо учитывать при определении разумного срока уголовного судопроизводства, вместе с тем, даже обозначенные законодателем критерии не содержат ответа на заданные нами вопросы и не определяют границ разумности. Более того, попытки определить эти границы не отвечают требованиям объективности. Так, говоря о разумности сроков уголовного судопроизводства, мы в первую очередь, подразумеваем обеспечение прав потерпевшей стороны и подозреваемого (обвиняемого), которые должны быть реализованы в полном объеме в разумные сроки. В правоприменительной практике не редки случаи «злоупотребления правом», несмотря на то, что данное понятие, как правило, не используется процессуалистами в контексте уголовно-процессуальных правоотношений. Одним из ярких примеров возможного нарушения прав потерпевшего в целях обеспечения прав обвиняемого является неограниченное время, предоставленное законодателем для ознакомления с материалами уголовного дела. Безусловно, указанная в ч. 3 ст. 217 УПК РФ возможность определения сроков ознакомления по решению суда, в случае явного их затягивания, создает предпосылки для ограничения названного права обвиняемого, однако реализация этого ограничения на практике представляется несколько иллюзорной. Таким образом, право потерпевшего на разумный срок уголовного судопроизводства нарушается по, казалось бы, объективным причинам, не связанным с организацией работы правоохранительных органов, поэтому в данном случае, исключается возможность компенсации нарушенного права. Так что же такое разумность срока уголовного судопроизводства? Способна ли введенная более десяти лет тому назад законодателем норма, которой придана значимость уголовно-процессуального принципа, выступить гарантом прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса?

Ученые-процессуалисты не сошлись в едином мнении в части целесообразности включения понятия «разумный срок уголовного судопроизводства» в перечень принципов уголовного процесса. К примеру, по мнению одних положение ст. 6.1 УПК РФ в силу своей важности и значимости для надлежащей защиты прав, свобод и законных интересов граждан, равно как и для обеспечения

интересов правосудия, нельзя не признать одним из основополагающих демократических принципов современного уголовного судопроизводства [2, с. 64]. В то же время другие считают, что нормы о процессуальных сроках никак нельзя отнести к принципам уголовного судопроизводства, так как они не определяют порядок и построение всего уголовного судопроизводства в целом, а являются только одним из институтов уголовного судопроизводства. Поэтому помещение законодателем ст. 6.1 о разумном сроке уголовного судопроизводства в гл. 2 УПК РФ, где указываются все принципы уголовного судопроизводства, представляется неуместным [3, с. 41].

Вместе с тем, необходимость и ценность такого понятия, как «разумный срок уголовного судопроизводства» принята на веру европейским и российским обществом, поддерживается большинством как правоприменителей, так и рядовых граждан. Последние просто верят в то, что в случае их вступления в уголовно-процессуальные правоотношения, все проведенные следственные и иные процессуальные действия будут проведены в разумный срок. Однако, сколько на это потребуется суток, месяцев или даже лет, никто их участников уголовного судопроизводства, в том числе и должностные лица правоохранительных органов, заранее определить не могут, так как невозможно заранее предугадать все возможные обстоятельства, способные объективно затянуть срок предварительного расследования или судебного разбирательства. Более того, разумность – понятие скорее оценочное, чем правое. В правоприменительной деятельности традиционно принято руководствоваться законностью, имеющей четко установленные границы. Поэтому, когда мы говорим о разумности, поневоле вспоминается ее философско-мировоззренческий смысл со свойственной неясностью и неточностью. Можно сколь угодно размышлять что является разумным, а что нет, но, к сожалению, это не является надежным ключом к правопониманию разумности, несмотря на то, что природа наделила человека таким величайшим благом как разум. Все наши рассуждения лишь наталкивают нас на мысль, что разумность является продуктом правотворческой фантазии законодателя, созданным с целью завуалировать ряд пробелов в механизме реализации уголовного процесса. Кроме того, разумность (здравый смысл) очень субъективна с позиции каждой из сторон, тогда как право должно стремиться к максимальной объективности. Срок законный такую объективность нам предоставляет в силу того, что четко установлен в законе, имеет границы и правила продления. При обжаловании свойства законности продления процессуального срока со всей очевидностью видно любое нарушение норм права. При обжаловании его с точки зрения разумности подобного уже не происходит. С размытыми границами разумности срока законодатель сам оказался непоследователен. Так, уголовно-процессуальный закон предусмотрел защиту прав и свобод лиц, незаконно и необоснованно подвергнутых уголовному преследованию. В соответствии с ч. 2 ст. 133 УПК РФ, правом на реабилитацию обладают лица, имеющие статусы: подозреваемого, обвиняемого, осужденного, а также лица, к которым были применены принудительные меры медицинского характера, в случаях, когда указанным категориям лиц был причинен вред в результате незаконных действий государства, связанный с ограничением их прав

в результате незаконного уголовного преследования. Механизм реализации нарушенных прав описан в гл. 18 УПК РФ. В части же защиты прав потерпевшего законодатель лишь упоминает о компенсации имущественного, морального вреда, причиненных преступлением, а также расходов, понесенных потерпевшим в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде. Разве защита прав и законных интересов потерпевшего, уже пострадавшего от преступного посягательства, в частности, права на разумный срок уголовного судопроизводства, заслуживает меньшего внимания со стороны государства?

Кроме того, определив жесткие процессуальные сроки для следователя и дознавателя в рамках производимого ими предварительного расследования, закон не регламентировал их для эксперта при производстве им экспертизы. Общеизвестно, что случаи продления сроков предварительного следствия и дознания в большей степени обусловлены именно ожиданием ее результатов. К примеру, по этой причине дознание из первоначально задуманного ускоренного производства, стало обычной формой предварительного расследования с возможностью продления срока до полугода. Даже процедура проверки сообщения о преступлении увеличилась до 30 суток и превратилась в «квазирасследование», как удачно ее охарактеризовали в юридической литературе [4, с. 58], отчасти тоже именно от того, что заполучила в качестве проверочного следственного действия производство экспертизы. Хотя вполне могла бы без него обойтись. Тем самым, обжалуется неразумность срока предварительного расследования, а не время производства экспертизы. И именно следователь с дознавателем оказываются нарушителями его разумности. Наиболее ярким примером затягивания сроков расследования уголовного дела является проведение бухгалтерских судебных экспертиз, актуальность которых для современной реальности крайне велика. Так, в производстве следственного отдела одного из субъектов РФ находится уголовное дело, возбужденное 27 июля 2020 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ. Уголовное дело возбуждено по следующему факту: в период времени с 1 мая 2016 г. по 30 апреля 2018 г. неустановленным лицом из числа руководящего состава СНТ «М», с использованием своего служебного положения присвоены денежные средства на сумму не менее 250 тыс. руб. Постановление о назначении бухгалтерской судебной экспертизы вынесено следователем 13 октября 2020 г., получено экспертом 14 октября 2020 г. На следующие сутки в адрес следователя направлено уведомление, согласно которому «в связи с нахождением в производстве у эксперта иных судебных бухгалтерских экспертиз, приступить к исполнению постановления по указанному делу будет возможно не ранее ноября 2020 г., а завершить, не ранее третьей декады ноября 2020 г.». Впоследствии, согласно приобщенным к материалам уголовного дела уведомлениям, срок окончания производства экспертизы переносился на третью декаду января 2021 г., на вторую декаду марта 2021 г., при этом экспертным учреждением в адрес следственного отдела направлялись формальные запросы на предоставление тех или иных документов, которые не были заявлены при первичном уведомлении о сроке возможного окончания проведения экспертизы ноябре 2020 г. В результате фактически полугодовой переписки между следователем и экспертом, экспертиза была проведена в феврале 2021 г. (заключение от 26 февраля 2021 г.). Однако

полученных в ходе проведения первичной бухгалтерской судебной экспертизы сведений оказалось недостаточно для окончания производством уголовного дела, 1 сентября 2022 г. следователем вынесено постановление о назначении дополнительной бухгалтерской судебной экспертизы, заключение эксперта по состоянию на конец октября 2022 г. не предоставлено. Таким образом, с момента возбуждении уголовного дела прошло уже более двух лет, а с момента события преступления – более четырех лет. Основной причиной столь длительного срока расследования безусловно является необходимость проведения бухгалтерской судебной экспертизы. Интегрирование в уголовное судопроизводство принципа разумного срока обусловлено, в первую очередь, необходимостью создания в обществе иллюзии гарантии четкого функционирования аппарата государственного, в частности, уголовно-процессуального принуждения, слаженной и продуктивной работы правоохранительных органов на всех стадиях уголовного процесса, а также необходимостью имплементации в правовую систему России института, признанного европейским правовым сообществом. Таким образом, разумность оказалась лишь модным трендом, но никак не надежным инструментом в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства.

Кажется очевидным, что невозможность должной реализации рассматриваемого нами принципа, должна была бы повлечь за собой его исключение из российского уголовно-процессуального законодательства или как минимум, изменение его формулировки, с целью снятия вопроса о возможности его реализации на практике. Однако, исключение принципа разумного срока уголовного судопроизводств в настоящий момент нам представляется нецелесообразным для существующей уголовно-процессуальной действительности. Имеющиеся проблемы в организации служебной деятельности правоохранительных органов, отсутствие единых сроков в работе экспертных учреждений, постоянно меняющаяся структура преступности, повышающая сложность не только раскрытия преступлений, но и расследования уголовных дел, не позволяет законодателю создать единообразную систему четких сроков, охватывающих весь процесс уголовного судопроизводства с момента фиксации сообщения о преступлении до вынесения приговора подсудимому. Утрата правового института, пусть не совсем эффективного с точки зрения гарантий прав участников уголовного судопроизводства, приведет к еще большим негативным последствиям.

Список литературы

1. Апостолова Н. Н. Разумный срок уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 63–69.

2. Быков В.М. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства // Законность. 2010. № 11. С. 23–29.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. М. : Юрайт, 2011.

4. Мичурина О. В. Эволюция порядка рассмотрения сообщения о преступлении: от доследственной проверки до квазирасследования // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 56–60.

Савельева А. А.[1],
командир отделения института-факультета
психологии служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Рязанова Е. О.[2],
курсант института-факультета психологии
служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Клементьева Е. С.,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

УЧАСТИЕ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

В УПК РФ рассматриваемой проблематике посвящена ст. 191 – особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего. Статья 191 УПК РФ устанавливает, что при проведении допроса с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. Психология как наука позволяет рассматривать индивида не только в качестве субъекта общественного процесса в целом, но и как субъекта конкретной деятельности, который выступает в роли источника познания и преобразования объективной действительности. Непосредственно психолог, как субъект уголовного процесса, привлекается к участию в следственных действиях для тесного взаимодействия с несовершеннолетним. В особенности его полномочия складываются в области поддержания психоэмоционального состояния подростка, проведения первичной диагностики его когнитивных возможностей и дальнейшей работы с активным состоянием несовершеннолетнего в ходе допроса. Несмотря на схожесть профессиональной деятельности рассматриваемых субъектов, они не должны отождествляться в уголовном судопроизводстве. Цели участия педагога и психолога в следственных действиях различны.

Педагога следует признавать самостоятельным участником уголовного процесса, а психолога рассматривать как специалиста со всеми вытекающими от-

[1] © Савельева А. А., 2023.
[2] © Рязанова Е. О., 2023.

сюда последствиями. Педагог в первую очередь заинтересован в том, чтобы обогатить подростка духовно-нравственными ценностями, которые входят как в сферу профилактики преступлений среди несовершеннолетних, так и в базовую задачу педагога. Следует также сказать, что педагог задействован в третичной профилактике, направленной на предупреждение рецидива совершения преступлений несовершеннолетними. В этом состоит социально-педагогический акцент. Затрагивая психологию, профессиональная деятельность психолога базируется на выявлении причин зарождения каких-либо отклонений в личностном развитии, которые демонстрирует несовершеннолетний своими поступками. Нельзя не сказать об ознакомлении с базовыми личностными характеристиками подростка, с его когнитивными возможностями, такими как: мышление, речь, понимание, восприятие, память, способность рассуждать. Когнитивные (психические) возможности подростка выступают вспомогательным звеном в следственных действиях, так как психолог, в зависимости от их особенностей, способствует дальнейшему правильному выбору следователя или дознавателя. Здесь будет играть роль направленность вопросов психолога и их формулирование, а также выбор способов, приемов и методов получения информации в целом от несовершеннолетнего, с учетом его психических и возрастных особенностей. Особенно важно в ходе допроса рассматриваемым участникам уголовного судопроизводства содействовать установлению и поддержанию психологического контакта. Для несовершеннолетнего допрос - стрессовая ситуация, вследствие чего компетентные действия педагога (психолога) предполагают снятие излишнего напряжения и устранение барьеров для установления контакта с целью успешного проведения допроса. При допросе несовершеннолетнего обвиняемого, пишет В. В. Стребиж, «имеет смысл пригласить педагога, который пользуется уважением допрашиваемого и может положительно воздействовать на него» [1, с. 65]. Педагог оказывает содействие следователю или дознавателю в проведении следственных действий, таких как допрос, с учетом возрастных особенностей несовершеннолетнего, его психического развития, условий жизни и воспитания. Профессиональная деятельность педагога прежде всего заключается в том, чтобы выяснить условия жизни подростка, тип взаимоотношений в семье, изучить его взаимоотношения в обществе и разобраться в ближайшем круге общения. Также к педагогической диагностике следует отнести учебную деятельность подростка, успеваемость в школе, включая воспитательный процесс. Нельзя исключать тот факт, что несовершеннолетний может стоять как на внутришкольном учете, так и на учете ПДН. Касаемо социально-педагогической диагностики, педагог рассматривает вопросы о мотивации несовершеннолетнего к труду и обучению, степень нарушения коммуникативной сферы. Педагогу при участии в следственных действиях с участием несовершеннолетнего крайне необходимо учитывать такие факторы, как неблагоприятные экономические условия проживания семьи, жесткое обращение, возможные последствия экстремальных ситуаций (беженцы, пожар, нападение), отсутствие ответственности за свои поступки и отрицание общественных норм как субъективные факторы. В компетенцию педагога входит не только диагностика несовершеннолетних, но и всех членов его семьи,

а также лиц, их замещающих и ближайшего окружения подростка. И все же цель привлечения педагога в следственные действия – охрана психического здоровья несовершеннолетнего от травмирующего воздействия.

К сожалению, несмотря на весьма положительное положение педагога (психолога) как участников уголовного судопроизводства, которое мы рассмотрели выше, стоит обратиться к тому, что в законодатель РФ не предусматривает определения психолога как такового, хотя рассматривает педагога, который в соответствии с п. 62 ст. 5 УПК РФ признается «педагогическим работником, выполняющим в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся». Таким образом, понятие «психолог» не нашло своего законного закрепления в уголовно-процессуальном кодексе законодательства Российской Федерации. На наш взгляд, этот аспект требует рассмотрения. Вторым дискуссионным моментом представляется опыт и стаж работы педагога (психолога) как участников уголовного судопроизводства. Законодатель не установил требований к рассматриваемым участникам, следовательно, обращаясь к понятию педагога, данного в п. 62 ст. 5 УПК РФ, можем сделать вывод, что в качестве педагога следователь может привлечь работника образовательной организации с опытом как одна неделя, так и пару месяцев. На наш взгляд, привлечение педагога (психолога) без опыта работы и стажа может оставить негативный отпечаток на ходе дела, следственного действия. Таким образом, при выборе педагога (психолога) необходимо учитывать его опыт работы с несовершеннолетними. Проведем сравнительный анализ участия педагога (психолога) в следственных действиях в соответствии с УПК РФ и УПК Азербайджанской Республики (далее – УПК АР). В соответствии со ст. 432.5 УПК АР участие рассматриваемого субъекта уголовного судопроизводства предусматривается не только при проведении допроса. Педагог (психолог) выступает в роли участника всех следственных действий, предусмотренных данной статьей и законодательством. В соответствии со ст. 228 УПК АР педагог (психолог) представляется только участником допроса, так как несовершеннолетний здесь обладает статусом потерпевшего (свидетеля). Уже приобретая статус подозреваемого (обвиняемого), привлечение к участию педагога (психолога) представляется возможным в любых следственных действиях, т. е. законодатель не устанавливает ограничений на его участие лишь в допросе. Стоит также отметить, что согласно ст. 7.0.29 УПК АР специалист является «другим лицом, принимающим участие в уголовном процессе». Отметим, что в ст. 96.1 УПК АР установлено, что педагог, принимающий участие в допросе несовершеннолетнего потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого либо свидетеля, считается специалистом. Проводя анализ замечаем, что специалист в соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ рассматривается как помощник следователя, привлекаемый «для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию». На основе вышесказанного можем сделать вывод, что педагог (психолог) осуществляет несколько другие

задачи в уголовном судопроизводстве при проведении следственных действий, а именно оказывает содействие следователю или дознавателю в выборе оптимального стиля допроса с точки зрения педагогики, охватывая во внимание особенности несовершеннолетнего допрашиваемого, имея цель получить от него достоверные показания.

Все вышесказанное убеждает нас в том, что, участие педагога (психолога) в следственных действиях выступает гарантом защиты личности несовершеннолетнего, помимо соблюдения его прав и законных интересов на стадии предварительного расследования. Рассматриваемые участники уголовного судопроизводства играют немаловажную роль в том, чтобы психика несовершеннолетнего допрашиваемого не подверглась негативному воздействию. Педагог (психолог) выступает в качестве связующего звена, на которое несовершеннолетний может опереться и довериться. Также стоит отметить, что следователям необходимо учитывать, что педагог должен быть специалистом в определенной возрастной категории несовершеннолетних. Это связано в первую очередь с тем, что привлекать для участия в допросе обучающегося 4-го класса педагога, который преподает в старшей школе, представляется не логичным в силу того, что здесь важен именно опыт компетентного общения с детьми определенного возраста. В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации также не освещены обязанности, цели привлечения педагога (психолога) как участника уголовного судопроизводства. Остается открытым вопрос: вправе ли педагог (психолог) прерывать следственные действия, например допрос, если посчитает это необходимым, так как это может повлиять на ход допроса и его итог. Исходя из вышесказанного можем сделать вывод, что основная цель участия педагога (психолога) в следственных действиях – оказание содействия следователю при проведении следственных действий, оперировании следователем на ясном и привычном несовершеннолетнему языке понятий и вопросов, а также установления и поддержания психологического контакта между следователем и несовершеннолетним.

Список литературы

1. Применение экспертизы и других форм специальных познаний в советском судопроизводстве. Свердловск, 1984. С. 69–70.

2. Адигамова Г. З., Латыпов В. С. К вопросу о продолжительности времени допроса несовершеннолетнего // Актуальные проблемы криминалистической науки и практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Калининград : Калининградский юридический институт МВД России, 2008. С. 3–7.

3. Гусарова О. В. Проблема участия законного представителя в допросе несовершеннолетнего // Институт права : материалы XVI Общероссийской научной конференции «Державинские чтения». Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2011. С. 236–241.

4. Калугин Я. С. О соотношении понятий «педагог» и «психолог» в уголовном судопроизводстве по делам о преступлениях несовершеннолетних // Соци-

ально-экономическое управление: теория и практика. 2010. № 2 (18). С. 144–147.

5. Немцова А. В. Проблемы участия педагога в допросе несовершеннолетних свидетелей // Правопорядок в России: проблемы совершенствования : сборник статей. М. : Московский университет МВД России, 2011. С. 155–157.